
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 2(90), 2023 ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
по политическим наукам, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2023

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

ISSN 2225-8922

Журнал включен
в Перечень ВАК РФ

Учрежден

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Рег. № ПИ № ФС77-46176
от 12 августа 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory
Пятилетний
импакт-фактор журнала: 0, 376

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение 1, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Загуменов А.П.

Подписано в печать 24.02.2023

Формат 60×84/8. Объем 53

Печать офсетная.

Тираж – 1000 экз.

(1-й завод – 500 экз.)

Заказ №

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»

115054, г. Москва, ул. Щипок, 28

Тел.: (495) 651-84-56

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,

к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,

Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АВАЗОВ Камиль Халлиевич	д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)
АСТАВАЦАТУРОВА Майя Артасековна	д.п.н., профессор, Пятигорский государственный университет (Россия, г. Пятигорск)
БЛОХИН Владимир Владимирович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический университет (Белоруссия, г. Минск)
ВАНКОВСКА Биляна	профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)
ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна	д.п.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РГГУ (Россия, г. Москва)
ГОНЧАРОВ Пётр Константинович	д.с.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)
ГРАЧЁВ Михаил Николаевич	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ДЭМБЭРЭЛ К.	доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)
КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КРИБКОАНИЧ Борис	д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВА Елена Александровна	д.с.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВ Александр Данилович	д.и.н., профессор, МАИ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна	д.п.н., профессор, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ОРЛОВ Игорь Борисович	д.и.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
РУБАН Лариса Семёновна	д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)
СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна	д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
ХОЙЕРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет (Киргизия, г. Бишкек)
ШАРКОВ Феликс Изосимович	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
ЯН ФУЛИНЬ	проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)

Кетягин Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Насимова Г.О. (д.п.н.)

Шурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной биб-лиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Зальсин И.Ю.

Концепция насилия Х. Арендт 471

Кравченко В.И.

«Демократия» как понятие в аспектах политической философии
Платона и Джефферсона: сравнительный анализ..... 478

Лагузова М.А.

К вопросу о формировании и эволюции
славянофильских взглядов А.И. Кошелева 490

Федотова Л.А.

Политическая философия и идеальные конструкторы будущего
в произведении А.П. Казанцева «Сильнее времени» 498

Гочмурадова Г.

Сказание о Сиявуше в «Шахнаме» А. Фирдоуси:
политико-текстологический анализ 505

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Григорьев М.С.

Расизм и геноцид в идеологии украинского национализма
первой половины XX века (Часть II)..... 519

Упоров И.В.

ГУЛАГ в исправительно-трудовой системе СССР:
создание и политико-правовая характеристика 535

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Жирнов П.Л., Григорян Д.К.

Государственно-частное партнерство: основы концептуализации
в контексте политологического анализа становления
современного российского гражданского общества..... 542

Савельева А.Д.

Факторы политизации современного
гражданского активизма в России 553

Громов В.В.

Государственная молодежная политика:
некоторые зарубежные практики повышения уровня
политического участия молодежи 561

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Медведев Н.П.

Этнополитическая регионалистика:
история и современность (по материалам публикаций
в научных журналах 2022 года. Часть 2) 568

Тушков А.А., Максимова Т.Д.

Методология политического фрейма: от фрейм-анализа
к процессуально-ориентированному фреймированию
в контексте антропоцентричной парадигмы 579

Авазов К.Х.

Социально-политический анализ формирования
угрозоустойчивого общества 590

Фельдман П.Я., Прохватилев Г.В.

Становление сетевого корпоративизма в условиях новой
информационно-коммуникационной реальности 599

Нифтили Э.

Nations and Nationalism then and Today/
Нации и национализм тогда и сейчас 608

Вильнер И.А.

Цифровизация избирательного процесса 618

Потапов Д.В.

Традиции формирования российской
партийно-политической системы 638

Абдулазизов К.М.

Перспективы и динамика эволюции
парламентаризма в Грузии 648

Иванова Л.А.

Региональные измерения политики в контексте
функционирования политической элиты субъектов
Российской Федерации (на примере Астраханской области) 657

Шовин Н.С.

Региональные политические элиты как креативный класс
(на примере Ростовской области) 666

Глебздин А.В.

Новостные фейки как средство разрушения государства
(опыт ретроспективного политологического анализа) 676

Макимова С.А.

Фандрайзинг в сфере противодействия наркотизму
в системе государственно-конфессиональных отношений..... 687

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Афонин М.В., Кудрявцев С.А., Кривова А.Л.

Environmental Restrictions and Politics/
Экологические ограничения и политика 696

Фомин Д.А., Григорян Д.К.

Социальная ответственность бизнеса как институт
гражданского общества в современной России 702

Бодров А.К.

Развитие институтов цифровизации в России
и их роль во взаимодействии центра и регионов..... 712

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Чемшит А.А.

Специальная военная операция на Украине
как мера необходимой самообороны 725

Новосельский С.О., Булавина М.А.

Сущность и значение государственной политики
в сфере межрелигиозного диалога
в условиях геополитической нестабильности..... 733

Рахимов К.Х., Цю Шуанишун.

Американский фактор
в китайско-южнокорейских отношениях..... 746

Палуаниязов Б.

Стратегические направления технологий
противодействия социально-политическим угрозам
в Центральноазиатском регионе..... 754

Давыдов С.Д.

Информационная политика США
в Африке в первой половине 2010-х гг..... 761

Карнаухова Е.А.

Кризис режима ядерного нераспространения:
факт или риторика? (Часть I) 771

Савлан Р.А.

Глобальные эпидемии как гуманитарная проблема современности..... 782

Талиб Мохаммед Нассер Мохаммед

Роль интервенции коалиционных сил арабских государств в Йемен..... 790

Филатов О.В.

Подходы НАТО к обеспечению информационной безопасности: от общих киберугроз до злонамеренного использования искусственного интеллекта..... 801

Чжоу Цинчао

Роль тайваньского фактора в китайско-американских отношениях: сдерживание Китая и укрепление сотрудничества США с Тайванем..... 812

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Галанина Д.С.

«Крепкий ли брак» у искусственного интеллекта и международных отношений?..... 819

Израелян А.Н.

Поворот Армении на Запад?..... 826

Комаров К.С.

Индо-Пацифика: Pax-Americana или Pax-Sinaca 833

Ли Сяньбо

Международные отношения в условиях глобализации 841

Ли Чэньчэнь

К проблеме о внесении изменений и дополнений в Конституцию стран Центральной Азии..... 851

Санжаров В.А.

Современные тенденции спортивной психологии в российском обществе..... 859

НАШИ АВТОРЫ	866
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	874
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ	876

CONTENTS

Academic journal
"Political Science Issues"
Volume 13, Issue 2 (90), 2023

HISTORY AND THEORY OF POLITICS

Zalysin I. Yu.

The Concept of Violence by Hanna Ahrendt 477

Kravchenko V.I.

"Democracy" as a Concept in Aspects of the Political Philosophy
of Plato and Jefferson: a Comparative Analysis 488

Laguzova M.A.

To the Question of the Formation and Evolution
of Slavophile Views of A.I. Koshelev 497

Fedotov L.A.

Political Philosophy and Ideal Constructs of the Future
in A.P. Kazantsev's Work "Stronger Than Time" 503

Gochmyradova G.

The Legend of Siavash in the "Shahnameh"
by A. Firdousi: Political and Textual Analysis 518

POLITICAL HISTORY

Grigoriev M.S.

Racism and Genocide in the Ideology of Ukrainian Nationalism
in the First Half of the XX Century (Part II) 534

Uporov I.V., Perlik M.I.

Gulag in the Punishment System of the Soviet State: Establishment
and Political and Legal Characteristics 541

POLITICAL SOCIOLOGY

Zhirnov P.L., Grigorian D.K.

Public-Private Partnership: Bases of Conceptualization
in the Context of Political Science Analysis of the Formation
of Modern Russian Civil Society 551

Savelyeva A.D.

Politization Factors of Modern Civil Activism in Russia 560

Gromov V.V.

State Youth Policy: Some Foreign Practices of Increasing
the Level of Political Participation of Young People 567

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Medvedev N.P.

Ethno-Political Regionalistics: History and Modernity.
(Based on Publications in Scientific Journals 2022. Part 2) 578

Tushkov A.A., Maksimova T.D.

Political Frame Methodology: From Frame Analysis
to Process-Oriented Framing in the Context
of the Anthropocentric Paradigm 589

Avazov K.H.

Social and Political Analysis of Formation
of a threat Resistant Society 598

Feldman P.J., Prokhvatilov G.V.

The Formation of Network Corporatism
in the New Information and Communication Reality 607

Nifili E.

Nations and Nationalism then and Today 608

Vilner I.A.

Digitalization of the Electoral Process 637

Potapov D.V.

Traditions of the Formation of the Russian Party-Political System 647

Abdulazizov K.M.

Prospects and Dynamics of the Development
of Parliamentarism in Georgia 656

Ivanova L.A.

Regional Dimensions of Politics on the Example of the Functioning
of the Political Elite of the Subjects of the Russian Federation
(on the Example of the Astrakhan Region) 665

Shovin N.S.

Regional Political Elites as a Creative Class
(by the Example of the Rostov Region) 675

Glebezdin A.V.

News Fakes as a Means of Destroying the State
(Experience of Retrospective Political Analysis) 686

Maximova S.A.

Fundraising in the Field of Countering Drug Addiction
in the System of State-Confessional Relations 695

PUBLIC ADMINISTRATION AND SECTORAL POLICIES

<i>Afonin M.V., Kudryavtsev S.A., Krivova A.L.</i> Environmental Restrictions and Politics.....	697
<i>Fomin D.A., Grigoryan D.K.</i> Social Responsibility of Business as a Civil Society Institution in Modern Russia	710
<i>Bodrov A.K.</i> Development of Digitalization Institutions in Russia and their Role in the Interaction of the Center and Regions.....	724
THEORY AND HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY	
<i>Chemshit A.A.</i> Special Military Operation in Ukraine as a Measure of Necessary Self-Defense	732
<i>Novoselsky S.O., Bulavina M.A.</i> The Essence and Significance of State Policy in the Sphere of Inter-Religious Dialogue in Conditions of Geopolitical Instability	744
<i>Rakhimov K.Kh., Qiu Shuangshuang</i> The American Factor in Sino-South Korean Relations.....	753
<i>Paluaniazov B.</i> Strategic Directions of Technologies to Counter Socio-Political Threats in the Central Asian Region	760
<i>Davydov S.D.</i> US Information Policy in Africa in the First Half of the 2010s.....	770
<i>Karnaukhova E.A.</i> The Crisis of the Nuclear Nonproliferation Regime: Really Existing Fact or Just Rhetoric?	781
<i>Savlan R.A.</i> Global Epidemics as a Humanitarian Problem	789
<i>Talib Mohammed Nasser Mohammed</i> The Role of the Intervention of the Arab Coalition Forces in Yemen.....	800
<i>Filatov O.V.</i> NATO's Approaches to the Information Security: from Common Cyber Threats to Malicious Use of Artificial Intelligence	811

Qingchao Zhou

The Role of the Taiwan Factor in Sino-US Relations:
Containing China and Strengthening US Cooperation with Taiwan 818

STUDENT SCIENCE

Galanina D.S.

Is a Strong Marriage in Artificial Intelligence
and International Relations? 825

Israeli A.N.

Armenia's Turn to the West? 832

Komarov K.S.

Indo Pacific: Pax-Americana or Pax-Sinaca 840

Li Xuanbo

International Relations in the Conditions of Globalization 850

Li Chenchen

Towards a Constitutional Amendment in Central Asia 858

Sanzharov V.A.

Modern Trends in Sports Psychology in the Russian Society 865

OUR AUTHORS 870

DEMANDS FOR MANUSCRIPTS 874

EDITORIAL BOARD 876

И.Ю. ЗАЛЫСИН

*доктор политических наук, профессор
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

КОНЦЕПЦИЯ НАСИЛИЯ Х. АРЕНДТ

Статья посвящена анализу работы Х. Арендт «О насилии», в которой излагаются ее теоретические представления о сущности насилия и его роли как политического инструмента. Раскрыт подход Х. Арендт к соотношению понятий «власть», «мощь», «сила», «авторитет» и «насилие». Особое внимание уделяется пониманию Х. Арендт особенностей насилия как средства в политике: его непредсказуемости, иррациональности, способности проникать во все сферы общества и др. Рассмотрена трактовка политическим философом проблемы оправданности насилия. Показана актуальность концепции Х. Арендт в современных условиях.

Ключевые слова: *Х. Арендт, насилие, власть, авторитет, средства власти, эффективность насилия, оправданность насилия.*

XXI век ознаменовался резким обострением конфликтов, как внутриполитических, так и международных, в которых все более широко используется насилие в различных формах: войны, терроризм, перевороты и т.д. Этот процесс вызывает повышенный научный интерес к проблеме использования насилия в политике, к теоретическому наследию в данной области.

Значительный вклад в формирование теоретико-методологической основы изучения политического насилия внесла Х. Арендт – выдающийся философ, политолог, историк прошлого столетия. Ее представления о сущности и роли насилия как политического инструмента раскрыты в работе «О насилии» [1], написанной в 1969 г., но сохраняющей свою актуальность.

В своем исследовании Х. Арендт подчеркивает, что насилие является атрибутом общественной жизни, по ее мнению, оно всегда играло «в человеческих делах» огромную роль [1. С. 13]. Вместе с тем, автор отмечает существование определенного «культа насилия», сторонники которого склонны преувеличивать его эффективность и значимость в качестве инструмента достижения социальных целей и даже рассматривать «как проявление жизненной силы и в особенности творческой способности»

(Ж. Сорель, О. Шпенглер, Ф. Фанон и др.) [1. С. 81]. Для Х. Арендт такая апология неприемлема, в своей работе она стремится дать взвешенную оценку насилию.

Прежде всего, Х. Арендт рассматривает сущность насилия, отделяет его от близких понятий, которые зачастую смешиваются в политических исследованиях: «Мне кажется довольно прискорбной характеристикой текущего состояния политологии то, что наша терминология не проводит различия между такими ключевыми словами, как «власть» (power), «мощь» (strength), «сила» (force), «авторитет» (authority) и, наконец, «насилие» (violence) – которые обозначают несовпадающие, различные феномены и в ином случае вряд ли существовали бы» [1. С. 50]. Вывод Х. Арендт актуален до сих пор, поскольку и сейчас в политической науке отсутствует ясность в понимании сущности насилия [7. С. 65].

По мнению Х. Арендт, власть «принадлежит группе» и «возникает всякий раз, когда люди собираются вместе и действуют согласованно» [1. С. 61]. Она не носит инструментальный характер, не является средством. В этом Х. Арендт расходится с М. Вебером, который рассматривал власть как возможность социального субъекта осуществлять свою волю [3. С. 46]. В своем понимании власти Х. Арендт исходит из «консенсусно-солидаристской позиции, в рамках которой источником власти признается способность социума к самоорганизации, к осознанному упорядочению и воспроизводству образцов взаимодействия, к определению общих целей, значимых для сохранения его идентичности и целостности» [2. С. 75].

В отличие от власти мощь, считает Х. Арендт, – это «свойство, присущее объекту или лицу», а понятие «сила» следует «использовать исключительно для обозначения энергии, производимой физическими или социальными движениями». Отличительным признаком авторитета в понимании Х. Арендт является «безусловное признание со стороны тех, от кого требуют повиновения», т.е. его основа – уважение [1. С. 52-54].

Что же касается насилия, то автор не дает в работе определения этого понятия, но упоминает его различные формы: политические убийства, войны, терроризм, вооруженные восстания, революции, пытки, геноцид и т.д. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Х. Арендт трактует насилие как физическое принуждение. Представляется, что такой подход является вполне обоснованным, позволяющим более четко определить границы понятия «политическое насилие» [6. С. 19].

Х. Арендт акцентирует внимание на важнейшее свойство насилия – его инструментальный характер: «Насилие по природе инструментально; подобно всем средствам, оно всегда нуждается в руководстве и оправдании той целью, которой служит. А то, что нуждается в оправдании со стороны чего-либо иного, не может само быть сущностью чего бы то ни было» [1. С. 60].

Насилие, по мнению Х. Арендт, тесно связано с властью: «Хотя власть и насилие – несовпадающие феномены, обычно они появляются вместе» [1. С. 62]. Однако она категорически против их отождествления. Х. Арендт полагает, что ошибочное приравнивание насилия к власти исходит из традиционного представления о том, что любая власть основана на отношениях господства и подчинения. В качестве опровержения философ приводит в пример республику, форму правления, которая, по ее мнению, основана на согласии. Это суждение далеко не бесспорно, поскольку существует немало примеров использования насилия в республиканских государствах, как во внутренней, так и во внешней политике.

Х. Арендт выделяет следующие различия между властью и насилием:

1. Власть является «целью в себе», насилие – это средство.
2. Власть доминирует над насилием (это «первичный и господствующий фактор» в их отношениях) [1. С. 61, 62].
3. Власть нуждается в поддержке, а насилие – в орудиях: «Более того, одно из самых наглядных различий между властью и насилием состоит в том, что власть всегда нуждается в поддержке множества людей, тогда как насилие до определенного уровня может обходиться без такой поддержки, поскольку держится на орудиях (implements)» [1. С. 49].

С последним выводом автора трудно согласиться, поскольку, как показывает исторический опыт (например, войн США во Вьетнаме, в Ираке), отсутствие одобрения со стороны большинства общества заметно снижает эффективность политического насилия. Собственно, сама Х. Арендт признает в работе, что насилие нуждается в поддержке, о чем речь пойдет ниже.

Х. Арендт убеждена в том, что власть и насилие не только различаются по своей сути, но и противоположны: «Подведем итог: с политической точки зрения, недостаточно сказать, что власть и насилие – не одно и то же. Власть и насилие противоположны; абсолютное владычество одного из членов этой пары означает отсутствие другого. Насилие появляется там, где власть оказывается под угрозой, но, предоставленное собственному ходу, оно приводит к исчезновению власти» [1. С. 66].

По мнению Х. Арендт, чем больше насилия, тем меньше власти и наоборот. Можно согласиться в том, что использование насилия часто свидетельствует о слабости власти, о ее неспособности решать социально-политические и экономические проблемы менее разрушительными средствами. Однако в некоторых случаях объективные обстоятельства делают неизбежным и оправданным обращение к насилию, но это не означает, что власть проявляет слабость (например, в случае отражения внешней агрессии).

Х. Арендт дает характеристику насилию как инструменту власти. Она считает насилие орудием разрушения, а не созидания: «Насилие всегда способно разрушить власть; из дула винтовки рождается самый действенный

приказ, приводящий к самому немедленному и полному повиновению. Но власть родиться оттуда не может никогда» [1. С. 63].

Автор невысоко оценивает возможности «голого насилия»: «Никогда не существовало правительство, которое бы опиралось исключительно на средства насилия...» [1. С. 59]. Действительно, история знает примеры диктатур, широко использовавших насилие (нацистская и др.), но при этом они опирались не только на насилие, но и на другие средства удержания власти (экономические, пропагандистские и др.)

Х. Арндт отмечает еще одну черту насилия как политического средства – непредсказуемость. Конечную цель любого «человеческого действия» трудно предвидеть, а действия, сопровождаемого насилием, в еще большей степени. Оно, по мнению Х. Арндт, «таит в себе дополнительный элемент произвольности». Нигде, утверждает автор, «удача или неудача, не играет столь судьбоносную роль в человеческих делах, как на поле битвы» [1. С. 8-9].

Одним из факторов, который предопределяет непредсказуемость насилия, является наличие в нем значительного элемента иррациональности: «Насилие, как это всем известно, часто возникает из ярости, а ярость действительно может быть иррациональной и патологической...» [1. С. 73]. Исходя из этого, Х. Арндт считает, насилие более эффективно в краткосрочной перспективе: «... Поскольку, когда мы действуем, мы никогда не знаем сколько-нибудь достоверно итоговых последствий того, что мы делаем, то насилие может оставаться рациональным лишь в том случае, если преследует краткосрочные цели» [1. С. 92].

Х. Арндт подмечает другую важную особенность политического насилия – способность глубоко проникать в социальную ткань общества, деформировать политические институты, усиливая в них авторитарные тенденции: «... Опасность насилия, даже если оно сознательно удерживается в неэкстремистских рамках краткосрочных целей, состоит в том, что средства могут возобладать над целью. Если цель не будет достигнута быстро, то результатом этого будет не просто поражение, а введение практики насилия в политический организм в целом. Практика насилия, подобно всякому действию, меняет мир, но самой вероятной переменной будет перемена к более насильственному миру» [1. С. 93-94]. Политическая история полностью подтверждает правоту Х. Арндт.

И наконец, в работе говорится таком признаке насилия, как высокая социальная цена. Автор подчеркивает, что современные инструменты насилия достигли такой разрушительной силы, что зачастую делают бессмысленной победу тех политических субъектов, которые их используют: «Техническая эволюция орудий насилия достигла сейчас такой стадии, что уже невозможно представить какую бы то ни было политическую цель, которая соответствовала бы их разрушительному потенциалу или оправдывала бы их

практическое применение в вооруженном конфликте». При этом урон наносится обеим сторонам, а не только противнику: «Замена власти насилием может принести победу, но цена ее будет очень высока, ибо за эту победу расплачиваются не только побежденные, но и победитель – своей собственной властью» [1. С. 7, 63].

Следует отметить, что эти слова были написаны во второй половине XX века. С тех пор деструктивные последствия применения даже обычных вооружений значительно возросли, не говоря уже об оружии массового поражения. Теперь вооруженные конфликты неизбежно связаны с огромным количеством разрушений и жертв среди мирного населения, несмотря на попытки их ограничить.

Х. Арендт анализирует факторы, которые повышают эффективность действий, совершаемых с использованием насилия. В частности, она отмечает важность организованности субъектов насилия, показывает на примере Вьетнамской войны превосходство плохо вооруженного, но хорошо организованного противника [1. С. 60]. Опыт современных асимметричных войн – доказательство правильности рассуждений Х. Арендт.

Еще одним фактором относительной успешности насилия, по мнению Х. Арендт, является его поддержка со стороны общества, важность которой она все-таки признает: «Когда приказы уже не исполняются, средства насилия становятся бесполезны... Отдельные люди, не располагающие поддержкой других людей, никогда не имеют достаточно власти, чтобы успешно применять насилие» [1. С. 57, 60].

Как мы видим, Х. Арендт дает, в целом, критическую оценку насилия как политического инструмента. Однако она полагает, что оно может быть в определенных случаях оправданным («но никогда не будет легитимным») [1. С. 62]. Во-первых, в случае обороны от нападения: «никто не ставит под вопрос использование насилия при самообороне». Во-вторых, если оно направлено «против отдельных индивидов, которые, можно сказать, отказываются подчиниться консенсусу большинства», т.е. «преступников или мятежников» [1. С. 60, 62].

Представляется, что этот вывод Х. Арендт нуждается в уточнении. Он, несомненно, актуален для демократических режимов, где использование государственного насилия для подавления антиправительственных беспорядков, бунтов оправданно, поскольку в условиях демократии есть возможности для легальной политической деятельности. В тоталитарных режимах власть также может пользоваться поддержкой населения, но вряд ли «восстание против тирании и угнетения» [4. С. 1] в условиях такого режима можно рассматривать как неоправданное с политической или моральной точек зрения, а соответственно, его подавление – как оправданное.

Наконец, Х. Арендт полагает, что насилие в отдельных случаях может быть средством драматизации политической борьбы и оправданно

как способ привлечения внимания к каким-то общественным проблемам. В качестве подтверждения своей позиции она приводит слова Уильяма О'Брайена, ирландского агрария и националиста XIX века: «Иногда насилие – это единственный способ, благодаря которому умеренность может быть услышана» [1. С. 92].

Исходя из вышесказанного, можно сделать определенные **выводы**. Несмотря на спорность некоторых положений, концепция Х. Арендт вносит большой вклад в формирование научного представления о сущности насилия, его специфике и роли как политического инструмента [5]. Она не утратила актуальности и в современных условиях. В частности, вывод о том, что использование насилия сопряжено с непредсказуемыми последствиями, возможной деформацией поставленных целей и т.д. Х. Арендт не придерживалась принципов абсолютного ненасилия, но призывала не делать из насилия «культ», не предаваться иллюзиям по поводу его созидательных возможностей. Эти и другие выводы делают творческое наследие Х. Арендт теоретически и практически значимым в наши дни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Арендт Х.* О насилии. М., 2014.
2. *Бойцова А.Ю.* Концепция Ханны Арендт в современном дискурсе политической власти // «Русская политология – Russian political science». 2018. № 1 (6).
3. *Вебер М.* Политические работы, 1895-1919. М., 2003.
4. Всеобщая декларация прав человека. S.L., 2015.
5. *Давлетшина А.М.* Насилие в рефлексии австрийских и немецких интеллектуалов еврейского происхождения (Х. Арендт, Э. Фёгелин, Л. Штраус) // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17. № 2.
6. *Залысин И.Ю.* Политическое насилие (теоретико-методологический анализ). Автореф. дис... д-ра полит. наук. М., 1995.
7. *Семенова Р.У.* Ханна Арендт о политической власти и насилии // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 4.

I. Yu. ZALYSIN

*Doctor of political sciences, professor
of Russian Academy of National Economy and Public
Administration (RANEPA),
Moscow, Russia*

THE CONCEPT OF VIOLENCE BY HANNA AHRENDT

The article is devoted to the analysis of H. Arendt's work "On Violence," which outlines her theoretical ideas about the essence of violence and its role as a political instrument. H. Arendt's approach to the correlation between the concepts of "power," "strength," "force," "authority" and "violence" is disclosed. Particular attention is paid to H. Arendt's understanding of the features of violence as a mean in politics: its unpredictability, irrationality, ability to penetrate into all spheres of society, etc. The political philosopher's interpretation of the problem of the justification of violence is considered. The relevance of H. Arendt's concept in modern conditions is shown.

Key words: *H. Arendt, violence, power, authority, means of power, effectiveness of violence, justification of violence.*

В.И. КРАВЧЕНКО

*доктор философских наук, доцент, профессор
кафедры истории философии Санкт-Петербургского
государственного университета аэрокосмического
приборостроения,
Россия, г. Санкт-Петербург*

«ДЕМОКРАТИЯ» КАК ПОНЯТИЕ В АСПЕКТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА И ДЖЕФФЕРСОНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Общеизвестно, что среди различных форм правления демократическая форма является перманентно актуальной на все времена. Прежде всего, это связано с античным происхождением самого слова «демократия» субстанциональной основой которого является демос (народ). В новых политических условиях информационного мира, демократическая форма правления по-прежнему актуальна, но полисемантизм ее понимания как философской категории требует уточнения не только самого понятия «демократия», но мировоззренческого восприятия человеком происходящих политических изменений в обществе. Наконец, исследования существа демократии всегда востребованы, поскольку они расширяют политическую сферу представлений о самом феномене демократической власти, а также лучше всего отражают происходящее в мире, в политике, в человеческой жизнедеятельности. Существующие исследования данной темы, на наш взгляд, порождают больше вопросов, чем ответов, что поддерживает высоту актуальности заданной темы. Существующие научные подходы с разных сторон раскрывают теоретическую основу самой проблемы демократической власти, в то время, как современные требования жизни, диктуют нам исследования практической стороны вопроса, а именно, возможностей появления новой формы народовластия «управляемая демократия». Непосредственным предметом обсуждения, является сравнительный анализ понимания демократии в философии Платона и Джефферсона, а также возможности ее политической метаморфозы в условиях современного информационного мира.

Выводы: *Платоновская конструктивная критика античной демократии предполагает создание «идеальной демократии в идеальном*

государстве», где главным является народ (демос). Актуальность подобных замыслов проявилась в условном возрождении демократии XVIII века, когда Джефферсоновская критика американской демократии сводится к признанию народа «хранилища» власти, при этом права человека доминируют как основа власти. Дальнейшие преобразования демократической формы правления просматриваются в перманентном изменении как «начало бесконечности», но в качестве промежуточной стадии развития демократии, автор называет российскую управляемую демократию в качестве местного самоуправления.

Ключевые слова: Демократия, народ, самоуправление, человек, свобода, выбор, интерес, общество, ценность, харизма, законность, право, образование, выбор, власть, управляемая демократия.

Введение. В современной науке общеизвестным фактом является понимание демократии (власть народа) – как системы управления государством, источником власти в которой является сам народ, который решает, какие законы и нормы необходимы для развития государства. Таким образом, каждый человек в демократическом обществе получает определенный набор свобод и обязательств сформированных с учетом интересов всего сообщества. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что демократия дает возможность человеку свободно участвовать в непосредственном управлении своим государством. Такое понимание «демократии» как философской категории для современной реальности больше желаемое, чем действительное, поскольку «власть народа над народом», – по существу не только декларативная, но и мифическая. Любое народное правление как любая власть требуют конституционного обеспечения ряда прав и свобод для каждого члена общества [5]. История свидетельствует, что до XVIII века наиболее известной моделью была прямая демократия, где граждане осуществляют свое право принятия политических решений непосредственно, за счет достижения консенсуса или с помощью процедур подчинения меньшинства большинству. В представительной демократии народ осуществляет то же право через избранных ими депутатов и это актуально в ряде современных государств, однако это мало отражает специфику современной демократии. Оставаясь бесспорно актуальным на все времена, демократия как философская категория видоизменяется под воздействием политической структуры общества. Наиболее ярко, на наш взгляд, политический «перформанс» просматривается при сравнительном анализе демократического устройства в разные эпохи. Сравнивая античность и современность, становится очевидным, что «сегодняшнее понимание демократии охватывает не только выборность правителей, но и *гарантии политической оппозиции* на соучастие в управлении обществом или *открытую критику* правительственного

направления» [2. С. 84], что с особой очевидностью наблюдается в современной России.

Содержание исследования. Анализ существующих теоретических моделей и концепций демократии показывает различие подходов к определению и характеристике демократии, неоднозначность понимания ее сущности. Вместе с тем различные концепции демократии отражают и реальный опыт существования и развития многообразных форм демократических политических систем, опираясь тем самым на эмпирический подход. Кроме этого, существующие различия в интерпретации политической демократии и механизмах ее реализации наглядно иллюстрируют многообразные теории демократии. На наш взгляд, сравнительный анализ понимания демократии в аспектах политической философии Платона и Джефферсона, способствует глубокому осмыслению сущности и особенностей демократии на примере современной России. Если исходить из традиционного понимания демократии, (от греч. *δημος* – земля, область, народ и *κράτος* – сила, могущество, власть), то ее основным критерием будет вопрос – *кому быть у руля*. Неудивительно, что сегодня в различных дискуссиях относительно демократии приоритетным является мнение античного мудреца – философа V-IV вв. до н.э. Платона. В одном из главных своих трактатов – «Государство» Платон, размышляя о демократии, не дает определения ее, однако предлагает свое понимание «конструкта демократии», а именно:

«Демократия, на мой взгляд, осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию» [6. С. 346].

Не отвергая существующие формы правления, Платон «навязывает» «диктаторские» методы управления, такие как: заставить людей жить в счастье и согласии, сделать все общественным вплоть до жен и ряд других. Такой конструктивизм Платона подтверждает намерения его создать «идеальное государство», а вместе с ним и «идеальную» демократию как власть бедняков. Как видим, Платон допускает наличие демократии как формы правления только в случае, когда бедняки и малоимущие (*первый условный класс*) проявят силу и уничтожат своих «правителей» противников, при этом власть народа понимается Платоном как нечто коллективное, требующее уточнения.

«Прежде всего, это будут люди свободные: в государстве появляется полная свобода и откровенность и возможность делать, что хочешь... в демократическом государстве нет никакой надобности принимать участие в управлении, даже если ты к этому способен» [6. С. 347].

Интересен также и основной метод замещения государственных должностей – «жребий», позволяющий в современных условиях обрести

особую актуальность в политической реальности. На первый взгляд, такой государственный строй самый лучший из числа «идеальных устройств». Однако, не имея должного управления, такой демократический строй является «идеальным», но нереальным, а вся метаморфоза демократии может создать условия для возникновения тирании. Такое возможно, когда в условиях «недемократичной» демократии «граждане перестают почитать законы, как писанные, так и неписанные», а так называемая свобода оборачивается рабством и произволом. Причем, свои опасения Платон подтверждает примерами из ряда демократических обществ [6]. Далее Платон описывает «демократического» человека (*условно второй класс*) который должен воспитываться в рамках демократического или иного правления. Результативность такого рода воспитания демократического человека, по мнению философа, зависит от самого общества, или среды обитания человека, реализующего свои потребности «вожделения». Сам процесс формирования демократического человека отмечен Платоном как переход от олигархического типа к демократическому.

«Когда юноша, выросший без должного воспитания и в обстановке бережливости, вдруг отведает меда трутней и попадет в общество опасных и лютых зверей, которые способны доставить ему всевозможные наслаждения, (читай вожделения) это – то и будет началом перехода от олигархического типа к демократическому» [6. С. 350].

Описывая «тернистый» путь воспитания человека (юноши), Платон предостерегает его от нравственного падения, когда наглость называют просвещенностью, разнузданность свободой, а бесстыдство мужеством, поскольку.

..... «в дальнейшем его хвастливые речи... в битве с бережливым началом... одержат верх и с бесчестьем, как изгнанницу, вытолкнут вон стыдливость, обозвав ее глупостью, а рассудительность назовут недостатком мужества и выбросят ее, закидав грязью... Опорожнив и очистив душу юноши, ...они затем низведут туда... наглость, разнузданность, распутство и бесстыдство, увенчивая их венками и прославляя в смягченных выражениях: наглость они будут называть просвещенностью, разнузданность – свободой, распутство – великолепием, бесстыдство – мужеством» [6. С. 352-353].

Не случайно «болезнью» такого праздного демократического государства Платон называет появление особого рода людей, праздных и расточительных, под названием трутни. «При демократическом строе они, за редкими исключениями, чуть ли не стоят во главе: самые ядовитые из трутней производят речи и действуют, а остальные усаживаются поближе к помосту, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе. Выходит, что при таком государственном строе всем, за исключением немногих, распоряжаются подобные люди» [7. С. 358]. Помимо трутней как определенного «класса» своевольников, философ выделяет класс дельцов, т.е. богатых людей,

у который трутни «берут больше меда». Таких богатых дельцов Платон называет «сотаи трутней». Наконец, (*третий условный класс*) в платоновско-демократическом государстве называется народ. Именно народ обладает наибольшим влиянием в демократическом обществе, особенно когда эти люди вместе. Будучи уверенным, что народ как самая многочисленная сила может жестоко расправиться с клеветниками и обманщиками, Платон предупреждает «*третий условный класс* народ», о том, что само проявление народного зла может быть результатом провокационных действий со стороны трутней. Таким образом, «идеальная» модель государственного устройства Древней Греции, сегодня оказалась перманентно-актуальной для развития любого общественного строя с учетом существующих реалий. Не забыл Платон и о творцах на поприще искусства, инженерах человеческих душ в лице трагических поэтов: «Обходя... государства, собирая густую толпу, подрядив исполнителей с прекрасными, сильными, впечатляющими голосами, они привлекают граждан к тирании и к демократии... Они получают вознаграждение и им оказываются почести... со стороны тиранов, а на втором месте и от демократии» [7. С. 358]. В данном случае, следует заметить, что платоновская конструктивная критика современной ему демократии, логично «вписывается» в парадигму его классификации государственного устройства. Как известно, Платон выделяет 5 типов государства, из которых «хорошим и правильным» является один – *царский* (или аристократический), а четыре остальных являются порочными: тимократия, олигархия, демократия и тирания. В последнее время, по странному стечению обстоятельств, именно, третью (предпоследнюю) фазу болезни государства сегодня чаще всего «рекламируют» СМИ, как единственный путь в светлое будущее. На наш взгляд, нельзя не заметить определенный прогресс такого рода рекламирования идеи в сознание человека, а проще его «оболванивания», ибо «слово, пишет великий мыслитель, телом малое и незаметное, свершает оно божественные дела. Ведь оно может и страх пресечь, и горе унять, и радость вселить, и сострадание умножить» [1. С. 29]. Признавая актуальность вышесказанного, мы не можем не признать, что «...в демократическом государстве народных собраний и свободы слова дар красноречия впервые становится действительно необходимым, поскольку – он, делается кормчим веслом в руках государственного человека», которого классическая эпоха называет ритором» [4. С. 340]. Соглашаясь в целом с такими доводами, нельзя согласиться с моментом «самовыздоровления» общества, хотя последнее может нами только предполагаться сознанием и оставаться желаемым, но не действительным. В реальности «ментальная гордыня», провозглашающая древних мыслителей «недоумками», а современных ученых мужей воздвигающая на вершину человеческих знаний – это естественный результат рассмотрения всех процессов на Земле через призму идеи прогресса и в частности информационного мира. В действительности

же, само наше государственное устройство и тогда было и ныне является аристократией. Эта форма правления почти всегда доминирует в обществе и как бы ее не называли, но на самом же деле это правление «лучших с одобрения народа» [8], однако критерии отбора «лучших» чаще всего декларативны. Вместе с развитием общества как «живого» организма развивается и преобразуется демократия, однако, если прежние философские споры сводились к пониманию сущности демократии, то в конце XX века все чаще обсуждается вопрос о возможности преобразования ее в новый формат «управляемой демократии». Первым ярким всплеском преобразования демократии в новый формат принято считать начало XIX века. В это время классиком демократического устройства государства был признан третий президент США Джефферсон. Именно этот человек открыл новый этап «возрождения» демократии как политического строя. Его понимание демократии и поныне является воплощением не только американской мечты о свободе и равенстве, но и освободительных идеалов всего человечества.

«Демократия, – это не добровольный дар благосклонных богов», – пишет Джефферсон, отдавая дань уважения античным философам, «если мы не будем мудрыми и просвещенными, у нас в будущем может и не быть демократии..... за каждую ценность нужно бороться, чтобы ее сохранить» [8. С. 9].

Как видим, Джефферсон не только не отвергает демократию как форму правления, но и призывает к мудрому осознанию демократии и сохранению ее ценностей. Становится очевидным, что для Джефферсона демократия – это инструмент народной власти. Джефферсон, по аналогии с Платоновской идеальной моделью государства, предлагает свое видение будущего для народа. Кроме того, считая, наличие правительства в государстве необходимым и регламентируя его функции, он отводит доминирующую роль в государстве народу. На наш взгляд, регламентация Джефферсоном функций правительства, обусловлена опасением «покушения» правительства, как института власти, на всеобщую свободу.

«Существуют права, – писал Джефферсон в 1789 году, – которые не имеет смысла передоверять правительству и которые все правительства до сих пор всегда стремились нарушать. Это право мыслить и предавать гласности свои мысли устно или письменно; это право свободной торговли; это право на личную свободу и неприкосновенность» [8. С. 14].

В данном случае, Джефферсон не просто довольствуется констатацией прав простого народа, но предлагает претворять слова в дела через самоуправление, или самоуправление.

«Каждый человек и каждая общность людей, живущих на земле, – пояснял Джефферсон президенту Вашингтону в 1790 году, – обладают правом на самоуправление. Они получают его вместе с жизнью из рук природы. Личность осуществляет это право через свою индивидуальную волю,

общность людей – через волю большинства, так как закон большинства есть естественный закон каждого человеческого общества» [8. С. 14].

Сегодня, как показывает современная практика, в ряде российских регионов, наличие самоуправления, как формы государственно-демократического правления, гарантирует людям (народу) их право избирать и контролировать государственных и общественных ответственных лиц не из милости или соображений целесообразности, а в силу права, данного им самой природой и при этом, конституционный «лозунг» депутат – слуга народа, становится более правдивым. В настоящее время таких политических деятелей как Джефферсон, можно отнести к числу правителей, веривших в умственные и моральные силы человека и доверявших здравому смыслу человечества. История гласит, что человеку свойственно ошибаться, управляя самим собою, но у него всегда есть возможность осознанно исправлять собственные промахи, расширяя мировоззренческие границы.

«Там, где люди хорошо информированы, им можно вверить управление самими собой; когда же дела пойдут настолько плохо, что они начнут отдавать себе в этом отчет, на них можно будет положиться в том, что они смогут исправить ошибки» [8. С. 15].

С таким утверждением, на наш взгляд, можно согласиться только в одном случае, а именно, когда «люди – управленцы» будут профессионалы своего дела, или, говоря словами Джефферсона «хорошо информированы». Важно также отметить, что главным элементом своей модели демократического общества Джефферсон называет людей (народ), а одной из фундаментальных элементов модели демократического общества, – образование народа. Очевидно, Джефферсон выступал за всеобщее народное образование не только ради того, чтобы демократия могла жить и быть эффективной, но и ради ее «возрождения» как формы народного правления.

«В нынешнем стремлении распространить на как можно большую часть человечества благословение образования я вижу перспективу великого продвижения вперед, к счастью всей человеческой расы» [8. С. 16].

По той же самой причине Джефферсон выступал за ничем не стесненную прессу, увязывая демократическую свободу человека с его правом читать свободную прессу. При этом цензура любого рода он называл тиранией над человеческим разумом.

«Наша свобода, – писал Джефферсон, – зависит от свободы печати, а свобода печати не может быть ограничена без того, чтобы не оказаться утраченной целиком, и я буду защищать их даже в праве лгать и клеветать» [8. С. 16].

Сегодня трудно не признать актуальность вопросов, связанных с защитой прессы (СМИ), однако сама история свидетельствует о невозможности решения проблемы диалектического соотношения власти и прессы. Очевидно СМИ, будучи одним из общественных политизированных

институтов общества, не может не приспособляться к существующим реалиям, а потому вопрос свободы прессы по-прежнему остается открытым. Тот же самый принцип прилагался и к книгам. Джефферсон говорил, что если приведенные в книге факты фальшивы – это должно быть доказано и если аргументация ложна – она должна быть опровергнута.

«Требовать, чтобы порицатели (критики) предпринимаемых обществом и государством мер подлежали наказанию, – это значит повторять требование волков из басни, чтобы овцы выдали им своих сторожевых собак как заложников мира и взаимного доверия, устанавливаемого таким вот образом между волками и овцами». (Письмо Джэйлсу от 17 декабря 1794 г.) [8. С. 17].

Рассматривая общество перманентно развивающимся, Джефферсон предвидел необходимые перемены цивилизации в человеческом обществе, поскольку ничто не вечно и ничто не застраховано от перемен. В этой связи представляется любопытным, с точки зрения права, мнение Джефферсона относительно незыблемости конституционного права.

«Есть люди, которые смотрят на конституции со священным благоговением и считают их подобием ковчега священного завета – слишком большой святыней, чтобы к ней можно было прикасаться. Они приписывают людям предшествующих времен мудрость, превышающую человеческую, и полагают, что все ими созданное уже не может быть как-либо исправлено или дополнено... Я, разумеется, отнюдь не сторонник частых и неоправданных опытом изменений в законах и конституциях... Но я также знаю, что законы и человеческие институты должны идти рука об руку с прогрессом человеческого разума... должны развиваться также и институты государства и общества, они также должны идти в ногу со временем» [8. С. 17].

Не смотря на то, что, актуальной такого рода критику в адрес права можно признать лишь условной, а высказывание Джефферсона о том, что каждое поколение людей... имеет право избирать для себя ту форму правления, которая, сочетается с его убеждениями, лишь декларативным, все же нельзя не признать, что Джефферсон рассматривает именно народ основной силой государственного преобразования [8].

«Из чего состоит государство? Не из вздымающихся ввысь брустверов и укрепленных высот. Не из толстых стен и крепостных ворот. Не из гордых городов с их коронованными шпилями и башнями! Нет, – из людей, высококоразумных людей, из людей, что знают свой долг, но знают и свои права и, зная, смеют отстаивать их и хранить! Они создают государство [8. С. 75].

Актуальность такого утверждения сегодня очевидна, поскольку в этих словах Томаса Джефферсона сформулирован фундаментальный принцип «идеально-платоновского демократического общества», а сам Джефферсон вошел в историю политической мысли как «мудрец демократии», сформулировавший фундаментальные демократические принципы,

которые определяют отношения свободных граждан с существующим правительством.

Анализируя парадигмы Платона и Джефферсона относительно понимания демократии в категориальном смысле слова, нельзя не заметить общее и особенное в рассуждениях великих мыслителей. Если предположить, что античный философ пытался объяснить субстанциональность самого понятия «демократия», то Джефферсон рассматривает возможности «возрождения» демократического устройства общества, применительно к существующей реальности. Кроме этого общего и одновременно особенного, можно выделить ряд принципиальных отличий в парадигмах Платона и Джефферсона.

1. Рассматривая демократию как власть народа, оба философа видят в демократии форму народной власти, некую «ценность» наряду со свободой, за которую надо бороться.

2. Философ античности Платон, выявляя пороки современной ему демократии, критически оценивает этот строй и правильным строем (государством) называет «царский» или аристократический, а в перспективе идеальным.

3. Политик Джефферсон обращает наше внимание на образование свободного государства, считая, что, «жизнь без свободы не стоит того, чтобы ее прожить, а основой любого государства называл народ» [8].

4. «Демократический человек» – рожденный формой демократического правления, может управлять народом, пишет Платон, в то время как у Джефферсона только «хорошо информированный человек» может управлять самим собой и другими.

5. Если «болезнью» своего «идеального государства» Платон называет появление особого рода людей «трутней» и «дельцов», которые развращают общество, то Джефферсон уповает на «правду», наличие которой в демократическом обществе поможет людям «научиться отвергать то, что фальшиво и вредно».

6. Наконец, только третий класс «народ», по мнению Платона, в «идеальном» государстве может жестоко расправиться с клеветниками и обманщиками ради оздоровления общества. Продолжая мысль Платона, Томас Джефферсон перспективу великого продвижения вперед к «счастью всей человеческой расы», – видел в образовании народа.

7. Сегодня Платоновская «идеальная» модель государственного устройства перманентно-актуальна для развития любого общественного строя, как не менее актуальной остается модель Джефферсона – «самоуправление» в обществе.

Выводы. Признавая демократию как понятие политической философии, логично признавать не столько вопрос власти – кому править («править должны люди»), сколько сам процесс обсуждения главного вопроса – «как

без применения силы избавиться от плохих правительств?» [3. С. 380]. Современный научный подход к исследованию демократии позволяет экспериментально объяснить роль существующих политических институтов власти, которые должны не защищать существующие теории, а наоборот подвергать их критике и проверке с целью обновления с учетом жизненных требований. На наш взгляд, именно постоянное обсуждение является непременным условием для нахождения верного ответа, а это, в свою очередь, – необходимое условие прогресса общества [3]. В этом смысле пророческими и всегда актуальными для нашего времени остаются слова философа Перикла:

«Мы не думаем, что открытое обсуждение, может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки при помощи выступлений с речами за и против», – Перикл «Погребальная речь», около 431 г. до н.э. [9].

Открытое обсуждение, на наш взгляд, способствует реформированию (возрождению) демократии как формы народного правления в диалектической прогрессии. В то время, когда античный философ, критикуя демократию и представляя «идеальную модель» будущего государства, определяет перспективу ее преобразования в соответствии с конкретно-исторической реальностью, Джефферсон предлагает «ренессанс» демократии на базе реалий XVIII века. Наконец, результативностью преобразований демократии условно можно назвать зарождение в России «управляемой демократии». Как известно, сам термин «управляемая демократия», был впервые введен президентом Индонезии Сухарто, когда речь шла о распределении голосов на выборах, однако в условиях современной России, этот термин чаще всего используют политологи для демократической приукрашки происходящих событий. Сегодня, политические преобразования в России, это диалектический процесс обновления не только политики, но и всей системы человеческого общества. Если представить сам процесс обновления общества «началом бесконечности» [3], то промежуточным итогом такого обновления можно считать «управляемую демократию» и прежде всего систему местного самоуправления. Применительно к России, мы можем сегодня говорить о становлении «новой» формы демократического правления – «управляемая демократия», реалии (реальности) которой являются полным противопоставлением существующим мифам. В условиях информационного мира, особенности российской «демократической действительности», на наш взгляд, тесно связаны с наличием двух факторов: личности лидера – харизматика и окружающей его элиты. При этом будущая Российская стабильность режимов на постсоветском пространстве целиком зависит, от того, насколько правящие группы сумеют нивелировать указанные факторы или хотя бы не допускать их одновременного действия. В этом случае,

сохранение сплоченности (солидарности) современных российских элит, и высокий уровень рейтинга лидера, – оказываются главными условиями удержания современной «авторитарно-демократической» власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Георгий*. Похвала Елене / пер. С. Кондратьева // Ораторы Греции. М.: Худож. лит., 1985.
2. *Дмитрук В.Н.* Общая теория государства и права: краткое изложение курса. Минск: Амалфея, 2009.
3. *Дойч Д.* Начало бесконечности. Объяснения, которые меняют мир / пер. с англ. 5 изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
4. *Йегер В.* Пайдейя. Воспитание Античного Грека / пер с нем. А.И. Любжина. М.: ГЛК, 2001. Т. 1.
5. *Кравченко В.И.* Демократия: мифы и реальности. Монография. СПб.: ГУАП, 2017.
6. *Платон*. Государство / пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. М.: Изд-во АСТ, 2017.
7. *Платон*. Диалоги. Менексен / пер. с древнегреч. С.Я. Шейман. Топштейн. М.: Мысль, 1986.
8. *Томас Джефферсон*. О демократии / сост.: Сол К. Падовер. СПб.: Лениздат, 1992.
9. *Фукидид*. История. II, 40. М.: Наука, 1981.

V.I. KRAVCHENKO

*Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of the History of Philosophy,
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
St. Petersburg, Russia*

"DEMOCRACY" AS A CONCEPT IN ASPECTS OF THE POLITICAL PHILOSOPHY OF PLATO AND JEFFERSON: A COMPARATIVE ANALYSIS

***Introduction.** It is well known that among the various forms of government, the democratic form is permanently relevant for all time. First of all, this is due to the ancient origin of the very word “democracy”, the substantive basis of which is demos (people). In the new political conditions of the information world, the democratic form of government is still relevant, but the polysemantic*

understanding of it as a philosophical category requires clarification of not only the very concept of "democracy", but also a person's worldview perception of ongoing political changes in society. Finally, studies of the essence of democracy are always in demand, since they expand the political sphere of ideas about the very phenomenon of democratic power, and also best reflect what is happening in the world, in politics, in human life. Existing studies of this topic, in our opinion, give rise to more questions than answers, which maintains the height of relevance of a given topic. Existing scientific approaches from different angles reveal the theoretical basis of the very problem of democratic power, while the modern requirements of life dictate to us the study of the practical side of the issue, namely, the possibility of the emergence of a new form of democracy (managed democracy)."The immediate subject of discussion is a comparative analysis of the understanding of democracy in the philosophy of Plato and Jefferson, as well as the possibility of its political metamorphosis in the conditions of the modern information world.

Conclusions: *Plato's constructive criticism of ancient democracy involves the creation of an ideal democracy in an ideal state,"where the main thing is the people (demos). The urgency of such designs was manifested in the conditional revival of democracy in the 18th century, when Jeffersonian critique of American democracy is reduced to the recognition of the people as the repositories of power, while human rights dominate as the basis of power. Further transformations of the democratic form of government are seen in permanent change as the beginning of infinity,"but as an intermediate stage in the development of democracy, the author calls the Russian managed democracy as local self-government.*

Key words: *Democracy, people, self-government, people, freedom, choice, interest, society, value, charisma, legitimacy, law, education, choice, power, managed democracy.*

М.А. ЛАГУЗОВА

аспирант факультета политологии

МГУ им. Ломоносова,

Россия, г. Москва

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ И ЭВОЛЮЦИИ СЛАВЯНОФИЛЬСКИХ ВЗГЛЯДОВ А.И. КОШЕЛЕВА

Статья посвящена истории обращения известного русского общественного и политического деятеля, успешного землевладельца и предпринимателя А.И. Кошелева к славянофильству. Основу исследования составляют работы мыслителя, его мемуарные «Записки...», а также биография А.И. Кошелева, составленная писателем и публицистом Н.П. Колюпановым. При написании применялся историко-политологический подход, сочетающий приемы и средства исторического анализа, историко-философской реконструкции, политико-текстологического анализа и использования элементов герменевтики.

В статье утверждается, что А.И. Кошелева можно отнести к славянофилам, не принимавшим непосредственное участие в разработке теоретической основы течения, но искренне разделявшим его идеи. При этом в отличие от многих его соратников славянофильство А.И. Кошелева имело преимущественно практический характер. Тому, чтобы мыслитель примкнул к известному направлению отечественной мысли XIX в., способствовало несколько обстоятельств, среди которых его общение с А.С. Хомяковым и И.В. Киреевским, интерес к философии и присутствие в идеологии славянофильства религиозного аспекта. Вместе с тем важнейшей причиной обращения А.И. Кошелева к славянофильству можно считать горячо поддерживаемые мыслителем усилия представителей течения содействовать уничтожению в России крепостного права.

Ключевые слова: *А.И. Кошелев, славянофильство, становление личности, эволюция взглядов, практическая деятельность.*

Сегодня Россия нуждается в консолидирующих началах: культурно-исторических ценностях, традициях, объективном анализе исторического опыта предшествующих поколений. Без сомнения, тезисы славянофилов могли бы способствовать объединению общества вокруг русской идеи и укреплению основ российской государственности. Поэтому переосмысление их

творческого наследия в условиях внешних политических, экономических и идеологических вызовов, всплеска русофобии видится актуальным.

Славянофилов нередко упрекают в теоретичности взглядов, архаичности и оторванности от реальной жизни. Отчасти это справедливо. Но был среди них человек, которого нельзя обвинить в излишней академичности – А.И. Кошелев. Какой путь в своем идейно-ценностном развитии он проделал? Что сподвигло А.И. Кошелева, убежденного шеллингианца в юности, стать известным славянофилом в зрелом возрасте? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть формирование и эволюцию его общественно-политических взглядов в неразрывной связи с особенностями воспитания, образования, окружения, историческими условиями и жизненными обстоятельствами.

Появившись на свет 9 (21) мая 1806 г. в Москве в дворянской семье отставного подполковника и дочери французского эмигранта, А.И. Кошелев получил отличное образование. Его отец, воспитанник Оксфордского университета, учил сына русскому языку, истории и географии, мать – французскому, дядя-немец – немецкому; позже А.И. Кошелев освоил греческий и латынь. Уже с 14 лет его учителями были профессора Московского университета. Наибольшее впечатление производили на него занятия по русской и классической словесности с А.Ф. Мерзляковым и по политическим наукам с Х.А. Шлецером. Именно последний смог привить молодому человеку интерес к немецкой науке и литературе. Поступив в 1822 г. в Московский университет «по словесному факультету», будущий славянофил оказался в числе «бунтовщиков», которые не захотели подчиняться решению Совета учебного заведения о необходимости «слушать не менее восьми профессоров» и в связи с этим подали просьбу об отчислении [1. С. 12]. Обучение в университете А.И. Кошелев находил для себя бесполезным занятием, где он и другие студенты «мало учились и много времени тратили напрасно» [1. С. 13]. Гораздо больше в этот период их увлекала немецкая философия и, прежде всего, работы Шеллинга.

Окончив университет в 18 лет и сдав экстерном экзамены, А.И. Кошелев поступил на службу в Московский архив Коллеги иностранных дел. К этому времени он состоял в двух обществах: литературном под председательством поэта-переводчика С.Е. Раича (Амфитеатрова) и тайном философском. Члены второго кружка, получившего название «Общество любомудрия», увлекались творчеством Э. Канта, Ф. Шеллинга, Л. Окена, И. Фихте, Й. Герреса и др. Для любомудров, по словам А.И. Кошелева, христианское учение тогда казалось «пригодным» «только для народных масс», а Спиноза был для них «много выше Евангелия и других священных писаний» [1. С. 15]. Размеренное течение жизни кружка было нарушено бурными историческими событиями – восстание декабристов и его последствия произвели на юношей сильное впечатление, ими овладели «ужас и уныние»,

а «будущее являлось более чем грустным и тревожным» [1. С. 19]. Аресты причастных и всеобщее волнение сплотили Любомудров, которые «почти желали быть взятыми и тем стяжать и известность, и мученический венец» [1. С. 18]. Их интерес к немецкой философии стал угасать, и умами молодых людей овладела политическая повестка. Как следствие, 14 декабря 1825 г. философский кружок распался. Однако участие А.И. Кошелева в литературном и философском обществах не прошло бесследно – славянофил приобрел «привычку к труду и «стремление к литературной деятельности, как к одному из общественных проявлений работы мысли в образованном человеке» [2. С. 75].

Большое влияние на А.И. Кошелева оказали его первые поездки по Европе 1831-1832 гг. Посетив Германию, Швейцарию, Францию и Англию, славянофил слушал лекции выдающихся деятелей того времени: Ф. Шлейермахера, И.В. Гете, Э. Ганса, Ф. Савиньи, О. Декандоля и др. Занятия по праву у П. Росси буквально поразили славянофила: «Этому доброму на меня влиянию ... Росси я весьма многим обязан по деятельности моей и по делу освобождения наших крепостных людей и по управлению делами в Царстве Польском» [1. С. 32]. В Париже А.И. Кошелев познакомился с Ф. Гизо, В. Кузеном, Ж. Мишле, А. Тьером, в Лондоне – с лордами Греем, Пальмерстоном и др. В июне 1832 г. в Англии А.И. Кошелев стал свидетелем принятия Билля о реформе, расширявшего права английской буржуазии. Однако интересные встречи и усердные занятия не смогли отвлечь А.И. Кошелева от дум о России, он так и «не сжился с заграничной жизнью» [2. С. 12]. Проведя за пределами Родины более года, А.И. Кошелев разочаровался в европейской жизни. Так, в декабре 1831 г., узнав название журнала И.В. Киреевского – «Европеец», А.И. Кошелев написал ему: «За имя твоего новорожденного хочется тебя ... побранить... Чем более узнаю европейцев, тем более утверждаюсь в мнении, что нет народа богаче одаренного, чем народ русский» [5. С. 125]. Славянофила мало занимали «политические и общественные интересы чужой страны», он всюду видел «впереди практическую деятельность на своей родине» [3. С. 12].

В 1833 г. славянофил поступил на службу в Московское губернское правление в должности советника первого отделения. В это время в жизни А.И. Кошелева произошли два важных события: женитьба на О.Ф. Петрово-Соловово и покупка у князя В.В. Долгорукова «очень значительного», но запущенного имения Песочня в Сапожковском уезде Рязанской губернии [3. С. 23]. Выйдя в 1835 г. в отставку, А.И. Кошелев «переехал в деревню и предался со страстью хозяйству» [1. С. 40]. В скором времени в имении был наведен порядок, и предпринимательская деятельность стала приносить значительный доход. Такое благополучное ведение дел имело, как минимум, два важных следствия:

– во-первых, получение А.И. Кошелевым финансовой независимости, которая давала ему возможность быть в значительной степени свободным в своих воззрениях и практических действиях;

– во-вторых, собственное видение жизни крестьянства, что убедило его в необходимости отмены крепостного права и в дальнейшем стало основой его предложений относительно решения крестьянского вопроса.

Проживание в деревне и занятие хозяйственной деятельностью не мешали встречам А.И. Кошелева в Москве с «добрыми приятелями Киреевскими, Елагиными, Хомяковыми, Свербеевыми, Шевыревыми, Погодиным, Баратынским и пр.», на которых «выказались *первые начатки борьбы* между нарождавшимся *русским* направлением и господствовавшим тогда *западничеством*» [1. С. 41-42]. По словам мыслителя, на тот момент «почти единственным представителем первого был Хомяков», а он сам, И.В. Киреевский и многие другие еще принадлежали к западничеству [1. С. 42]. Спустя годы А.И. Кошелев признавался: «Многие из нас вначале были яркими западниками, и Хомяков почти один отстаивал необходимость для каждого народа самобытного развития ... и превосходство нашей церкви над учениями католичества и протестантства» [4. С. 324].

Ведение откупной деятельности занимало почти все время славянофила. И.В. Киреевский был озабочен, как бы А.И. Кошелев «окончательно не погряз в этом болоте», однако А.С. Хомяков «его успокаивал», веря в то, что «человек, который погружался по уши в немецкую философию, не может сгинуть в откупках» [1. С. 46]. Так и случилось: главным образом беседы с единомышленниками И.В. Киреевским и А.С. Хомяковым еще в 1847 г., до продажи им откупов, вернули А.И. Кошелева к умственным занятиям. Предавшись рассуждениям о смысле жизни, он погрузился в чтение богословских книг, изучая творения Святых отцов Иоанна Златоуста, Василия Великого и Григория Богослова. В то же время А.И. Кошелев «не покидает и политических книг, и журналов» [3. С. 82]. Вдохновившись прочитанным и реагируя на революцию 1848 г. во Франции, А.И. Кошелев пришел к выводу о том, что «французский коммунизм» возник потому, что «деньги сделались идолом всех и каждого» [3. С. 80]. В христианском же государстве «французский коммунизм» невозможен, ведь он «силится взять то, что каждый христианин по совести должен сам положить к ногам своей братии» [3. С. 80-81].

Результатом этих размышлений стал вывод славянофила: «христово учение должно ... перейти в жизнь и ... изменить все общественные отношения правила, удовольствия и пр.» [3. С. 80-81]. Мысль славянофила «наткнулась на крепостное право» и увидела в нем «самый яркий и возмутительный *грех* тогдашней обстановки» [3. С. 82]. Итак, рабство есть злодеяние, крепостное состояние «отвергнуто Христом» – эти идеи более не покидали А.И. Кошелева, и с 1847 г. «вопрос об освобождении» стал «самым первым

и самым важным делом в общественной жизни» славянофила [3. С. 84]. Зная о том, что члены славянофильского кружка давно обсуждали этот вопрос, он обратился к соратникам, чтобы сделать кружок «средой для пропаганды» своих планов об изменении крепостных отношений в России [3. С. 85].

А.И. Кошелева можно отнести к славянофилам, не принимавшим непосредственное участие в разработке теоретической основы течения, но поддерживающим и распространявшим его идеи. Тому, чтобы А.И. Кошелев примкнул к славянофилам, способствовало несколько обстоятельств. Прежде всего, его дружба с А.С. Хомяковым и И.В. Киреевским. Если с И.В. Киреевским мыслитель познакомился еще в ранней юности, то первое знакомство А.И. Кошелева с А.С. Хомяковым состоялось в 1823 г., а близко они сошлись в Петербурге в 1827 г. во время предсмертной болезни их общего друга Д.В. Веневитинова. С этого момента и по 1832 г. А.И. Кошелев почти ежедневно встречался с А.И. Хомяковым у кн. Одоевского, К.А. Карамзиной, либо их беседы проходили в гостях друг у друга. На тот момент еще убежденный шеллингист А.И. Кошелев и глубоко верующий православный христианин А.С. Хомяков много спорили друг с другом, их разговоры, нередко переходящие в словесные баталии, касались русской и иностранной литературы, важных событий в России и Европе. С 1833 г. приятели стали встречаться в Москве у И.В. Киреевского, где начинало «вырабатываться» и развиваться православно-русское направление, основателем, «душой» и «главным двигателем» которого был А.С. Хомяков [4. С. 324]. Обсуждение на этих встречах касалось преимущественно тем веры и философии, но нередко поднимались и политические вопросы.

Другим обстоятельством, приведшим А.С. Кошелева к славянофильству, был религиозный аспект и интерес мыслителя к философии. Многие из того, что так волновало А.И. Кошелева, присутствовало в учении славянофилов. Религия была исходной точкой славянофильства, как его понимали А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. Благодаря им в славянофильскую политическую доктрину было привнесено философское и историософское обоснование. Наконец, важнейшей причиной обращения А.И. Кошелева к славянофильству можно считать поддерживаемые мыслителем усилия его представителей содействовать освобождению крестьян от крепостной зависимости. В тот период члены славянофильского кружка одним из своих главных убеждений признавали вопрос об изменении отношений крестьян к помещикам. Только И.В. Киреевский, «погруженный в мистическое созерцание», относился к делу освобождения «холодно» [3. С. 89].

А.И. Кошелев стремился реализовывать свои планы – соответственно и его славянофильство имело преимущественно практический характер. Еще во время первого заграничного путешествия в 1831-1832 г. он вместе с С.П. Шевыревым создал шуточный проект «Общество трудолюбия», целью которого было «противодействовать свойственной русским лени» [3. С.

15-16]. Это «Общество» так и осталось на бумаге, однако идеал трудолюбия был усвоен мыслителем и стал неотъемлемой частью его жизни. Примкнув к славянофилам, А.И. Кошелев не увлекался абстрактными умозаключениями, а занимался конкретными делами. Его инициативность и успешный хозяйственный опыт были востребованы, прежде всего, для решения крестьянского вопроса. В 1850-х гг. А.И. Кошелев занимался теоретической разработкой проблемы освобождения крестьян. Благодаря его «Запискам по уничтожению крепостного состояния в России» он остался в истории «хранительного направления русской мысли» как автор «одного из первых проектов освобождения крепостных крестьян с землей» [6. С. 16].

Говоря о Кошелеве-славянофиле, нельзя не отметить его активное участие в издательских проектах общественно-политического течения. Так, во многом благодаря внушительной финансовой поддержке и организационному таланту А.И. Кошелева журнал «Русская беседа» стал самым долговременным изданием славянофилов, просуществовавшим с 1856 по 1860 гг.

Подводя итоги своей деятельности, мыслитель с гордостью писал о заслугах славянофильства, к которым и сам был причастен: «Не мы ли были самыми усердными поборниками освобождения крестьян...? Не мы ли оказались самыми ревностными деятелями в земских учреждениях? Подняли, одушевили, двинули вперед Россию не доктрины французские, английские или немецкие, а те чувства и мысли, которые живут в русском православном человеке... Настоящими прогрессистами и либералами были мы, а не те, которые этими эпитетами себя величали» [1. С. 55-56].

Наконец, на рубеже 1880-х гг. А.И. Кошелев посчитал миссию течения выполненной: пора его и западничества «безвозвратно миновала», «теперь русские не единицами, а вообще расположены к своим единоплеменникам», «теперь все разумные наши соотечественники» осознают «необходимость изучать свое, развивать его и им проникаться», но вместе с тем «не чуждаться того, что выработано народами, предупредившими нас на поприще общечеловеческого быта и образования» [1. С. 165].

Сегодня невозможно представить себе славянофильство без его выдающегося представителя – А.И. Кошелева. Он не был его основателем-теоретиком, однако имя общественного деятеля навсегда вошло в историю православно-русского течения XIX в. Формирование и эволюция идейных воззрений мыслителя происходили в судьбоносный для России период, он стал «свидетелем многих великих событий, совершившихся в отечестве» и во многих из них поучаствовал лично [1. С. 7]. Анализируя этапы интеллектуальной биографии А.И. Кошелева, можно выделить несколько оснований для его сближения со славянофильством: преданность Отечеству и русскому народу, общение с отцами-основателями движения А.С. Хомяковым и И.В. Киреевским, присутствие в доктрине религиозного аспекта, возникший в юности интерес мыслителя к философии и его желание объединить

усилия в борьбе за освобождение крестьян от крепостной зависимости с представителями течения.

Примкнув к славянофильству и до самой кончины в 1883 г. А.И. Кошелев оставался активным и деятельным участником движения. Призывая не забывать культурное наследие прошлого и обращаться к нему, не теряя при этом положительных достижений настоящего, он оставил после себя замечательное творческое наследие, в котором отстаивал идеи народного представительства, необходимости уничтожения крепостного права, национальной самобытности и особенного исторического пути развития России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812-1883 годы). С семью приложениями / подг. Т.Ф. Пирожковой. М.: Наука, 2002.

2. *Колюпанов Н.П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. Книга 2. Молодые годы Александра Ивановича. Воспитание и первоначальная служба Александра Ивановича Кошелева. Издание О.Ф. Кошелевой. М.: Типо-литография И.Н. Кушнерева и К, 1889. Т. 1.

3. *Колюпанов Н.П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. Возврат к общественной и литературной деятельности (1832-1856 г.). Издание О.Ф. Кошелевой. М.: Типо-литография И.Н. Кушнерева и К, 1892. Т. 2.

4. *Кошелев А.И.* Мои воспоминания об А.С. Хомякове // Кошелев А.И. Избранные труды / А.И. Кошелев; сост., авторы вступ. ст. и коммент. П.В. Акульшин, В.А. Горнов. М.: РОССПЭН, 2010.

5. *Фризман Л.Г.* К истории журнала «Европеец» // Русская литература. 1967. № 2.

6. *Шириняну А.А.* Славянофилы в эпоху отмены крепостного права (Библиографический очерк) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3.

M.A. LAGUZOVA

*PhD student, of the Faculty of political sciences,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

TO THE QUESTION OF THE FORMATION AND EVOLUTION OF SLAVOPHILE VIEWS OF A.I. KOSHELEV

The article is devoted to the history of the conversion of the famous Russian public and political figure, successful landowner and entrepreneur A.I. Koshelev to Slavophilism. The basis of the study are the works of the thinker, his memoirs «Notes ...», as well as the biography of A.I. Koshelev, compiled by the writer and publicist N.P. Kolyupanova. The historical and political approach was used in the work, combining the methods and means of historical analysis, historical and philosophical reconstruction, political and textual analysis and the use of elements of hermeneutics.

The article states that A.I. Koshelev can be attributed to the Slavophiles, who did not take a direct part in the development of the theoretical basis of the movement, but sincerely shared his ideas. At the same time, unlike many of his associates, the Slavophilism of A.I. Koshelev was predominantly practical in nature. The fact that the thinker joined the well-known direction of the Russian thought of the 19th century was facilitated by several circumstances, among which was his communication with A.S. Khomyakov and I.V. Kireevsky, his interest in philosophy and the presence of a religious aspect in the ideology of Slavophilism. At the same time, the efforts of the thinker's representatives to contribute to the destruction of serfdom in Russia can be considered as the most important reason for A.I. Koshelev to Slavophilism, ardently supported by the thinker.

Key words: *A.I. Koshelev, Slavophilism, formation of personality, evolution of views, practical activity.*

Л.А. ФЕДОТОВА

аспирант кафедры истории и теории политики
факультета политологии Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ИДЕАЛЬНЫЕ КОНСТРУКТЫ БУДУЩЕГО В ПРОИЗВЕДЕНИИ А.П. КАЗАНЦЕВА «СИЛЬНЕЕ ВРЕМЕНИ»

В представляемой статье автор обращается к теме идеального политического конструирования советской художественной футурологии, – ее А.П. Казанцева, И.А. Ефремова и А. и Б. Стругацких.

Автор исходит из представлений о феномене «научно-технического романтизма», получившего обоснование в статье Коваленко В.И. и Черняховской Ю.С., олицетворяемого тремя названными авторами, и уточняет характер политико-философских конструкций А.П. Казанцева. Отмечается, что, в отличие от «Туманности Андромеды» И. Ефремова (1956) и «Полдня» Братьев Стругацких (1961), его представление о развитии состояния общества будущего было сконструировано значительно позднее – в начале 1970-х гг. («Сильнее времени» – 1973) – и обладало особенностями.

В статье проводится осмысление представлений об идеальных конструктах, образах будущего и его противоречий, сформулированных А.П. Казанцевым в данном произведении, которое завершает этап осмысления им проблем движения к будущему, и описывает его целостную позитивно-идеальную модель, не затрагивающую проблематику предупреждающих сценариев возможных проблем развития будущего, описанных в более поздних произведениях А. Казанцева.

Автор выделяет четыре блока проблем, рассматриваемых в данном произведении: 1. Идеальные конструкты будущего. 2. Противоречия будущего. 3. Альтернативные модели будущего. 4. Будущее как продукт взаимодействия новых мотиваций, – и формулирует гипотезу, что для данного произведения характерно не только конструирование идеально-разумных конструкций общества людей, описанных Стругацкими и И. Ефремовым, но и рассмотрение этих отношений, как продукта взаимодействия новых типов мотивации, связанных с позитивным развитием противоречий

между рациональным и эмоциональным, возможным в форматах реализации политико-философского феномена научно-технического романтизма.

В статье описывается единый «проект» будущей цивилизации А.П. Казанцева. Отмечается, что видение будущего А.П. Казанцевым основывается на сочетании гуманизма, сциентизма и технологий в конструкциях идеала общества познания и созидания.

Ключевые слова: *романтический технократизм, научная фантастика, социально-политическое развитие, коммунизм.*

Анализ политических идей в произведениях А.П. Казанцева как представителя советской художественной футурологии актуален для современной политической науки по нескольким причинам. Модели будущего, созданные ими тесно связаны с проблемами, которые мы наблюдаем в современном мире. К ним относятся проблемы сущности власти, ценностно-мировоззренческие проблемы общественного прогресса, соотношения политики и морали, политической структуры будущего общества. Осмысление тенденций общественного развития в произведениях советской художественной футурологии имеет важное значение в современном политическом дискурсе. Будущее неоднозначно, оно включает в себе множество возможностей с разной долей вероятности и формируется под воздействием представлений и интересов политических, экономических и научных элит.

Среди «Большой тройки» советской художественной футурологии особняком стоит личность А.П. Казанцева, повлиявшая на развитие литературного творчества, политико-философского знания и науки российской общечеловечности [4. С. 5]. Спектр его интересов крайне широк: он занимался изобретательством, испытывал свою же технику в боевых условиях, интересовался шахматами, музыкой и сочинительством, писал киносценарии и научно-фантастические романы. Его ранние книги стали важными вехами в развитии русской научной фантастики.

А.П. Казанцева считают одним из наиболее ярких представителей такого литературно-философского направления, как научно-технический романтизм. Научно-технический романтизм нельзя в полной мере считать выделенной структурно-научной онтологической формой, парадигмой, школой, политическим учением. Научно-технический романтизм не обладает цельной совокупностью фундаментальных научных установок, представлений и терминологических категорий. Научно-технический романтизм, кроме того, не обладает признаками доктрины как совокупности теоретических положений определенной области знаний. Но, тем не менее, выделение его среди прочих технократических взглядов вполне обоснованно: его представителям свойственны некие общие интенции и ценностные основания [2. С. 54-64].

А.П. Казанцев обращался к проблеме оптимального для человечества пути политического и идеологического развития. Необходимо отметить, что А.П. Казанцев проявлял большую лояльность к советской власти, поддерживая ее как в реальных, современных ему проявлениях политического устройства, так и на высшем – идейном уровне, как строй, исповедующий «религию коммунизма».

Даже после распада советского государства писатель сохранил радикальную приверженность коммунистическим идеалам: «Я был и остаюсь коммунистом, голосую только за КПРФ – она не испугалась угроз и запретов, ее руководители не кинулись делить народную собственность, не крали, не строили дворцов... Всякая власть, сосредоточенная на деньгах, есть смерть. Победа труда неизбежна. Кто скажет другое – солжет» [3. С.3].

Герои научно-фантастического романа «Сильнее времени» (1973 г.) улетают к звездам, открывают планеты, совершались рейсы на Релу, Этану, Гею. «Оставляя на Земле своих современников, друзей, родных и знакомых, клянусь с честью представить их среди наших потомков, передав им наше преклонение перед предками, завещавшими нам основы коммунистического общества и великие достижения науки и техники. Сделаю все возможное, чтобы перенять у инопланетян все полезное для земной науки, сохранив, если это понадобится, в тайне местоположение Земли, в случае обнаружения на планете Рела агрессивного и несправедливого общества» [1. С. 31] – высказался один из космонавтов – Петр Иванович Туча.

Пространства Земли, Луны и Марса, миры других планет Галактики – вот «площадка», на которой разворачиваются действия, изображенные в данном романе. Герои А.П. Казанцева – наши потомки, люди коммунистического завтра, ученые и космонавты, рабочие и общественные деятели. «Шесть добровольцев, вернувшись на Землю, рисковали застать на ней уже грядущее поколение. Звездолетчики таким образом лишались прошлого, друзей, знакомых, всего привычного и близкого, но могли увидеть своими глазами будущее». Круг интересов персонажей романа поистине необъятен: они проникают в глубины Галактики, опускаются на дно морей и в недра планет, открывают цивилизации разумных существ в созвездиях Кита и Скорпиона и, обогащенные новым опытом и знаниями, возвращаются в колыбель человечества.

В произведении «Сильнее времени» мы наблюдаем противоречия будущего общества, а именно проблему выбора экстравертного и интравертного пути развития общества. На первый взгляд, может показаться очевидным экстравертный путь – герои романа А.П. Казанцева улетают к звездам, открывают планеты, на которых живут разумные существа, совсем непохожие на земные, устанавливают с ними контакты. Главная героиня романа – Вилена для того, чтобы быть вместе со своим возлюбленным Арсением – членом экипажа звездного рейса, делает все, чтобы иметь

возможность отправиться в звездный рейс к другой звезде и вернуться обратно одновременно с Арсением, не желая мириться с законами времени Эйнштейна, принимая во внимание расстояние до Релы, Арсений вернется на Землю после звездоплавания, став старше только на пять лет, в то время как на Земле за это время пройдет пятьдесят лет. То есть, мы видим преодоление личности (интравертный путь), необходимо переделать себя, Вилена пробуждает в себе память предков. А.П. Казанцев пишет: «В будущее много дорог – и на ледяные материки, и в космос... Высший ученый совет Земли скорее всего выберет обе дороги» [1. С. 311]. Добытая ими научная и социальная информация позволяет землянам эпохи коммунизма продолжить преобразование Земли, ускорить создание условий для гармоничной, счастливой жизни грядущих поколений. Особенно интересны раздумья и споры героев романа о возможном облике жителей иных миров и о законах эволюции других «человечеств».

Интересные мысли высказывает А.П. Казанцев и по поводу так называемого «демографического взрыва» на Земле: «...вопрос, который будет обсуждаться на сессии, волнует человечество уже очень давно. Когда-то он вызывал панические прогнозы демографов, твердивших, что население Земли будто бы удваивается за все меньшее число лет и якобы неизбежен «демографический взрыв» – Земле тогда не прокормить человечество...» [1. С. 285].

В данном произведении подробно раскрывается отношение А.П. Казанцева в категории разума. Благодаря Разуму, о котором пишет фантаст, люди и смогли прийти к идеальной технократической модели управления. «Стать великаном человеку помог разум» – отвечает главный герой романа Арсений Рагов.

Одним из важнейших аспектов политической философии А.П. Казанцева является понимание роли техногенного фактора в развитии общества. Возрождение цивилизации А.П. Казанцев видит в развитии технологий цивилизации (хотя и с оговоркой необходимости учета разумного гуманизма). Ю.С. Черняховская подобную комбинацию называет «технократическим романтизмом» [5. С. 23]. Позиция А.П. Казанцева, тем не менее, не полностью однозначна: он «декларирует распад единого течения технократизма, который сам по себе не способен предложить глобального проекта человеческого будущего» [6. С. 207-221]. Будущее представляется ему бесперспективным при следовании позициям абсолютной гуманизации общества и приверженности идее коммунальности, но и полное нивелирование технократизма приводит к вырождению цивилизации.

Футуристичное видение А.П. Казанцева основывается на сочетании гуманизма и технологий, но при этом писатель предпочел оставить нетронутым «большой проект» прошлого – идею строительства коммунизма.

Будущее возможно при условии сплава технократизма, традиционной мудрости и «революционного накала» – по сущности, идей коммунизма.

Александр Казанцев подробно описывает политические институты будущего. В будущем будет играть большую роль в развитии общества – наука. В обществе нет частной собственности, «общие» дела решаются в соответствии с требованиями научных рекомендаций, на основе научных данных. Создаются исследовательские проекты. Высшим органом является Высший ученый совет Земли, который принимает решение о развитии Земли, об организации принятия решения в будущем обществе с точки зрения научной обоснованности. «Новое общество с помощью высших достижений науки и техники помогло людям широко использовать искусственную пищу. Заводы для ее получения заняли ничтожную площадь по сравнению с засеваемыми прежде полями. Люди смогли расселяться по постепенно освобождавшимся территориям, пользуясь новыми, совершенными средствами транспорта в подземных трубопроводах» [1. С. 285].

В романе «Сильнее времени» мы можем отследить два типа мотивации действий будущего общества. С одной стороны, это познание и созидание, с другой – это человеческие эмоции общества. Так, например, «Общество эмов на всей планете было единым, но неуправляемым в земном понимании. Создавалось впечатление, что общество жило, как саморегулирующийся механизм, а еще лучше сказать, как живой организм, в котором клетки могли менять по своей прихоти местоположение, всегда оставаясь при этом его составной частью. Жизнеспособность этого организма покоилась, таким образом, на содружестве всех клеток, на безусловной разумности каждой особи, на естественном ее подчинении целесообразности» [1. С. 152]. Также мы видим какого человека будущего общества показывает нам А.П. Казанцев: «общество надо строить на лучшем, а не на худшем начале разумного существа: на доброте, на самоотверженности, на стремлении помочь друг другу и нежелании добиться для себя большего, чем имеют другие» [1. С. 346].

В заключение отметим: конечно, многие тезисы, представленные А.П. Казанцевым, могут показаться сегодня излишне радикальными и устаревшими. Но в них содержится множество идей, подтекстов и мыслей, которые сегодня обретают особенную актуальность. Человечество действительно находится в переломной фазе развития и спрогнозировать достоверные модели общества будущего практически невозможно. Скепсис современных политологов в отношении коммунизма вполне обоснован и рационален, но, при этом, идеи о социальном балансе, гармонии коммунального и продуктивного, сочетания гуманизма, «коммунальности» и технократии звучат и сегодня вполне современно. В пользу этого можно рассмотреть примеры построения социальных структур многих развитых стран, практически

достигших общественного согласия во многом благодаря социальной ориентации политических стратегий и идеям о равенстве и справедливости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Казанцев А.П.* Сильнее времени. М.: «Московский рабочий», 1973.
2. *Коваленко В.И., Черняховская Ю.С.* Научно-технический романтизм: обоснование конструкта и современная актуализация // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. № 1.
3. *О Казанцеве А.П.* Газета Советская Россия. 16 ноября 1999 г. № 134 (11877).
4. *Черняховская Ю.С.* «Большая тройка» советской художественной футурологии. Политико-философское осмысление проблем культурного суверенитета, культурно-цивилизационной интеграции и формирования идеалов будущего в произведениях И. Ефремова, А. Казанцева, А. и Б. Стругацких: компаративный анализ. М.: Институт Наследия, 2022.
5. *Черняховская Ю.С.* Научно-технический романтизм как политико-философский феномен Автореф. дисс. . . . д. полит. наук. Москва, 2019.
6. *Черняховская Ю.С.* Полиидейность в романе «Фаэты» А. Казанцева // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48).

L.A. FEDOTOVA

*Postgraduate Student, Department of History
and Theory of Politics, Faculty of Political Science,
Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

POLITICAL PHILOSOPHY AND IDEAL CONSTRUCTS OF THE FUTURE IN A.P. KAZANTSEV'S WORK "STRONGER THAN TIME"

In the presented article, the author addresses the topic of the ideal political construction of Soviet artistic futurology – its A.P. Kazantsev, I.A. Efremov and A. and B. Strugatsky.

The author proceeds from the ideas about the phenomenon of "scientific and technical romanticism," which was substantiated in the article by V.I. Kovalenko and Y.S. Chernyakhovskaya, personified by the three named authors, and clarifies the nature of A.P. Kazantsev's political and philosophical constructions. It is noted that, unlike I. Efremov's "Andromeda Nebula" (1956) and the Strugatsky Brothers' "Half a Day" (1961), his idea of the developed state of the society of the

future was constructed much later – in the early 1970s (*Stronger than Time*–1973) – and had features.

The article provides an understanding of the ideas about ideal constructs, images of the future and its contradictions formulated by A.P. Kazantsev in this work, which completes the stage of his understanding of the problems of movement towards the future, and describes his holistic positive-ideal model, which does not affect the problems of warning scenarios of possible problems of future development described in later works by A. Kazantsev.

The author identifies four blocks of problems considered in this work: 1. Ideal constructs of the future; 2. Contradictions of the future; 3. Alternative models of the future; 4. The future as a product of the interaction of new motivations, – and formulates the hypothesis that this work is characterized not only by the construction of ideally reasonable constructions of human society described by Strugatsky and I. Efremov, but also the consideration of these relations as a product of the interaction of new types of motivation associated with the positive development of contradictions between rational and emotional, possible in the formats of the implementation of the political and philosophical phenomenon of scientific and technical romanticism.

The article describes a single *project* of the future civilization of A.P. Kazantsev. It is noted that A.P. Kazantsev's vision of the future is based on a combination of humanism, scientism and technology in the constructions of the ideal of a society of knowledge and creation.

Key words: *romantic technocratism, science fiction, socio-political development, communism.*

Г. ГОЧМУРАДОВА

*аспирант кафедры истории социально-политических
учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

СКАЗАНИЕ О СИЯВУШЕ В «ШАХНАМЕ» А. ФИРДОУСИ: ПОЛИТИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Введение. Поэма «Шахнаме» была написана около тысячи лет назад и представляет собой не только важнейший литературный памятник, но и основополагающую часть иранской культуры и самобытности. Интерпретация и анализ поэмы, в частности ее части посвященной Сиявушу с использованием политико-текстологического анализа может привести к более глубокому пониманию иранской политической культуры и идентичности.

Цель и задачи. Выявить основные социально-политические идеи в сказании о Сиявуше в «Шахнаме» А. Фирдоуси.

Методы. В качестве основы методологии исследования была выбрана политическая текстология, которая включает в себя общенаучные и исторические, философские методы.

Результаты. Политико-текстологический анализ сказания Сиявуша позволил выделить такие ключевые категории как предопределение и свобода воли, божественное и земное, Добро и Зло, и их непрерывное противостояние как в культурной, религиозной, так и в политической сферах.

Выводы. Подводя итоги, можно сказать, что сказание о Сиявуше примечательно тем, что в ней предпринимается попытка установления мира и нового порядка, преодоление бесконечного противостояния между Добром и Злом. Неудачный исход данной попытки может указывать на необходимость и иногда неизбежность борьбы.

Ключевые слова: «Шахнаме», Сиявуш, Иран, Туран, царь, политическая текстология.

Культура и ее элементы являются важными составляющими политики. Культурная дипломатия представляется примером мягкой силы, которая способна повлиять на политику через искусство, литературу, ценности и идеи. На сегодняшний день отношения Исламской Республики Иран

и Российской Федерации значительно расширились во многих областях, таких как политика, безопасность, экономика, также можно отметить растущую тенденцию к взаимодействию в культурной и социальной сферах. Чрезвычайный и полномочный посол Исламской Республики Иран подчеркнул, что культурный диалог между странами может стать прочной основой продолжительного сотрудничества [2. С. 7], поэтому данная статья будет являться своего рода вкладом в укрепление ирано-российских отношений.

В ходе дискуссий круглого стола «Политическая текстология как наука и учебная дисциплина» Б.А. Прокудиным было отмечено, что «история социально-политических учений как междисциплинарная область знаний предполагает исследование разнообразных источников, а не относящихся напрямую к политической теории. Одним из таких источников является художественная литература» [3. С. 124]. Подтверждает эту мысль и А.А. Зоткин: «Любой памятник культуры, несущий доступную вербальной обработке смысловую нагрузку, полагаю, может быть рассмотрен в качестве текста в широком смысле этого слова. В узком смысле текстом можно назвать любой письменный источник, созданный согласно правилам функционирования какого-либо древнего или современного языка» [3. С. 111]. Жемчужина мировой культуры «Шахнаме» представляет огромный интерес для политической текстологии.

«Шахнаме» (X-XI вв.) – средневековый персидский эпос, написанный поэтом Абулькасимом Фирдоуси с целью сохранения мифов, легенд, истории, языка и культуры древнего Ирана. Эпос состоит из 50 000 рифмованных двустиший, 62 рассказов и 990 глав и охватывает всю историю древней Персии от сотворения мира до мусульманско-арабского завоевания 651 г. н.э., которое свергло империю Сасанидов (224-651 гг. н.э.), последнюю великую Персидскую империю древности.

Давая дефиницию политики, исследователь определяет ее сущность, очерчивает ее границы и акцентирует внимание на определенных аспектах. Так как «Шахнаме» является поэмой и написана литературным языком, в ней невозможно встретить какие-либо научные определения. По данной причине многие слова, используемые в поэме, являются символами, изображающими понятия, действительные явления, мысли и чувства.

Таким категориям, как разум, рок, свобода воли и так далее, играющим немаловажную роль для понимания социально-политических идей в «Шахнаме», не даются четкие определения со стороны Фирдоуси. Фирдоуси то и дело «окунается в старинные были» [7. С. 267], слагая свои строки, рассказывая истории; тем самым создается ощущение, что автор не пытается отвечать на какие-то вопросы, а, напротив, озадачивает читателя. Поэт начинает свое «Сказание о Сиявуше» с признания того, что он, как и всякий человек, может заблуждаться:

«Поэту гордиться с твореньем дано,
Которое разумом озарено.
А если в тисках заблуждения он
И если порочную мыслью прельщен,
Хотя б распинался, трудясь без конца, –
Себя опозорит в глазах мудреца.
Но кто у себя обнаружит порок?
Свой нрав для любого и чист и высок» [7. С. 97].

Важной целью поэмы Фирдоуси видит «оживление» забытых древних преданий [7. С. 97].

Символичность «Шахнаме» не дает исследователю однозначных и четких ответов, но стремится описать реальность во всех ее красках. Такой способ повествования позволяет поэту выйти за рамки определенных социально-политических идей и взглядов и пересказать историю Ирана наиболее полно.

Несмотря на то, что у Фирдоуси человек описывается как венец мироздания, одаренный разумом, способным различать добро и зло, все же герои «Шахнаме» совершают ошибки, впадают в заблуждение, что указывает на то, что решения, которые принимаются царями, воинами и другими героями «Шахнаме», не всегда оказываются правильными, и последствия принятых решений часто непредсказуемы.

В эпосе мир существует в условиях постоянных конфликтов и противоречий. Такие понятия, как добро и зло, предопределение и свобода воли, смерть и жизнь, пронизывают «Шахнаме» и отражают национальный дух, религию, политику.

С одной стороны, человек, являясь частью природы, отделен от остального мира в том смысле, что одарен свободой воли, а с другой – он неукоснительно следует своей судьбе, и порой бессилен перед роком. Так, можно вспомнить сцену, описывающую смерть Сухраба от рук его отца Ростема, который узнает, что убил собственного сына лишь после произошедшей трагедии:

«Кольчугу Сохраба Ростем расстегнул,
Увидел свой знак и к страдальцу прильнул,
Стеная: «Ужель погублен ты мной,
О доблестный витязь, о сын мой родной!» [...]»
Но слышит он: «Слезы напрасно не лей!
Мне слезы твои – смертных мук тяжелей.
Что проку теперь убиваться тебе!
Так случилось, как было угодно судьбе»» [7. С. 79-80].

Таким образом, можно отметить, что на понимание политики в эпосе влияют как слова и действия героев, так и то, что не зависит от отдельного человека и ограничивает его, будь то смерть, время, судьба и т.д.

Герои «Шахнаме» проходят через сложные жизненные испытания, которые были уготованы им судьбой. Свобода воли, главным образом, проявляется в том, что человек может выбирать между Добром и Злом. Борьба против зла должна вестись не только в действиях жрецов, воинов и царей, но и в словах, и в мыслях.

Часто источником зла являются пороки, страсти, которые затуманивают разум, и тогда человек встает на путь Зла. Царь, одаренный властью самим Йезданом (2), должен противиться Злу, вершить справедливость, иначе мир погрузится во тьму, как это произошло во времена правления царя-змея Зохака.

Бывает и такое, что сделанный царями выбор не всегда приводит к желаемым результатам, но стоит помнить, что важны шаги, сделанные навстречу добру, и путь, который проделывает сам человек. Если царь является истинным правителем, наделенным божественной властью, то он должен поступать всегда согласно законам Истины, несмотря на все тяготы, которые могут ожидать его на пути. Здесь можно вспомнить слова Феридуна, обращенные к сыновьям, охваченным жаждой власти:

«Ведь я к справедливости только одной
Стремился в обители этой земной.
Лишь страх пред Йезданом носил я в груди
И, кроме прямого, не ведал пути.
[...]
Реченье напомним – в нем правда, не ложь:
Что сам ты посеял, то сам и пожнешь.
Еще мы от мудрых слышали: в иной
Обители счастье найдем, не в земной. [...]
Мир видел немало таких же, как вы,
Владык – перед ними не гнул головы.
В последний свой путь, предреченный судьбой,
Груз добрых деяний возьмите с собой!
Они вас от гибели вечной спасут,
Когда призовет вас создатель на суд» [6. С. 107].

Читая строки Фирдоуси, описывающие правления царей и их борьбу против зла, можно заметить, что большинство из них вели продолжительные и непримиримые войны против своих врагов. И очень часто падение добродетели становилось знаменем начала кровопролитий. К примеру, убийство Иреджа Туром и Сельмом стало причиной одной из ключевых войн, описываемых в «Шахнаме», в частности, войны между Ираном и Тураном. «Фирдоуси создал войну между Ираном и Тураном, чтобы обозначить границу между добром и злом» [9. С. 31], – пишет С. Футухи в своей статье, посвященной Турану.

Среди всех фигур, описанных в эпосе, выделяется царевич Сиявуш. Он решил положить конец вражде между Ираном и Тураном, что не привело к желаемому результату и даже усугубило вражду между обозначенными противниками после того, как туранцы предали смерти Сиявуша.

Часть в эпосе, посвященная Сиявушу, является важной для понимания самой природы Добра и Зла в «Шахнаме», а понимание данных фундаментальных категорий укажет на истоки политического в эпосе.

Вахидех Чегини в своем исследовании, посвященном божествам вегетации и плодородия в мифах разных народов, анализирует миф о Сиявуше: «Хотя, согласно Фирдоуси, Сиявуш не был царем Ирана, но поскольку в Авесте он упоминается как Kavi, что означает царь, он должен быть рассмотрен в качестве одного из персидских правителей, в качестве шаха ближнего Востока, который жил незадолго до времен Заратустры» [12. С. 19]. Учитывая данное высказывание Чегини, необходимо понимать, что существуют разные трактовки роли Сиявуша в истории Ирана, и именно от этих трактовок необходимо отталкиваться при политико-текстологическом анализе.

Если в «Шахнаме» Сиявуш предстает как молодой царевич, являющийся сыном иранского царя Кей-Кавуса, то в Авесте же он – царь. Чегини также упоминает о том, что в Авесте ничего не сказано о родстве Сиявуша и Кавуса, но все пехлевийские тексты и исторические хроники пишут о нем как о сыне Кавуса [12. С. 19].

Фигура Сиявуша может быть проанализирована в качестве вегетационного божества, символа возрождения и плодородия. О Сиявуше как о божестве упоминается и в работе М.Л. Рейснер: «Специалисты по древнеиранской мифологии считают, что Сиявуш (авест. Сьяваршан, «Черный самец»; среднеперс. Сиявахш) в мифологических представлениях народов Средней Азии Сьяваршан нередко воспринимался как умирающее и воскресающее божество, обладающее солярными функциями. С именем Сьяваршана связывалась также постройка волшебного города на головах подвластных ему демонов [...] и появление чудесного цветка из его пролитой крови. «Кровью Сьяваршана» называлась смола драконова дерева и выделения разных видов семейства лилейных» [5].

Итак, Сиявуш может рассматриваться в качестве юного принца, царя и/или божества. Анализ фигуры Сиявуша, его слов и действий в поэме, его роли в сказаниях, описываемых в «Шахнаме» с разных точек зрения, приводит к различным социально-политическим трактовкам.

Особая ценность эпизодов, посвященных истории Сиявуша, состоит в том, что Фирдоуси показывает, как царевич пытается преодолеть многовековую вражду между Ираном и Тураном. Он заключает договор с врагом:

«К решению мы оба пришли, наконец, –
Возмездия жажду изгнать из сердец. [...]

Пусть правда и мир воцарятся навек.

Не должен быть лютым, как тигр, человек» [7. С. 152].

Кавус же, узнав о том, что сотворил его «юный сын» [7. С. 156], приходит в недовольство и говорит:

«Чтоб быть справедливым возмездье могло,

Лишь злом воздавать подобает за зло» [7. С. 157].

Нарушение клятвы, договора считается большим грехом. Царевич не мог преступить данное им слово и посчитал смерть более достойной участью, нежели жизнь во грехе:

«К войне принуждает меня Кей-Кавус,

Но клятвопреступником стать я страшусь.

Кровавая мне ненавистна стезя,

Заветы отцов мне отринуть нельзя.

На погибель меня в двух мирах он обречь

Задумал – в силки Ахримана завлечь. [...]

Зов чести отринув идти мне войной,

Презреть небеса для корысти земной,

Того не одобрит создатель миров,

Суд рока всевластного будет суров» [7. С. 163-164].

Важно отметить также, что нежелание «презрения небес» [7. С. 164] никак не означает равнодушие или пренебрежительное отношение Сиявуша к земной жизни, напротив – именно существование другого мира, неземного, наполняет смыслом земную жизнь. И каждый герой эпоса, творящий добро и поступающий согласно божественному закону, сам по себе упрочняет эту связь с высшим началом и подтверждает существования иного мира. Государство, в основании которого лежит божественный закон, приобретает не только духовное богатство, но и материальное. В строках, посвященных городу Кангу, построенному Сиявушем, Фирдоуси пишет:

«Сначала Йездану хвалу воздадим.

Мир зримый им создан и тот, что незрим.

Все сущее, знай, двуедино; един

Лишь он, вседержитель, миров властелин» [7. С. 200].

Земное и божественное влияют на друг друга и непрерывно взаимодействуют во вселенной эпоса. В каком-то смысле появление Сиявуша в туранских землях и заключенный им мир могут быть рассмотрены как проявление божественной милости, как шанс на искупление.

Если отталкиваться от мифологических истоков образа Сиявуша, от его божественности, то стоит добавить, что смерть героя была детерминирована его природой. Как вегетационное божество, он должен был погибнуть, чтобы возродиться снова и очистить мир от зла. С данной интерпретацией истории Сиявуша соглашается исследователь Энайати Байез, который

пишет: «Появление Кей-Хосрова обозначает возвращение Сиявуша в этот мир» [8. С. 6].

Ученый-иранист С. Сурдыковска вслед за С.П. Толстовым [11. С. 22] также связывает фигуру Сиявуша с божеством, известным как Сияваш, умирающим и воскресающим весной: «Сияваш – символ воскресения, идея, которая была известна в персидской традиции на протяжении веков. Известно, что этому герою поклонялись в древнем Хорезме и Согде. Его культ был известен и в Бухаре. Каждый год во время торжественного обряда праздника Новруз его почитатели вспоминали о смерти Сияваша и оплакивали его несчастья. [...] Некоторые следы этого обычая сегодня все еще сохранены в центральном Иране и Афганистане» [11. С. 22].

В ходе истории под влиянием разных культурных, религиозных и политических факторов герои, которые упоминаются в «Шахнаме», прошли через трансформацию. Старые божества, демоны постепенно начали терять свой сверхъестественный облик и приобретать более человеческие черты, в чем важную роль сыграла и исламизация Ирана. Несмотря на то, что арабский язык, культура, религия стали главенствовать в стране, персидские культурные, религиозные, политические традиции не были забыты, но стали претерпевать некоторые изменения. Герои эпоса, встречающиеся в Авесте, у Фирдоуси очеловечиваются. К примеру, царь змей Зохах становится злодеем не потому, что он был создан Ахриманом, а потому, что он был глуп, жаждал власти и заключил договор с бесом, при том, что сам он был сыном Мердаса, – мудрого и благодетельного арабского царя. Напротив, в Авесте тот же Зохах (Аджи Дахака) описывается как творение Ахримана, демоническая сущность:

«Трехпастый, шестиглазый,
Коварный, криводушный,
Исчадь дэвов, злой,
Могущественный, сильный,
Он сделан Ахриманом
Сильнейшим быть во Лжи
На гибель всего мира,
Всех праведных существ» [1. С. 102].

Такую же трансформацию претерпевает, и герой эпоса Сиявуш: от божества к простому смертному. В «Шахнаме» Фирдоуси пытался показать не только божественное или демоническое в героях, но и человеческое, поэтому в эпосе можно встретить Сиявуша, объятого страхом [7. С. 235], забывшего в веселье и «во хмелю Иран свой родной» [7. С. 181], и т.д.

Со временем стали проводить параллели между фигурами Сиявуша и Имама Хусейна (1). При рассмотрении истории с данного ракурса «Сказ о Сиявуше» предстает как сказ о святом мученике, Сиявуш предчувствовал

то, что с ним случится, и задолго до своей смерти раскрывает свою тайну Пирану:

«Дозволь, чтобы тайну тебе я открыл.
Я волю Йездана познал, я не слеп,
Открылись душе начертанья судеб.
Завесу сорву я с грядущего дня;
Про все, что постигнет мой град и меня,
Услышь, дабы после подумать не мог:
Несчастный не знал, что судил ему рок!..» [7. С. 205].

Также царевич предсказывает рождение сына Кей-Хосрова, который отомстит за его смерть; рассказывает жене о том, что она и ее дитя будут спасены туранцом Пираном от гнева Афрасьяба и т.д.

Часть эпоса, посвященную Сиявушу, Фирдоуси писал, когда ему было около шестидесяти лет. Автор книги «Мифы Древнего Ирана» И. Рак, сравнивая истории Сиявуша в «Шахнаме» и в других зороастрийских мифах, замечает, что в эпосе история обрастает множеством подробностей [4. С. 184].

Интересно в истории Сиявуша то, что царевич, будучи наделенным божественным благословением, дающим ему право на власть, послушался отца и заключил мир с врагом. Согласно зороастрийским легендам, поверив наговорам своей жены о совершенном надругательстве над ней со стороны Сиявуша, Кави Усан (Кей-Кавус в «Шахнаме») изгоняет царевича из Ирана, в результате чего он приходит в Туран и поступает на службу к туранскому царю Афрасьябу, который выдает за Сиявуша свою дочь. Как и в «Шахнаме», история имеет печальный конец. Страшась, что туранский престол будет занят иранцем, и заподозрив Сиявуша в измене, наслушавшись наветов своего брата, царь Турана Афрасьяб принимает решение убить иранского царевича [4. С. 182-183].

В «Шахнаме» сказание о Сиявуше немного отличается: он доказывает, что не причинял никакого зла царской жене и что его оклеветали. Он проходит испытание огнем, то есть проходит через горящий огонь невредимым, тем самым доказывая свою безгрешность. Убедившись в невинности своего сына, Кавус просит у него прощения [7. С. 131] и дает приказ повесить свою жену, но Сиявуш просит помиловать ее с мыслями:

«[...]Когда казнена
По воле властителя будет жена,
Он после раскаяньем будет убит
И в этой потере меня обвинит» [7. С. 132].

Далее царевич отправляется в поход против Турана. Тем временем туранскому царю снится вещий сон, и мобеда, разгадывая сон царя, пророчествуют падение туранской державы. Не желая, чтобы пророчество сбылось, царь Афрасьяб принимает решение заключить мир, Сиявуш же,

в свою очередь, поддерживает данное решение. Именно заключение мирного договора с Тураном и требование расторжения данной священной клятвы от царя Кавуса приводят Сиявуша в Туран.

А.А. Стариков в комментариях к «Шахнаме», посвященных «Сказу о Сиявуше», пишет: «Сказ о Сиявуше» [...] внесен Фирдоуси в «Шахнаме» дополнительно, а не взят из основного источника верификации – Мансуровского «Шахнаме» [7. С. 472]. Также стоит отметить, что Сиявуш относится не только к мифологическим героям, но и к легендарно-историческим. Он выступает основателем хорезмийской династии, существовавшей в XIII в. до нашей эры» [7. С. 472].

Основываясь на приведенном выше сравнении иранских мифов и истории, описанной в «Шахнаме», следует обратить внимание на то, что, согласно эпосу, царевич не был изгнан отцом. Ему пришлось покинуть Иран, так как он был не согласен с решениями своего отца. Дав клятву о мире, он не мог ее нарушить, ведь воля Йездана – превыше [7. С. 166]:

«Но мудрых советов он слушать не стал,
Не то ему горестный рок начертал» [7. С. 166].

Был ли Сиявуш изгнан или же он сам решил покинуть Иран, является важным вопросом, ответ на который может очернить образ шаха и переложить часть ответственности за произошедшее и за неудачные политические решения.

Ведь царь Кавус предупреждает своего сына, что в ответ на примирение с врагом небосвод пошлет немало невзгод [7. С. 161]. Но все же Сиявуш отказывается нарушать священную клятву [7. С. 164]. Не внемлет он и советам мудрых, так как «не то ему горестный рок начертал» [7. С. 166].

Путь, который должен пройти Сиявуш, был предопределен еще до его рождения:

«О царь, ты не чадо, а чудо обрел! [...] Владеть небосводом достоин был сын;
Его Сиавушем нарек властелин.
Гадал о младенце седой звездочет,
И вскоре поведал ему небосвод
Свое предсказанье; гласило оно,
Что много царевичу бед суждено» [7. С. 102].

В статье «Шахнаме» Фирдоуси: попытка спасение арийской традиции через умаление концепта филицида» авторы утверждают, что недопонимание между царем Кавусом и сыном практически заставили Сиявуша покинуть Иран и отправиться в Туран, где он и был убит. Несправедливое обращение царя со своим сыном расценивается авторами как филицид, наряду с другими историями в «Шахнаме», когда отцы пытались избавиться

от своих детей. Стоит заметить, что отношение Кавуса к своему сыну Сиявушу Фирдоуси осуждает.

Про конфликты отцов и сыновей в «Шахнаме» пишет и Ш. Хосрави: «История Сиявуша – еще один миф про сыноубийство в «Шахнаме»» [10. С. 134]. Исследователь отмечает, что в фильмах, посвященных данной истории, именно отец представляется преданным своим сыном [10. С. 134]. Также Хосрави подчеркивает жесткую патриархальность политической культуры Ирана и приводит в пример такую поговорку: «Ни один сын не займет место отца» [10. С. 134]. Сам конфликт между отцами и сыновьями рассматривается как конфликт между новым и старым порядком [10. С. 133].

После прочтения строк о Сиявуше и его жизни возникает важный вопрос, связанный со смыслом этого сказания. Ведь всякая история способна формировать и менять реальность. И то, как воспринимается история, описанная в эпосе, и какие социальные и политические выводы из нее вытекают, зависит как от прямых высказываний и позиции самого автора, так и от признанности и авторитета самих героев «Шахнаме»; то есть смысл истории во многом будет зависеть от того, кем будут считаться Сиявуш, Кей-Кавус, Афрасьяб и т.д.

Если вслушаться в слова Фирдоуси, вложенные в уста Кавуса, и согласиться, что Сиявуш был юным царевичем, который «еще не изведал суровых годин» [7. С. 156], то «Сказ о Сиявуше» воспринимается как повествование о том, что царевич, по своей неопытности заключив мир с Афрасьябом, не только был убит, но и его смерть стала поводом для ожесточенных и кровавых войн между Ираном и Тураном. С этой точки зрения, легенда о Сиявуше может быть интерпретирована как сказание о том, как не следует поступать, и что враг, олицетворяющий Зло, неразумен, слеп и не способен узреть Истину. Враг все время тяготеет ко Злу, поэтому должно всегда выбирать путь борьбы. В такой ситуации борьба, война будут главным политическим инструментом.

Если вспомнить упомянутый выше концепт филицида в «Шахнаме» и конфликт поколений в эпосе, то главный вывод заключается в том, что истоки всех злоключений, случившихся с Сиявушем и Ираном, лежат в послушании царевичем своего отца, которое можно интерпретировать как предпочтение нового порядка старому.

Но стоит помнить также о богоизбранности и предопределенности пути Сиявуша, о чем свидетельствуют множество строк в «Шахнаме». Ведь при рождении Сиявуша звездочеты объявляют царю Кавусу, что он чудо обрел [7. С. 101], и даже некоторые туранцы верили в богоизбранность царевича:

«Сюда, зная, привел Сиявуша творец,
Чтоб войнам пришел долгожданный конец.
Чтоб странам обеим опять процветать;

Всесильна святая его благодать!» [7. С. 170].

Можно сделать вывод, что война между Ираном и Тураном была предначертана, и Сиявуш пришел в этот мир с некой миссией. Давая клятву о мире врагу, возможно, он и поступил как неопытный политик, но он не мог поступить иначе.

Сочетание обозначенных выше социально-политических трактовок позволит лучше понять сказание о Сиявуше в «Шахнаме».

Если бы Сиявуш в «Шахнаме» сохранил свой первоначальный образ вегетационного божества, то его слова и действия имели бы больше сакрального и назидательного смысла. В такой ситуации тому, кто имеет дело с данной историей, пришлось бы разгадывать тайное знание и некую истину, исходящую от божества, а не судить или оценивать разумность и правильность принимаемых решений. В этом смысле очеловеченный Сиявуш с потерей своей божественной природы потерял и свою неуязвимость. В эпосе же Сиявуш, как уже говорилось выше, очеловечен, но сохранил некоторые черты божественности и святости. Ключевые идеи воскресения, идея круговорота смерти и жизни отходят на второй план.

Итак, основываясь на таких важных категориях, как природа человека, Добро и Зло, предопределение и свобода воли, земное и божественное в «Шахнаме», был проведен политико-текстологический анализ истории Сиявуша в эпосе. Особая ценность данной истории состоит в том, что в ней рассказывается о предпринятой царевичем попытке установления мира и нового порядка, преодоления рамок Добра и Зла. Неудачность этих попыток подчеркивает не только сущностную необходимость борьбы, но и ее неизбежность. Концепция умаления филицида в «Шахнаме» также указывает на предпочтительность и целесообразность поддержания старого порядка для блага и сохранения государства и традиций.

Борьба между Добром и Злом является непримиримой, она дает смысл существованию человека, политика же, которая не может быть отделена от других сфер человеческой деятельности, также руководствуется идеалами Добра и Зла и функционирует в условиях этой борьбы. Цари в «Шахнаме», как и остальные герои, способны сделать выбор в сторону того или иного действия, но эту свободу могут ограничить человеческие пороки. Ни завистливый Герсивез, ни испуганный Афрасияб, ни охваченная любовью Судабе не способны сделать выбор в пользу зла или добра, так как ими управляет их «незрячая душа» [6. С. 8]. Всякая разумная политика же должна руководствоваться разумом, с помощью которого постигаются добро и зло. Каждым своим благим действием и словом правитель поддерживает и утверждает связь между божественным и земным. Отступив от своей священной клятвы, Сиявуш разрушил бы свою связь с божественным началом.

Сиявуш у Фирдоуси уязвим и может ошибаться, но, обладая божественной благодатью, он предстает не только как простой смертный, но и как святой мученик, которому было предназначено пройти столь нелегкий жизненный путь.

Сам Сиявуш считается одним из самых набожных героев в «Шахнаме», и сказание о нем отчетливо выражает идею о том, что политика должна служить Истине, и никак не наоборот, ведь именно вера в Йездана и в его закон дает смысл существованию не только отдельного человека, но и всего общества и государства в эпосе. Отклонение от истинного пути ведет лишь к разрушению и упадку. Стремление к свершению добра и следованию пути божественного закона является ядром социально-политических идей в «Шахнаме», в особенности – часть эпоса, посвященная Сиявушу.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Аль-Хусейн ибн Али (626-680) – внук Пророка Мухаммада. Он почитается мусульманами-шиитами как третий имам. Погиб в битве при Кербеле в Ираке как мученик. В память о мученической смерти Хусейна мусульмане-шииты отмечают первые 10 дней Мухаррама (дата битвы по исламскому календарю) как дни плача (см. 'āshūrā'). Месть за смерть Хусейна превратилась в объединяющий клич, который помог подорвать Омейядский халифат и дал толчок к подъему шиитского движения.

(2) От среднеперсидского *yzd'n'* (*yazdān*, «боги, духи»), от авестийского *yazata* «достойный почитания, достойный преданности, достойный поклонения».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Авеста. Избранные Гимны. Душанбе: Адиб, 1990.
2. Громов А.Б. Иран. От Кира Великого до Аятоллы Хомейни. М.: ООО «Садра», 2022.
3. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина. Материалы круглого стола // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 4.
4. Рак И. Мифы Древнего Ирана. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
5. Рейснер М.Л. Столкновение доисламских календарных праздников в персидской классической лирике X-XII вв. (на примере Новруза) // <https://istina.msu.ru/download/86907474/1fHQnH:eP5mbvHF0s20YTBUBz9zmiWzVJk/>.
6. Фирдоуси А. Шахнаме / пер. с персид. Ц.Б. Бану-Лахути / отв. ред. Е.Э. Бертельс. М.: АН СССР, 1957. Т. 1.
7. Фирдоуси А. Шахнаме / пер. с персид. Ц.Б. Бану-Лахути / отв. ред. А.А. Стариков. М.: АН СССР, 1960. Т. 2.

8. *Bayez E.* The position of Siawash (the martyred vegetal God) in Iran's mythology. Payam-e-Nour University of Mahabad, Iran.

9. *Fotoohi S.* Tur Family in Shahname // International Letters of Social and Humanistic Sciences. 2013. № 9.

10. *Khosravi Sh.* Young and defiant in Tehran // University of Pennsylvania Press, Incorporated, 2009.

11. *Surdykowska S.* Martyrdom and Ecstasy: Emotion Training in Iranian Culture // Cambridge Scholars Publishing. 2012.

12. *Vahideh N.* Chegini. Comparative Study about the Gods of Vegetation in World myths (According to the Myth of Siavash) // International Journal of Language, Literature and Culture. 2014. Vol. 1. No. 2.

13. *Zohdi E., Faghori S., Oroskhan H.* Ferdowsi's Shahnameh: An Attempt to save aryan tradition through diminishing the concept of Filicide // International Journal of English language and translation studies. 2015. Vol. 1. № 3.

G. GOCHMYRADOVA

*Postgraduate student, department of the history
of socio political doctrines, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

THE LEGEND OF SIAVASH IN THE "SHAHNAMEH" BY A. FIRDOUSI: POLITICAL AND TEXTUAL ANALYSIS

Introduction. *The poem Shahnameh was written about a thousand years ago, and is not only the most important literary monument, but also a fundamental component of Iranian culture and identity. Interpretation and analysis of the poem, in particular its part dedicated to Siavash, using political and textual analysis can lead to a deeper understanding of Iranian political culture and identity.*

Aim and objectives. *Reveal the main socio-political ideas in the legend of Siavash in the Shahnameh by A. Ferdowsi.*

Methods. *Political textology was chosen as the basis of the research methodology, which includes general scientific and historical, philosophical methods.*

Results. *The political and textological analysis of the Siavash legend made it possible to single out such key categories as predestination and free will, divine and earthly, Good and Evil, and their continuous confrontation both in the cultural, religious and political spheres.*

Conclusions. *Summing up, we can say that the legend of Siavash is notable for the fact that it attempts to establish peace and a new order, to overcome the endless confrontation between Good and Evil. The failure of this attempt may indicate the need and sometimes the inevitability of a struggle.*

Key words: *Shahnameh, Siavash, Iran, Turan, king, political textology.*

М.С. ГРИГОРЬЕВ

кандидат политических наук, профессор
Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, г. Москва

РАСИЗМ И ГЕНОЦИД В ИДЕОЛОГИИ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (ЧАСТЬ II)

Данная статья является продолжением статьи автора, опубликованной в предыдущем номере журнала. В статье автор продолжает анализировать идеологию украинского национализма. Исследует ее истоки и основное содержание формирования идеологии украинского национализма, составляющие идеологии украинского национализма, включая самые радикальные. Выявляет, что украинский расизм с идеей превосходства «украинской нации», а также связанная с ними политика расовой дискриминации и геноцида являлись одним из основных принципов идеологии и практики украинского национализма, начиная с самого начала его формирования в начале 20-го века. Более того, многое из того, что в дальнейшем стало частью нацистской расовой политики, пропагандировалось и претворялось в жизнь украинскими националистами до немецких нацистов.

Ключевые слова: расизм, национализм, украинский национализм, идеология.

Еще одним принципом украинских националистов является нацистский принцип фюрерства, который имеет право «спустить гнилую кровь»:

«Вся полнота власти в Украинском Государстве принадлежит Украинской Нации. Эту власть Украинская Нация осуществляет через Главу Государства – Вождя Нации, который олицетворяет ее суверенитет и единство» [5. С. 128-129] и «не является пороком предводителя, если порой он будет вынужден спустить гнилую кровь ... заставить разбушевавшуюся стихию смиренно склонить голову (...) Именно потому, что эти ордены стремятся к созданию нового авторитета, существует в них, как в никакой другой партии, развитый культ предводителя [5. С. 137, 182, 183]. При этом осуществлять власть должны «отряды избранных», фанатики, ненавидящие все, что является для них препятствием:

«Являясь своего рода «штурмовой бригадой», отрядом избранных, орден должен лепить своих членов из особого теста» [5. С. 184], «Непоколебимая вера в лозунги, которые провозглашает фанатик (...) глубокая ненависть ко всему, что является препятствием (...) вот гамма чувств, которые обуревают каждого революционера, фанатика» [6. С. 263].

Антисемитизм и русофобия естественно вытекала из расистского подхода украинских националистов все больше продвигаясь к геноциду как одной из нескольких составляющих их идеологии.

В 1926 году выходит статья Д. Донцова «Симон Петлюра», в которой оправдывал еврейские погромы: «не будем подходить к этой проблеме с точки зрения мещанской морали. Для нас победа украинской идеи важнее жизни тысяч украинцев, а тем более тысяч Шварцбардов и Бронштейнов. И если бы освобождение Украины шло через эти тысячи, я думаю ни один украинский патриот не остановится перед ними» [7. С. 42].

На современной Украине в честь нациста и антисемита Д. Донцова переименованы улицы в Львове, Житомире, Луцке, Стрый, Ковале и др. населенных пунктах.

Журнал украинских националистов «Сурма» еще в 1929 году писал: «Из провокаций, насилия и смерти создана система, управляемая московским хамом, которому служит жид-садист» [14. С. 2]. В том же 1929 году газета ОУН «Разбудова нации» публикует статью Ю. Милиновича «Жида, сионизм и Украина». С учетом принадлежности этой газеты в ней была приведена официальная точка зрения Организации украинских националистов: «Украина имеет еще вдобавок своего врага внутри – жидовство» [11. С. 53]:

«Жидовское дело становится одной из важнейших проблем в украинской политике. К сожалению, ни украинская публицистика, ни украинская активная политика не обращают внимания на эту проблему.

Тем не менее, действительность остается действительностью: на землях Украины живет более двух миллионов жидовского населения, которое является чуждым и еще вдобавок по большей части враждебным телом в нашем национальном организме. Не приходится перечислять всего того вреда и пакостей, которые делали жида нашему недавнему освободительному делу. Так происходило на протяжении всей истории и так происходит ныне; с поляками ли, с москалями ли, с большевиками или с немцами, – все равно, жида всегда стояли или прятались на той стороне баррикады, всегда боролись с украинством. Все это несмотря, а может быть, из-за неимоверно толерантного, дружественного и терпеливого отношения к ним широчайших масс местного украинского населения. В нашей борьбе с Польшей они усиливают польский фронт, в борьбе с большевизмом они поддерживают большевиков, в борьбе с русофобством они являются на Украине наиболее последовательными рассадниками Московщины...

Кроме целого ряда врагов вовне, Украина имеет еще вдобавок своего врага внутри – жидовство. Оно не только всегда нам вредило, но более того, оно ни в малейшей степени не изменило до сегодняшнего времени своих позиций; оно вредит дальше и будет вредить так долго, пока украинцы сами не найдут способов самообороны, пока сами не принудят жидов уважать политическую и национальную волю туземной среды. И так же, как украинство последовательно организует оборону от захватчиков, так же в системе украинской освободительной политики настало время подумать о направлении украинской политики также в отношении жидов...

Как нам быть с жидами? Имеем их на Украине более двух миллионов. Позволить им дальше паразитировать в украинском национальном организме? Ассимилировать их, втянуть в национальный организм?... Выселить их? Куда? Два миллиона людей нельзя ни так легко выселить, ни вообще от них освободиться. Этого добра никто и так не хочет, каждый сам рад от него освободиться. Кроме испанцев, жидовскую проблему не сумела практически решить полностью удовлетворительно ни одна христианская европейская нация» [12. С. 271].

Легко увидеть, что такого рода мысли аналогичны тем, что высказывал Адольф Гитлер. Например, антисемитские разглагольствования в газете ОУН о «паразитировании евреев в украинском национальном организме» являются прямым изложением идея Адольфа Гитлера, который писал в «Майн Камп»: «В жизни еврея как паразита в организме других народов и государств заложен своеобразный вид» [3].

В этот же период в официальном органе Украинской военной организации «Сурма» выходят статьи, в которых русофобия соединяется с антисемитизмом и полонофобией – в качестве врагов украинского народа пишут об общей «еврейско-польско-московской коммуне» [15. С. 7].

Еще в 1931 году вышла брошюра ОУН «Как и за что мы боремся с поляками», в которой указано «украинский народ не перестает бороться с поляками, веря, что придет час, когда он кроваво посчитается с угнетателями» [2]. Через 10 лет после этого украинские националисты стали приводить в жизнь свои расистские идеи и убили десятки тысяч мирных поляков.

В 1935 году вышла книга «Нациократия» Н. Сциборского, которая позже была официально принята в качестве идеологии украинского национализма в той части ОУН, которая была связана с А. Мельником. Помимо тоталитарного характера предлагаемого украинскими националистами государства эта идеология наполнена восторженными оценками фашизма и нацизма [16. С. 93]: «фашизм объединяет вокруг общего национального идеала все социальные слои нации, предлагая «нация и государство выше классов и партий», «Историческая заслуга фашизма состоит в том, что в хаосе послевоенных отношений ... он сумел осуществить свою социальную систему, приспособиться к новым требованиям жизни. Демократическому

сонливому «непротивлению злу» и упрямству коммунизма – фашизм противопоставил творческое развитие, уже давшее определенные положительные последствия».

Именно нацистские идеи он предлагал использовать украинским националистам: «Их идеи, науку и опыт обязана использовать Украинская Нация в процессе своего государственного развития. В применении этих ценностей к нашему национальному будущему состоит одна из задач украинского национализма».

Еще в 1935 г. члены ОУН провели в селах Жидачовского, Калуского, Станиславского и Стрийского поветов акцию, в ходе которой били стекла в домах евреев [4. С. 152]. Еще более масштабная акция была проведена летом 1936 г. на Костопольщине. Ей предшествовало собрание руководства местного отделения ОУН, на котором было принято решение, что «жиды вредны для украинской нации, нужно от них освободиться, а наилучшим способом, который приведет к этому, будут поджоги жидовских домов, магазинов и т.п.» [4. С. 102]. В результате последовавших массовых поджогов крова над головой лишились около ста еврейских семей. Через пять лет после этого украинские националисты уже развернули масштабный геноцид евреев, поляков и русских.

Значительное количество материалов украинских националистов были открыто наполнены ненавистью к евреям, русским и полякам. Немецкопольский историк Гжегож Россолински-Либе в своей статье «Фашистское ядро украинского геноцидного национализма» писал [22. С. 27]:

«Идеолог ОУН Владимир Мартынец был одним из наиболее важных пропагандистов расистского антисемитизма. В брошюре «Еврейская проблема в Украине», опубликованной в 1938 году в Лондоне, он ясно дал понять, что восхищается Нюрнбергскими законами, принятыми в 1935 году, и считает, что украинцам нужны подобные расистские правила. Мартынец утверждал, что евреи были чужеродной расой в каждой стране, в которой они жили, и, таким образом, были проблемой для ряда стран по всему миру. Те евреи, которые ассимилировались в таких странах, как Италия и Германия, подвергали их опасности не меньше, чем неассимилированные евреи, потому что они могли заразить кровь народа. По словам Мартынца, ни у одного другого народа не было более серьезной проблемы с евреями, чем у украинцев, потому что ни в одной другой стране не проживало больше евреев, чем в Украине. Мартынец требовал, чтобы украинцы занялись этой проблемой немедленно, а не ждали когда они создадут государство. Однако украинские националисты никогда не ждали того, чтобы создать государство для того, чтобы начать геноцид».

Развивались и расистские взгляды украинских националистов о превосходстве «украинской расы». С такими взглядами выступил украинский националист, автор восторженной книги об Адольфе Гитлере Ростислав

Ендик. В 1938 году в Польше вышла книга В. Кубиевича «География украинских и смежных земель», где в главе «Антропология украинцев» Р. Ендик совершенно в нацистском формате, следуя за немецким расологом Г. Гюнтером (его труды и материалы использовались в официальных расовых концепциях СС), выводил расовое превосходство украинцев над русскими. По поводу высшей нордийской расы, присутствие черт которых он находит в украинской истории он пишет:

«Нордийская раса – идеал европейской красоты, она характеризуется великой силой ума, желанием порядка, деловитостью, пониманием действительности («зрозумінням для дійсности»), стремлением исследовать неведомое и непонятное, легкой недоверчивостью к чужим, верностью и высоким чувством чести. Среди этой расы бывают сильные индивидуальности, в повседневной жизни они одиноки, полагаются на свою, а не на чужую силу, в труде тверды к себе и беспощадны к окружающим. Как руководители имеют высокое чувство ответственности, твердую совесть, негибаемую волю. Они наполнены вечной тягой к путешествиям, стремятся никогда не быть дома, их дом – целый мир, полный чудес и приключений. Далекие походы требуют организаторского искусства, знания военного ремесла, самообладания и обладания над массами. Музыка, геометрия, мореплавание, купечество, завоевание стран, войны, управление государством, основание новых государств – вот их следующие черты.

Все эти черты мы найдем в украинской истории, в те ли времена когда Святослав Завоеватель покидал Киев и земли над Дунаем считал центром своего государства, или позднее, когда запорожцы обкуривали мушкетным дымом стены турецкого Стамбула».

По поводу русских, где «московский мир нашел свое завершение» в «темной понурости», он пишет: «Лапоноидная раса в себе замкнута, не имеет духа господства, спокойно поддается и терпит власть чужих, чтобы оставить ее в покое. Здесь она уже аж чрезвычайно терпелива. Не любит путешествовать и, как покинет свою местность, вскоре возвратится к ней. К чужому относится с недоверием. Очень работающая на земле, рвется на заработки, заработанного не отдает, прячет на черный день, которого, как и вообще будущего, боится, он нависает над ней словно что то неизбежное. Далеких и великих целей не существует, тянется к однородности и равенству. Что до этого, то здесь московский «мир» нашел свое завершение.

Отвага есть, но воинственного духа нет. Сдвинутый с места лапоноид катится тяжело, жестоко сметая все с дороги, сея тревогу («сполох»). Довольствуется малым и тем, что шаг за шагом приобретет. Чужой мысли, прежде всего, новой, не терпит. Привязывается к мелочам. Идеалом является меньшинство, не сносящее каких либо свар и различий, а ее действием становится песня, «где согласие в семействе, там мир и тишина». Для этой расы характерно стремление находить сходства, а не различия, которые

указывали бы на отдельность, поэтому она лучше всего чувствует себя в группе. Замкнутость в себе, недостаток радости должны были отобразиться и в религии, полной темного фанатизма, предрассудков и, особенно, плохо понятой набожности, для которой минимальное отклонение от принятия равнозначно опутыванию дьяволом, для которой мир – игрушка фатальной силы, которой нет сил умолить, где душа бьется в темной понурости» [24. С. 332].

Интересно отметить, что Р. Ендик был активным членом ООН и находился в составе ее походной группы, которая вслед за нацистами занимала советские населенные пункты и участвовала в геноциде.

От своих расистских теорий, русофоб и антисемит Р. Ендик не отказался даже после Второй мировой войны. Уже в 1947 году он писал, что расовые различия между украинцами и русскими важны с точки зрения расовой гигиены [25. С. 378], а «евреи являются в Европе чужерасовой группой», а родившиеся от смешанных с ними браков дети были потомством «с размытой душой, рассадниками братской ненависти и интернационализма» [25. С. 388, 405, 414].

В том же году еще один идеолог украинского национализма Ю. Липа выпустил свой расистский труд «Предназначение Украины», в котором он цитирует Адольфа Гитлера, Б. Муссолини, А. Розенберга, нацистскую антисемитскую газету «Дер Ангриф», а один из разделов книги прямо называется «Жидовская примесь». В своих трудах Ю. Липа проповедовал, что «украинская раса» намного более древняя, чем «московская», русские – потомками диких уральско-финских племен, лишь немного испытавшим позитивное воздействие украинской расы.

Одной из последних его работ стала «Разделение России». В этом произведении он прямо пишет, что его труд вышел из мировоззрения Михаила Грушевского и Симона Петлюры, а посвящен он распаду СССР т.к. именно в этом состоит «историческое предназначение Украины». В главе «Борьба крови» он снова возвращается к своим расистским теориям и рассказывает о том, что украинские и польские крестьяне не вступали в браки из-за того, что их гены были лучше. Необходимо отметить, что Ю. Липы был не просто теоретиком расового превосходства «украинской расы», но принимал активное участие в деятельности организаторов геноцида – Гайдамацкая дивизия в 1917 году, «Полесской сечи» Тараса Бульбы-Боровца в начале Великой Отечественной войны, Украинской повстанческой армии с 1944 года. 24 декабря 2019 г. Львовским областным советом было принято решение о государственном праздновании его дня рождения.

Как правило, путь от расистских теорий до инструкций по организации геноцида у украинских националистов был недолог. В середине 1938 г. руководство ООН подготовило официальный документ под названием «Военная доктрина украинских националистов». Автор «Военной доктрины» – член

Краевой исполнительной ОУН, референт по военной подготовке Михаил Колодзинский, написавший ее по просьбе референта по идеологии Ярослава Стецько. «Военная доктрина украинских националистов» поражает своим расизмом и прямо наполнена даже не призывами, а инструкциями по организации геноцида.

В совершенно нацистском стиле в работе подчеркивается [8. С. 248]: «В восстании на первое место выдвигается жестокость и ненависть... Наши враги на протяжении всей истории обращались с нами очень жестоко. Мы только тогда будем иметь моральное превосходство над ними, когда проявим еще большую жестокость против них. Масса стремится к мести за свои жертвы, и не надо докучать ей во время исполнения этой мести заповедями о любви к ближнему... Против враждебного элемента надо проявить такую жестокость во время восстания, чтобы через десять поколений они боялись не только идти на Украину войной, а даже и взглянуть в ее сторону. Жестокость и ненависть должна быть одинакова как по отношению к историческим врагам, так и к своим, которые выступают против восстания или стараются проводить в жизни какую-то другую, отличную от националистической, идеологию или политическую концепцию. С началом восстания надо распустить все политические партии, все и всех подчинить повстанческой националистической власти... Идея, во имя которой делается восстание, оправдывает и освящает и крайний вандализм, и наиболее отвратительные жестокости».

Одной из целей восстания, согласно «Военной доктрине», должна была стать организация кровавых этнических чисток с уничтожением и изгнанием «враждебных» меньшинств: «Наше восстание имеет своей задачей не только смену политического строя. Оно должно вычистить с Украины чужой, враждебный элемент и плохой собственный, родной. Только во время восстания будет возможно вымести буквально до последнего польский элемент с З.У.З. [западно-украинских земель] и, таким способом, положить конец польским претензиям на польский характер этих земель. Польский элемент, который будет оказывать сопротивление, должен полечь в борьбе, а остальных надо затерроризировать и принудить к бегству за Вислу. Потому нельзя допустить, чтобы после получения З.У.З. польский элемент мог жить здесь рядом с украинцами. З.У.З. будущей Украинской державы должны быть чистыми с национальной точки зрения».

Доктрина ОУН прямо содержит инструкции по проведению массовых убийств не только поляков, но и евреев: «Бесспорно, что гнев украинского народа по отношению к евреям будет особенно страшен. Нам не нужно этот гнев подавлять, наоборот [следует] увеличивать, потому что чем больше погибнет евреев во время восстания, тем будет лучше для украинского государства, потому что евреи будут единственным меньшинством, которое мы не сможем охватить нашей денационализационной политикой».

Все другие меньшинства, которые выйдут живыми из восстания, будем денационализировать».

Гжегож Россолински-Либе также цитирует руководителя Организации украинских националистов Е. Коновальца, который в 1939 году писал, что «большая часть русских, поляков и других иммигрантов» будет убиты на первых стадиях революции. Еще в 1934 году он сообщил Сциборскому, что «смешанные браки с евреями» недопустимы, поскольку евреи – «враги нашего возрождения».

В августе 1939 г. в Риме состоялся II Съезд ОУН, который открыл А. Мельник. «Резолюционную комиссию» возглавлял Я. Стецько и Н. Сциборский. Основным вопросом было назначение А. Мельника вождем ОУН. В устав организации также был официально внесен принцип фюрерства – А. Мельник провозглашался «вождем всей украинской нации» и получал диктаторские полномочия – устанавливалось, что он отвечает только «перед Богом, Нацией и собственной совестью».

Важно отметить, что на съезде был официально принят расистский подход ОУН – в его уставе закреплялось, что членом организации, которая рассматривалась как единственная структура власти на Украине, могут быть только этнические украинцы [10]. Позднее Я. Стецько прямо одобрил геноцид, который осуществляли нацисты: «устранение евреев и целесообразность использования немецких методов истребления еврейства Украины, дабы воспрепятствовать их ассимиляции» [19]. 25 июня 1941 г. в письме С. Бандере Ярослав Стецько писал: «Мы создаем милицию, которая поможет убрать евреев» [23].

Перед Великой отечественной войной по поручению А. Мельника Н. Сциборский представил проект Конституции Украины. В нем открыто утверждается тоталитарный характер политического строя, который пытаются установить украинские националисты – с запрещением всех партий и организаций, кроме ОУН, введение цензуры, принципом фюрерства и т.д.

Подобно нацистским расовым законам в своей конституции украинские националисты прямо говорят о том, что «лица жидовской национальности» исключаются из раздела, где говорится об украинском гражданстве. В другом аспекте они идут дальше нацистов – они обосновывают право на наличие частной собственности полезностью человека, которую они сами планируют определять. В том случае, если действия людей не соответствуют принципам украинского национализма – их частную собственность необходимо конфисковать.

Прямо перед нападением на СССР ОУН Бандеры подготовлен еще один документ с инструкциями по осуществлению геноцида. В мае 1941 г. вышла инструкция «Борьба и деятельность ОУН во время войны». Согласно пункту 16 раздела «Указания на первые дни организации государственной жизни»

принципы политики ОУН по отношению к национальным меньшинствам сводились к следующему [Цит. по: 18]:

«Национальные меньшинства подразделяются на:

а) дружественные нам, то есть члены всех порабощенных народов; б) враждебные нам, москали, поляки, жида; в) имеют одинаковые права с украинцами, они могут возвратиться на свою родину; г) уничтожаются в борьбе кроме тех, кто защищает режим: переселение в их земли, уничтожать прежде всего интеллигенцию, которую нельзя допускать ни до каких правительственных учреждений, и вообще сделать невозможным появление интеллигенции, то есть доступ до школ и т.д. Например, так называемых польских селян необходимо ассимилировать, осведомляя их, тем более в это горячее, полное фанатизма время, что они украинцы, только латинского обряда, насильно ассимилированные. Руководителей уничтожать. Жидов изолировать, убрать из правительственных учреждений, чтобы избежать саботажа, тем более москалей и поляков. Если бы была непреодолимая необходимость оставить в хозяйственном аппарате жида, поставить над ним нашего милиционера и ликвидировать за малейшую провинность. Руководителями отдельных областей жизни могут быть лишь украинцы, а не чужинцы-враги. Ассимиляция жидов исключается».

Следующий, 17 пункт раздела пояснял: «Наша власть должна быть страшна для ее противников. Террор для чужинцев-врагов и своих предателей».

Террор против противников ОУН должен был начаться сразу после вооруженного восстания. В военном разделе инструкции имелся специальный параграф об «очищении территории от враждебных элементов»: «Во время хаоса и смятения можно позволить себе ликвидацию нежелательных польских, московских и жидовских активистов, особенно сторонников большевистско-московского империализма» [26. С. 37].

Дальнейшее развитие пункт об «очищении территории от враждебных элементов» получал в разделе «Организация Службы безопасности»: «Следует помнить, что существуют активисты, которые как главная опора силы НКВД и советской власти на Украине, должны быть, при создании нового революционного порядка на Украине, обезврежены. Такими активистами являются: Москали, посланные на украинские земли для закрепления власти Москвы на Украине; жида, индивидуально и как национальная группа. Чужинцы, преимущественно разные азиаты, которыми Москва колонизирует Украину с намерением создания на Украине национальной чересполосицы. Поляки на западно-украинских землях, которые не отказались от мечты о Великой Польше...».

В целом от Службы безопасности ОУН и украинской полиции требовалось «задушить в зародыше всякую попытку чужинского элемента на Украине проявить себя сколько-нибудь организованно»: «Это – время

национальной революции, – отмечалось в инструкции, – и потому не должно быть никакой толерантности по отношению к давним пришельцам» [9. С. 152].

Легко увидеть, что идеи украинских националистов аналогичны преступным воззрениям Адольфа Гитлера. Например, их инструкции «уничтожать, прежде всего, интеллигенцию, которую нельзя допускать ни до каких правительственных учреждений, и вообще сделать невозможным появление интеллигенции, то есть доступ до школ» повторяет гитлеровские высказывания «... образование опасно. Достаточно, если они будут уметь считать до ста... Каждый образованный человек – это наш будущий враг».

Интересно отметить, что в украинском национализме русофобия и антисемитизм нередко идут вместе. В их материалах общая ненависть к русским и евреям объединяется в терминах «московско-еврейская банда», «еврейско-московский террор», а призыв к убийствам носит характер перечисления: «Народ! Знай! Москва, Польша, мадьяры, евреи – это твои враги. Уничтожай их» [9. С. 261]. При этом главным врагом объявлялись русские. Например, один из основных идеологов украинского национализма Я. Стецько в своей автобиографии, написанной в 1941 г.: «считаю главным врагом Москву... тем не менее, оцениваю независимо... вредную и враждебную роль евреев, которые помогают Москве закрепощать Украину» [Цит. по: 1. С. 207].

Следом за этим ОУН призывала к геноциду, который транслировался ее боевикам в качестве прямой команды к действию. Показательно, что во время Второй мировой войны среди боевиков ОУН распространение получили песни со следующими словами: «Мы будем мясниками для евреев, задушим поляков и построим украинское государство!», «Вырезали мы жидов, вырежем и ляхов, и старого и малого до единого; поляков вырежем, Украину збудуем».

Среди значительной части независимых историков в данной сфере нет иллюзий по поводу того, чего добивались украинские националисты во время Второй мировой войны. Даже такой русофоб, как профессор Йельского университета Тимоти Снайдер пишет, что «Бандера преследовал цель сделать из Украины однопартийную фашистскую диктатуру, без национальных меньшинств. Во время Второй Мировой войны его последователи убили много поляков и евреев» [17. С. 14].

После захвата Львова 30 июня вместе с нацистскими войсками в город вошли колонны ОУН и батальон «Нахтигаль». Они торжественно провозгласили воссоздание «Украинской самостийной соборной державы». В Акте восстановления было сказано:

«Волею украинского народа Организация украинских националистов под руководством Степана Бандеры провозглашает восстановление Украинского государства ...

Восстановленное Украинское государство будет тесно сотрудничать с национал-социалистической Велико-Германией, которая под руководством Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации. Украинская Национальная Революционная Армия, которая будет создана на украинской земле, в дальнейшем будет бороться совместно с союзной немецкой армией против московской оккупации за Суверенное Соборное Украинское Государство и новый порядок во всем мире.

Пусть живет Суверенное Соборное Украинское государство, пусть живет Организация Украинских Националистов, пусть живет Проводник Организации Украинских Националистов Степан Бандера!».

В первый же месяц войны боевиками ОУН в Львове были уничтожены тысячи поляков, евреев и русских. Американско-канадский историк Джон-Пол Химка пишет: «Между 30 июня и 3 июля 1941 г. массивные погромы унесли жизни 4 000 евреев во Львове. Участие милиции ОУН в убийствах евреев хорошо задокументировано» [20].

В 1943 г. ОУН и УПА начали геноцид польского население на Волыни, в которых участвовали члены УПА и ОУН. Руководитель УПА Дмитрий Клячкивский (с января 1944 г. – подчиненный Шухевича) откровенно заявил о том, как они планируют осуществлять геноцид: «Мы должны провести большую акцию ликвидации польского элемента. При отходе немецких войск надо использовать этот выгодный момент для ликвидации всего мужского населения возрастом от 16 до 60 лет... лесные села и села вблизи лесных массивов должны исчезнуть с лица земли». Этот геноцид осуществлялся украинскими националистами с крайней степенью жестокости и зверств. На основе изучения данных об убийствах, польский исследователь Александр Корман установил 135 способов пыток и казней мирных жителей, которые использовали украинские националисты.

Особенными врагами украинских националистов были украинцы, которые не придерживались их взглядов. Все они назывались москвофилами и подлежали уничтожению. Еще в 1942 г. на II Конференции ОУН под руководством Степана Бандеры еще раз была подтверждена не только русофобия, но и борьба с теми, кто позитивно относится к русским («москвофильство») – в официальные решения вошел тезис о том, что украинские националисты борются «против политического и культурного актива и всех форм политического и культурного москвофильства».

В конце Второй мировой войны, когда поражение нацистов стало все более очевидным, украинские националисты стали постепенно переориентироваться на западные страны. При этом у них возникла необходимость формального устранения из их идеологии следов восхищения национал-социалистами и наиболее одиозных принципов, которые не устраивали западные страны, которые взяли их на содержание. Однако даже в этом случае

в выступлениях их лидеров и идеологии остались идея расизма и русофобии, а в практике – продолжение геноцида и убийств мирного населения.

Даже после окончания Второй мировой войны и перехода украинских националистов на содержание западных стран эти идеи остались в их идеологии. Например, в статье С. Бандеры, опубликованной в 1950 году в мюнхенском еженедельнике «Украинский самостийник» он не только не отказывается ни от каких составляющих деятельности ООН и УПА («Эту правду лучше всего подтверждает создание и блестящее развитие УПА, следующая предыдущей деятельности Украинской военной организации – Организации украинских националистов») но и подтверждает расистский и русофобский характер идеологии своей организации – фактически он прямо говорит о борьбе против русского народа вне зависимости от политического строя в России:

«... наша генеральная линия освободительной политики базируется на том, что борьба за государственную независимость Украины – это борьба против России, не только против большевизма, но против каждого захватнического русского империализма, который присущ русскому народу во всей его истории», «надо как можно более выразительно подчеркивать то, что наша борьба – это борьба Украины с Россией, борьба бескомпромиссная, непрерывная в исторической последовательности», «вся борьба и вся деятельность должна быть так поставлена, чтобы сильнее обострять фронтную линию между Украиной и Москвой, между украинством, украинским духом и содержанием – и русийщиной».

С. Бандера специально делает акцент на том, что задача украинских националистов не борьба с большевизмом, которым он называл советский строй, а борьба с русским народом в широком смысле. Он резко возражает против тех, которые считают, что те русские, которые борются с большевизмом не являются врагами, и критикует тех, кто «хочет в политически-воспитательном труде среди украинского народа держаться линии только противобольшевистской борьбы, направить все внимание и революционное наставление украинских масс исключительно против самого режима и против актуальной формы московского империализма – большевизма» (в переводе с украинского):

«Распространяется утверждение, что сам русский народ так же борется с большевизмом, терпит от него и, за исключением малой империалистической большевистской клики, нам не враг, а приятель, союзник.

Такое направление ведет к усилению украинскими руками того, что московский большевизм пытается достичь в первую очередь – убить в украинском народе национальный инстинкт, правильное понимание существенного содержания событий, убить самооборонное, непримиримое отношение к России, завернуть к политическому малороссиянству, только в новой «украинской» форме.

Некоторым кажется, что таким путем можно достичь концентрации и потому большее усиление ненависти, враждебности против актуального самого грозного проявления московского империализма – против большевизма. Между тем это не так. Если притупится ощущение распознавать врага везде там, где он есть, видеть его только с одной стороны, в одном проявлении, то этим облегчается его наступление с других сторон и в другой одежде. А наступление на украинство захватническая Москва ведет в очень разных видах, не только в большевистском и «в противоположном направлении идет конъюнктурная, оппортунистическая концепция – перевести освободительную борьбу на такую платформу, что не Россия, не российский народ является врагом самостоятельности Украины, а обособленный большевистский империализм».

Его русофобская позиция ясно проявляется, когда перечисляет то, против чего он выступает: «теорию об общих исторических корнях, о родственной духовности, веру в доброжелательность, искренность русского народа по отношению к Украине, восхищение русской культурой, убеждение в ее превосходстве, совершенство, желание перенимать все от России».

В своей статье С. Бандера делает акцент и на неприемлемости для украинского национализма идей демократии: «Выдвижение на первое место в программе освободительных соревнований лозунга «За демократический строй в Украине», вместо лозунга «За самостоятельное национальное государство» имеет крайне вредный аспект» и «в то же время в эмиграции появляются попытки накинуть поднять над освободительной борьбой лозунг «За демократию»... Это значит лишить освободительную революцию собственного, четкого идейного лица».

Интересно отметить, что в этой же статье он говорит о расширении практики террористических актов («наступательных революционно-политических акций») с территории, которую он называл украинской, на другие: «... все более широкого развертывания действий украинской освободительной национальной революции, активизирования и усиления все новых частей борьбы в более широких масштабах, с влиянием не только среди украинского народа, но с переносом наших наступательных революционно-политических акций на чужеземные территории».

Как геноцид, так и организация массового террора и террористических актов была не просто частью идеологии, но частью практики украинских националистов. Как пишет историк Г.З. Санников [13], за весь послевоенный период, вплоть до середины 50-х годов, в боях против вооруженного подполья погибли более 25 тысяч военнослужащих и сотрудников госбезопасности. Жертвами бандеровских боёвок стали более 30 тысяч мирных жителей. Были случаи, когда оуновцы не просто расстреливали или вешали активистов, а для устрашения могли распороть живот беременной, отпилить голову, повесить за ноги, убить другим изощренным способом.

Применяя зверские казни, они хотели тем самым запутать селян, заставить их подчиниться своим требованиям. Американский историк К. Симпсон приводит еще большие данные по количеству убитых с 1945 по 1951 год Организацией украинских националистов/Украинской повстанческой армией (ОУН/УПА) – более 35.000 человек [21].

Интересно отметить, что на современной Украине в честь нацистского агента Степана Бандеры названы переулки в Кременчуге и Хмельницком, улицы в Белой Церкви, в Бердичеве, в Бережанах, в Бориславе, в Борисполе, в Борщеве, в Броварах, в Бродах, в Бурштыне, в Бучаче, в Великих Мостах, в Владимире-Волынском, в Дрогобыче, в Житомире, в Ивано-Франковске, в Изяславе, в Калуше, в Катеринополе, в Ковеле, в Коломые, в Коростене, в Корсуне-Шевченковском, в Луцке, во Львове, в Мукачеве, в Николаеве, в Нововолынске, в Новограде-Волынском, в Овруче, в Первомайске, в Ровно, в Самборе, в Старом Самборе, в Стрые, в Сумах, в Трускавце, в Умани, в Хмельницком, в Христиновке, в Черновцах, в Шепетовке и т.д. Его дни рождения празднуются на государственном уровне Украины.

Приведенные выше данные показывают, что расизм с идеями превосходства украинской нации, русофобией и антисемитизмом, а также практика геноцида были одной из основных и постоянных составляющих украинского национализма. С концептуальной точки зрения в этой области украинский национализм являлся одной из форм фашизма, а точнее нацизма с его корневой идеей превосходства нации. Интересно отметить, что с хронологической точки зрения многие из наиболее преступных концепций и практик нацизма были изложены в концепциях украинского национализма еще до того, как в Германии пришел к власти Адольф Гитлер и только потом уже воплощены в жизнь при поддержке самих нацистов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Баканов А.И.* «Ни кацапа, ни жида, ни ляха».
2. Брошюра Краевой экзекутивы ОУН «Как и за что мы боремся с поляками». 1931 г. Государственный архив Львовской области Ф. 121. Оп. 3. Д. 798. Л. 152-159.
3. *Гитлер А.* «Майн Кампф». 1943. Глава «Народ и раса».
4. *Гон М.М.* Из кривдою на самоті: Українсько-єврейські взаємини на західноукраїнських землях у складі Польщі (1935-1939). Рівне, 2005.
5. *Донцов Д.* Хрестом і мечем // Объединение или разъединение. Торонто, 1967.
6. *Донцов Д.* Націоналізм. Львов – Жулкев, 1926.
7. *Донцов Д.* Симон Петлюра // Літературно-науковий вісник. 1926. Ч. 7-8.

8. Зайцев О. Военна доктрина Михайла Колодзінського // Україна модерна. 2013. № 20.
9. ОУН в 1941 році. Ч. 1.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 337. Л. 131-132.
11. Розбудова нації. 1930. № 3-4.
12. Розбудова нації. 1930. № 7-8.
13. Санников Г. Большая охота. Разгром украинской повстанческой армии. М., 2002.
14. Сурма. 1929. № 12.
15. Сурма. 1929. Ч. 10. (25). Жовтень.
16. Сциборский Н. «Нациократия». Киев, 2016.
17. Тимоти Д. Шнайдер. «Фашистский герой в демократическом Киеве» в сборнике статей «ОУН И УПА: ИССЛЕДОВАНИЯ О СОЗДАНИИ «ИСТОРИЧЕСКИХ» МИФОВ», Киев, 2012.
18. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: документы / под ред. А.Н. Артизова. М., 2012. Т. 1.
19. Gabriel N. Finder and Alexaner V. Prusin, "Collaboration in Eastern Galicia: The Ukrainian Police and the Holocaust," East European Jewish Affairs, 34, no. 2 (2004): 102.
20. John-Paul Himka. "The Lviv Pogrom of 1941," paper presented at the Association for the Study of Nationalities, the Harriman Institute, Columbia University, 16 April 2011.
21. Simpson Christopher. America's recruitment of Nazis, and its disastrous effect on our domestic and foreign policy – Collier Books / Macmillan Publishers, 1988. Раздел Guerrillas for World War III.
22. The Carl Beck Papers in Russian and East Studies N2402, июнь 2015, Grzegorz Rossoliński-Liebe, The Fascist Kernel of Ukrainian Genocidal Nationalism.
23. TsDAVO Ukrainy, f. 3833, op. 1, spr. 12, l. 10, Telegram Iaroslav Stest'ko no. 13, 25.6.1941.
24. Географія українських і сумежних земель. Київ, 2005. Т. 1. Загальна географія / Опрац. і зред. В. Кубійович.
25. Єндик Р. Вступ до расової будови України. Грац, 1947.
26. Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. Львів; Київ, 2001.

M.S. GRIGORIEV

*Candidate of political sciences, professor
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia*

RACISM AND GENOCIDE IN THE IDEOLOGY OF UKRAINIAN NATIONALISM IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY (PART II)

This article is a continuation of the author's article published in the previous issue of the journal. In the article the author continues to analyze the ideology of Ukrainian nationalism. Explores its origins and the main content of the formation of the ideology of Ukrainian nationalism, the components of the ideology of Ukrainian nationalism, including the most radical ones. Reveals that Ukrainian racism with the idea of the superiority of the "Ukrainian nation", as well as the associated policy of racial discrimination and genocide, has been one of the main principles of the ideology and practice of Ukrainian nationalism since the very beginning of its formation in the early 20th century. Moreover, much of what later became part of Nazi racial politics was promoted and put into practice by Ukrainian nationalists before the German Nazis.

Key words: *racism, nationalism, Ukrainian nationalism, ideology.*

И.В. УПОРОВ

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
Краснодарского университета МВД России,
Россия, г. Краснодар

М.И. ПЕРЛИК

соискатель
Краснодарского университета МВД России,
Россия, г. Краснодар

ГУЛАГ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ СИСТЕМЕ СССР: СОЗДАНИЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Представлен исторический экскурс по вопросу о создании, функционировании и значении в советском обществе печального известного ГУЛАГа – Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний. Анализируются соответствующие правовые акты, регулировавшие данную сферу общественных отношений, архивные документы, научные труды по заявленной теме. Отмечается, что ГУЛАГ был очень сильно политизирован советской властью, и прежде всего за счет существенного увеличения численности заключенных, осужденных за преступления против государства, что влекло, за собой, в частности, массовые неповиновения заключенных в исправительно-трудовых лагерях. Данное обстоятельство не всегда принимается во внимание в оценках ГУЛАГа. Важно также учитывать опыт деятельности ГУЛАГа в функционировании современной российской уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: ГУЛАГ, исправительно-трудовые лагеря, заключенные, политизация, закон, государство, общество.

Несмотря на то, что период сталинский репрессий уже давно позади, эта тема по-прежнему активно обсуждается в российской историко-правовой науке. И это не случайно – дело в том, что в те годы имела место весьма противоречивая политика советского государства, при которой, с одной стороны, репрессиям подвергались десятки тысяч ни в чем неповинных людей,

а с другой стороны, росло экономическое могущество СССР, что позволило Верховному Главнокомандующему Сталину привести страну к Победе над фашистской Германией. При этом репрессивная составляющая в истории всего советского государства в наибольшей степени была проявлена в период функционирования печально известного Главного управления лагерей и исправительно-трудовых колоний, известного своей краткой аббревиатурой ГУЛАГ. Рассмотрим более подробно наиболее важные политико-правовые характеристики этого феномена советской политико-правовой действительности 1930-х – первой половины 1950-х гг. При этом нужно иметь в виду, что данной теме в постсоветской литературе уделено немало внимания (труды таких исследователей, как Л.И. Бородин, М.Г. Детков, Г.М. Иванова, В.А. Калинин, А.И. Кокурин, А.Я. Козинцев, С.И. Кузьмин, Е.В. Маркова, М.Ю. Моруков, В.Т. Олейник, Е.А. Тимозова, О.В. Хлевнюк, Н.В. Упадышев и др.). Вместе с тем тема эта настолько обширна, что, как представляется имеется необходимость в выделении основных позиций.

Прежде всего, отметим, что создание ГУЛАГА было обусловлено той внутренней политикой, которая была определена еще со второй половины 1920-х гг. и направленной на усиление административно-командных методов управления советским обществом, что нашло отражение, в частности, в насильственной коллективизации на основе известного сталинского тезиса о том, что по мере строительства социализма классовая борьба будет только обостряться. Соответственно советской властью принимались меры по ужесточению мер по отношению к «контрреволюционерам», то есть к лицам, посягнувшим на советский строй. В отношении них действовали известные нормы Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. [5] об ответственности за совершение преступлений против государства (ст. 58 и др.), а сами преступники помещались в специальные места лишения свободы – исправительно-трудовые лагеря (далее – ИТЛ), где условия содержания были более строгие, чем в обычных местах лишения свободы (исправительно-трудовые колонии).

Законодательное закрепление таких ИТЛ было осуществлено Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 7 апреля 1930 г. об утверждении Положения об исправительно-трудовых лагерях [6]. В первых же пунктах этого Положения указывалась, что ИТЛ предназначены для охраны советского общества от «особо социально-опасных» преступников, при этом ИТЛ согласно Положению должны были находиться в ведении Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), чем подчеркивалась политическая составляющая данной карательной меры. Несколько позже приказом ОГПУ (от 25 апреля 1930 г.) было создано Управление лагерями ОГПУ [7], которое в октябре того же года было переименовано в Главное управление исправительно-трудовых лагерей.

В 1934 г., после появления общесоюзного НКВД СССР все места заключения были переданы в это ведомство, а ГУЛАГ стал одним из ведущих главков НКВД СССР, который, помимо изоляции «классово-чуждых» элементов и опасных преступников-уголовников, был трансформирован в источник дешевой рабочей силы, интенсивно эксплуатируемой советской властью на многочисленных стройках масштабных объектов преимущественно в отдаленных районах с суровыми климатическими условиями.

В частности, В. Подоорога высказал такое мнение: «сталинская колонизация Севера, Сибири и Дальнего Востока была самоцелью государственного разума ... Лагеря ГУЛАГа не создавали необходимой для освоения техно-социо-культурной инфраструктуры, да она и не требовалась, ибо всякое стратифицированное пространство опасно для политического режима, приводным ремнем которого всегда был миф о продуктивности непрерывно применяемого насилия. Громадная масса переселяемых заключенных, постепенно потерявших всякую социальную опору, духовно-культурную память, полчища зомби – даже они не смогли освоить эти колоссальные пространства с суровым климатом» [8. С. 109].

И действительно, хотя силами заключенных был построен ряд крупных объектов, но это, во-первых, было сделано ценой тысяч жизни заключенных, нарушения их конституционных и неотчуждаемых прав [11. С. 77], и, во-вторых, отнюдь не все планы были выполнены, а некоторые объекты, куда были вложены огромные средства, после ликвидации ГУЛАГа были просто брошены (печально известная так и не заработавшая «железная дорога смерти» Салехард-Игарка и др.).

Через орбиту ГУЛАГа прошли миллионы заключенных. В период его функционирования, как отмечает З.А. Астемиров, «деятельность ИТУ протекала в обстановке широкого применения репрессий и сосредоточения значительного числа лиц в местах лишения свободы. Среди них было и определенное количество безвинно и несправедливо осужденных или под-вергнутых репрессиям во внесудебном порядке. Вследствие этого в ряде ИТУ создавалась неблагоприятная психологическая атмосфера и отрицательная педагогическая среда, что мешало делу исправления и перевоспитания подлинных преступников» [2. С. 31]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, З.А. Астемиров эту мысль высказал 1975 г., и это было для тех времен не совсем обычным, учитывая, что в советский период в послесталинской литературе критики ГУЛАГа практически не было (впрочем, не было и восхваления – до периода «гласности» в годы перестройки второй половины 1980-х гг.).

И уж тем более в советское время не было публикаций о восстаниях, протестных выступлениях заключенных. Это явление получило распространение после окончания Великой Отечественной войны. Среди наиболее резонансных следует отметить следующие события такого рода: «вооруженных

побег в Арзамасе в 1947 г.; пятидневная голодовка в Вахрушенском ИТЛ в 1951 г.; вооруженный побег в Краслаге в 1951г.; массовая голодовка в Ухтижемлаге в 1951 г. и Экибастузлаге в том же году; волнения заключенных в Озерлаге в 1952 г.; восстание заключенных в Горлаге (Норильск) в 1953 г.; восстание заключенных в Речлаге (Воркута) в 1953 г.; восстание заключенных в Степлаге (Кенгир, Джезказган) в 1954 г.; забастовка штрафного ИТЛ на Колыме в 1955 г.; восстание в Тайшетлаге в 1956 г.» [9. С. 365].

Публикации на эту тему стали появляться в постсоветский период и, как нам представляется, указанные события можно считать одной их характерных черт ГУЛАГа (труды А.С. Смыкалина, Соломона П.И., И.М. Фильштинского И.М. и др.). И во многом это объясняется, как нам представляется, тем обстоятельством, что сама же советская власть очень сильно политизировала действовавшую исправительно-трудовую систему, существенно увеличивая численность заключенных, осужденных как раз по преступлениям против государства (политические преступления), и именно эти заключенные были инициаторами массовых неповиновений в исправительно-трудовых лагерях.

Следует заметить, что причины восстаний, заключенных были различные. В числе наиболее значимых необходимо отметить следующие. Прежде всего это плохие условия содержания заключенных, которые не соответствовали нормативным требованиям, на что лагерная администрация закрывала глаза, поскольку для руководства ИТЛ куда важнее было выполнить установленный производственный план, что было вполне в духе установок высших инстанций. Так, И. Солоневич в этой связи отмечал, что в ГУЛАГе «миллионы жизней и годы нечеловеческого труда были принесены в жертву не для страны, а для мировой революции» [10. С. 174]. Нельзя не отметить, что в некоторых случаях претензии, заключенных признавались обоснованными по итогам проверок ИТЛ контролирующими органами. Так, по итогам подавления восстания, заключенных в Степлаге в решении коллегии МВД СССР указывалось, что лагерная администрация «не обращала должного внимания на бытовые условия содержания заключенных, необоснованно перебрасывали их из одного лагеря в другой, вопреки режимным требованиям содержали в одних жилых помещениях за общеуголовные и контрреволюционные преступления...» [3].

Другой значимой причиной массовых волнений заключенных ИТЛ были последствия Великой Отечественной войны, имея в виду, что во время военных действий немалая часть военнослужащих дезертировала, и, будучи разоблаченными, они попадали в ИТЛ. Туда же направлялись сознательные пособники фашистов (в том числе бандеровцы), изменники Родины, большинство которых ненавидели советскую власть, и, оказавшись в ИТЛ, они продолжали свою антисоветскую преступную деятельность, в том числе намеренно организовывали массовые побег и убийства представителей

лагерной администрации, провоцировали других заключенных на беспорядки в ИТЛ. В таких случаях к зачинщикам восстаний, заключенных принимались жесткие меры государственного принуждения, предусматриваемые действующими законами (приговоры к расстрелу и к длительным срокам лишения свободы).

Как видно, в ГУЛАГЕ происходили весьма противоречивые процессы. Соответственно и оценки также не имеют одного знаменателя. При этом в литературе преобладают довольно жесткие характеристики. Так, Е.Д. Воронянская отмечает следующее: «Непостижимое народное страдание, показавшее потаенную, скрытую каторжную жизнь доброй половины русского народа за полвека правления коммунистов» [12. С. 211]. Согласно точке зрения А. Арсланова, находившиеся в составе ГУЛАГ лагеря и тюрьмы были созданы для того, чтобы «сломать человека, превратить его в покорное животное» [1. С. 180]. Известна критика лагерной системы А.И. Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ», В.Т. Шаламова в его «Колымских рассказах» и других авторов.

На наш взгляд, такого рода оценки излишне эмоциональны. Не забудем, что ГУЛАГ был упразднен самой же советской властью после смерти Сталина, когда на известном XX съезде КПСС в феврале 1956 г. был осужден культ личности, то есть, государство осуществило переоценку деятельности репрессивных органов [4]. А уже 27 октября этого же года приказом МВД СССР ГУЛАГ как структурное подразделение МВД СССР в связи с рядом негативных методов его функционирования был реорганизован в обычную систему мест лишения свободы.

В новой пенитенциарной системе такие ставшими зловещими аббревиатуры, как «ГУЛАГ», «ИТЛ» были исключены (ГУЛАГ был переименован в ГУМЗ – Главное управление мест заключения, затем названия снова несколько раз менялись: ГУИТУ – Главное управление исправительно-трудовых учреждений, СИДиСР – служба по исправительным делам и социальной реабилитации, ГУИН – Главное управление исполнения наказаний, и, наконец, современное наименование ФСИН – Федеральная служба исполнения наказаний).

Одновременно была устранена политическая основа функционирования этой системы – местам лишения свободы была возвращена их основная задача, а именно изоляция от общества преступников (уголовников) и осуществление с ними воспитательно-исправительной работы, что нашло отражение в новых УК РСФСР 1960 г., а затем ИТК РСФСР 1970 г. Данные обстоятельства, на наш взгляд, в недостаточной мере учитываются при оценке ГУЛАГовского прошлого. Важно при этом, чтобы были извлечены уроки из прошлого ГУЛАГа, и не повторять их в деятельности исправительных учреждений современной уголовно-исполнительной системы России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Арсланов А. Трудные вопросы Кенгира // Октябрь. 1990. № 12.
2. Астемиров З.А. История советского исправительно-трудового права. Рязань, 1975.
3. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 1394.
4. Курдюк П.М., Упоров И.В., Акоюн А.В. Преступность как социально-опасное явление и государственное принуждение как метод его нейтрализации. Краснодар, 2007.
5. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 01.04.1934) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 г.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
6. Положение об исправительно-трудовых лагерях (утв. Постановлением СНК СССР 07.04.1930) // СЗ СССР. 1930. № 22. Ст. 248.
7. Приказ ОГПУ № 130/63 от 25.04.1930 г. «Об организации управления лагерями ОГПУ» // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 1. Л. 14.
8. Подорога В. ГУЛАГ в уме // Досье на цензуру. Страна и ее заключенные. 1999. № 7-8.
9. Перлик М.И. Протестные выступления заключенных в исправительно-трудовых лагерях послевоенного ГУЛАГа (1945-1956 гг.): причины и основные направления деятельности правоохранительных органов по их нейтрализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6.
10. Солоневич И. Россия в концлагере. М., 1999.
11. Схатум Б.А., Упоров И.В. Естественное и позитивное право: понятие, история, тенденции и перспективы развития / по редакцией Рассказова Л.П. Краснодар, 2000.
12. Чуковская Е. «Он рассказал о пламене, в котором сторела наша страна» // Досье на цензуру. Страна и ее заключенные. 1999. № 7-8.

I.V. UPOROV

*Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Law Sciences, Professor,
Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Krasnodar, Russia*

M.I. PERLIK

*Applicant, Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Krasnodar, Russia*

GULAG IN THE PUNISHMENT SYSTEM OF THE SOVIET STATE: ESTABLISHMENT AND POLITICAL AND LEGAL CHARACTERISTICS

The article presents a historical excursion on the creation, functioning and significance of the sad famous GULAG in Soviet society – the Main Directorate of Forced Labor Camps and Colonies. The relevant legal acts regulating this sphere of public relations, archival documents, scientific works on the stated topic are analyzed. It is noted that the GULAG was very strongly politicized by the Soviet government, and primarily due to a significant increase in the number of prisoners convicted of crimes against the state, which entailed, in particular, massive disobedience of prisoners in forced labor camps. This circumstance is not always taken into account in the assessments of the GULAG. It is also important to take into account the experience of the GULAG in the functioning of the modern Russian penal system.

Key words: *GULAG, forced labor camps, prisoners, politicization, law, state, society.*

П.Л. ЖИРНОВ

аспирант кафедры
политологии и этнополитики РАНХиГС
при Президенте РФ, Россия, г. Москва

Д.К. ГРИГОРЯН

кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и этнополитики
РАНХиГС при Президенте РФ; доцент кафедры криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического
института МВД России, Россия, г. Ростов-на-Дону

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ОСНОВЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье изучается возможность политологической концептуализации феномена государственно-частного партнерства как широко распространенного явления современной социально-экономической и гражданско-правовой действительности в российском государстве. Необходимость такой концептуализации обусловлена актуальностью поиска новых воспроизводимых ресурсов устойчивого развития страны и его платформы – гражданского общества. Данный поиск наиболее востребован в условиях резко обострившегося внешнего экономического, политического и культурного давления со стороны крупных игроков глобального коммуникативного пространства. Существующие экономические и юридические подходы к определению смысла и задач государственно-частного партнерства не исчерпывают эвристический потенциал данного понятия и выявляют также лимит традиционного политического тезауруса, ориентированного на реализацию властного ресурса. Цель статьи – определить возможные контуры описания диалога власти, общества и бизнеса как новой коммуникативной стратегии, учитывающей нарабатанный опыт в области договорных отношений государственных структур и частных торговых, строительных и промышленных предприятий, а также огромный символический капитал до конца неформализуемых «правил игры» в отечественной

деловой среде. Партнерское взаимодействие способно улучшить инвестиционный климат в отдельных регионах и перераспределить финансовые риски. Вместе с тем, как фактор устойчивого политического развития и достижения целей стабильности гражданского общества кооперация частных и государственных интересов требует еще совершенствования механизмов институционализации равноправия участников диалога, которые должны быть выражены и осмыслены доктринально.

Методологические основы политологического исследования феномена государственно-частного партнерства отражают многопрофильный характер предмета и объекта изучения. Как категория политического мышления и как теоретический инструмент аналитики процессов укрепления гражданского общества в современной России государственно-частное партнерство должно осмысляться на уровне применения ключевых идей классической философии политики и права, которые составили основу публичного дискурсивного пространства. Политический смысл обращения к данной теме в целом связан с определением путей преодоления отчуждения гражданского общества как зрелого института от функционирования государства как субъекта реализации властных и имущественных отношений.

Ключевые слова: *государственно-частное партнерство, гражданское общество, политическое мышление, либеральный дискурс, институционализация, устойчивое развитие.*

Современный этап эволюции российской государственности характеризуется повышенной неопределенностью в условиях существенно возросших внешних рисков и дестабилизирующих факторов. Осмысление происходящих процессов, особенно в связи с необходимостью выработки понятийной основы новой только еще формирующейся идеологической платформы консолидации общества, требует качественного изменения сложившейся системы теоретических подходов. Если главный вектор поиска связан с пониманием трансформации институтов гражданского общества как социально-политической и правовой основы устойчивого развития страны в обозримом будущем, то очевидно необходимо расширить политологический тезаурус, актуализировать его и адаптировать в соответствии с требованиями времени и общественными запросами. Традиционная методологическая установка политической теории исходила из фрагментации общественной жизни на социальную, экономическую, гражданско-правовую и политическую сферы, при общем для всех значении культурной и ментальной составляющей. Однако эпоха социальных шоков и культурных травм, в которую погрузилась наша страна в конце минувшего столетия (равно как и многие другие государства), глубочайшего экономического

кризиса, и затем длительного стохастического процесса восстановления общего жизненного потенциала страны, сделали очевидными предельную эвристическую исчерпанность традиционных базовых категорий исследования указанных сфер. Сама эта дифференциация перестала отвечать решению центральной задачи всего социально-гуманитарного знания и политического дискурса как его авангарда – осознанию сущности изменений государства и социума в цивилизационно-исторической, временной перспективе. Данная перспектива включает в себя, как минимум, оценку трансформации публичного политического мышления, которое в условиях общемировой нестабильности и хаотичности конституирует новую субъектность, объединяющую в себе как ценностные установки, традиционалистские нарративы, так и постмодернистские, в рамках которых политическое действие часто обретает черты перформативного «присутствия».

С этой точки зрения политологическая мысль не может оставаться в стороне от эволюции коммуникативных стратегий общества. Ее концептуальный аппарат сам выступает в роли такой ведущей стратегии: понятийное выражение и лингвистическая фиксация того или иного политического процесса формирует соответствующие горизонты планирования, проектирования, прогнозирования и, что еще более значимо, определяет координаты самосознания общества в условиях внешней необходимости консолидации и мобилизации основных ресурсов и сил. Важнейшим направлением политологического анализа в последние годы в обозначенном вероятностном сценарном контексте является изучение основ восстановления и реинтеграции гражданского общества в нашей стране.

Само по себе гражданское общество как тема политической теории сопровождает всю известную нам историю политической мысли. Но только в современных условиях конвергенционные процессы в обществе привели к ситуации, когда каналами роста гражданского общества как определенной целеобразующей системы становятся трансграничные переходы, точки «бифуркации» (в терминологии синергетической парадигмы). Одним из примеров такой социальной положительной «мутации» является опыт государственно-частного партнерства. Его развитие и совершенствование форм на сегодняшний день образует важнейшее институциональное измерение укрепления гражданского общества и гражданской идентичности субъектов социально-политической и экономической коммуникации. Цель и смысл политической концептуализации феномена государственно-частного партнерства заключается в определении границ новой реальности – государственного регулирования гражданского общества посредством изменения структуры экономической деятельности и мотивации. Главная же проблема, которая требует своего методологического и практического разрешения, заключается в том, что наиболее распространенные подходы к толкованию сущности и механизмов государственно-частного

партнерства, исходят из характерных особенностей экономической и политической систем как замкнутых (закрытых) систем.

Понятие «государственно-частное партнерство» на сегодняшний день еще только обретает содержательную определенность как категория политологического анализа. Можно выделить ряд аспектов, проблематизирующих такое категориальное определение. Сам термин является вариантом перевода английского устойчивого словосочетания «public private partnership», которое дословно означает «публично-частное партнерство» [12]. Данная этимология указывает на ключевое образование – сочетание интересов *публичного* общественного института (государства) и *частного* лица (хозяйствующего субъекта), направленное на реализацию всеобщего значимого проекта или достижение иной, признанной многими, цели. Для современного западноевропейского политического и экономического мышления такое партнерство означает ближайшим образом кооперацию власти и бизнеса, целью которой является непосредственно законодательное и административное сопровождение совместных проектов в области крупных инфраструктурных направлений деятельности (строительство, транспортная отрасль, оказание услуг отдельным группам населения и т.п.), а также внедрения инновационных технологий или «дорожных карт», сопровождающихся повышенной степенью риска вложений и отдачи [11].

Однако такое толкование государственно-частного партнерства, по нашему мнению, достаточно узко и не отражает всей полноты возможных взаимоотношений государства, общества и агентов экономической деятельности. В данном случае кооперативный характер отношений власти и бизнеса, который акцентируется в европейских документах, не исчерпывает политический смысл такого взаимодействия и те его аспекты, которые касаются функционирования институтов гражданского общества. Кооперация не обязательно влечет за собой изменения на уровне внутренней мотивации и определения целей деятельности. Реализация властных полномочий со стороны государства становится чаще всего той демаркационной линией, которая отделяет именно партнерские отношения с деловыми кругами регионов или страны в целом от регуляторных. Регуляция, как подчеркивают отечественные исследователи, может носить как сугубо экономический характер, так и институциональный, правовой, административный. Тогда как государственно-частное партнерство есть прежде всего полноценное *равноправие* в процессе участия в тех или иных совместных проектах [4. С. 14-19]. Равноправный статус участников такого сотрудничества позволяет эффективно преодолевать издержки диалога деловой и политической элиты общества, например, возникновение ситуаций конфликта интересов и иных проявлений коррупционной деятельности [6].

Наиболее приемлемым с точки зрения целей характеристики феномена государственно-частного партнерства как категории политологического

анализа (на уровне концептуализации соответствующих процессов в современном российском обществе) является интерпретация такого партнерства как общего принципа или формы взаимодействия институтов государства и общества с представителями промышленного или финансового капитала, участниками строительной или транспортной отрасли, другими экономическими субъектами, реализующими инновационные проекты в сфере оказания логистических, туристических и других услуг, развитие которых прямо связано с потребностями регионов или отдельных социально значимых направлений деятельности государства. Вместе с тем, такое расширенное понимание партнерства публичных органов власти и бизнеса не означает отсутствие границ понятия.

Проблема заключается в том, что необходимо дифференцировать экономический и гражданско-правовой, политический смыслы данного феномена, но сделать это таким образом, чтобы учитывать скрытые связи экономических и политических интересов в конкретном обществе. Так, например, Я.И. Ваславский предлагает рассматривать государственно-частное партнерство сквозь призму институционального подхода как «в качестве особой технологии агрегирования индивидуальных (коллективных) ценностей для их структурирования в качестве общественного выбора» [3. С. 83]. Иными словами, как подчеркивает ученый, цель такого партнерства состоит в выработке такого механизма корреляции индивидуального интереса и частных ценностей (как категорий экономического мышления), который будет направлять ресурсы и инициативы отдельных субъектов в установленном государством направлении. Как правило, чаще всего, таким направлением становятся те сферы или отрасли экономики, которые в большей степени подвержены влиянию внешних дестабилизирующих факторов. Участие в которых на абсолютно добровольном начале может повлечь возрастание рисков. Определение государственно-частного партнерства в таком ключе выводит на более широкую проблему эволюции институциональной рациональности общества в целом, что в свою очередь связано с изменением культурных установок и социально приемлемых форм идентичности. Политический смысл институционального подхода к партнерству государства и бизнеса заключается, таким образом, в оптимизации соотношения формализованных (институционализированных) и неформализованных каналов коммуникации в социуме. Если диалог власти и бизнеса находит свое отражение в актуальной правовой системе, то государство должно предпринимать усилия по ее дальнейшему совершенствованию, так чтобы конкретные договорные отношения не испытывали дефицит правовой регуляции. А такой дефицит, как показывает постсоветский опыт нашей страны, часто приводит к отчуждению правовой сферы от инициатив гражданского общества, которые входят в диссонанс с юридически закрепленными нормами.

Можно ли рассматривать данную модель как исходную в политической концептуализации государственно-частного партнерства в контексте развития гражданского общества в России? Само гражданское общество есть способ институционального закрепления исторически складывающихся отношений в обществе, в том числе между властью и частными лицами. Классические концепции гражданского общества, как они сложились в рамках модернистской философии права и философии политики еще в XIX в., рассматривали гражданское общество как форму предметного объективированного выражения и закрепления свободы личности, связанного с отношениями частной собственности, господством правовой законности и определенными обязательствами по отношению к государству. Оно же в свою очередь выступает в роли гаранта прав и свобод. Приведем здесь лишь одно фундаментальное определение государства из гегелевской «Философии права», которое как раз содержит в себе основные рационалистические интуиции сущности гражданского общества как единства общего и частного: «Государство есть действительность конкретной свободы; *конкретная же свобода* состоит в том, что личная единичность и ее особенные интересы получают свое полное *развитие и признание своего права* для себя (в системе семьи и гражданского общества) и вместе с тем посредством самих себя частью *переходят* в интерес всеобщего, ... индивиды не живут только для особенного интереса в качестве частных лиц, но волят вместе с тем во всеобщем и для него и действуют, осознавая эту цель» [5. С. 286]. Значимость и объективная обозначенного немецким мыслителем подхода к сути гражданского общества подтвердилась временем: все политические проекты минувшего XX века, которые обыгрывали ценность личного измерения государственной жизни и ее правовой формы, исходили из приоритета публичного коммуникативного пространства, публичной рациональности. Она же лежит в основе договорных отношений в экономической сфере. Приведенное определение государства и характеристика гражданского общества вообще образует первичный срез опыта политической жизни как таковой. Обращение к нему должно составлять предмет не только историографического исследования, но и краеугольный камень самоопределения всей современной политической мысли как опыта конституирования самой публичной реальности.

Конечно, современные социально-политические институты во многом являются формой реализации частной свободы, частных интересов и ценностей как таких, по определению Гегеля, «особенных» интересов. Однако сама по себе характеристика любого института не влечет за собой автоматического закрепления оптимального режима взаимодействия публичного и индивидуального (единичного) начала. Ведь, сам интерес к государственно-частному партнерству в современных условиях ограничения ресурсной базы развития национальных государств (и наша страна здесь

не исключение) и возник в контексте поиска новых форм привлечения частных инвестиций в такие проекты, которые отражают специфически всеобщий (общественный) уровень социального конструирования (проектирования). И этот интерес в том его виде, в каком он приводит сегодня к юридически закрепленным формам взаимодействия власти и бизнеса, явно возник позже становления классической либеральной идеологии, которая и была ничем иным как проектом гражданского общества в новейшей истории западного мира. Достаточно указать на то, что все крупнейшие инфраструктурные объекты современной цивилизации возникли только в XX в.

Государственно-частное партнерство как метод привлечения инвестиций носит временный и локализованный характер [1]. Даже если его сроки максимально расширены, задача соглашения между субъектом экономической деятельности и государственным органом (например, на муниципальном уровне) связана всегда с конкретным проектом. Это могут быть и вопросы аренды, и инвестиционные программы, концессионные соглашения и иные юридически скрепляемые договоры [2; 7; 8; 10]. Все такие институционально закрепляемые практики взаимодействия государства и частного бизнеса, смешанной структуры управления и производства, направлены на минимизацию рисков для индивидуальных хозяйствующих субъектов и на перераспределение проектного финансирования, государственного контроля и административного (властного) ресурса между всеми сторонами соглашения [9]. В таком качестве кооперация публичных и частных структур призвана в первую очередь совершенствовать механизм привлечения инвестиций, в целом, улучшать инвестиционный климат в регионе или стране.

Однако остается открытым вопрос: исчерпывает ли экономическое соглашение и экономический интерес решение задач консолидации гражданского общества посредством такого законодательно оформленного сотрудничества общества, власти и деловых кругов. Например, может ли такое партнерство стать достаточным основанием для формирования социально ответственной модели бизнес-поведения, столь актуальной в наши дни? Или может ли партнерское соглашение стать прологом качественного измерения мотивационной почвы хозяйственной деятельности? А без изменения мотивации, без трансформации структуры целей и интересов (частных и государственных) зрелость гражданского общества остается лишь проектом, *идеей* политической или социально-философской мысли, но не практики. Наконец, важно понять, что само гражданское общество как развитая форма человеческой (социально-культурной кооперации) обладает огромным ресурсом, включающим в себя социальное доверие и социальный капитал, использование которого также может конвертироваться

в определенную «стоимость» именно в тех проектах, которые не могут быть профинансированы только исходя из экономической целесообразности.

Поэтому, отвечая на поставленный выше вопрос о возможности политологической концептуализации государственно-частного партнерства как механизма оптимизации соотношения формализованных и неформализованных «правил игры», участниками которой являются общество, власть и капитал, необходимо отметить следующее:

– существующая в России правовая основа заключения партнерских соглашений между государственными и частными структурами в области реализации инвестиционных и иных рискованных проектов, не является на сегодняшний день достаточным основанием для автоматического придания им статуса акции, обладающей значением для совершенствования институтов гражданского общества;

– сам смысл сотрудничества государства и частного бизнеса в условиях внешнего, в том числе санкционного, давления на экономику и политическую сферу страны, далеко не исчерпывается только приобретением прибыли и снижением финансовых рисков. Именно для прояснения более глубинного масштабного характера юридически регулируемого государственно-частного партнерства и требуется особая политологическая концептуализация, которая позволяет индцировать конечный эффект и итог такого партнерства;

– с определенной долей вероятности можно сказать, что механизмы институционализации указанного партнерства сегодня представляют собой лишь зарождающийся социально и культурно обусловленный вариант развития национального типа экономики и национальной политической (гражданско-правовой) системы. Речь идет о том, что государственно-частное партнерство как феномен современной социальной реальности может стать эффективным инструментом реализации принципов долгосрочной стратегии устойчивого развития страны в новом глобальном контексте. В той степени, в какой российский бизнес должен и может вступать в тесное сотрудничество с мировыми компаниями по самым разным направлениям, он должен выступать главным актором экономической активности, инициативы и проектирования. В тех же ситуациях, когда уверенный рост экономических показателей становится аргументом в политических дискуссиях, именно государство и публичные общественные структуры, в том числе сетевые, должны формировать единый *гражданский интерес*, который в себе синтезирует экономическую мотивацию, личные интересы, политические цели и ценности.

Общий вывод, который можно предварительно сделать по итогам исследования предпосылок политологической концептуализации феномена государственно-частного партнерства, можно сформулировать следующим образом: сложившиеся на сегодняшний день экономические и правовые

практики концептуализации государственно-частного партнерства не достаточны для определения данного феномена в системе категорий политологической мысли в контексте изучения процессов укрепления гражданского общества в современной России. Остается пока почти незадействованным потенциал исследования кооперации государства и частного бизнеса как особого типа коммуникации, который в будущем может составить основу национальной стратегии устойчивого развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бедняков А.С.* Государственно-частное партнерство как модель развития публичной инфраструктуры // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 1.

2. *Варнавский В.Г.* Использование механизмов доверительного управления и концессий для повышения эффективности управления государственной и муниципальной собственностью // Имущественные отношения в РФ. 2012. № 5.

3. *Ваславский Я.И.* Государственно-частное партнерство в контексте технологии институционализации общественного выбора: теоретический подход // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 2.

4. *Вилисов М.В.* Государственно-частное партнерство: политико-правовой аспект // Власть. 2006. № 7.

5. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990.

6. *Григорян Д.К., Крицкая А.А., Веренич И.Г.* К проблеме взаимодействия гражданского общества и политической элиты в контексте противодействия коррупции // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 3 (106).

7. *Зельднер А.Г.* Специальный инвестиционный контракт в управлении привлечением частных инвестиций в модернизацию промышленности // Экономические науки. 2019. № 9.

8. *Зельднер А.Г.* Офсетные контракты в управлении привлечением инвестиций в проекты с гарантированным спросом // Финансовая экономика. 2020. № 2.

9. *Килингаров В.В.* Институциональные публично-частные партнерства: общее понятие и правовые рамки // Юрист. 2015. № 7.

10. *Меджидов З.У.* Формы государственно-частного партнерства в России: сравнительный анализ // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 3.

11. Green Paper on public-private partnerships and Community law on public contracts and concessions: COM/2004/0327, item 1 // <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52004DC0327>.

12. Public-Private Partnership Handbook // <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/31484/public-private-partnership.pdf>.

P.L. ZHIRNOV

*Postgraduate student of the department
of the Department of Political Science and Ethnopolitics of the Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia*

D.K. GRIGORIAN

*Candidate of political sciences,
Associate Professor of the Chair of D. in Political Science
and Ethnopolitics at the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration; Associate Professor of Chair of
Criminalistics and Investigative Activity
of Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-Don, Russia*

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP: BASES OF CONCEPTUALIZATION IN THE CONTEXT OF POLITICAL SCIENCE ANALYSIS OF THE FORMATION OF MODERN RUSSIAN CIVIL SOCIETY

The article examines the possibility of political science conceptualization of the phenomenon of public-private partnership as a widespread phenomenon of modern socio-economic and civil law reality in the Russian state. The need for such conceptualization is due to the urgency of the search for new reproducible resources for sustainable development of the country and its platform - civil society. This search is most in demand in conditions of sharply exacerbated external economic, political and cultural pressure from the major players of the global communication space. The existing economic and legal approaches to defining the meaning and objectives of public-private partnership do not exhaust the heuristic potential of this concept and also reveal the limit of the traditional political thesaurus focused on the implementation of the power resource. The purpose of the article is to define the possible contours of the description of the dialogue between the government, society and business as a new communicative strategy that takes into account the accumulated experience in the field of contractual

relations between state structures and private trade, construction and industrial enterprises, as well as a huge symbolic capital of unformalized "rules of the game" in the domestic business environment to the end. Partnership interaction can improve the investment climate in individual regions and redistribute financial risks. At the same time, as a factor of sustainable political development and the achievement of the goals of stability in civil society, the cooperation of private and state interests requires the improvement of mechanisms of institutionalizing the equality of participants in the dialogue, which must be expressed and comprehended doctrinally.

The methodological foundations of political science research into the phenomenon of public-private partnership reflect the multidisciplinary nature of the subject and object of study. As a category of political thinking and as a theoretical tool of analyzing the processes of strengthening civil society in modern Russia, public-private partnership should be understood at the level of application of key ideas of classical philosophy of politics and law, which formed the basis of public discursive space. The political sense of addressing this topic in general is connected with determining the ways to overcome the alienation of civil society as a mature institution from the functioning of the state as a subject of implementation of power and property relations.

Key words: *public-private partnership, civil society, political thinking, liberal discourse, institutionalization, sustainable development.*

А.Д. САВЕЛЬЕВА

*аспирант кафедры российской политики
факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ФАКТОРЫ ПОЛИТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА В РОССИИ

В современном обществе гражданский активизм прочно укрепился как символ активной гражданской и общественной позиции и неизменно связан с выражением позиции не только социальной и общественной, но и политической. Автором в статье предпринята попытка определить основные ключевые факторы, способствующие политизации гражданского активизма, его трансформации в политический активизм. Поскольку само понятие гражданского активизма является достаточно новым и еще проходит стадию формирования и развития, автором выделяются специфические черты политизации гражданского активизма именно в Российской Федерации.

Ключевые слова: *политизация, гражданский активизм, политическая активность, общественное мнение, политические партии Российской Федерации.*

В Российской Федерации принято считать, что гражданский активизм является центральным и основополагающим элементом действующей демократической политической и гражданской власти. Стоит заметить, что данный подход совершенно отличается от бихевиористского подхода к трактовке гражданского активизма, который включает в себя цепочку «стимул – реакция» [2].

Таким образом, с уверенностью можно сказать, что в российском политическом обществе граждане и члены социума не только сами являются объектом воздействия со стороны различных политических сил. Они сами могут оказывать существенное влияние на общественно-политическую систему и направления ее развития, а также изменяют общественно-политическую действительность. Некоторые формы трансляции гражданского активизма могут быть весьма странными и агрессивными и выходить за рамки обычного понимания.

В условиях российской действительности многие формы гражданского активизма зачастую перерастают в политический протест.

При этом стоит заметить, что понятие политического протеста хоть и не отождествляется с политическим активизмом, но в российских реалиях имеет особо схожие черты, так как также представляет форму выражения негативного настроения относительно существующей общественно-политической и социальной системы, часто приобретая достаточно агрессивные и экстремистские формы [4].

Гражданский активизм в России имеет свои особые черты развития и по большей части представлен негативными реакциями на существующий режим, перетекающими в протестные движения. Но он, по мнению ряда ученых, имеет и иные положительные черты, к которым можно отнести способность воздействовать отдельных индивидуумов или групп людей на происходящие политические действия и даже трансформировать политическую систему в целом. Во многом это возможно благодаря цифровым и информационным технологиям.

Таким образом, в России, по типу большинства стран, гражданский активизм приобрел совершенно другую информационную и цифровую форму, которая выражается в возможности участия во всех политических событиях общества, актуализации проблемы и вынесения ее для решения на местной политической площадке. При этом сторона политической власти имеет возможность увидеть мнение граждан посредством социальных медиа.

И все же подобного рода гражданский активизм подразумевает не только высокую творческую и инициативную направленность, способность обрабатывать и понимать большой объем информации, но и глубину мышления, и способность высказывать открыто свою точку зрения. А активное проявление различных точек зрения может служить началом для создания различных социальных и политических групп, которые посредством гражданского активизма могут трансформироваться в протестные движения [3].

Итак, активное комментирование различных политических явлений и событий позволяет сформировать политическим акторам свою собственную точку зрения, а это, в свою очередь, облегчает процесс политического образования и просвещения и является одним из самых мощных стимулов к повышению политической активности.

В виртуальном пространстве, таким образом, формируется группа людей с однородной политической идентичностью. Каждый член такой группы чувствует свою привязанность к политической коллективной действительности. Такая группа предпринимает активные действия по внесению изменений в существующий политический порядок и политическую действительность.

Здесь стоит упомянуть о том, что роль коллективной идентичности в процессе формирования гражданского активизма весьма дискуссионна в научной среде политиков.

Одни утверждают, что эта роль является прямым инструментом формирования гражданского активизма, как чисто властного явления. Другие отмечают, что коллективная идентичность лишь выполняет роль так называемой социализации и адаптации в политической среде. И здесь интернет, как политический инструмент лишь является дополняющим фактором.

Есть мнение, что коллективная идентичность в интернет-пространстве лишь является процессом в пределах листа контактов. И на этом ее роль, значимость и политическая ценность теряются. Они обосновывают свое мнение тем, что раньше процесс формирования коллективной идентичности был возможен лишь посредством личных контактов всех членов группы. Только тогда коллективная идентичность могла привести к формированию и развитию гражданского активизма [1].

Здесь стоит отметить, что в России, как кажется, имеется именно этот вариант. Поскольку большинство участников таких виртуальных групп ограничиваются лишь собственно виртуальным общением и высказыванием своего мнения. А всплеск политической активности не наблюдается.

Тем временем такое явление, как коллективная идентичность особо важна, так как позволяет опосредовать и структурировать политическое самосознание посредством деления политического пространства на «своих» и «чужих».

Коллективная идентичность как инструмент гражданского активизма должна в конечном итоге иметь и виртуальную, и закрепленную коммуникативно-персонализирующую форму.

Процесс формирования и развития гражданского активизма в России на данный момент складывается под влиянием ряда факторов, одним из которых является развитие Интернет-пространства, которое переросло из обычного способа обмена информацией в процесс обмена коммуникациями, где возможна, кстати говоря, и стратегия прямой мобилизации, и стратегия косвенной мобилизации.

С другой стороны, яркой отличительной особенностью формирования гражданского активизма в России является тот факт, что любая политическая открытая деятельность подвергается тщательному анализу, контролю и оценке.

Гражданский активизм ограничен рамками политической дозволенности, которая определяет степень гражданской и социальной активности в современном обществе. И несмотря на то, что в современном политическом российском обществе есть основы для формирования институционального фундамента развития политической активности и политического творчества, такие ограничительные рамки способны в значительной мере

снизить эффективность политической активности граждан, а значит снизить эффективность и качество применяемых политических и общественных решений [2].

Также можно заметить, что этот процесс окрашивается в негативный оттенок благодаря развитию таких отрицательных явлений, как ослабление организованности политических движений, их маргинализацией и даже радикализацией агрессивно и оппозиционно настроенных политических группировок. Они в выражении своего гражданского активизма часто прибегают к нестандартным и негативным методам политических провокаций.

В настоящее время в России существует достаточно широкий спектр инструментов и методов, позволяющих гражданам и общественным институтам реализовывать свои инициативы. Следует особо выделить ряд направлений, в которых политический активизм все прочнее занимает свои позиции.

Политический активизм в России может проявляться в следующих направлениях:

- митинги, протестные движения;
- участие в выборах, электоральная деятельность;
- совместная работа как особая форма демократического соучастия;
- со-управление и местное самоуправление, законотворческий процесс;
- волонтерство, общественный контроль, профилактика правонарушений;
- краудсорсинговые практики, многочисленные интернет-практики (в последнее время – главный индикатор наличия проблем в государстве и обществе);
- благотворительность и др.

В данной связи обращает на себя тот факт, что в значительной степени возрастает социальная и политическая напряженность, связанная с тем, что власти во многих случаях не имеют возможности решить многие социально-экономические и общественно-политические вопросы. В связи с этим возникает недоверие населения властям, что влечет отсутствие диалога между населением и политическими правящими кругами.

Как показывает проведенный анализ, начиная с 2018 года наблюдается существенное сокращение политической активности граждан в области выявления и решения социально-политических и общественных вопросов, то есть сами по себе вопросы и проблемы продолжают возникать и накапливаться, но власти не решают их, так как население просто не желает обращаться в соответствующие органы власти.

Это в первую очередь объясняется тем, что в большинстве случаев гражданам не верят, что их проблемы будут услышаны или решены.

Тем не менее, оценка результатов проведенных опросов указывает на то, что около 98% всех граждан, обратившихся с просьбами и вопросами в органы власти, остались удовлетворены полученными результатами.

Так, например, по проведенным исследованиям было выявлено, что около 60% всех опрошенных полностью удовлетворены ответом органов власти на вопросы и просьбы. 30% всех опрошенных остались полностью не довольны ответом властей или методами, при помощи которых власти решали их вопросы. И около 10% всех опрошенных остались удовлетворены ответом респондентов частично.

Итак, можно заметить, что решение вопросов и обращений граждан в области социально-экономических и общественно-политических вопросов не только является формой выражения политического активизма, что поддерживает демократическую форму правления в государстве, но и является индикатором для органов власти в выборе направлений управления структурой политической системы, ее модернизации и совершенствования для оптимизации политической стабильности в стране. Более того, своевременное решение вопросов и рассмотрение обращений граждан позволяет в конструктивной форме решить многие вопросы, а иногда и предотвратить политическую нестабильность, митинги, протесты и даже политического характера преступную деятельность.

Именно в этом контексте можно считать, что политический активизм в современной России выражается в большей степени именно в форме обращений в органы власти. А, следовательно, политические структуры должны использовать рассмотренный выше метод косвенной мобилизации для повышения эффективности диалога между населением и органами власти в форме он-лайн просьб и обращений.

Существующие на данный момент проблемы в области политического управления создают в то же время существенные проблемы в области доверия властям, проведения конструктивного, открытого и достоверного диалога между властью и народом, что порождает выделение такой формы политического активизма в России, как протесты, митинги и деструктивная деятельность.

Таким образом, социальная активность позволяет удовлетворить потребности, а также способствует самовыражению личности. То есть активность – целенаправленный процесс реализации своих способностей и интересов. Следовательно, при анализе социокультурных параметров активизма необходимо учитывать его возрастные характеристики.

Принято считать, что гражданский активизм, в основном, является прерогативой молодежи. В данном случае деятельностный подход позволяет разделять сферу труда и сферу творчества, которые лежат в основе повседневного опыта. Если труд стандартизован, то творческая составляющая индивидуальна. Творчество позволяет увидеть собственное «Я», способствует совершенствованию личности и развитию, выразить свою точку зрения в различных формах активности.

Творческий потенциал молодых людей раскрывают и субкультуры. Поэтому можем говорить, что модернизации социокультурной среды способствует молодежь.

Субкультура сочетает в себе и социализацию, и формирование собственного «Я», и творчество. Коммуникации и общение со сверстниками, контакт с миром – все это определяется социокультурной средой. Таким образом, социокультурная среда создает условия для разных видов деятельности. Она предоставляет условия и формирует образцы поведения для молодежи. Со становлением новой социальной реальности индивид должен иметь навыки для дальнейшей идентификации себя с субъектами новой общественной жизни.

Неоспоримым является тот факт, что поведенческие паттерны, которые сформировались под влиянием нового социокультурного пространства, в скором времени станут главной вехой влияния не только на духовно-нравственные категории общества, но и на производственные отношения, на их систему.

В связи с этим, появляется необходимость в построении нового идейно-ценностного ряда для нового информационного поколения. Можем утверждать, что индивиды зависимы от различных ценностных установок, которые они приобретают в процессе социализации. В связи с этим, основываясь на исследованиях по аксиологическим составляющим личности, можно утверждать, что общественные события (политические, культурные, социальные, экономические и другие) оказывают существенное влияние на становление и развитие системы ценностей личности [3].

В связи с этим, мы с большей степенью вероятности можем утверждать, что идейно-ценностная и духовно-нравственная составляющие поколения зет трансформировались под влиянием постмодернизма и развития информационного сообщества.

Формирование и рост личностного потенциала молодых людей происходит путем усвоения и переработки культурных ценностей предыдущих поколений. В данном контексте поколение зет – это люди, вступающие во взрослую жизнь (учащиеся старших классов). Оно не может доминировать пока в семье и обществе, так как не готово к производству ценностей, которое разделяют старшие поколения. Молодые люди не создают социальные институты и инновации, они их осваивают, пытаясь приспособить под свои потребности.

Но у этого поколения есть еще время (ресурс ожидания). Оно готовится к взрослой, полноценной жизни не пассивно, а стремясь внести свои коррективы в социокультурные изменения и, тем самым, готовясь к новым ролям на исторической арене.

Для разработки модели гражданского активизма в российских социально-экономических и политических условиях, для прогнозирования

событий, связанных с протестными настроениями молодежи, для выполнения задач по разработке технологий формирования легитимных форм участия молодежи в политической жизни страны необходимо учитывать следующие факторы:

– гражданский активизм основывается на индивидуалистических ценностях личности, в том числе ценностях самовыражения и саморазвития, открытости новому опыту;

– гражданский активизм заключается в отстаивании личных интересов и личного пространства на основе ценностей и открытое выражение гражданской позиции;

– гражданский активизм основывается на защите прав и свобод граждан. Ценности свободыценностная характеристика современного поколения. Ограничение свободы в любом проявлении вызывает негативную ответную реакцию со стороны молодежи;

– гражданский активизм в России развивается в направлении мировых тенденций в отстаивании гражданских прав, во взаимосвязи с политическими и экономическими процессами в стране;

– гражданский активизм интерпретируется как защитный механизм молодежи в отстаивании свободного выбора и прав гражданина;

– гражданский активизм основывается на критическом рассмотрении действительности и анализе современных рисков;

– гражданский активизм является коммуникативным процессом и включает коммуникативные технологии как ведущие в формировании межличностных и межгрупповых взаимодействий;

– гражданский активизм определяет новые социальные практики молодежи.

Таким образом, эффективность решения проблемных социально-политических вопросов и ситуаций в современной России зависит от политической активности гражданского общества и форм его участия в общественной жизни. Однако следует отметить, что в большинстве случаев особенностью российского политического активизма является крайняя степень политической пассивности.

Итак, можно сделать вывод о том, что процесс развития и формирования гражданского активизма является процессом далеко не линейным. Он затрагивает вопросы политического давления и даже манипулирования людьми в целях повышения их политической активности. А это ведет, в свою очередь к непредсказуемым и далеко идущим последствиям, оказывая влияние на развитие политически деструктивных действий.

В современной политической среде развитие гражданского активизма связано с применением стратегий как прямой, так и косвенной манипуляции, в рамках которых оказывается и общее стимулирующее воздействие для формирования политической активности граждан, а также оказывается

персонализированное, индивидуальное воздействие в рамках которого, каждый потенциальный субъект политического воздействия анализируется.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Володенков С.В. Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 2 // www.vestnik-mgou.ru.

2. Никовская Л.И. Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде: сборник научных статей. СПб., 2017.

3. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6.

4. Столетов О.В. Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства. М.: Издательство Московского университета, 2018.

A.D. SAVELYEVA

*Postgraduate student of the Department
of Russian Politics Faculty of Political Science,
Moscow State University M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

POLITIZATION FACTORS OF MODERN CIVIL ACTIVISM IN RUSSIA

In modern society, civic activism has firmly established itself as a symbol of an active civic and social position and is invariably associated with the expression of a position not only social and public, but also political. The author of the article made an attempt to identify the main key factors contributing to the politicization of civic activism, its transformation into political activism. Since the very concept of civic activism is quite new and is still undergoing the stage of formation and development, the author highlights the specific features of the politicization of civic activism in the Russian Federation.

Key words: *politicization, civil activism, political activity, public opinion, political parties of the Russian Federation.*

В.В. ГРОМОВ

*аспирант кафедры политологии и политического
управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: НЕКОТОРЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАКТИКИ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ

В исследовании автором приводится ряд зарубежных практик, направленных на повышение уровня политического участия молодежи. В качестве конкретных примеров рассматриваются государства Европы, США и Азии. Автор акцентирует внимание на том, что политическое участие молодежи является одним из направлений молодежной политики государства. При этом, достаточно значимой представляется и роль образовательных организаций, для которых политическое участие, выражающееся в гражданском сознании, становится одним из блоков образовательной системы. Также автор отмечает возрастающую роль в политических партиях и общественных организаций.

Ключевые слова: *молодежная политика, политическое участие, политические партии, институты государственной власти, молодежь.*

Современная наука выделяет два ключевых методологических подхода, в целом, объясняющие взаимосвязь молодежной политики, реализуемую в том или ином государстве и вовлеченностью молодежи в политические процессы, представительстве молодежи, непосредственно, в политических партиях:

1) первый подход содержит в себе молодежную политику как своего рода элемента комплексной политики, которая исполняется в процессе политической деятельности в форме субъект-объектных отношений;

2) второй подход – это, так называемый, комплексный анализ всей сути госполитики для молодежи, который будет основан на полисубъектности [2].

Субъективность в политической сфере связана с тем, что данная сфере должна действовать в формате взаимодействия и партнерства между различными органами, учреждениями, объединениями.

Второй подход считается интересным тем, что молодому поколению отводится, прежде всего, субъектная позиция. Именно по этой причине, работа партий и фракций страны в качестве агентов социализации не сводится к патернализму, в общем виде, это больше похоже на равноправный диалог молодежи и политических властей.

В целом, вопрос взаимодействия молодежи и политических акторов, и на сегодня, остается открытым и требует дальнейшей над ним работой. Это может быть сведено, прежде всего, к тому, что на первый план выходит определение сути в сотрудничестве членов партий на пути поиска общих интересов, поиску компромисса.

Относительного этого фактора, в идеале, вовлекающее политическое образование должно четко себе представлять интересы и потребности современных молодых граждан страны для того, чтобы впоследствии суметь предложить адекватные меры и пути для удовлетворения возникающих и имеющихся нужд молодежи. По этой причине, программа той или иной политической фракции должна быть довольно интересной и перспективной, прежде всего, для молодых граждан.

В западных и восточных странах накоплен огромный опыт по формированию и реализации политики в отношении молодежи. Обратим внимание, что политические партии как связующие акторы общества с властью также имеют свой не только теоретический, но и практический опыт работы с молодежным сегментом электората. При этом партии находящиеся на уровне принятия решений, имеют возможность законодательной инициативы по модернизации молодежной политики, а также учитывать интересы молодежи при принятии иных законов.

Ряд международных институтов – ООН, ЮНЕСКО, Совет Европы и пр. также разрабатывают нормативно-правовые акты, резолюции и пр., направленные на защиту интересов молодежи, которые носят рекомендательный характер для членов-государств участников. В XXI веке молодежная политика – ключевой государственный приоритет политики в зарубежных странах. Это связано с тем, что влияние молодежи, прежде всего, активистов различных общественно-политических организаций, студенческих сообществ и пр. на реализуемый вектор государственных преобразований усиливается. Это стало возможно благодаря росту образованности молодежи, активному внедрению информационных, цифровых платформ для получения и передачи информации.

Одним из самых развитых государств на европейском континенте является ФРГ. Именно Германия за счет своих высоких экономических показателей проводит эффективную государственную молодежную политику.

А.В. Лубский утверждает, что «молодежная политика в Германии проводится с учетом, с одной стороны, рекомендаций, принятых в рамках Европейского Союза, с другой – национальных особенностей сложившегося

в стране гражданского общества и национально-гражданской идентичности». Немецкая молодежная политика опирается на законы федерального значения, на Основном законе, а также на «Федеральном плане молодежной и детской политики» [7].

«Федеральное министерство по делам семьи, пожилых людей, женщин и молодежи» в Германии занимается непосредственной работой, которая направлена на поддержание подрастающего немецкого поколения, а также создает и принимает различные формы, методы молодежной работы, формирует важные ценности для молодого поколения.

На региональном уровне политику в сфере молодежи Германия реализует через различные организации, учреждения негосударственного сектора (союзы, региональные учреждения, благотворительные фонды) [11].

На данном этапе развития ФРГ (третье десятилетие XXI века) функционирует свыше 90 молодежных союзов федерального уровня, в которых состоит около четверти всей молодежи. В этих организациях состоит более 6 миллионов молодых немцев.

В совершенно ином ключе рассматривается молодежная проблематика в Италии. М.Н. Дудиева утверждает, что «более 80% молодых итальянцев (до 35 лет) хотят переехать в другие страны ЕС. Связано это с высоким уровнем безработицы и низкими заработными платами, по сравнению с той же Германией». В Италии парламент каждый год посещают более 100 тыс. студентов. Они изучают опыт работы итальянских депутатов, участвуют в правительственных научных конференциях. М.Н. Дудиева утверждает, что «в Италии молодежная политика направлена на облегчение доступа молодежи к кредитам, рынку труда, обучению, бизнесу, жилью и активному участию» [5].

Стоит отметить, что в Италии отсутствует центральное ведомство или координирующий орган, который занимается молодежной политикой. Это затрудняет решение социально-экономических проблем в данной стране.

Молодежная политика на государственном уровне эффективно реализуется и на территории Франции. Исследователи А.В. Лубский, В.П. Иванова считают, что «молодежная политика во Франции обусловлена также национальными особенностями сложившегося в стране гражданского общества, представляющего собой набор независимых ассоциаций граждан, создаваемых «снизу» для решения наиболее важных общественных проблем» [8].

Французское министерство, которое занимается молодежью, разрабатывает различные направления деятельности. Но до сих пор не существует закона, который полностью ее регулировал. Французская политика в отношении молодого поколения осуществляется через Национальный молодежный совет, а также через молодежные советы на местах, причем они могут быть как на муниципальном, так и на департаментском уровне. В целом,

политика, направленная в сторону молодого французского поколения, направлена на реализациях всех возможностей молодежи в различных сферах общественной жизни.

Молодежной политикой в Великобритании находится в компетенции «Комитета по делам детей и молодежи». Молодежная политика Великобритании направлена на решение социально-экономических проблем молодежи, а также рост ее политической включенности в общественно-политическую жизнь страны.

Г.Ю. Никипорец-Такигава обратила внимание на тот факт, что «решение правительства Великобритании заняться искоренением диспропорций в уровне и качестве образования между различными стратами британской молодежи стало важным шагом на пути к обществу без эксклюзии – цель любого демократического государства» [9].

А.А. Зеленин утверждает следующее суждение: «молодежная политика в США – это не отдельная сфера деятельности органов государства, ибо воспитание молодежи – составляющая часть системы образования» [6].

Такой дуализм подходов, имеющихся в американской практике представлен на рисунке 1.

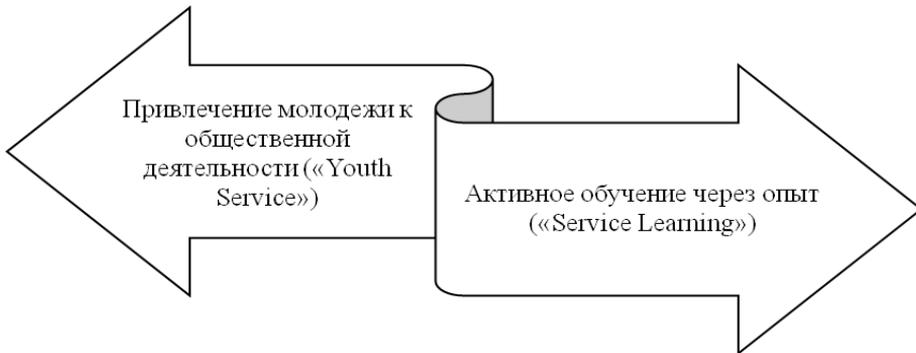

Рисунок 1. Инструменты воспитания молодежи в США

В США большую роль играет именно воспитание молодого поколения на местном уровне: в районах городских поселений, где этим занимаются организации, основанные на добровольном характере.

В США действует множество программ в отношении молодого поколения. К ней, например, относится программа «Лиги защиты молодежи». К том уже, также существует Федеральный совет по предотвращению делинквентного поведения, в котором решаются проблемы преступности среди молодежи.

Молодежная политика занимает важное место и в соседнем государстве от США, в Канаде. Н.С. Гуляева утверждает, что «важнейшей составляющей

молодежной политики в Канаде является масштабная государственная программа по трудоустройству молодежи («Youth employment strategy programs») [3].

Также достаточно интересным представляется рассмотрение моделей молодежного политического участия, не относящиеся к западноевропейской политической традиции. В этой связи приведем примеры молодежной политики стран Востока, так как она имеет свои особенности формирования и развития в отличие от западноевропейских стран.

Китайский нормативно-правовой акт «О молодежи Китая» занимается регулированием политики в отношении молодого китайского поколения, а также закрепляет работу органа «ВКФМ». В Китае действует более 4 миллионов организаций, которые занимаются молодежной политикой. В них состоят более 80 миллионов молодых китайцев, что сопоставимо практически со всем населением Германии.

О.А. Самусева придерживается следующего суждения: «цель Всекитайской Федерации Молодежи – образование и воспитание молодежи, поддержку молодежного предпринимательства и трудоустройства, укрепление здоровья молодежи, развитие молодежной культуры, способствование активному участию и творчеству молодежи, защиту прав и интересов молодежи, расширение связи и контактов с молодыми людьми других стран» [10].

Молодежную политику в Японии осуществляет Ассамблея по развитию молодежи. Данный государственный орган с 60-х гг. XX века разработал следующие программы по развитию молодежи:

- «Национальное движение»;
- «Помощь в выборе жизненного пути и карьеры»;
- «Меры, оказываемые при правонарушениях подростков»;
- «Борьба с СПИД/ВИЧ» [1].

Южная Корея также занимает лидирующие позиции в Азии по осуществлению молодежной политики. А.В. Белоусов считает, что «вектор развития молодежной политики Южной Кореи лежит не в плоскости патриотического воспитания молодежи и патерналистских установок – главной целью является эффективная и своевременная адаптация молодежи к быстро меняющимся социально-экономическим условиям, большая вовлеченность молодежи в развитие молодежных программ и руководство этими программами» [1].

Таким образом, разморенный нами зарубежный опыт институционализации политического участия молодежи позволяет отметить, что стимулирование политического участия молодежи через использование различных механизмов государственной молодежной политики остается прерогативой органов государственной власти. В ее реализации наряду с органами государственной власти принимают активное участие и разнообразные

институты гражданского общества, прежде всего политические партии и общественные организации.

Принимаемые властью комплекс мер, направленный на улучшение жизни молодежи, разработка соответствующих предложений, законов политическими партиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Белосов А.В.* Зарубежный опыт в управлении государственной молодежной политикой // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 9 (26).
2. *Гомеров И.Н.* Структура и свойства власти Новосибирск: Сиб. ун-т потребит. кооп., 2000.
3. *Гуляева Н.С.* Анализ молодежной политики в Канаде // Интеграция наук. 2019. № 1 (24).
4. *Дудиева М.Н.* Европейская молодежная политика в посткризисный период // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 5 (71).
5. *Дудиева М.Н.* Современные протестные движения в Испании и Италии как способ привлечения внимания к проблеме молодежной безработицы // Конфликтология / nota bene. 2019. № 1.
6. *Зеленин А.А.* Национальная модель реализации молодежной политики в Соединенных Штатах Америки // Вестник КемГУ. 2009. № 4.
7. *Лубский А.В.* Молодежная политика и гражданское участие молодежи в Германии // Философия права. 2019. № 3 (90).
8. *Лубский А.В., Иванова В.П.* Молодежная политика и гражданское участие молодежи во Франции // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 11.
9. *Никипорец-Такигава Г.Ю.* Молодежь и молодежная политика в Великобритании // Современная Европа. 2018. № 1 (80).
10. *Самусева О.А.* Молодежная политика в КНР, России и США // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 4.
11. *Чамкаева Е.П.* Анализ деятельности молодежных организаций в контексте молодежной политики Федеративной Республики Германия // Проблемы и перспективы развития образования: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Пермь, январь 2013 г.). Пермь: Меркурий, 2013.

V.V. GROMOV

*Postgraduate student of the Department
of Political Science and Political Management,
RANEPA under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

STATE YOUTH POLICY: SOME FOREIGN PRACTICES OF INCREASING THE LEVEL OF POLITICAL PARTICIPATION OF YOUNG PEOPLE

In the study, the author provides a number of foreign practices aimed at increasing the level of political participation of young people. The states of Europe, the USA and Asia are considered as concrete examples. The author focuses on the fact that the political participation of youth is one of the directions of the youth policy of the state. At the same time, the role of educational organizations is also quite significant, for which political participation, expressed in civic consciousness, becomes one of the blocks of the educational system. The author also notes the increasing role of political parties and public organizations.

Key words: *youth policy, political participation, political parties, institutions of state power, youth.*

Н.П. МЕДВЕДЕВ

доктор политических наук, профессор,
главный редактор издательства «Наука сегодня»,
Росси, г. Москва

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИКАЦИЙ В НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ 2022 ГОДА. ЧАСТЬ 2)

В статье анализируются материалы исследований за 2022 год, опубликованные на страницах рецензируемых журналов «Вопросы национальных и федеративных отношений», «Евразийский Союз: вопросы международных отношений», «Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права», которые можно условно отнести к новому междисциплинарному научному направлению «Этнополитическая регионалистика». В условиях конфликтности постсоветского пространства и необходимости активизации научного поиска источников этнополитических конфликтов, а также подготовки научных основ для рекомендаций по их консенсусному урегулированию и развитию новой модели дипломатических отношений между государствами, делается вывод о востребованности этой исследовательской тематики.

Ключевые слова: этнополитическая регионалистика, научное направление, актуальные публикации, межнациональные отношения, языковая политика, государственный язык, постсоветское пространство, этнополитические конфликты, консенсус, дипломатические отношения.

Статья является продолжением ее первой части, опубликованной в журнале «Вопросы политологии» [12] и посвящена актуализации нового научного направления «Этнополитическая регионалистика». Понятие «Этнополитическая регионалистика» в научный оборот введено мной еще в 2016 году. В рецензируемом журнале «Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права». 2016. № 1-2 (3) вышла моя статья под названием «Этнополитическая регионалистика России: политико-правовой статус национальных республик» [13]. За прошедшие

семь лет это понятие достаточно укоренилось в политологических изданиях и в системе этнополитического знания.

Так, в журнале «Вопросы политологии» в 2016 году вышла моя статья «Этнополитическая регионалистика: к вопросу о предмете нового научного направления» [14].

В журнале «Вопросы национальных и федеративных отношений» была опубликована статья «Этнополитическая регионалистика России» [15], а в журнале «Евразийский Союз: вопросы международных отношений» вышла статья «Этнополитическая регионалистика СНГ» [16]. И затем, уже в рамках научной школы профессора Н.П. Медведева, в РУДН вышла коллективная монография «Этнополитическая регионалистика: российское и мировое измерение» [28]. В 2018 году под моей редакцией вышла коллективная монография «Этнополитическая регионалистика: автономия и сепаратизм» [29], а в 2019 году в рамках научной школы профессора Н.П. Медведева была издана коллективная монография «Этнополитическая автономия и сепаратизм: российское и мировое измерение» [30]. Таким образом, в этих многочисленных изданиях с участием российских и зарубежных исследователей была продолжена работа по закреплению и уточнению предметного поля «Этнополитической регионалистики» как самостоятельного научного направления, а многие положения этих исследований были внедрены в учебные курсы РУДН и РАНХиГС по «Этнополитологии», «Политической регионалистике» и «Политической конфликтологии».

Можно смело предположить, что опубликованные в 2022 году научные статьи, и представленные в настоящей публикации материалы становятся закономерным продолжением научной и учебной работы по обогащению и расширению содержания «Этнополитической регионалистики» как нового междисциплинарного научного направления.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 6; 9; 10; 17; 18; 19; 20; 21; 23; 24; 25].

Однако проблемы этнонациональных отношений и этнополитической регионалистики нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

При этом, одним из главных аспектов всего комплекса межнациональных проблем остается государственная языковая политика. И самым проблемным и дискуссионным на сегодня остается политика постсоветских государств по регулированию сфер, где и как должен функционировать государственный язык.

В этой связи актуальна публикация на страницах журнала «Вопросы национальных и федеративных отношений» Л.И. Ворониной, В.Д. Малковой «Государственная политика по поддержке языков народов Российской

Федерации: состояние и проблемы». По мнению авторов этой публикации «они представляют результаты исследования по изучению государственной политики по поддержке языков народов Российской Федерации. Цель исследования – изучить состояние государственной политики по поддержке языков народов Российской Федерации, выявить проблемы, препятствующие комплексному использованию механизмов публичного управления, предложить некоторые рекомендации. Выявлено, что создание условий для обеспечения защиты национальных языков относится к важнейшей государственной функции. Российской Федерацией сделано многое для закрепления языковых гарантий граждан благодаря применению правового механизма. Есть положительные результаты использования организационного механизма субъектами языковой политики: это функциональная активность органов государственной власти Российской Федерации, а также деятельность культурных, научных, образовательных организаций и объединений представителей языковых меньшинств. Наиболее сложным является применение социального механизма и достижение соответствующих результатов в части проявления гражданских инициатив, сохранения самоидентификации наций и этносов. Есть трудности в осознанном выборе языка с учетом сложившегося исторического опыта общения, обучения и экономических отношений, обусловленных осознанием преимуществ для жизнедеятельности граждан. Этот вывод авторы статьи иллюстрируют на материалах реализации языковой политики Республики Дагестан. В статье обосновывается возможность применения для развития государственной политики по поддержке языков народов Российской Федерации менеджеристского подхода, в частности, таких механизмов публичного управления, как правовой, организационный и социальный, а также учета факторов, влияющих на целесообразность и результативность применения указанных механизмов» [5].

Исследователи из Республики Татарстан Большаков А.Г. и Фарукшин М.Х. в статье «Национальные языки в системе образования: опыт социологического изучения общественного мнения в республиках Поволжья и Приуралья», опубликованной на страницах журнала «Вопросы национальных и федеративных отношений» в 2022 году исследуют, по их мнению, «уязвимое положение титульных (государственных) языков народов республик Поволжья и Приуралья». Авторы статьи исходят из того, «что уязвимое положение титульных (государственных) языков народов республик Поволжья и Приуралья во многом объясняется состоянием их изучения в системе школьного образования. В настоящее время обучение этим языкам осуществляется в двух форматах: в национальных школах преподавание ведется на родном языке, что предполагает овладение последним на достаточно высоком уровне; в русскоязычных школах он изучается при добровольном выборе как самостоятельный предмет или в составе более общего предмета вместе с историей и культурой титульного народа.

Главной задачей статьи является анализ преподавания национальных языков в республиканских системах образования, расположенных в названном регионе на основе статических данных и той эмпирической базы, которую составили социологические исследования, проведенные группой ученых Казанского федерального университета в ходе реализации научного проекта. В статье исследуются основные проблемы, отражающие ситуацию с национальными языками республик Поволжья и Приуралья: восприятия населением республик языковых вопросов, принципы добровольности и обязательности изучения национальных языков в системе образования» [3].

Важным аспектом исследовательской рамки этнополитической регионалистики является изучение различных сфер общественной жизни малочисленных народов России. В этом контексте актуальной является публикация Бурова А.С. «Актуальные аспекты государственной политики устойчивого развития коренных народов Севера в современной России». Как подчеркивает автор исследования в статье «рассматриваются аспекты российской государственной политики устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее – КМНС). Основное содержание исследования составляет обзор теоретических взглядов современной политологической науки на концепт устойчивого развития, а также особенностей его практической реализации в контексте национальной политики России в отношении КМНС. Целью исследования является проведение анализа наднационального формирования идей устойчивого развития, а также их практической реализации на территории России в отношении КМНС. Задачами исследования являются анализ формирования концепта устойчивого развития, теоретических воззрений на проблематику перехода международного сообщества к принципам устойчивости, современного состояния отечественной политики устойчивого развития КМНС, Концепции устойчивого развития КМНС, а также обзор политических технологий по их социально-экономическому и этнокультурному развитию на территории России. Исследование основано на анализе научных источников, содержащих информацию о проблематике устойчивого развития, а также открытых источников органов исполнительной власти, нормативных актов федерального и регионального уровня, регулирующих национальную политику в сфере устойчивого развития КМНС.

Основным научным методом в указанном исследовании является междисциплинарный метод. Также осуществлен обзор современного состояния политики устойчивого развития КМНС, Концепции устойчивого развития КМНС, а также современных политических механизмов по их социально-экономическому и этнокультурному развитию. Проанализирована деятельность госорганов федерального и регионального значения, а также органов

муниципальной власти на территории 28 субъектов Российской Федерации, где проживают КМНС» [4].

Исходя из этой публикации, можно предположить, что многие проблемы малочисленных народов лежат вне плоскости государственного регулирования. Но, на практике получается, что крупные коммерческие компании с неохотой вкладывают ресурсы в эту непрофильную для них сферу. Поэтому государственная политика должна быть скорректирована на подключение, прежде всего, средств нефтегазового комплекса для реализации программ социально-культурной поддержки малочисленных народов России. А научные исследования в этой сфере национальной политики, безусловно, лежат в фокусе предмета этнополитической регионалистики.

Своевременным и актуальным становятся для этнополитологии и этнополитической регионалистики проблемы поднятые в статье Титова В.В. «Российская национально-государственная идентичность: фундаментальные вызовы в реалиях XXI века». Статья посвящена «анализу ключевых вызовов, адресованных российской национально-государственной идентичности на современном этапе ее трансформации. В рамках исследования были выделены и охарактеризованы четыре фундаментальных социально-политических вызова, имеющих сложную симбиотическую природу. Первый вызов – это деформация ценностно-смыслового поля общероссийской самоидентификации под влиянием фактора информационной глобализации, способствующей активному распространению симулятивных идентичностей. Второй вызов – это кризис системы общего социально-гуманитарного образования в России, связанный с трудностями ее адаптации к новым – «цифровым» – реалиям. Третий системный вызов обусловлен институционально-управленческими рисками, генерируемыми инерционным характером государственной политики идентичности в сегодняшней России. Четвертый вызов связан с сохраняющейся сложностью выстраивания комплементарной модели идентификационного взаимодействия между федеральным центром и регионами» [27].

Во многом следует согласиться с автором, когда он типологизирует некоторые вызовы современности по проблемам «российской национально-государственной идентичности». Дело в том, что в 90-е годы, после радикализации этносепаратистских настроений и парада суверенитетов российских автономий, как этнополитических регионов, в новой Конституции России были созданы наряду с национальными республиками, как субъектами Федерации и чисто территориальные субъекты в лице краев и областей, но до конца отказ в России от этнофедерализма не получился.

Именно, по этой причине приходится обращать внимание и актуализировать проблему, поднятую в статье Евсеевой М.А. «Этнические ниши» и «этническое квотирование» в регионах РФ: современные представления. В этой публикации «делается попытка проиллюстрировать современное

состояние межэтнического (межнационального) взаимодействия по типу «этнических ниш» на разных территориях РФ. В качестве основного источника использованы экспертные интервью, полученные в рамках проведенных в разные годы исследований в Кабардино-Балкарии и Саха (Якутии). Основные выводы проведенного анализа сводятся к тому, что, во-первых, на некоторых территориях исторически сложившийся тип социального взаимодействия по принципу «этнических ниш» сохраняется до сих пор; во-вторых, несмотря на то, что «этническое квотирование» может носить «традиционный характер» это не всегда обеспечивает отсутствие конкуренции между представителями контактирующих национальностей» [7].

Следует согласиться с автором статьи в том, что так называемое «этническое квотирование» пока еще встречается в некоторых национальных республиках и касается это явление прежде всего кадровой политики, что негативно влияет на эффективность управления и даже, в некотором роде, нарушает права граждан в различных сферах общественной жизни. Такая модель неконкурентной кадровой политики широко использовалась долгие годы Коммунистической партией в Союзе ССР и по инерции перешла в современные национальные республики России. В этой связи, информационно полезной и актуальной является публикация Ивашко М.И. «Роль российского фактора в образовании СССР (к 100-летию образования Союза Советских Социалистических Республик)» По мнению автора публикации, целью статьи является «установление факторов, которые способствовали появлению государственных образований в бывших национальных окраинах Российской империи с 1917 по 1922 гг., объединению их в союзное государство, определение роли Советской России в этом процессе. Для достижения цели автором изучены и проанализированы документы партийных, государственных органов, отражающие процесс становления государственности в республиках, складывания взаимоотношений с РСФСР в период до образования Союза Советских Социалистических Республик (СССР). С помощью хронологического, проблемно-хронологического, сравнительно-исторического методов выявлены основные шаги, которые были предприняты социалистическими республиками на пути к образованию единого государства. Определена роль Советской России в данном процессе через деятельность партии большевиков по реализации национального вопроса, внешнюю и внутреннюю угрозу в годы Гражданской войны, которая требовала объединения усилий для защиты власти Советов всех национальных республик и роль культурно-исторического переплетения судеб народов бывшей Российской империи. Показано, что термин «советская империя», который используется в отечественной и зарубежной историографии, неприемлем в обозначении периода советской истории до образования СССР. Материалы статьи могут быть использованы для изучения

истории образования Советского Союза, в том числе и в ходе подготовки разделов в учебной литературе, посвященных данной проблеме» [8].

В предметном поле этнополитической регионалистики безусловно остаются проблемы определения источников и методы урегулирования этнополитических конфликтов в постсоветском пространстве, так как все мотивы и источники этих столкновений связаны с неурегулированностью границ этнотерриторий в бывших союзных республиках СССР. Административные границы вновь создаваемых республик СССР нередко определялись партийными и советскими органами власти без учета проживания тех или иных этнических групп и без учета многих исторических факторов. В СССР в последние годы считалось, что национальный вопрос решен полностью и окончательно.

В этом плане остаются актуальными проблемы, поднятые в публикации Сагымбаевой Ж.М. Мирные стратегии урегулирования конфликтов в Центральной Азии. Статья посвящена «анализу мирных стратегий урегулирования конфликтов. Основная цель заключается в выявлении применяемых мирных стратегий на примере приграничных и территориальных конфликтов в Центральной Азии. Работа основана на современных взглядах экспертов, мировой практике и на рекомендациях международных организаций по урегулированию политических конфликтов.

Обозреваются факторы, ведущие к возникновению и развитию конфликтов в Ферганской долине (на примере: Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана). Также приводится история возникновения анклавов и причин эскалации конфликтных ситуаций связанных с разделением территорий. Описываются проблемы, с которыми сталкиваются в повседневной жизни лица, проживающие на данных территориях.

Проанализирован опыт решения пограничных проблем в международном праве, а также пути, которые ранее излагались по вопросам делимитации и демаркации границ государствами. Приведены альтернативные предложения и мнения международных экспертов по концепции двустороннего сотрудничества между государствами по делимитации и демаркации спорных границ.

Предложен собственный промежуточный проект «безопасная граница» по предупреждению конфликтов, который может помочь отслеживать очаги возгорания конфликтов и их возможному предотвращению. Реализацию и контроль за проектом предлагается осуществить в соответствии с международными договорами и двусторонними соглашениями государств» [22].

Важной и актуальной научной проблемой для более комплексного исследования вопросов межнациональных отношений остается изучение роли этнических диаспор при выработке государственной этнополитики. В этом контексте следует отметить публикацию Темирхановой А.Е. Диаспоры в политике современных государств. Данная статья «посвящена

рассмотрению влияния диаспоры, как негосударственного актора на политику того или иного государства. Подчеркивается, что деятельность диаспор оказывает влияние на взаимоотношение между двумя государствами, речь идет о стране проживания и контактах со страной происхождения. Отмечается, что эффективность влияния зависит от многих причин, в том числе, от численности, имеющегося потенциала, используемых ресурсов и т.д. Акцентируется внимание на то, что особое место в деятельности диаспоры отводится элите, которая является ведущей силой каждой диаспоры» [26].

В заключении следует подчеркнуть тот факт, что «Этнополитическая регионалистика» за прошедший 2022 год укрепила свои позиции. И несмотря на то, что проанализированные мной публикации написаны авторами различных научных специальностей, все эти исследования находятся в рамках предметного поля, или близки к предметному полю междисциплинарного нового научного направления «Политическая регионалистика». Редакция издательства «Наука сегодня» и редакции рецензируемых журналов издательства благодарят всех авторов за сотрудничество и будут рады продолжить эту работу в 2023 году.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Айвазян М.С., Вардамян В.В., Доровских Е.М., Кобаренкова Е.Ю., Леванский В.А., Лысенко В.И., Медведев Н.П., Новикова Т.В., Смирнов В.В. Открытое государство: политико-правовое видение // Государство и право. 2003. № 5.

2. Аюпова З.К., Кусаинов Д.У. К вопросу о мифах и преданиях в памяти народов Евразии и генезисе этнонима «казах» // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2022. Т. 9. № 1 (27).

3. Большаков А.Г., Фарукишин М.Х. Национальные языки в системе образования: опыт социологического изучения общественного мнения в республиках Поволжья и Приуралья // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 8 (89).

4. Буров А.С. Актуальные аспекты государственной политики устойчивого развития коренных народов Севера в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. № 4.

5. Воронина Л.И., Малкова В.Д. Государственная политика по поддержке языков народов Российской Федерации: состояние и проблемы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. № 10.

6. Зазулина М.Р. Евразия как социокультурное пространство и особенности его трансформации в условиях глобализации // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 5 (45).

7. *Евсеева М.А.* «Этнические ниши» и «этническое квотирование» в регионах РФ: современные представления // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 12 (93).

8. *Ивашко М.И.* Роль российского фактора в образовании СССР (к 100-летию образования Союза Советских Социалистических Республик) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 4 (85).

9. *Коломейцев Э.М.* Понятие федеративных и этнонациональных отношений как институциональной основы политической стабильности государства // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 1 (35).

10. *Маканбаев Б.М.* Приграничные конфликты в Центральной Азии: варианты разрешения и стабилизации // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 4 (38).

11. *Медведев Н.П., Слизовский Д.Е.* Отечественная история: к вопросу о влиянии этничности на доступ к власти // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 3 (37).

12. *Медведев Н.П.* Этнополитическая регионалистика: история и современность (по материалам публикаций в научных журналах 2022 года. Часть 1) // Вопросы политологии. 2023. № 1.

13. *Медведев Н.П.* Этнополитическая регионалистика России: политико-правовой статус национальных республик // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2016. № 1-2 (3).

14. *Медведев Н.П.* Этнополитическая регионалистика: к вопросу о предмете нового научного направления // Вопросы политологии. 2016. № 3 (23).

15. *Медведев Н.П.* Этнополитическая регионалистика России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 3 (34).

16. *Медведев Н.П.* Этнополитическая регионалистика СНГ // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2016. № 2 (16).

17. *Медведев Н.П., Слизовский Д.Е.* Отечественная история: к вопросу о влиянии этничности на доступ к власти // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 3 (25).

18. *Медведев Н.П.* Региональное развитие в условиях открытости государства: европейский и российский опыт // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2014. № 1.

19. *Медведев Н.П.* К 100-летию образования Союза ССР. Постсоветское нациестроительство и региональные этноконфликты // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2022. Т. 9. № 2 (27).

20. *Наледин И.И.* Крымско-татарский этнос в межэтнических отношениях на Крымском полуострове в постсоветский период: от конфронтации к гармонизации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).

21. Савельева М.А. Проблемы становления государственности в странах ЕАЭС после распада СССР // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 6 (46).

22. Сагымбаева Ж.М. Мирные стратегии урегулирования конфликтов в Центральной Азии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 5 (86).

23. Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В. Содружество независимых государств: новые актуальности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 1 (35).

24. Слизовский Д.Е., Ситдииков А.М. Предвыборные программы политических партий о проблемах федерализма, регионализма и местного (само) управления: хрестоматийные подходы и предложения // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 2 (24).

25. Сыздыкова Ж.С., Хубоншоев Ш.Д. Народы Памира: особенности языка и религии // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 4 (44).

26. Темирханова А.Е. Диаспоры в политике современных государств // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 7 (88).

27. Титов В.В. Российская национально-государственная идентичность: фундаментальные вызовы в реалиях XXI века // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 7 (88).

28. Этнополитическая регионалистика: российское и мировое измерение. Медведев Н.П., Бекбосынов М.Б., Гайдук В.В., Гелеранский П.С., Кетцяян Г.В., Майстат М.А., Перкова Д.В., Соловьев Д.С., Суттхисангиам С., Хуссейн Али М.М., Ивайна М. Коллективная монография. Труды научной школы проф. Н.П. Медведева / Ответственный редактор: Н.П. Медведев. Москва, 2016. Том Выпуск 10.

29. Этнополитическая регионалистика: автономия и сепаратизм. Медведев Н.П., Майстат М.А., Краснов Л.Н., Гелеранский П.С., Ивайна М., Макухин А.В., Высоцкий А.В., Камара С.Б., Медведев В.Н., Кетцяян Г.В., Перкова Д.В., Чан Х.Т. Коллективная монография / Москва, 2018. Сер. Труды научной школы профессора Н.П. Медведева Том Выпуск 11.

30. Этнополитическая автономия и сепаратизм: российское и мировое измерение. Коллективная монография / Москва, 2019. Сер. Труды научной школы проф. Н.П. Медведева.

N.P. MEDVEDEV

*Doctor of political sciences, professor,
editor-in-chief of the publishing house Nauka Segodnya,
Moscow, Russia*

ETHNO-POLITICAL REGIONALISTICS: HISTORY AND MODERNITY. (BASED ON PUBLICATIONS IN SCIENTIFIC JOURNALS 2022. PART 2)

The article analyzes research materials for 2022 published on the pages of peer-reviewed journals "Issues of National and Federal Relations," "Eurasian Union: Issues of International Relations," "Regional and Municipal Management: Issues of Politics, Economics and Law," which can be conditionally attributed to new interdisciplinary scientific direction "Ethnopolitical regional studies." In the context of the conflict potential of the post-Soviet space and the need to intensify the scientific search for the sources of ethno-political conflicts, as well as the preparation of scientific foundations for recommendations for their consensus settlement and the development of a new model of diplomatic relations between states, a conclusion is made about the relevance of this research topic.

Key words: *ethnopolitical regionalism, scientific direction, topical publications, interethnic relations, language policy, state language, post-Soviet space, ethnopolitical conflicts, consensus, diplomatic relations.*

А.А. ТУШКОВ

доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета,
Россия, г. Владивосток

Т.Д. МАКСИМОВА

аспирант кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета,
Россия, г. Владивосток

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ФРЕЙМА: ОТ ФРЕЙМ-АНАЛИЗА К ПРОЦЕССУАЛЬНО- ОРИЕНТИРОВАННОМУ ФРЕЙМИРОВАНИЮ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОЙ ПАРАДИГМЫ

В предлагаемой статье авторами предпринимается попытка интегрировать теорию фрейминга в дискурсивную практику политического пространства и, аргументировав в методологии роль фрейм-анализа, обосновать его функциональную структуру как процессуально-ориентированное фреймирование в контексте антропоцентричной парадигмы. Подобный подход, который обозначен как «абстрактный», на взгляд авторов представляет собой новый формат в исследовании структуры фрейма и может служить некоторым дополнением теории фрейминга в целом. Суть его в том, что авторы подошли к пониманию концепта «процессуально-ориентированные фреймирования» через концепцию Джовани Сартори «лестница абстракции: иерархия абстракций». Уяснив дефинитивный конструкт фрейма, где в основе лежит фрейм-анализ и, уточнив концепт фрейминга, авторы подошли к суждению и выводам о процессуально-ориентированном фреймировании. Авторский подход к исследованию с позиций генезиса и особенностей формирования его научного поля дает понимание своеобразию данного концепта как составной части политической категории. Кроме того, авторами она исследуется как общий принцип и стандарт методологического исследования, или общий контекст научных представлений, аксиом и методов, предопределяющих общепризнанные установки, разделяемые научным сообществом, т.е. как некая «дисциплинарная матрица».

Ключевые слова: *Фрейм, фрейм-анализ, фрейминг, «лестница абстракции: иерархия абстракций», процессуально-ориентированное фреймирование.*

Сегодня в методологии современного дискурса в социально-политических науках понятие фрейма (или фреймирования) непосредственно ассоциировано с фрейм-анализом. Для авторов те аспекты, которые касаются фрейма и введенные в научный оборот данной проблематики в других дисциплинах, таких как психология, лингвистика, музыковедение и т.д., не являются предметом пристального внимания. Однако, как указывают в своей работе Двора Яноу, профессор Свободного университета Амстердама и Мерлин ван Хульст, ассистент профессора Университета Тилбурга [2. С. 87-113], при анализе «генеалогии теории фреймов» (от работ Грегори Бейтсона [5. Р. 177-193] вплоть до исследований политологов Дональда Шёна [8], Мартина Райна [6. Р. 221-234], Д. Сноу [7. Р. 197-217] и Р. Бенфорда [4. Р. 409-430]), существуют принципиальные различия в методике фрейм-анализа новых интерпретаций действий и событий, изменяющих реестр субъектов, вовлеченных в политический процесс. Но, если мы поставили исследовательскую проблему изучить *процессуально-ориентированное фреймирование*, необходимо, во-первых, обозначить понятие политического фрейма – концепта, широко используемого в социальных науках и, во-вторых, корректно отойти от понимания фрейм-анализа. В широком смысле фреймы – это смысловые рамки, которые помогают индивидам воспринимать явления, то в более узком – это своего рода перспектива восприятия, которая помогает актору создать формальное определение ситуации. Или когнитивные структуры, которые люди используют для объяснения ситуаций и своего участия в них. Так, Г.С. Батыгин не без оснований утверждает, что «лексические эквиваленты фрейма – рамка, схема, план, шаблон, сценарий, гештальт, прототип, парадигма» [1. С. 42]. Как пример: в педагогике фрейм понимается как способ организации представлений, хранимых в памяти, а также единица знаний, организованная вокруг понятия и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия.

В современной политической науке и практике фреймовый подход получил достаточно широкое распространение прежде всего, как эффективный инструмент формирования системного мышления и генерализации знаний в качестве матрицы некоторых политических процессов или событий. Поэтому в политологии концепт фрейма трактуется как ментальная модель, с которой возможно сопоставить ту или иную политическую ситуацию или некоторый набор допущений и идей. Благодаря этому формируется теоретический конструкт для понимания, объяснения или прогнозирования процессов и действий акторов в политическом пространстве. Данная ментальная модель или рамка определенного теоретического конструкта,

позволяет выделить ее из общего массива информации как логико-смысловую схему и структуру вокруг содержательного ядра исследовательской парадигмы. Причем все фреймовые модели имеют таксономические формы, где верхний уровень содержит дефинитивное определение, а нижний – заполнены обсервативными терминами. При этом данная таксономическая форма является предметной областью исследования.

Предлагаемое допущение для нас важно в том смысле, если данная область находится в искомой антропоцентричной парадигме, где таксономические формы общественной жизни поддаются исследованию и системному анализу, при этом социокультурные аспекты выявляются как общий детант внутривнутриполитических отношений. Описываемые структурные параметры нарративных фреймов, к примеру, возможны при исследовании политической семиосферы в дискурсе политического пространства, особенно в период трансформационных процессов общества. Именно тогда интерпретативность моделирования в технологии легитимации и позиционирования его политических структур в полной мере дает возможность провести фрейм-анализ матрицы некоторых внутри- и внешнеполитических процессов или событий. Отсюда выходим на понимание политического фрейма, как организующего принципа, который преобразует фрагментарную или несущественную информацию в структурированную и значимую проблему. Или иными словами – «фрейм», как концепт, обосновывает статичные, дефинитивные конструкторы и, более того – таксономические формы описания исследовательских конструкторов и, следовательно, как способ *нарративизации* и интерпретации матрицы политических процессов или событий. Но при этом необходимо учитывать следующее обстоятельство: если конструирование нарративных фреймов является неотъемлемой частью исследования, то артикулированные, с агрегативными качествами политические процессы выходят за грань допустимого фрейм-анализа, так как обладают непредсказуемостью последствий, иррационально предпринимаемыми действиями субъектами политического процесса, наличием разнонаправленных устремлений политических акторов и др.

Отсюда выходит понятие *фрейминга*, как неотъемлемой части политического дискурса, принятия и реализации решений, в основе которого лежит исследовательская матрица *фрейм-анализ*. Утверждение о том, что фрейминг – это процесс, во время которого люди разрабатывают особую концептуализацию некоторой проблемы, по мнению авторов, наиболее верен или отвечает всем поставленным вопросам. Авторы приходят к выводу, что неперенным постулатом теории фрейминга является том, что политическая проблема может исследоваться с различных позиций и точек зрения. В политических науках понятие фрейминга, как процесс конструирования нарративных фреймов, используется для исследования политических процессов, где акторам принадлежит ключевая мобилизационная

роль. Процесс фреймирования (при котором ключевым аспектом является дескриптивная функция) является фрейм-анализ предыдущих операционных анализов отбора, категоризации и таксономии концептов во внутренне согласованный паттерн.

Таким образом, уяснив дефинитивный конструкт фрейма, где в основе лежит фрейм-анализ и, уточнив концепт фрейминга, авторы подошли к суждению такого понятия как *процессуально-ориентированное фреймирование* и, надо полагать, как более политически обоснованную дефиницию. Исходная авторская позиция состоит в том, что с *процессуальной* точки зрения политика представляет собой совокупность *идейно ориентированных действий* различных акторов. Именно данная трактовка, по нашему мнению, делает более привлекательным исследовательскую позицию, несмотря на то, что многие описания фреймирования расходятся на уровне теоретических рассуждений. С одной стороны, часть исследователей декларируют так называемый «социально сконструированный» характер фреймов, а с другой – пытаются строить всеобъемлющие таксономии.

В данной статье авторы опираются на политологическое определение фреймирования, что дает возможность методологически уточнить различия и операционализировать предметную область той проблематики, которую обозначили в своем исследовании – *процессуально-ориентированное фреймирование*. Авторский подход к пониманию процессов фреймирования – «*абстрактный*», в основе которого лежит концепция Джовани Сартори «лестница абстракции: *иерархия абстракций*» [3], в отличие от Яноу и ван Хульст, развивающих так называемый «*динамический*» подход [2. С. 87]. Динамический» подход, когда политика представляет собой наиболее интенсивно меняющуюся, внутренне подвижную область общественной жизни, создает возможность исключительно быстрого, а то и внезапного крушения статусов субъектов, изменения норм и правил политической игры, сужения или расширения объемов политических явлений. Абстрактный подход, предлагаемый авторами статьи, представляет собой исследовательское направление, включающее термины фрейма, являющиеся «*обсервативными концептами*», которые, согласно теории Дж. Сартори, можно расположить на различных ступенях лестницы абстракции и перемещать вдоль нее.

Если мы исходим и того, если что фрейм включает в себя множество разнообразных понятий, касающихся различных аспектов социальных процессов и политической жизни, то при исследовании авторы рассматривают его в совокупности с существующими теориями и концепциями. Это дает возможность рассмотреть фрейм в диалектическом развитии, как некий абстрактный конструкт и проявление совокупности рефлексированных характеристик, определяющих его возможные аспекты в интеллектуальном и легитимном пространстве. Кроме того, используя методологию

компаративистики, авторы не обходят концептную натяжку Дж. Сартори, при этом принципиально сосредоточив свое внимание вертикальным элементам концептной структуры фрейм-анализа.

Авторы предполагают, для того, чтобы отмежеваться от количественных параметров и исследовать проблему процессуально-ориентированного фреймирования, необходимо отойти от простого и, казалось бы, ясного пути – расширения сферы применения имеющихся концептов, которые могли обернуться потерей «содержательной точности» за счет большего охвата легитимного политического пространства фрейма, характеризующего его при проведении фрейм-анализа. При игнорировании авторами концептов с высокими способностями отбора значимых факторов, могло бы обернуться, по замечанию Джовани Сартори, «тривиальностью и бесполезностью исследований» [3] процессуально-ориентированного фреймирования. Исходя из того, что в результате концептных натяжек, с точки зрения предметной области исследования, потери за счет увеличения широты охвата понятий фрейм-анализа компенсироваться не в состоянии. Авторы пришли к выводу, что совершенствованием количественных техник при исследовании процессуально-ориентированного фреймирования указанную проблему не решить. Выходом из этого положения авторы полагают применить методiku Дж. Сартори. В таких случаях необходимо обратиться к рассмотрению процесса образования концептов, сосредоточив внимание вертикальным элементам концептной структуры. Это, во-первых, обсервативным терминам — **A**, **B** и **V** (см. Рис. 1.) данного конструкта и, во-вторых, последовательно расположив их на лестнице абстракции [3].

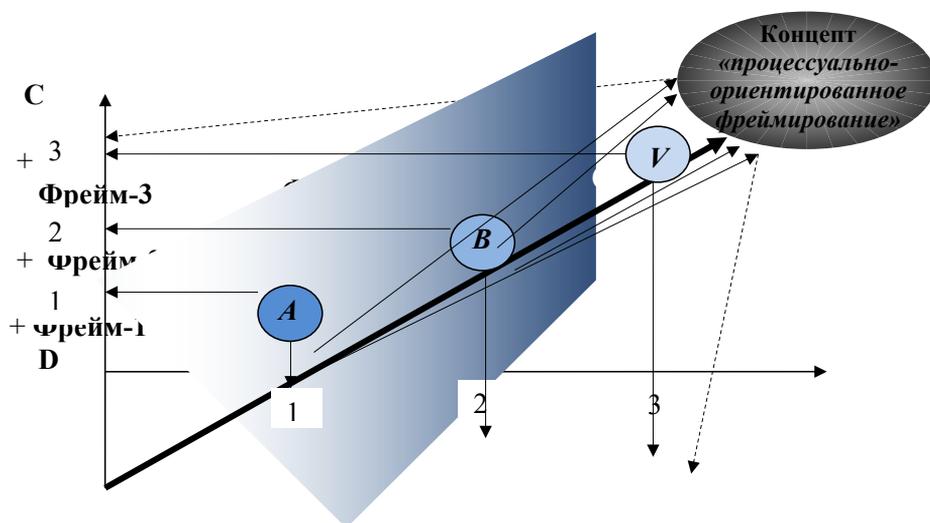

Рисунок 1. Формирование концепта, процессуально-ориентированного фреймирования на лестнице абстракции Джованни Сартори

Иными словами, концепты фрейма, как ключевые элементы суждений, определили принципы интерпретации исследования (G) и выхода к конечному поиску – поиску такого конструкта, как дефиниция «*процессуально-ориентированное фреймирование*». Ключевое, положение нашего рассуждения – это определение концепта «*процессуально-ориентированное фреймирование*» в качестве объекта политологического исследования. Рассмотрев различные подходы в исследовании концепта «фрейм», ни один из них в полном объеме не отвечает всем предъявляемым требованиям настоящего исследования – пониманию категории процессуально-ориентированного фреймирования. Авторский подход к исследованию с позиций генезиса и особенностей формирования ее научного поля дает понимание своеобразия данного концепта как составной части политической категории. Это, в свою очередь, позволяет по-новому подойти к исследованию процессуально-ориентированного фреймирования. Кроме того, авторами исследуется научная категория, которая рассматривается как общий принцип и стандарт методологического исследования, или общий контекст научных представлений, аксиом и методов, предопределяющих общепризнанные установки, разделяемые научным сообществом, т.е. некая «дисциплинарная матрица». Авторы полагают, что именно они являются теми обсервативными терминами, которые выступают в качестве «концептных сосудов» или «концептуальных контейнеров» для сбора и хранения интерпретационных фактов и явлений исследования (А, В и V).

Нам представляется, что восхождения по «лестнице абстракции» Дж. Сартори допустимо двумя способами, которые дадут возможность представить процесс формирования, процессуально-ориентированного фреймирования как общий принцип методологического исследования. Правила подъема и спуска по лестнице абстракции достаточно просты. Необходимо сделать концепт более абстрактным и более общим, для чего сокращая количества его свойств или атрибутов. И наоборот, концепт конкретизируется через добавление (или развертывание) характеристик, т.е. приращение отличительных черт или качеств [3]. При этом границы могут быть намечены лишь в общем виде. Количество ступеней лестницы абстракции во многом зависят от того, насколько точным должен быть анализ [3]. Так, при в инженерии внутривнутриполитической реальности современного общества исследование политического фрейма возможно только через фрейм-анализ социокультурных аспектов и общественно-политических структур, в полной мере выражающих общий детант внутривнутриполитических отношений. А при рассмотрении технологии легитимации и позиционирования общественно-политических структур как традиционного, так и современного общества, возможно только через фрейм-анализ политической семиосферы. Однако, авторы подчеркивают, что это возможно при одном условии – в период острых трансформационных процессов.

Нам представляется, что восхождения по лестнице абстракции связано с увеличением объема явлений концепта через сокращение числа входящих в него свойств или качеств (т.е. сокращение содержания или качеств), на основе которых выделяются дефинитивные конструкторы, описываемые концептами. В данном случае – *A*, *B* и *V*. Иными словами, увеличивая дискрепитивную составляющую исследовательской парадигмы (*G*) при сокращении количественного параметра оперативных переменных (независимых и вмешивающихся), позволяющих нам исследовать изменяемое качество фрейма (как зависимую переменную), рассматриваемого вследствие результата действия некоторых условий, факторов, обстоятельств он становится шире по объему включенных концептов. Но при ключевом условии: уменьшении отличительных признаков. Следовательно, фреймы, как концепты зависимых переменных, мы вправе представлять в качестве так называемых «контейнеров» или «обсервативных концептов» с определенным содержанием признаков и качеств, характеризующих предметную исследовательскую область. В частности, если данная область находится в искомой антропоцентричной парадигме, то исходя из теории о двойственной иерархии социальной жизни (идеи Талкота Парсонса), где первая – как биологический организм, а вторая, выполняя роли в социальной системе (коллективы, нормы, ценности), – выстраивает иерархию уровней зависимых переменных, таких как агрегативные качества населения, оценки бихевиоральных осадков, социальные структуры и культурные структуры.

Дж. Сартори, вводя понятие иерархии (или «лестницы абстракций»), предоставил возможность исследователю в полной мере раскрыть содержание концепта и роль его атрибутов как идентификаторов по отношению к другим концептам. Но при этом важно понять следующий аспект. В сравнительном анализе иерархии место каждого концепта определяется наличием числа характерных для него атрибутов или существенных признаков (*G*). В результате можем констатировать тот факт, чем абстрактнее понятие, тем меньше у него атрибутов. Чем выше по лестнице абстракций находятся концепт, тем меньше атрибутов он содержит (см. Рис. 2).

Рисунок 2. Наличие в концептах атрибутов или существенных признаков на лестнице абстракции

К примеру, современное китайское общество, является обществом переходного типа и при его анализе, используя классовый подход, нельзя охватить весь спектр сложных процессов, связанных с его интеграцией и дифференциацией. Так, старые социальные группы распадаются, теряют свои бывшие функции и статусы, меняются ценностные ориентации политических элит, где выполняя роли в социальной системе выстраивают иерархию уровней:

- 1) агрегативные качества населения;
- 2) оценки бихевиоральных осадков;
- 3) социальные структуры;
- 4) культурные структуры.

В таких условиях проблема оценки современной социальной стратификации китайского общества вышла за научные рамки, приобретая при этом политико-идеологическую направленность. Исследуя атрибутивные характеристики концептов можно заметить, что агрегативные качества населения, обладая меньшими атрибутами, на лестнице абстракции стоят выше других концептов. С этой целью мы установили, что ни один концепт не подпадает под одну и ту же категорию. Сравнение возможно лишь тогда, когда две категории допустимо описать одним объединяющим концептом.

Исследуя проблематику, обозначенную в данной статье, авторы пришли к умозаключению, что восхождение по лестнице абстракции Дж. Сартори непосредственно связано с процедурой «концептной натяжки». Суть ее в том, что за счет размывания содержания явления, т.е. тогда, когда содержание неопределенно из-за отсутствия основы в виде каких-либо вполне определенных теорий и концепций, приходится расширить сферу исходного концепта, включать новые явления. Поэтому для сравнительного анализа явлений, относящихся к разным концептам, необходимо найти общий концепт, т.е. перейти на более высокий уровень абстракции. Однако это осложняется тем, что чем абстрактнее понятие, тем к большему классу явлений

оно характерно. Но при этом оно имеет и не глубокое содержание. Однако, чем глубже содержание понятия, тем меньше явлений под него подпадает.

По мнению Дж. Сартори, обобщенный концепт благоприятствует построению научных «обобщений». При этом он выделяет три уровня абстрагирования – высший, средний и низший. Но в зависимости от задач анализа, уровней может быть и больше. Исследуемый концепт «процессуально-ориентированное фреймирование», имеющий универсальный смысл, относится к концептам высшего уровня. Поэтому любые содержательные компоненты приносятся в жертву требованию широты охвата атрибутов (сущностных признаков) [3]. При этом концепт сохраняет такой точный атрибут, как сущностные и процессуальные характеристики. Дж. Сартори отмечает, что концепты среднего уровня сохраняют некоторые отличительные признаки и призваны подчеркивать сходства в ущерб уникальности. Концепты низшего уровня предполагают конкретизированную, даже конфигуративную концептуализацию, поскольку для них точность содержания важнее широты охвата. При восхождении или спуске по лестнице абстракции чем выше уровень абстрагирования, тем меньше применим язык количественного сравнения, хотя по мере снижения этого уровня количественный атрибутивный обзор становится все более оправданным [3].

Таким образом, авторское определение фреймирования предоставило возможность методологически уточнить различия и операционализировать предметную область концепта «процессуально-ориентированное фреймирование». В отличие от Яноу и ван Хульст, развивающих так называемый «динамический» подход, авторский подход к пониманию процессов фреймирования – «абстрактный», в основе которого лежит концепция Джовани Сартори «лестница абстракции: иерархия абстракций». Авторское видение теории политического фрейминга позволяет объяснить процессуальную часть фреймирования в политической сфере общественной жизни, где противоречивые трактовки того или иного концепта имеют множества измерений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Батыгин Г.С.* Континуум фреймов: социологическая теория И. Гофмана // Вестник РУДН. Серия Социология. 2001. № 2.

2. *Двора Яноу, Мерлин ван Хульст.* Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1-2.

3. *Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис. Политические исследования. 2003. № 4.

4. *Benford R.D.* An insider's critique of the social movement framing perspective // Sociological Inquiry. 1997. Vol. 67. № 4.

5. *Bateson G.* A theory of play and fantasy // Bateson G. Steps to an ecology of mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology. Chicago: University of Chicago Press, 1972.

6. *Rein M.* Action frames and problem setting // Rein M. From policy to practice. London: Macmillan, 1983.

7. *Snow D.A., Benford R.D.* Ideology, frame resonance, and participant mobilization // International Social Movement Research. 1988. Vol. 1.

8. *Schön D.A.* The displacement of concepts. London: Tavistock, 1963.

A.A. TUSHKOV

*Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of International Relations and Law
Vladivostok State University,
Vladivostok, Russia*

T.D. MAKSIMOVA

*Postgraduate student of the Department
of International Relations and Law
Vladivostok State University,
Vladivostok, Russia*

POLITICAL FRAME METHODOLOGY: FROM FRAME ANALYSIS TO PROCESS-ORIENTED FRAMING IN THE CONTEXT OF THE ANTHROPOCENTRIC PARADIGM

In the proposed article, the authors attempt to integrate the theory of framing into the discursive practice of the political space and, having argued the role of frame analysis in the methodology, substantiate its functional structure as process-oriented framing in the context of the anthropocentric paradigm. A similar approach, which is designated as "abstract," in the opinion of the authors, is a new format in the study of the structure of the frame and can serve as some addition to the theory of framing as a whole. Its essence is that the authors approached the understanding of the concept of "process-oriented framing" through the concept of Giovanni Sartori "Abstraction ladder: hierarchy of abstractions". Having clarified the definitive construct of the frame, which is based on frame analysis and, having clarified the concept of framing, the authors approached the judgment and conclusions about process-oriented framing. The author's approach to research from the standpoint of the genesis and features of the formation of its scientific field gives an understanding of the originality of this concept as an integral part of the political category. In addition, the authors study it as a general principle and standard of methodological research, or the general context of scientific ideas, axioms and methods that predetermine generally accepted attitudes shared by the scientific community, i.e. as a kind of "disciplinary matrix."

Key words: *Frame, frame analysis, framing, «abstraction ladder: hierarchy of abstractions», process-oriented framing.*

К.Х. АБАЗОВ

доктор философии (PhD) по политическим наукам,
Республика Узбекистан, г. Ташкент

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ УГРОЗОУСТОЙЧИВОГО ОБЩЕСТВА

В современных условиях духовное развитие общества становится одним из ключевых факторов обеспечения его национальной безопасности. Противоречивое влияние глобализации на современную жизнь выявляет, наряду с ее положительными тенденциями, и отрицательные, связанные с влиянием ее на рост духовных угроз. В Узбекистане, большое внимание уделяется вопросам духовности, так как от их правильного решения зависят национальное возрождение, национальный прогресс. Действительной духовность в республике признана приоритетной наряду с экономикой. Проблему дальнейшего духовного обновления общества среди наиболее важных приоритетов развития Узбекистана на ближайшую перспективу. Указывается место и роль духовности в формировании угрозоустойчивого общества. Уделяется особая роль национального наследия, особенности и национального колорита Узбекистана в определении направления развития государственных реформ. Отмечается, что разрушение многовековых традиций, обычаи, навязывание иных духовных ценностей приводит к уничтожению самобытности народа, уничтожению самого государства. Существующие духовные угрозы имеют одинаковую природу и последствия для всех стран независимо от их экономического и политического развития.

Ключевые слова: *угрозоустойчивое общество, духовное развитие, духовная основа, глобализация, идеологическая угроза, деградация, стабильное развитие, экспорт демократии.*

В современных условиях духовное развитие общества становится одним из важнейших факторов обеспечения его национальной безопасности. Противоречивое влияние глобализации на современную жизнь выявляет, наряду с ее положительными тенденциями, и отрицательные, связанные с влиянием ее на рост духовных угроз.

В этой связи только приобщения к бесценному культурному наследию, современным достижениям, формирования свободного, самостоятельного мышления поможет выработать у населения особенно у подрастающего поколения иммунитета по отношению к духовным угрозам.

Поэтому качественные особенности духовного мира личности, социальных слоев и групп обуславливают состояние общественных отношений в аспекте их устойчивости и стабильности, динамики развития и воспроизводства. Социально-философский анализ духовной сферы как фактора национальной безопасности ориентирует на рассмотрение универсальных смыслов, сущностных черт и характеристик, глубины – актуализируемых явлений социальной жизни.

Нарушение баланса сил в ранее двухполярном мире породило у отдельных лидеров и государств Запада стремление навязать остальным народам мира свое понимание демократии, по существу, свою модель государственного устройства.

Такие попытки, естественно, были отвергнуты и оценены как фактор подрыва доверия между народами после окончания «холодной войны». Поэтому вопросы духовности и просветительства, воспитания подрастающего поколения в духе здорового патриотизма, прогрессивных национальных и общечеловеческих ценностей приобретают особую актуальность.

В Узбекистане, добившемся независимости, большое внимание уделяется вопросам духовности, так как от их правильного решения зависят национальное возрождение, национальный прогресс. Действительной духовность в республике признана приоритетной наряду с экономикой.

Проблему дальнейшего духовного обновления общества среди наиболее важных приоритетов развития Узбекистана на ближайшую перспективу особо выделял, первый Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов. Мы все, – как подчеркивает он, – «должны четко осознавать, что от духовного возрождения народа, сохранение традиций, развития культуры и искусства зависит положение дел в других сферах, насколько, результативными будут проводимые реформы.

Так же он отмечает, что: «Укрепление и развитие духовности народа – важнейшая забота государства и общества в Узбекистане. Далее – энергия человека, народа, общества, государства» [2. С. 77-78].

Следовательно, духовность оберегает как свободу личности, так и свободу, независимость нации. Исследование общественной эволюции, логики социальных процессов создает возможность выявлять изменения системы исторических, духовно-культурных и нравственных ценностей – соответственно – динамику развития социума в ситуациях рисков, вызовов и угроз.

Концептуальный статус дисциплины социальной философии и политических наук позволяет структурно представить национальную безопасность в основательности ее многочисленных подструктур и элементов.

Для противодействия угрозам национальной безопасности силы ее обеспечения (прежде всего государственной безопасности и общественной безопасности) во взаимодействии с институтами гражданского общества обеспечивают сохранение социально-исторического, культурного и духовного наследия.

На этой основе национальные приоритеты развития духовной сферы заключаются в сохранении и укреплении нравственных основ общества, исторических традиций, культурного и научного потенциалов страны.

Следовательно, духовные основы общества – это, прежде всего, активные отношения к действительности, стремления к конкретной цели, идеалам, организации своей деятельности сообразно им. Только тогда, когда гармонизация связей между составляющими в системе «человек – общество – природа, нормы и установки на построение гуманистического общества с высокоразвитой политической, правовой, нравственной, экологической, художественной культурой будут положены в фундамент духовных основ независимости. Духовные основы базируются на четырех устоях:

- приверженности общечеловеческим ценностям;
- укрепления и развития духовного наследия нашего народа;
- свободной самореализации человеком своего потенциала;
- патриотизме» [2. С. 77-78]. А приверженность общечеловеческим ценностям – это социальная установка нашего нового формирующегося гражданского общества.

Сохранение системы базовых ценностей открывает возможности для прогрессивного развития личности, общества и государства. В этом случае духовная безопасность предполагает обеспечение условий стабильного развития и позволяет государству решать актуальные задачи экономического, социального и политического развития. Одновременно анализ состояния духовно-культурной и нравственной сфер способствует выявлению тех негативных тенденций в различных областях жизнедеятельности, которые могут привести к возникновению угроз национальной безопасности. Без опоры на духовные ориентиры, без развития человеческих качеств немислимо стабильное развитие общества. В целом, новая система духовных ценностей должна быть составлена так, чтобы человек чувствовал себя частью социоприродной среды, как это было при господстве мифологического мировоззрения.

Критерием, в данном случае становится увеличение роли общечеловеческих ценностей в истории человечества, возрастание их удельного веса в жизни общества. Речь идет о таких жизненно важных ценностях, как окружающая среда, человеческий род и жизнь человека, личность и ее социальный статус, безопасность и эффективность технологий, разумное удовлетворение потребностей.

В Узбекистане, очень часто употребляется словосочетания и выражения с компонентом «духовность» или «духовное»: духовное богатство, бездуховность, духовное возрождение, духовное очищение, духовные основы независимости. Это свидетельствует о том, что в Республике большое внимание уделяется вопросам духовности, так как от их правильного решения зависят национальное возрождение, национальный прогресс, устойчивое развитие и стабильности общества в целом.

Устойчивость развития духовной сферы общественной жизни, отраженная в ее научной теории и научной истории, доказывает, что сущностью ее отражения в теории является познание законов развития общества, а сущностью ее отражения в истории – реализации субъективных факторов и объективных условий действия объективных законов. Совершенство общественных отношений в духовной сфере общественной жизни определяется единством субъективных факторов и объективных условий устойчивого развития общества, и, напротив, устойчивость развития общества определяется совершенством общественных отношений, в том числе в духовной сфере общественной жизни, развертывающихся на основе наличного единства субъективных факторов и объективных условий.

Социальный авангард духовной сферы общественной жизни в науке, искусстве, литературе и т.д. определяет направление жизнедеятельности общества, стратегию и тактику воспитания совершенной личности своего времени, обеспечивает устойчивое развитие общества, гармонию его социальных институтов. Социальный опыт духовной жизни обществ Востока и Центральной Азии показывает, что распри, смуты, рождаясь в головах людей, предстают как одна из наиболее существенных причин деградации общества, как одна из важнейших функций, обнаруживающих негативизм субъективных факторов, уход от линии устойчивого развития общества.

Обратимся опять к выступлениям главы государства, ибо в них формулируются проблемы и задачи практической политики. «Если экономический рост, прогресс являются телом нашего общества, то духовность, просветительство, зрелость политического сознания – его дух, ум, душа. Чтобы построить великое государство, достигнуть великого будущего, нужно воспитывать разумных, просвещенных, гордящихся своим прошлым, великими ценностями, нацию верящих в будущее людей» [2. С. 163-164].

На этой основе национальные приоритеты развития духовной сферы заключаются в сохранении и укреплении нравственных основ общества, исторических традиций, культурного и научного потенциалов страны. Сохранение системы базовых ценностей открывает возможности для прогрессивного развития личности, общества и государства. В этом случае духовная безопасность предполагает обеспечение условий стабильного развития и позволяет государству решать актуальные задачи экономического, социального и политического развития.

Духовность, прежде всего, оберегает нацию, национальную культуру, образ жизни. Она выполняет функцию социально-культурного фильтра и старается воспрепятствовать проникновению в национальную жизнь чуждых ей явлений, подрывающих национальное, не соответствующих нравственным, эстетическим, философским убеждениям нации. В то же время Узбекистан столкнулось с множеством новых современных проблем, многие из которых представляют реальную угрозу суверенному существованию государства.

Сегодня необходимо признать, что угрожающим фактором для существования человека и человечества становится разразившийся духовный кризис. Его проявление непосредственно связано с резким обострением. Поэтому стабильность и жизнеспособность государства определяется, прежде всего, нравственным и духовным уровнями его населения, а не состоянием экономики.

Сознание во многом определяет бытие. История дает немало примеров, начиная с гибели Римской империи, когда в целом экономически благополучные государства погибали в результате падения морального уровня населения, в частности, роста коррумпированности государственных чиновников. Не обеспечивая на должном уровне национально-духовную безопасность, невозможно достичь национальной безопасности. Уровень обеспеченности системы национальной безопасности остается взаимосвязанным друг с другом. В реалии мы становимся свидетелями этого процесса. В глобальном мире идет процесс гегемонии над человечеством, вместо использования оружия приоритетом становится захват ума, души и разума человека. Проявляется неизбежность сложной борьбы в сфере духовности. Полное осознание процессов, происходящих в духовной сфере, осуществление государственной политики в этой области, доскональное знание механизмов борьбы против разрушительных идей руководителями государственной власти – это требование времени. В конце концов, Республике, было отмечено, что воспитание духовности, ее улучшение, кроме того, все задачи в этой сфере, являются главными и приоритетными задачами государственного значения. Поэтому политика государства, связанная с развитием духовности и культурно – просветительской работой, должна постоянно находиться в центре нашего внимания. Укрепление, обновление и «ремонт» собственной истории должен непрерывно и ответственно вестись каждым народом, как и «защита» своей истории должна быть частью работы всей системы на национальной безопасности» [5. С. 214].

Следовательно, без опоры на духовные ориентиры, без развития человеческих качеств немислимо формирования **угрозоустойчивого** общества.

В целом, новая система духовных ценностей должна быть составлена так, чтобы человек чувствовал себя частью социоприродной среды, как это было при господстве мифологического мировоззрения.

Критерием в данном случае становится увеличение роли общечеловеческих ценностей в истории человечества, возрастание их удельного веса в жизни общества. Речь идет о таких жизненно важных ценностях, как окружающая среда, человеческий род и жизнь человека, личность и ее социальный статус, безопасность и эффективность тех-нологий, разумное удовлетворение потребностей.

Духовная безопасность не может пониматься как исключительно религиозная или культурная безопасность. Духовная безопасность – это уникальный и универсально всеобщий феномен, характеризующийся системным единством, целостностью культурной, религиозной, научно-образовательной, информационной и идеологической безопасности.

Обеспечение **духовной безопасности** не есть прерогатива только государственных учреждений и органов.

Субъектами обеспечения духовной безопасности являются также патристические ориентированные граждане и институты гражданского общества, в частности, средства массовой информации, представляющие собой одну из составляющих негосударственной части системы обеспечения духовной безопасности.

Духовная безопасность рассматривается как один из видов национальной безопасности и представляет собой состояние защищенности духовной сферы современного узбекского общества. Она включает в себя культурную, идеологическую, информационно-психологическую, научную, образовательную и религиозную безопасности как ее подвиды и характеризуется соблюдением интересов личности, общества и государства, защищенностью от внутренних и внешних угроз традиционных духовных (интеллектуальных, нравственных, эстетических) ценностей, главным образом, индивидуального, группового и массового сознания.

Составляющими объекта обеспечения **духовной безопасности** являются: национальное самосознание, общепринятые традиции устройства общественной жизни, морально-психологическое единство нации, выражающееся в деятельной поддержке внутренней и внешней политики своего государства.

В этой связи можно выделить наиболее важную проблему обеспечения духовной безопасности узбекского общества и основную угрозу основам духовной жизни в современном Узбекистане – культивирование чуждых менталитету узбекского народа духовных ценностей, внедрение деструктивных жизненных приоритетов, идеологие, целей и задач, стоящих перед отдельной личностью и обществом в целом.

Эффективность обеспечения духовной безопасности общества зависит не только от осуществления мер по защите духовности внутри духовного пространства Узбекистана, но и от реализации постоянной духовной экспансии нации в современных геополитических условиях по всему миру.

Узбекистан может сохранить свою суверенность и государственность только в случае принятия большинством общества и (или) пассионарной его частью единых национальных духовных ценностей. *Духовное пространство Узбекистана* не ограничивается государственно-территориальными пределами.

Укрепление, стабильное и устойчивое развития государства связано не только с организационными, созидательными делами, но и с изменениями в духовной жизни.

Духовным фундаментом независимости явились стремление народов Узбекистана к свободе, социальной справедливости и рост национального самосознания. Отмечая эту особенность общества, важно подчеркнуть, что переоценка духовно-нравственных и других ценностей приобретает свой особый специфический характер. Эта специфика определяется особенностями функционирования духовной сферы жизни общества [8. С. 149].

В духовности отражается национальное своеобразие, менталитет, историческая память народа. Если народ лишается исторической памяти, своего менталитета, то теряет и свою национальную идентичность, в конечном итоге независимость.

Духовность, оберегает как свободу личности, так и свободу, независимость нации. Угроза против духовности представляет собой угрозу, так как она стремится оторвать человека от подлинных национальных и общечеловеческих ценностей, направить его в русло сомнительных, мнимых ценностей «массовой культуры», политического и религиозного радикализма [7. С. 4].

В этом процессе немаловажное значение имеют те свойства в социальных отношениях, которые отличают ценностные феномены от других. Здесь важную роль играет наличие оценочного компонента человеческой деятельности, что придает ей как бы личностную окрашенность и значительно затрудняет объектное отношение к миру.

Общеизвестен феномен узбекской национальной духовности, в основе которого лежит великая идея крепкого соединения людей, позволяющая узбекам на протяжении многих столетий быть сильной, здоровой и достойной нацией. Понятие духовности, определяемое как проявление устремленности к совершенному, целостному, идеальному, в истинном смысле этого слова, пришло в мир вместе с Исламом.

Религия всегда вносили большой вклад в развитие духовности, просвещения, в мировую цивилизацию. И мы сегодня, говоря о государственности, наших перспективах, должны относиться к религиям с уважением и как к национальной, и как к общечеловеческой ценности» [1. С. 58].

Уместно здесь напомнить и о том, что согласно Конституции Республики Узбекистан, в свободной многонациональной стране отдельно от государства действуют свыше десяти конфессий, проповедующих, наряду с исламской

религией, православие, иудаизм и другие верования. Поэтому нынешняя стабильность в нашей стране, ее перспективы и прогресс определяются различными группами общества. Если мы хотим построить справедливое, свободное, стабильное, угрозоустойчивое общество, мы должны помнить о том, что пути осуществления этой благородной цели совпадают с тысячелетними религиозными убеждениями.

Таким образом, нравственный закон, столь важный для современного Узбекистана, сопрягается в узбекской традиции с категорией «совесть», заключающей в себе такие смыслы как разумение, понимание, знание, внутреннее убеждение в чем-то, что извне задано человеку как закон. Духовно-нравственный контекст социальных процессов и человеческого бытия в конкретном социуме всегда вызывал определенный резонанс, как в среде религиозно-социально-философской мысли, так и в творениях классиков узбекской литературы.

Изъятие духовно-нравственной составляющей цивилизационного «ядра», являющейся, в сущности, его центром, чревато всеобщим национальным обезличиванием, потерей ориентиров между добром и злом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Каримов И.А.* По пути безопасности и стабильного развития. Т.: «Ўзбекистон», 1998 г. Т. 6.
2. *Каримов И.А.* Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. Т.: «Ўзбекистон», 1996 г.
3. *Каримов И.А.* Человек его права и свободы высшая ценность. Т.: «Ўзбекистон», 2006. Т. 14.
4. *Каримов И.А.* Юксак маънавият – енгилмас куч. Т.: «Маънавият», 2008.
5. *Кара-Мурза.* Демонтаж народа. М.: Algorithm, 2008.
6. *Мухелишвили Н.Л., Сергеев В.М., Шрейдер Ю.А.* Ценностная рефлексия и конфликты в разделенном обществе // Вопросы философии. 1996. № 11.
7. *Отамуратов С.* Глобаллашув ва миллий-маънавий хавфсизлик. Т.: «Ўзбекистон», 2015.
8. *Эркаев А.* Духовность и развитие. Т.: «Маънавият», 2007.

K.H. AVAZOV

*Doctor of Philosophy (PhD) in Political Science,
Tashkent, Uzbekistan*

SOCIAL AND POLITICAL ANALYSIS OF FORMATION OF A THREAT RESISTANT SOCIETY

Spirituality protects both the freedom of the individual, and freedom, the independence of the nation. The study of social evolution, the logic of social processes creates the opportunity to identify changes in the system of historical, spiritual, cultural and moral values – accordingly – the dynamics of the development of the society in situations of risks, challenges and threats. To date, mankind has accumulated so many weapons and ammunition that it is enough to destroy the globe several times. However, the greatest danger today is the ongoing ideological struggle for the souls and consciousness of people, especially the younger generation. Today, the decisive role is played not by battles at nuclear test sites, but by fighting on the ideological front. Never forget this bitter truth. The formation of ideological immunity is determined by the degree of its conformity with the nature of the people, the way of life and thinking, and most importantly – how it reflects the national interests and aspirations of society. Only such an ideology will stand the test of time and life, people will believe it and accept it as a belief.

Key words: *threatening society, spiritual development, spiritual basis, globalization, ideological threat, degradation, stable development, export of democracy.*

П.Я. ФЕЛЬДМАН

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры философии и социологии
Академии труда и социальных отношений,
Россия, г. Москва

Г.В. ПРОХВАТИЛОВ

аспирант кафедры философии и социологии
Академия труда и социальных отношений,
Россия, г. Москва

СТАНОВЛЕНИЕ СЕТЕВОГО КОРПОРАТИВИЗМА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье предпринимается попытка осмысления политических и коммуникационных трендов, актуализировавшихся на фоне обострения внешних вызовов и угроз для национальной безопасности Российской Федерации. Авторы приходят к выводу о том, что в современной России происходит становление сетевого корпоративизма как специфической системы взаимоотношений государства и общества. В рамках этой системы виртуальные коммуникационные площадки становятся полноценной альтернативой традиционным механизмам электорального и функционального представительства интересов. Сообщества подписчиков постепенно оформляются в группы давления, по своему лоббистскому потенциалу не уступающие партиям, крупным компаниям и общественным организациям. Дополнительный импульс этому процессу придала Специальная военная операция (далее – СВО), с началом которой тематические паблики и Telegram-каналы, посвященные ее проведению, обрели чрезвычайно высокий политико-коммуникативный статус. Они обеспечивают ментальную мобилизацию россиян, а также ретранслируют власти информацию о насущных потребностях боевых подразделений.

В свою очередь, государство пытается встроить сетевую патриотическую корпорацию в систему аффилированных с ним институтов гражданского общества, наделяя ее возможностью оказывать влияние на центры принятия политико-управленческих решений.

Ключевые слова: лоббизм, корпоративизм, группы интересов, социальные сети, политическая коммуникация, политическое представительство интересов, военкоры, виртуальные сообщества.

2022 год ознаменовался для России и всего мира масштабными политическими трансформациями, которые придали дополнительную динамику уже наметившимся ранее мегатрендам развития общества: сетевизации, цифровизации и медиатизации коммуникационных процессов. В то же время, на фоне проведения Специальной военной операции (далее – СВО) по защите жителей Донбасса актуализировалась потребность в консолидации государства и общества перед лицом экзистенциальных вызовов и угроз для национальной безопасности Российской Федерации. По всей вероятности, конфликт между Россией и коллективным Западом будет иметь затяжной характер. Логика этого «гибридного» противостояния, угрожающего в любой момент перерасти в открытое вооруженное столкновение, диктует необходимость качественного и количественного укрепления армии, ускоренного развития оборонно-промышленного комплекса, расширения реализации масштабной программы импортозамещения. По мере становления мобилизационной экономики и реализации соответствующей политики меняется характер взаимоотношений между властью и обществом: закономерным образом усиливается влияние групп, деятельность которых способствует достижению успехов СВО. В настоящей статье будет предпринята попытка осмысления трансформаций, которым подверглась российская система политического представительства интересов под влиянием совокупности внутренних и внешних факторов.

Последние 20 лет стали для России периодом централизации власти и иерархического упорядочения субъектов политического процесса. Реализация курса на обретение суверенитета и воспроизводство социально-консервативных ценностей непосредственным образом повлияла на характер взаимоотношений между государством и обществом. Влияние зарубежных стейкхолдеров и либеральных прозападных сил на реализацию государственной политики России практически свелось к нулю. Институционально оформились ключевые механизмы участия заинтересованных групп в политическом процессе. Сформировался набор формальных и неформальных критериев, которым должны отвечать субъекты лоббизма (компании, некоммерческие организации, лидеры мнений), претендующие на доступ к системе принятия политико-управленческих решений. Совокупность сделанных авторами статьи наблюдений позволяет предположить, что данная система воплотила в себе ряд корпоративистских черт. Термин «корпоративизм» в настоящем контексте освобождается от негативных исторических коннотаций. Под ним авторы статьи понимают специфическую систему (модель) артикуляции, представительства и согласования

общественных интересов, для которой характерны такие признаки, как умеренный этатизм (государствоцентризм), иерархичность, высокий уровень институционализации, жесткая нормативная регламентация, функциональная определенность [4; 5]. На практике корпоративизм предполагает глубокую вовлеченность групп давления в процесс управления страной. Однако доступ к центрам принятия политических решений открывается лишь ограниченному кругу привилегированных субъектов, прошедших «искусственный отбор» и доказавших свое соответствие политическим, идеологическим, этическим, экономическим и иным требованиям.

Как справедливо отмечает российский исследователь П.С. Каневский, на Западе имеет место обратная тенденция, находящая выражение в плюрализации и хаотизации отношений между властью и группами давления. Торжество неолиберализма и снижение роли власти в регулировании общественных процессов привели к тому, что «группы интересов стали более свободными и независимыми от государства, а стратегии их влияния стали строиться в большей степени на торге, чем на установленных нормах взаимодействия» [3. С. 276]. Как следствие, для Запада наступил этап индивидуализации внутренней политики, девизом которого может считаться фраза «каждый сам за себя, каждый сам по себе». Россия, напротив, сохранила и организационно укрепила институты функционального представительства интересов, соответствующие духу корпоративизма: общественные и торгово-промышленные палаты, советы при органах исполнительной власти, массовые движения и ассоциации, трехсторонние комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, профсоюзы, объединения работодателей и предпринимателей. Перечисленные структуры испытывают на себе упорядочивающее воздействие со стороны государства, не противясь ему. Однако и сами они обладают возможностью влиять на процесс разработки нормативных правовых актов, включая Федеральные законы и Постановления Правительства.

Центральным элементом российской системы политического представительства организованных интересов является государство. Стремясь к реализации стратегических национальных приоритетов, оно ограничивает плюрализм субъектов лоббизма и одновременно создает диалоговые механизмы для поддержания коммуникации с обществом. В конечном итоге привилегированной возможностью участвовать в процессе принятия политико-управленческих решений наделяются заинтересованные группы, которым присущи такие черты, как высокая ресурсная обеспеченность, понимание стоящих перед государством задач, приверженность патриотическим взглядам, политическая лояльность, предсказуемость, конструктивность и договороспособность. В системе указанных критериев на современном этапе ключевое место отводится отношению к ситуации на Украине. Многие общественные структуры публично заявили о поддержке СВО, тем

самым упрочив свои позиции в системе функционального представительства интересов. Для государства эта поддержка представляется особенно ценной в период активных боевых действий, когда обостряется потребность в сохранении политической стабильности и внутренней сплоченности общества.

Виртуализация коммуникационных процессов в сфере политики и государственного управления оказала существенное влияние на функционирование институтов власти. В России была создана цифровая инфраструктура для так называемого «электронного лоббизма».

По инициативе государства появились интерактивные сетевые платформы для публикации и широкого обсуждения проектов нормативных правовых актов. Благодаря подобным ресурсам лица, принимающие политико-управленческие решения, получают обратную связь от всех социальных групп в форме комментариев, критических замечаний, экспертных оценок и конструктивных предложений. Подобным функционалом, в частности, наделен портал regulation.gov.ru, позволяющий гражданам и заинтересованным группам не только отслеживать, но и корректировать нормотворческую деятельность органов исполнительной власти. Отдельные граждане и группы давления находят альтернативные цифровые каналы коммуникации с центрами принятия политико-управленческих решений.

Еще в недавнем прошлом использование мессенджеров, социальных сетей и видеохостингов для реализации лоббистских кампаний было предметом футурологических дискуссий. На современном этапе применение вышеуказанных инструментов воспринимается едва ли не как главный способ «достучаться до власти» в условиях, когда традиционные механизмы представительства интересов должным образом не позволяют оперативно решить возникшие проблемы. Несомненным достоинством подобных каналов опосредованной политической коммуникации выступает их высокая популярность, благодаря которой практически любую идею можно оперативно довести до многомиллионной аудитории. В данном случае субъекты лоббизма не без оснований рассчитывают на то, что искусственно нагнетаемый общественный резонанс, является залогом попадания важной для них проблемы в актуальную политическую повестку. Впрочем, порой создание «информационных волн» приводит к обратному эффекту: вокруг заинтересованной группы формируется ареол скандальности, не способствующий практической реализации ее инициатив. Особенно остро это ощущается в России, где органы публичной власти традиционно воздерживаются от принятия судьбоносных решений под давлением общества и негативно относятся к попыткам грубого внешнего вмешательства в их дела. Гораздо более эффективной и взвешенной стратегией представляется попытка охватить своим контентом не только рядовых подписчиков, но и должностных лиц. Таким образом, преодолевая коммуникативные барьеры, любая группа

давления может транслировать свои сообщения непосредственно объекту лоббизма. Более того, у канала с многотысячной аудиторией зачастую бывает один единственный подписчик, чье мнение имеет значение для его авторов и модераторов.

Усиление влияния электронных лоббистских ресурсов на процесс принятия политико-управленческих решений не противоречит основополагающим принципам корпоративизма. Эта гипотеза находит подтверждение в современной России, где государство осуществляет модерацию виртуального коммуникационного пространства, руководствуясь необходимостью поддержания социальной стабильности и общественной безопасности. Русскоязычные сетевые сообщества и каналы с политической окраской жестко сегментированы по идеологическому принципу. Практически все они принадлежат к двум антагонистическим полюсам: консервативно-патриотическому и либерально-демократическому. Их можно дифференцировать по тому же самому принципу, что и традиционные институты: партии, общественные движения, некоммерческие организации, средства массовой информации и т.д. Важнейшим маркером, позволяющим судить о принадлежности субъектов виртуальной политической коммуникации к тому или иному идеологическому полюсу, является их отношение к СВО. Подавляющее большинство ее публичных критиков осуществляют вещание на российскую аудиторию из-за рубежа, что делает вероятность успешной реализации их лоббистских инициатив ничтожной.

В свою очередь, вокруг консервативно-патриотического полюса формируются виртуальные сетевые сообщества, по своей сути являющиеся неассоциативными группами интересов. Существуют веские основания полагать, что отношения между этими сообществами и государством вписываются в систему научных представлений о корпоративизме.

Главной виртуальной площадкой для функционирования вышеуказанных сетевых структур на современном этапе служит мессенджер Telegram, где еще задолго до начала СВО появилось значительное количество патриотических каналов с новостными материалами, актуальными экспертными комментариями и аналитикой. Принято считать, что аудитория соответствующих каналов включает в себя политиков, должностных лиц и представителей силового блока. До февраля 2022 года основными коммуникационными узлами в политическом сегменте российского Telegram выступали, главным образом, личные блоги популярных телевизионных журналистов и экспертов, позиционируемых в качестве обладателей ценной инсайдерской информации. После начала СВО эту роль начали играть военкоры. Не удивительно, что феномен их популярности незамедлительно привлек к себе внимание ряда отечественных исследователей [1; 2]. Сегодня формулировка «военкоры» используется для обозначения предельно широкого круга публичных деятелей, блогеров, добровольцев, военнослужащих и работников СМИ,

которые занимаются освещением боевых действий на Украине в режиме «из первых уст». Занимая ярко выраженную патриотическую позицию, они тем не менее часто делятся неприглядной «окопной правдой» и рассказывают о внутренних проблемах армии. Идеологически близкие друг другу военкоры формируют так называемые «Telegram-сетки». Они цитируют и активно комментируют публикации коллег, таким образом расширяя свою аудиторию за счет подписчиков дружественных каналов. Их совокупный информационно-коммуникационный потенциал стремительно увеличивается, а вместе с ним растет и политическое влияние.

Что позволяет рассматривать сетевое сообщество военных корреспондентов и блогеров в качестве неформального института цифрового корпоративизма? Во-первых, оно артикулирует и ретранслирует политической системе интересы широкого круга лиц, имеющих прямое или опосредованное отношение к СВО: кадровых солдат и офицеров армии, добровольцев, ветеранов Донбасса, мобилизованных граждан и их семей, представителей оборонно-промышленного комплекса. Во-вторых, сетевые активисты, освещающие ход СВО, в совокупности своей образуют группу давления, чья лоббистская деятельность ориентирована на принятие военно-политическим руководством страны жестких мер и силовых решений относительно дальнейшего противостояния с коллективным Западом.

В-третьих, не имея прямой аффилиации с государством, военкоры, тем не менее, наделены мандатом на осуществление публичной общественно-политической деятельности. Более того, порой они позволяют себе делать крайне жесткие критические замечания в адрес представителей высшего офицерского состава, должностных лиц, управленцев, бизнесменов и деятелей культуры. Логично предположить, что сетевые околовоеенные сообщества ощущают себя довольно уверенно в современных политико-правовых реалиях. Подобная уверенность имеет под собой веские основания, ведь для государства они представляют ценность в качестве каналов обратной связи с идеологически неоднородной и географически разобщенной аудиторией, которую невозможно объединить на уровне партий и общественных организаций.

Вышеизложенные доводы позволяют выдвинуть гипотезу о том, что в русскоязычном сегменте виртуального информационно-коммуникационного пространства сформировалась *патриотическая корпорация*, обладающая способностью влиять на процесс принятия политико-управленческих решений. В рамках этой корпорации гармонично сосуществуют носители лево-социалистических и правоконсервативных взглядов. Потребность в консолидации ресурсов и сил перед лицом экзистенциальной военно-политической угрозы со стороны коллективного Запада заставила их отложить идеологические разногласия. Благодаря использованию механизмов краудфандинга члены этих виртуальных сообществ разделяют с государством

материальные издержки по обеспечению воинских подразделений дополнительным обмундированием и оборудованием. Ими регулярно проводятся кампании по сбору средств на покупку беспилотных летательных аппаратов, тепловизоров, бронежилетов и т.д. Подобная самоорганизация свидетельствует о стирании границ между виртуальной коммуникацией и реальными коллективными действиями. За последний год накопилось немало примеров того, как лоббистские усилия сетевых патриотических корпораций оборачивались большими успехами. Сами же военкоры и блогеры, комментирующие события на фронте, имеют все шансы стать во главе общественно-политических движений с хорошими электоральными перспективами. Уже сегодня некоторые партии включают их в свои предвыборные списки.

Наряду с очевидными достоинствами, корпоративизму присущи и некоторые недостатки. Взращиваемые государством социальные корпорации порой становятся настолько влиятельными и мощными, что начинают конкурировать с институтами публичной власти. От конструктивной критики они легко переходят к оказанию информационно-психологического давления на центры принятия политико-управленческих решений. Порой это давление принимает формы неприкрытого шантажа и угроз. Важнейшее отличие виртуальных сетевых сообществ от современных партий, общественных организаций, профессиональных союзов и иных институтов гражданского общества заключается в их повышенной склонности к радикализации. По той же самой причине наиболее острые дискуссии в мессенджерах и социальных сетях, как правило, быстро приобретают деструктивный характер. Неспособность государства регулировать градус политического накала в виртуальном пространстве чревата масштабными внутренними потрясениями. Под маской лоялизма могут скрываться радикальные лидеры и движения, готовые в любой момент выйти из-под контроля. Их необходимо своевременно идентифицировать и, как минимум, лишать ресурсной подпитки.

Подводя итоги аналитической работы, результаты которой нашли отражение в настоящей статье, можно сделать вывод о том, что в современной России происходит становление *сетевого корпоративизма* как специфической системы взаимоотношений государства и общества.

В рамках этой системы виртуальные коммуникационные площадки становятся полноценной альтернативой традиционным механизмам электорального и функционального представительства интересов. Сообщества подписчиков постепенно оформляются в группы давления, по своему лоббистскому потенциалу не уступающие партиям, крупным компаниям и общественным организациям. Дополнительный импульс этому процессу придала СВО, с началом которой патриотические паблики и Telegram-каналы обрели чрезвычайно высокий политико-коммуникативный статус. Так называемые «военкоры» и блогеры, освещающие вооруженный

конфликт на Украине, весьма эффективно обеспечивают ментальную мобилизацию россиян, а также ретранслируют власти информацию о насущных потребностях фронта. Они артикулируют интересы кадровых военных, добровольцев, мобилизантов, волонтеров и иных лиц, прямо или косвенно вовлеченных в СВО. Руководствуясь прагматичными соображениями, государство пытается встроить сетевую патриотическую корпорацию в систему аффилированных с ним институтов гражданского общества, наделяя ее возможностью оказывать влияние на центры принятия политико-управленческих решений. Власти надлежит сохранить в своих руках рычаги управления виртуальными сообществами, дабы исключить вероятность их радикализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Васильева Л.А., Афонин А.А.* Медиа: особая энергетика военной журналистики // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 7 (83).
2. *Денисова И.Н.* Телеграм-каналы военкоров – новый формат освещения вооруженного конфликта // Цифровые платформы и будущее традиционных СМИ. Четырнадцатые международные научные чтения в Москве «СМИ и массовые коммуникации – 2022». 2022.
3. *Каневский П.С.* Трансформации корпоративизма в эпоху неолиберализма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 25 (4).
4. *Шмиттер Ф.* Неокорпоративизм // Полис. 1997. № 2.
5. *Lehmbruch G.* Liberal corporatism and party government // Trends towards Corporatist Intermediation / Ed. by P. Schmitter, G. Lehmbruch. L., 1979.

P.J. FELDMAN

*Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology
of the Academy of Labor and Social Relations,
Moscow, Russia*

G.V. PROKHAVILOV

*Postgraduate student of the Department
of Philosophy and Sociology of the Academy of Labor
and Social Relations, Moscow, Russia*

THE FORMATION OF NETWORK CORPORATISM IN THE NEW INFORMATION AND COMMUNICATION REALITY

The article attempts to comprehend the political and communication trends that were actualized during the emergence of external challenges and threats to the national security of the Russian Federation. The authors come to the conclusion that in modern Russia there is a formation of network corporatism as a specific system of relations between the state and society. Within the framework of this system, virtual communication platforms become a full-fledged alternative to traditional mechanisms of electoral and functional representation of interests. Communities of subscribers are gradually being formed into pressure groups that are not inferior to parties, large companies and public organizations in their lobbying potential. An additional incentive to this process was given by a special military operation, with the beginning of which thematic public and Telegram channels dedicated to the confrontation between Russia and Ukraine gained an extremely high political and communicative status. They ensure the mental mobilization of Russians, as well as relay information to the authorities about the urgent needs of the army. The state is trying to integrate the patriotic network corporation into the system of civil society institutions affiliated with it, giving it the opportunity to influence the centers of political and managerial decision-making.

Key words: *lobbying, corporatism, interest groups, social networks, political communication, political representation of interests, military personnel, virtual communities.*

Э. НИФТИЛИ

старший преподаватель
Академии государственного управления при Президенте
Азербайджанской Республики,
Азербайджан, г. Баку

НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ ТОГДА И СЕЙЧАС

Национализм – это сложный феномен, ассоциирующийся с разными аспектами политической сферы. Несмотря на глобализацию и ранние прогнозы о коллапсе национальных государств они сильны, как никогда прежде. В этой статье мы постарались объяснить исторические и теоретические аспекты наций и проанализировать понятие национализм. В особенности важно научно исследовать эту тему на фоне армянского сепаратизма и ирредентизма. Основная научная новизна данной статьи — это анализ Армяно-Азербайджанского конфликта с точки зрения разных типов национализма и дальнейшая перспектива развития данной тематики с целью нахождения точек соприкосновения конфликтующих сторон. Ряд исследовательских стратегий и методов были использованы при написании данной статьи, в том числе сравнительный исторический метод и метод политического, психологического и антропологического анализа.

Ключевые слова: нация, национализм, патриотизм, национальный фаворитизм, ирредентизм.

E. NIFTILI

Senior lecturer,
Academy of Public Administration under
the President of the Republic of Azerbaijan,
Baku, Azerbaijan

NATIONS AND NATIONALISM THEN AND TODAY

*My country, right or wrong!"(Commodore Stephen Decatur)
"There is no flag large enough to cover the shame of killing innocent
people" (Howard Zinn)*

Nationalism is a complex phenomenon associated with different aspects of political sphere. Despite of globalization and earlier prognosis about collapse of nation-states they are strong as never before. In this article we tried to explain historical and theoretical aspects of nations and nationalism, and analyze various aspects of nationalist notion. It is especially important to search scientifically this topic for Azerbaijan regarding the fact of Armenian separatism and irredentism. The main scientific novelty of this article is effort to analyze Armenian-Azerbaijan conflict through types of nationalism, and use this discovery in the future political debate. The number of research strategies and methods were used while writing this article, such as comparative historical and political analysis, psychological, and anthropological methods.

Key words: *nation, nationalism, patriotism, national favoritism, irredentism.*

Introduction. When I think about nations and their interminable competition over territories, I always remember a childhood game called Trip to Jerusalem. Ironically the name of this game is related to one of the most disputed territories in the world. According to the game, the number of chairs is always one less than the number of participants. Members contest for a seat by circling them accompanied by music, and after the melody stops playing, one of the players stays without a chair and leaves the game. The game continues until there are only one seat and a winner.

The phenomenon of nationalism is a complex problem that causes ongoing discussion, both among ordinary people and scientific communities. Due to its complicated nature, there are both negative and positive viewpoints about nationalism. On the one hand, nationalism associated with democracy, freedom, liberty, independence, loyalty, human rights, consolidation, and equality; on the other hand, nationalism goes side by side with such malign symptoms as xenophobia, ethnic cleansing, genocide, warmongering, jingoism, irredentism, separatism, and expansion. How could this phenomenon be so controversial by its nature?

When nations occurred? Different approaches regarding the problem when nations occurred exist. The most prominent typology belongs to Smith (1971), who categorized the process of nation-building into three groups: primordialism, modernism, and ethno-symbolism. According to primordialism, nations have always existed. They consider nationality as a natural and intrinsic feature of human beings. Primordialism is a widespread belief among nationalist activists and average people [2. P. 4-5]. However, it is an unpopular branch of nationalism studies, and fewer academicians continue to support the idea that nations are eternal entities [14. P. 220].

A paradigm of modernism explained nation-building differently, related it to the nature of modernism in the 1960s. The transition of the agrarian society to

the industrial one was a critical moment for nations and nationalism. The most crucial idea of modernism is that nations did not create nationalism; on the contrary, nationalism gave rise to nation-building. A modern state with its centralized government, mass education, and political elites influenced the masses and gave them a unified national identity [2. P. 5-6].

One of the most influential authors of nationalism studies, Ernest Gellner, wrote: "Nationalism is primarily a political principle which holds that the political and the national unit should be congruent." He argued that it is a modern phenomenon because nationality had never played a significant role in a state establishment [14. P. 12]. Gellner considered the fact that there are more potential nations than factual nation-states as a weakness of nationalism [14. P. 133]. He compared fully-fledged nationalities with 'garden' cultures and stateless ethnic cultures with wild nature. Bauman widened this analogy by juxtaposing social engineering where uninvited people had equated with weeds, and their only guilt was their existence in the ordered garden [3. P. 51].

The nation-state is the main actor of the international community and international relations nowadays. The names of countries mainly bear the name of the titular nation, and their language is the official language of nation-states. "We have made Italy now we have to make Italians," said a prominent speaker at the first session of a newly created Italian government after political unification [10. P. 1]. However, only 2.5 percent of the population used Italian language daily at that time [2. P. 220]. In this theory relationship between states and nations is intertwined, creating symbiotic dependence. Nations had built by the anthem, national flag, education system, patriotic poetry and literature, public ceremonies and national holidays, mass media, and political socialization.

Ethnosymbolism is a compromise between previous approaches. Nationalism is a modern concept, but nations are immemorial. Political elites rediscover nations based on cultural heritage such as values, symbols, myths, and customs [2. P. 7]. They criticize the obvious 'continuism' of the primordialists, admitting inevitable changes due to the modernization process. However, they also highly appreciate the uniqueness of the historical path of every ethnicity, declaring that the "modern era is no tabula rasa" [14. P. 169]. Smith argued that ethnosymbolism is more convenient due to its ability to find answers to the following questions: 1) ethnosymbolism enables to anticipate which ethnicities are more likely to initiate nationalist movements and to predict its character; 2) it makes it possible to grasp nationalism through collective memory, myth, symbols, and history. Mostly nationalist movements demand the right of having education or TV channel in their vernacular language or take under the aegis of sacred places; 3) this approach tries to explain the popularity of nationalism by idealistic motives [2. P. 169-170].

Eastern and Western types of nationalilsm. The main two approaches of nationalism studies range between the ethnic and civic nature of this concept.

However, it is difficult to differentiate them due to their intertwined character and ambiguous political terminology. Hans Kohn distinguished the Eastern (ethnic and cultural) and the Western (territorial and civic) types of nationalism. According to ethnic nationalism, a nation is an extended family, where people share the same root and have strong ethnic, linguistic, geographical, religious, and cultural bonds [11. P. 290]. “Nationalism is a fate, rather than a matter of choice. You can either accept, or leave it, but you cannot deny it” [4. P. 175]. For instance, German historian Friedrich Meinecke divided nations into “cultural” and “political” groups. According to his idea, it is impossible to become Russian, German, or Kurd just by learning their languages or accepting their religions; because these nations consider themselves as relatives or community of families, Heywood characterized this type of nationalism as a culturally closed society or a caste [7. P. 108].

According to one of the founding fathers of nationalism ideas, an exponent of German romanticism Herder, nation-building was mainly a geographically determined process when people living in the same area shared the same ethnic origin, language, religion, culture, and values. In his opinion, the main factor depicting the nation is its unique language, learned and shared in a community. Language has a direct connection with thought and self-expression; it is an authentic style of every nation, and nations should protect its purity from the influence of foreign languages, for example, Herder was concerned about the effect of Latin on the German language [14. P. 18-19]. English political theorist John Stuart Mill also highlighted the importance of a common language for a national amalgamation: “Among a people without fellow-feeling, especially if they read and speak different languages, the united public opinion, necessary to the working of representative government, cannot exist” [14. P. 24].

In the past time, most people did not have the opportunity to leave the regions they were born, had no idea about other places in the world; and the community had a more homogenous character. Traditions and collective memory play a significant role in this concept. It is a cultural concept of nations, and statehood does not play a crucial role in this theory. Mono ethnic societies tend to support the ideology of ethnic nationalism. This form of nationalism is based on the idea of national distinctiveness and sometimes superiority. That is why it is irrational and tribalistic. On the other hand, ethnic nationalism is a dangerous tool for multicultural states because it overlooks broad segments of the population. For this reason, they prefer the political and territorial aspect of national unity rather than an ethnic one.

The second concept explains nations as a matter of choice, when individuals are more flexible, distancing themselves from their natural bonds and evaluate their values, ambitions, outlooks and make a choice according to their tastes. The concept of nation-building mainly explains this process by ideology, education system, and propaganda. According to Heywood, the founder of this concept was

Jean-Jacques Rousseau, whose ideas about national sovereignty triggered this concept. However, Rousseau did not analyze nationalism as a separate topic [7. P. 109].

The USA is a perfect example of the political concept of nation and nationalism due to the heterogeneous ethnic, religious, racial, and cultural origins of its population. However, as a nation, they share universal American cultural values. Usually, countries with mixed populations try to avoid ethnic conflicts and prefer the political concept of nation-building. Great Britain, the USA, and France are pure examples of political nations [7. P. 110]. The English philosopher and historian Lord Acton back in the nineteenth century strongly criticized the monoethnicity of society: “A state which is incompetent to satisfy different races condemn itself; a state which labors to neutralize, absorb or to expel them, destroys its vitality” [14. P. 25].

We may summarize the differences between these two types of nationalism by this table:

Attitude	Civic nationalism	Ethnic nationalism
Nature of nation	Political	Cultural
Membership	Inclusive	Exclusive
Attitude to others	Equal	Superior
Character of unity	Rational	Emotional
Bedrock	Political values	Historical/mythic past
Basis of rights	Citizenship	Ethnic origin
Basis of cohesion	Civic loyalty	Ethnic solidarity
Distinctiveness	Cultural heterogeneity	Cultural homogeneity
Future perspective	Flexible & optional	Shared destiny

National favoritism. There is a tendency among nationalism studies to differentiate good and bad forms of nationalism. French President Emmanuel Macron once said: Nationalism is a betrayal of patriotism [15. P. 27]. We tend to accept patriotism as a virtue, a positive feature of a person, and cast doubt on nationalist rhetoric. This tradition began with the abovementioned dichotomy that identified Western nationalism as a moral, benign, and liberal one and condemned its Eastern counterpart, claiming it as an illiberal, hostile, and oppressive type of nationalism [11. P. 290]. Thus, patriotism is associated with attachment to own country and is close to civic nationalism; on the contrary, nationalism in the mass sense understood as a symptom of ethnic nationalism. Nevertheless, as Wimmer wrote in his article: “Patriotism is a form of nationalism. They are ideological brothers, not distant cousins” [15. P. 27].

The main problem with nation and nationalism is its clear division between “us” and “them” legitimized hatred toward others different from your nationality.

Systematically supported by the centralized education system and mass media, it is considered the threatening factor for national existence and development. Firstly, a well-known Irish historian W.E.H. Lecky and then the philosopher Peter Singer argued about expanding circle of ethical responsibility [12. P. 250]. Throughout history, this circle has been enlarging and continues its growth encompassing more and more outsiders. In antique times philosophers were free from back-breaking physical labor due to exploited slave labour. Philosophers who called their slaves “talking tools” did not consider them human beings and continue their sophisticated discussions about virtues, philosophy, and democracy.

The same double standard was everywhere, solved, and condemned by the next generations. However, like a phoenix emerges again from ashes and continues its interminable confrontation between “us” and “them.” It is especially true regarding nationalism; people are seeking the scapegoat. It is a widespread practice to associate all bad characteristics with foreigners, newcomers, and nomads rather than blame and improve yourself. They shape our sense of community; without them, we cannot cooperate and appreciate each other. They are like our mirrors, our projections. We can condemn them in all our failures and frustrations. Billig argued that even scholars are not able to escape this trap and try to justify ‘own’ nationalism calling it patriotism and research ‘others’ nationalism as something irrational and dangerous [14. P. 202]. This kind of ‘national favoritism’ may be explained by John Rawls’s A Theory of Justice, where he insightfully suggested that for being unbiased, a person should forget his background and vested interests; otherwise, he would sympathize with a closer part of the conflict and turn blind eyes to the other part’s arguments [6. P. 257].

According to Andrew Heywood, there are four types of nationalism: liberal, conservative, expansionist, and anticolonial [7. P. 111].

At the beginning of the 20th century, approximately one-third of the world population lived in nation-states; in 50 years, the number of such territories doubled, nowadays there are only six absolute monarchies and theocratic regimes in the world [15. P. 28]. In this way, the European nations struggled for independence in the name of liberal nationalism. American president W. Wilson’s Fourteen Points and especially the principle of self-determination played a significant role in the liberal form of nationalism. He believed that military empires threaten the international community; on the contrary, democratic nations with their cultural and political homogeneity must be more peaceful [7. P. 112].

Nevertheless, the principle of national self-determination is a priceless pretext of the irredentist and separatist politics. The idea of congruency of ethnic and state borders was a disaster for different ethnicities facing politics of ethnic cleansing on the way of national unification of certain ethnic groups. Nationalism based on ethnic purity threatens ethnic minorities and neighboring countries due to its expansionist nature. For example, politics of irredentism declare rights of the kin population to join a country where this ethnicity is the majority, violating

international law of territorial integrity, committing ethnic cleansing of other people, and finally occupying desired territory relying on the excuse of the historical heritage of the distant past or appealing to defend the rights of discriminated minorities [13].

The main concern of conservative nationalists is social unity and order based on patriotism. The nation is a unity of like-minded people who share similar values, traditions, and historical past [7. P. 114]. The role of internal enemies belongs to the lower classes, associated with social revolt. Engels named this phenomenon 'national egoism', and Marx wrote: "workers have no fatherland" [5. P. 11]. Nationalism is an antidote to socialism. If patriotic feelings of the working class surpass social solidarity, it will prevent revolution and military coup. Immigration and supranational organizations are external enemies and a threat to national culture and ethnic identity. Conservative nationalism propagates ethnic and racial superiority; it may trigger xenophobia and racism against foreigners and immigrants [6. P. 166].

Expansionist nationalism differs from other forms of nationalism by its aggressiveness, military character, national enthusiasm, and jingoism of the mass. Expansionist nationalism triggered both world wars. It is not surprising that some authors have characterized this type as "bad nationalism" [5. P. 11]. The radical form of expansionist nationalism formulated by Maurra propagates total nationalism, where a nation is everything, but a person is nothing; and the life of a person gets worth when he devotes himself to a national affair [7. P. 115]. Another significant feature of this form is a national renaissance and renewal, achieved by historical myths. Nazi Germany, with its enormous territorial ambition, is a perfect example of expansionist nationalism based on national myths about the glorious past, unique historical mission, and role of Germans in global civilization as a pure nation [7. P. 117].

One of the distinctive features of nationalism is its collective identity. "To be a member of the collective that was not your own choice is considered to be a thing that makes the life of a single person purposeful and meaningful" [3. P. 44]. According to Bauman, fear of death and to die without keeping any trace is one of the most undesirable ends of a person. Human beings are always seeking a way of escaping from death and get immortality. One of the strategies to achieve this goal is to consider yourself as a part of a community. "I will die, but my nation, my family will live" [3. P. 47]. It is possible to notice this kind of idealistic approach to self-sacrifice in Hegel's analysis. His moments of social beings are consisting of family, civil society, and state. According to him, in a family person sacrifices himself forgetting his interests in favor of his children and parents; it is called particular altruism. In civil society, every individual puts his interests before others, pursuing his gain, and it is known as common egoism. A state is an ethical entity, where everyone feels sympathy to each other, and he names it common altruism [7. P. 86].

Another popular explanation of self-sacrifice is that a person should disown his individuality. "When asked who he is, his automatic response is that he is a German, a Russian, a Japanese, a Christian, a Moslem, a member of a certain tribe or family" [9. P. 82]. According to Hoffer, the most widespread actors of mass movements are people who are seeking their purpose of life in struggling in the name of a great idea to gain self-esteem, pride, and power; they had different motives before coming to this stage; however, they are ready to die for it.

Anticolonial nationalism was characteristic of the national movement in Asia and Africa in the XX century. This form of nationalism emerged as a reaction to the abovementioned expansionist nationalism and was called good nationalism, respectively [5. P. 11]. Imperialist powers tried to legitimize their invasion by the excuse of bringing culture, civilization, and progress to the backward part of the world. Ideas about the intellectual and moral superiority of the white race were widespread in the XIX century. According to Chatterjee, Eastern culture was characterized as unscientific traditionalism by the colonialist West. Thereby imperialistic war was justified by sharing achievements of civilization and Christianity with miserable people of underdeveloped parts of the world. As Kipling told, colonial people were the white man's burden [8. P. 141]. Akbulut named the inferiority complex of colonies and attitudes of empires to this situation as ideometrics. The periphery tries to bridge the gap between the ideal metropolis and its substandard condition [1. P. 159]. Empires have a mission toward colonies, carried out by two means – pedagogy of violence and culture. Most empires used both of these strategies in some proportion, according to agreeability and resistance of colonies [5. P. 16].

Karabakh conflict as a clash of Eastern and Western types of nationalism. Armenian narrative about Karabakh is mainly based on the ethnic and irredentist motive, while Azerbaijan declares principles of international law and territorial integrity. At the same time, Azerbaijan always highlights the peaceful coexistence of multiple ethnicities living in its territory, demonstrating its multicultural nature. In a contrast, Armenia is one of the most mono-ethnic countries in the world. Western or civic types of nationalism are more advanced types in comparison with Eastern or ethnic types of nationalism with regard to the modern global world with its complicated multiethnic population. History of the XX century witnessed the devastating human tragedy of ethnic cleansing of millions of people just because of their ethnicity and swore never ever repeat this again. That is why the policy of ethnic superiority and xenophobia is considered backward practice by all civilized countries. Azerbaijan calls for ethnic Armenian living in Karabakh to accept citizenship of Azerbaijan and give up separatist and irredentist ideas about unification with Armenia.

According to Heywood's typology of nationalism, Azeri nationalism inclines toward the liberal type underlying its multicultural narrative. However, the Armenian type is more related to conservative nationalism with its romanticized

history and glory. At the same time, according to Smith's typology of nationalism, the Armenian type may be classified as a primordial type of nationalism. Irrespective of excuse, an attempt to change internationally accepted borders threaten regional and global security; and brings calamity to both sides of the conflict.

Triumph of nation-states. Nowadays, nations and nationalism are the core basis for the international state system. Neither religion nor social class alternative for state basis justified itself in any part of the world. Cosmopolitanism and the idea of Mondialism are popular only among the Western academic establishment. Francis Fukuyama, with his magnum opus article written in 1989, "The End of History?" declared the triumph of Western liberal democracy, and it also meant the victory of nation-states on their alternative.

The name of two fundamental international organizations of the XX century: The League of Nations and the United Nations Organization, is considered wrong because of misuse of words. In this case notion of state and nation are used as synonyms. The state legitimizes its existence by representing the nation at the internal and foreign levels. Thanks to Jeremy Bentham, we name international relations instead of interstate relations, strengthening the tendency of interchangeability of these concepts [14. P. 58]. This fact perfectly illustrates the nature of the nation-centrist politics of the modern world.

The core mission of the United Nations Organization is preventing the transition of local conflicts into world wars. This organization was established after WWII by initiatives of leading countries of the world. Most established nation-states are satisfied by their territorial positions and try to save their historical achievements. Mainly the UNO tries to preserve the status quo. However, several ethnicities were not able to build their nation-states, despite their struggle for independence. The mismatch between the current political map, ethnocultural boundaries of the world, and irredentist desire of some ethnic communities threaten international security. After World War II, more than 30 countries have undergone separatist movements, and 28 have experienced ethnic military conflict [15. P. 32]. According to the London Strategic Research Institute, about 300 ethnic groups are unsatisfied by their current situation and would like to change existed borders and establish their states [16. P. 560]. Nevertheless, international communities do not condone acts of violating any of the recognized borders of sovereign countries.

REFERENCES:

1. *Akbulut Ö.Ö.* Türkiye'de kamu yönetimi incelemesini tanımlayıcı bir kavram önerisi: ölçücülük – ideametric // *Amme İdaresi Dergisi*. 2006. № 4.

2. *Antonsich M.* Chapter 22. Nation and Nationalism. In *The Wiley Blackwell Companion to Political Geography*. London: John Wiley & Sons, Ltd, 2015. DOI:10.1002/9781118725771.

3. *Bauman Z.* Legislators and Interpreters. On modernity, post-modernity and intellectuals. London: Polity Press, 1989.

4. *Bauman Z.* Liquid Modernity. London: Polity Press, 2000.

5. *Chatterjee P.* Nationalism Today // *Rethinking Marxism*. 2012. № 1.

6. *Heywood A.* Global Politics. Second edition. UK: Palgrave Macmillan, 2011.

7. *Heywood A.* Politics. Second edition. UK: Palgrave Macmillan, 2002.

8. *Heywood A.* Siyasi ideolojiler. Ankara: Adres Yayınları, 2007.

9. *Hoffer E.* True Believer. USA: Harper & Row, 1951.

10. *Hroch M.* The nation as the cradle of nationalism and patriotism // *Nations and Nationalism*. 2020. № 1. DOI:10.1111/nana.12538.

11. *Jaskułowski K.* Western (civic) versus Eastern (ethnic) Nationalism. The Origins and Critique of the Dichotomy // *Polish Sociological Review*. 2010. № 3.

12. *Laham S.M.* Expanding the moral circle: Inclusion and exclusion mind-sets and the circle of moral regard // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2009. № 1. DOI: 10.1016/j.jesp.2008.08.012.

13. *Siroky D.S., Hale C.W.* Inside Irredentism: A Global Empirical Analysis // *American Journal of Political Science*. 2016. № 1.

14. *Özkırımlı U.* Theories of Nationalism. A Critical Introduction. UK: MACMILLAN PRESS LTD, 2000.

15. *Wimmer A.* Why Nationalism Works and Why It Isn't Going Away. March/April 2019 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2019-02-12/why-nationalism-works>.

16. Политология / Ред. *Василик М.А.* Москва, 2005.

И.А. ВИЛЬНЕР

*руководитель аппарата Муниципального Совета
внутригородского Муниципального образования города
федерального значения Санкт-Петербурга
Муниципального округа УРИЦК;
магистрант Северо-Западного института управления
РАНХиГС, Россия, г. Санкт-Петербург*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В мировой практике накоплен обширный опыт электронных (цифровых) выборов. В некоторых странах после этапа экспериментов правительства приняли решение отказаться от подобной формы проведения голосования, другие же напротив активнее внедряют новые цифровые решения на всех этапах электорального процесса. Процесс цифровизации затронул не только процедуру голосования или подсчета голосов. Цифровизации подверглись и агитация, и просвещение избирателей и наблюдателей, и репрезентация информации о выборах и многие иные избирательные процессы. В целом, автор выделяет четырнадцать областей применения новых технологий в электоральных процессах, подробно описывает применение цифровых технологий в каждой из областей в разных странах. Используя сравнительно-правовой анализ и синтез, автор проводит исследование применения информационно-телекоммуникационных технологий в электоральных процессах в международной и отечественной практике с 2010 по 2022 годы, описывает основные риски, проблемы и преимущества применения данных технологий. Отдельное внимание автор уделяет киберуязвимости и рискам хакерских атак при применении цифровых технологий на выборах. Результатом данного исследования также стал краткий обзор деятельности основных акторов ИТ-гигантов в разных странах в области электоральных процессов. При этом автор делает акцент, что в каждой стране наиболее заинтересованными в разработке и совершенствовании цифровых технологий выступают гиганты в сфере ИТ-технологий и коммуникаций, компании по обеспечению кибербезопасности. Автор отмечает, что избирательное законодательство с учетом цифровых технологий постоянно совершенствуется, в том числе с учетом лоббирования интересов национальных ИТ-гигантов.

Ключевые слова: *цифровизация, электронное голосование, выборы, избирательный процесс, информационные технологии, избирательные права.*

Развитие информационного общества и цифровых технологий привело к появлению таких феноменов, как «цифровая лихорадка», «цифровая трансформация», и внедрению цифровых технологий во все сферы жизни человека. Исключением не стали и электоральные процессы.

В обобщенном виде цифровую трансформацию избирательных процессов можно обозначить как внедрение новых технологий голосования.

Данный термин используется в документации Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и трактуется как применение «информационных и коммуникационных технологий для голосования и подсчета голосов» [37. С. 9].

Цифровизация еще до конца не изученный процесс и несет как риски, так и положительные эффекты, которые можно определить и оценить только во время проведения экспериментов.

Как указывали Володенков С.В. и Федорченко С.Н., одним из позитивных эффектов цифровизации в избирательных процессах стало «создание условий для применения технологий искусственного интеллекта и нейронных сетей в обработке «больших политических данных» [9. С. 93].

Нейронные сети оказались востребованными в виду быстрой и точной обработки информации подписных листов, кодировки и репрезентации аналитической части итогов выборов.

Многие исследователи отмечают перспективы применения нейронных сетей при проведении мониторинга выборов и как способ выявления давления на политическую волю избирателей [54. Р. 122-139].

Работа сетей происходит в три этапа: преобразование данных в определенный формат, разделение данных на элементы и последующие их классификация и анализ [57. Р. 113-131].

Данные технологии вызывают больше доверия избирателей, чем к сотрудникам избирательных комиссий и организаторам выборов.

По мнению Шехмаметьевой В.А. «переход от бумажного избирательного бюллетеня к его электронной форме и составлению юридически значимого электронного протокола участковой избирательной комиссии об итогах голосования является реальным этапом в технологической организации демократических выборов» [48. С. 197].

При этом стоит учитывать, что с развитием цифрового избирательного пространства возрастает риск нарушения избирательных прав граждан и основными вызовами процесса цифровизации избирательных процессов становятся проблемы идентификации личности избирателей, цифровое

неравенство населения, опасность хакерского вмешательства в избирательный процесс, соблюдение прав избирателей.

Конституционные суды разных стран обращали на это внимание при использовании электронного голосования. Так, например, в постановлениях Конституционного Суда России указывалось на необходимость соблюдения принципов свободных выборов, обеспечения подлинности результатов выборов, справедливости самого процесса голосования при применении цифровых технологий [30. С. 156].

Также одним из опасений, господствующих среди электората считается возможность множественного голосования, что их голос в последствие будет технически изменен. Как отмечает Чимаров Н.С., мировая практика использования электронного голосования показывает, что техническая возможность множественного голосования ограничивается редко и только правообладателями цифровых средств [45. С. 82].

Как указывала Дубровина Ю.Я., «электронизация и цифровизация избирательного процесса, использование новых алгоритмов голосования ставят задачи по разработке новых механизмов защиты избирательных прав» [16. С. 185].

Основной проблемой применения цифровых технологий является обеспечение тайны голосования и безопасность личных данных избирателей.

Примеры хакерских взломов и кражи личных данных из информационных баз известны по всему миру, как и ложные информационные сообщения о таких кражах данных из систем голосования, что снижает доверие избирателей к цифровым технологиям. Подобная информация о краже личных данных избирателей была распространена и на выборах в Московскую Городскую думу в 2019 году, где в качестве эксперимента внедрялось электронное голосование [13. С. 31].

Эксперт О. Реут обращал внимание на то, что возможности электорального хакинга обширны: от взлома сайтов кандидатов и баз избирательных штабов до удаленного манипулирования итогами голосования [36].

Профессор Стенфорского университета Д. Лилл среди всех киберуязвимостей выделял две основные: перехват голосов избирателей и Ddos-атаки на системы голосования [46].

Так в 2010 году в Индии хакеры перепрограммировали через мобильный телефон машину для голосования, а в 2016 году в США в 20 штатах была зафиксирована хакерская атака на технические средства для голосования, в 2018 году в Швейцарии хакеры из Chaos Computer Club перенаправили избирателей на поддельный портал для голосования [10. С. 158-166].

Для предотвращения подобных взломов и выявления уязвимостей компании-разработчики систем электронного голосования проводят открытые конкурсы среди хакеров и экспертов по компьютерной безопасности.

Подобные конкурсы проводились в Индии в 2017 году, в Швейцарии в 2019 году [25].

В цифровизации избирательных процессов можно выделить следующие области применения новых технологий:

- сбор подписей в поддержку кандидатов;
- сбор средств в избирательные фонды;
- агитация и иная политическая коммуникация с избирателями;
- составление списков (реестров) избирателей;
- видеофиксация на избирательных участках;
- применение биометрической идентификации и аутентификации;
- создание цифровых партий и блокчейн партий;
- цифровые приложения для наблюдателей на выборах;
- цифровые решения для просвещения избирателей об электоральном законодательстве;
- внедрение избирательных ботов в популярные мессенджеры;
- создание платформ о кандидатах на выборах, в том числе направленных на протестное голосование;
- цифровые решения по поиску избирательных участков;
- проведение внутрипартийных праймеризов;
- технические средства электронного (цифрового) голосования.

Существует много исследований о роли политических коммуникаций в Интернете, в том числе в рамках избирательных процессов. Например, исследованиями в этой области занимались Золотова О.В., Пупыкин Р.А. [20. С. 157-161], Быков И.А. [5. С. 48-58; 6. С. 174], Любский А.С., Кульминская А. [26. С. 22-26]. Они, в том числе, анализировали различные позиции Л. Гроссмана, У. Раша и Д. Мориса, отмечая значимую роль их вклада теорию политических коммуникаций посредством Интернета, описывая последний как основной или дополнительный канал политического участия избирателей.

Интересной практикой является внедрение электоральных ботов в мессенджеры, использование популярных социальных сетей и видеохостингов для информирования избирателей и интернет-агитации.

Например, в Республике Кыргызстане информирование избирателей избирательными комиссиями было организовано, в том числе, через страницы в популярных социальных сетях, на канале в Youtube, а также посредством отвечающего на вопросы избирателей Telegram-бота [42. С. 174-185].

Как отмечал Мартыянов Д.С., боты-программы, как и боты-люди, стали наиболее востребованными в рамках использования технологий Веб 2.0. при применении искусственного интеллекта для массового распространения информации, имитируя дискуссию в чатах, рассылки спама на адреса электронной почты и совершения DDoS-атак [27. С. 74].

Василькова В.В. и Легостаева Н.И. выделили три основных стратегии электоральных ботов:

- 1) привлечение потенциальных кандидатов;
- 2) построение позитивного имиджа политики;
- 3) дискредитация встречающего конкурента» [8. С. 126].

Все эти три стратегии использовались в разных странах.

Для дискредитации боты использовались в США в отношении кандидата К. Куни на президентских выборах в 2010 году, предвыборного штаба М. Ромни на выборах в 2012 году, в сетях Twitter и Facebook в отношении Д. Трампа и Х. Клинтон на президентских выборах 2016 г.

Для построения позитивного имиджа кандидата боты использовались в Бразилии на президентских выборах в отношении Д. Русеф и на муниципальных выборах в Рио-де-Жанейро в 2014 году, в Японии на выборах премьер-министра в 2014 г. в сети Twitter в поддержку С. Абэ.

Видео наблюдение на избирательных участках применяется во многих странах, являясь формой контроля за соблюдением процедуры голосования и подсчета голосов.

Как отмечал Кондращенко Д.А., средства видеонаблюдения на избирательных участках помогают обеспечить открытость электорального процесса и предотвратить фальсификации [21. С. 126]. Данный механизм всегда получает одобрение со стороны политических партий ввиду недостаточного количества подготовленных наблюдателей.

Не исключением является и Российская Федерация, видеонаблюдение в которой применяется, начиная с выборов Президента Российской Федерации в 2012 году и по настоящее время.

Порядок применения средств видеонаблюдения в избирательном процессе был регламентирован постановлением ЦИК России от 26.09.2012 г. № 142/1076-6 «О Порядке применения средств видеонаблюдения и трансляции изображения в помещениях для голосования на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации».

Ранее любой желающий гражданин Российской Федерации мог в онлайн-режиме наблюдать через установленные веб-камеры в помещениях УИК за процессом голосования на выборах разного уровня вплоть до подписания протоколов, трансляция велась на специальном портале [17. С. 285-288].

Как отмечал Чеботарев Г.Н., «общественный контроль способствовал повышению доверия избирателей к результатам голосования и, в конечном счете, к легитимности сформированного парламента» [47. С. 120-129].

Однако на выборах депутатов Государственной Думы в 2021 году, данный принцип был изменен в виду многодневного голосования, невозможности обеспечить бесперебойную работу серверов и дороговизны видеотрансляции в режиме онлайн на протяжении трех суток. Постановлением ЦИК

России от 14.07.2021 г. № 20/169-8 было внесено изменение в постановление ЦИК России от 26.09.2012 г. № 142/1076-6, на основании которого на специальном служебном портале доступ к видеотрансляции получил ограниченный круг лиц, а именно: члены Президентского совета по правам человека, Центра общественного наблюдения, члены УИК, ТИК, ЦИК, а также кандидаты в рамках своего избирательного округа, партии, общественные палаты, омбудсмены [1. С. 9-14]. При этом стоит отметить, что 96% УИК и ТИК были обеспечены средствами видеонаблюдения, из них некоторые средства видеонаблюдения предусматривали только офлайн-трансляцию с сохранением видеозаписи [11. С. 162].

Данное ограничение круга лиц, способных воспользоваться видеотрансляцией, вызывало критику оппозиционных кандидатов и партий, а также ряда исследователей.

Так Рыбин А.В. указывал, что многодневное голосование повышает риски нарушений избирательного процесса, поэтому необходимо не ограничивать, а расширять круг лиц, которые будут иметь возможность осуществлять видеонаблюдение, вследствие чего стоит положения, введенные постановлением ЦИК России от 14.07.2021 г. № 20/169-8, в последующем исключить из электорального нормативного регулирования. Так же он предлагал действия нарушителей, пытающихся ограничить обзор веб-камер или способствующих их перебойному электроснабжению, ставить на обсуждение членов избирательно комиссии и учитывать при подведении итогов голосования [38. С. 160].

Интересен также опыт видеофиксации процесса голосования, реализованный в Республике Молдове на парламентских выборах в 2015 году. Видеофиксация осуществлялась через специальную электронную ручку, соединенную с компьютером, которой пользовались избиратели. Такой способ ускорял процесс подсчета голосов [44. С. 23].

Широкое распространение получили различные платформы и мобильные приложения, направленные на активизацию работы с партийным активом, избирателями и наблюдателями.

Например, в Российской Федерации онлайн-обучение наблюдателей партии КПРФ и последующее их тестирование возможно на цифровой платформе «Красный контроль» [11. С. 161].

Лучшим цифровым решением по работе с партийным активом и избирателями в Российской Федерации признано мобильное приложение «Вверх», разработанное партией «Единая Россия» и начавшее свою работу с февраля 2021 года [49]. Благодаря данному софту депутаты эффективнее взаимодействуют с избирателями и реагируют на их наказания, что крайне важно для последующего переизбрания на очередных выборах.

Также цифровизации были подвергнуты возможности поиска избирательных участков по адресу регистрации избирателя с помощью различных

приложений и сайтов избирательных комиссий. Примером такого мобильного приложения служит приложение «Выборы 76», созданное по заказу Избирательной комиссии Ярославской области в 2017 году и апробированное в том же году на губернаторских выборах. Приложение позволяло не только найти информацию об УИК, но и о зарегистрированных кандидатах, иные электоральные данные. Приложение было признано «Лучшим электоральным софтом» в 2017 г. [50].

Для губернаторских выборов в 2017 г. в Пермском крае по заказу избирательной комиссии Пермского края лаборатория мультимедийных решений «Маугри» разработала мобильное приложение «Мои выборы», которое предоставляло информацию об электоральных кампаниях в регионе [29].

Широкое распространение в разных странах получило создание не только сайтов кандидатов, но и целых информационных систем, в том числе направленных в некоторых случаях на протестное голосование.

В качестве примера подобной информационной системы можно рассмотреть ИС «Электронный кандидат», внедренную в избирательную систему Республики Кыргызстан. Данная система имеет много сервисов и содержит большие политические данные о самих кандидатах, их предвыборных программах и избирательных фондах, представительствах кандидатов в медиа- и цифровой среде [42. С. 177]. Аналогичным функционалом обладает, и киргизская платформа «Талапкер», однако она наиболее специализирована на движение средств избирательных фондов кандидатов, раскрытие положений предвыборных программ.

Как указывает Туманян Г.В., «платформа «Талапкер» стала логичным продолжением государственной политики по увеличению доверия граждан к электоральным процессам и избирательной системе» [42. С. 182].

Невозможно не упомянуть и российскую платформу «Умное голосование», направленную на популяризацию протестного голосования, а именно голосования за оппозиционных кандидатов (любых, кроме партии «Единая Россия») [22. С. 198]. Данная платформа подвергалась критике, а также ее влияние на волеизъявление граждан становилось предметом судебных разбирательств.

Аналогом российской платформы умного голосования является венгерский портал www.taktikaiszavazas.hu, созданный для парламентских выборов 2018 года [43. С. 64].

Еще одним примером успешного цифрового решения по сбору и представлению информации о кандидатах является американская платформа BallotReady [35], основателями которой являются А. Нимчевски и А. Розман. Платформа была запущена в 2014 году и использовалась на выборах мэра в Чикаго в 2015 году, в 2017 году платформа была использована уже во всех 50 штатах, также использовалась на выборах в 2018 году. Платформа использует когнитивную вычислительную технологию IBM Watson, она

не только аккумулирует информацию с сайтов, социальных сетей кандидатов и новостных ресурсов, но и анализирует лингвистические конструкции в речи кандидатов, выявляя истинные и ложные предвыборные обещания на основании ранее заявленных.

Наибольшее распространение по всему миру получила цифровизация создания реестров (списков) избирателей. Данные технологии используются в большинстве стран ЕС. Однако в некоторых странах регистрация происходит через специальные онлайн-формы, как в Австрии, а в некоторых странах, как в Танзании, заполняется бумажный формуляр, который в последующем отцифровывается.

В России аналогом такого цифрового решения является система «Мобильный избиратель», которая была внедрена на президентских выборах в 2018 году. Система позволяет в режиме онлайн идентифицировать и регистрировать по месту нахождения избирателей.

В Македонии в 2016 году было разработано мобильное приложение для проверки избирателями правильности их включения в списки избирателей, оно было апробировано на досрочных парламентских выборах того же года [24].

Цифровизация реестров избирателей с последующей их проверкой на постоянной основе снижает риск фальсификации выборов, путем включения умерших избирателей в списки или дублирования данных в списках одного и того же избирателя.

Еще одним примером цифровизации является использование биометрических данных (голос, лицо) при идентификации и аутентификации избирателей. Данная система минимизирует риск повторного голосования. Данные собираются онлайн или на избирательных участках и обновлять их нужно не реже, чем каждые 3 года в виду физиологического старения лица и возможных пластических операций, травм лиц избирателей.

При этом Медведева В.В. и Русецкая И.А. делают акцент, что сочетание сбора данных о голосах и лицах избирателей «позволяет с наибольшей вероятностью определить конкретного живого человека, а не дипфейк» [28. С. 168].

Пример такой идентификации в своем исследовании приводят Серавин, А., Соколова Е., описывая апробацию биометрической идентификации избирателей по радужной оболочке глаза в Республике Сомалиленд [39. С. 6].

В 2015 году в Африке была апробирована на выборах технология распознавания радужной оболочки IrisAcceleration, разработанная фирмой IrisID [18. С. 198].

Ряд африканских стран используют биометрические идентификационные карты избирателя, а именно Либерия, Гана, Кабо-Верде, Сенегал, Гамбия, Нигерия, Республика Бенин, Мали, Того, Буркино-Фасо,

Демократическая республика Конго. Также подобные карты используются в Гренаде, Мексике, Анголе, Коста-Рике, Молдове, Сальвадоре, Бразилии, Италии.

В Анголе с 2008 года используются карточки избирателей с голографической фотографией и отпечатком пальца избирателя.

В Мексике используются биометрические карты избирателей Voter ID card, содержащие данные биометрии лица и отпечаток пальцев избирателя. С 2016 г. по 2021 г. по инициативе Национального избирательного института усовершенствованием данной технологии занималась французская компания Safran [32].

В Индии также используются карты при идентификации избирателей посредством синхронизации данных с Electoral Photo ID Card и биометрической карты Aadhaar [19. С. 927-936].

В Бразилии используются карты избирателей «Título Eleitoral» или «Título de Eleitor». В Италии применяются карты избирателей «Tessera elettorale».

В Молдове на парламентских выборах 2019 г. также применялись биометрические карты избирателей.

В Монголии тоже имеется опыт проведения выборов с использованием биометрической идентификации избирателей (например, парламентские выборы в 2012 г.).

В Кот-д'Ивуара в 2016 году на выборах биометрическая аутентификация избирателей проводилась с использованием портативных планшетов Safran MorphoTablet.

В 2017 году в Армении также использовалось биометрическое оборудование для аутентификации избирателей на парламентских выборах в рамках проекта «Поддержка избирательного процесса в Армении», финансируемого ЕС, США, Германией, Великобританией и правительством Армении.

Ряд стран использует списки избирателей с фотографическим изображением избирателей, а именно в Македонии (с досрочных парламентских выборов 2016 года), Бангладеше (с 2014 г.).

Еще одним способом биометрической идентификации избирателей является сканирование отпечатков пальцев при регистрации избирателей. Данная технология используется примерно в 40 странах, в том числе в Африке [39. С. 5].

При этом стоит отметить, что данный способ идентификации уже давал сбои. Так в Венесуэле в 11% система не могла идентифицировать избирателей по отпечаткам и найти их в своей базе [39. С. 5].

В настоящее время регистрация избирателей посредством сбора биометрических данных и сканирование отпечатков пальцев осуществляется в Афганистане (парламентские выборы 2018 г., президентские выборы в 2019 г.), Бразилия (с 2008 г.), Республика Кыргызстан (обязательна с апреля 2015 г.).

Надежность такого метода идентификации и аутентификации избирателей как отпечатки пальцев не раз ставилась под сомнение в виду возможности фальсификации данного биометрического параметра. Например, программа Verifinger и фотографии на тот момент немецкого министра Урсулы фон дер Ляйен позволили хакеру Starbug (Я. Крисслер) в 2014 году подделывать ее отпечатки.

По данным International IDEA по состоянию на 2016 год, биометрические данные для идентификации избирателей на избирательных участках использовались в 50 из 174 стран [58].

Как отмечал директор ПАО «Ростелеком» М. Осеевский «система паролей, сколько бы они сложными не были, использование SMS и других способов идентифицировать человека имеют все-таки свои недостатки, которых в значительной степени лишена система биометрической идентификации» [40].

В Российской Федерации с 2019 г. также разрабатывается цифровое решение концерна «Автоматика» (входит в «Ростех»), направленного на использование биометрической идентификации и аутентификации избирателей на цифровых избирательных участках [7].

Возможность использования на выборах в России автоматизированной идентификации гражданина с использованием биометрических технологий закреплена в постановлении ЦИК РФ Российской Федерации от 30.10.2019 г. № 231/1727-7 «Об основных направлениях развития государственной автоматизированной системы Российской Федерации "Выборы" до 2022 года».

Некоторые исследователи предполагают, что в России в перспективе может быть использована в избирательных процессах Единая биометрическая система, оператором которой является ПАО «Ростелеком» [4].

Биометрическая идентификация и аутентификация в основном востребованы в странах, где отсутствует возможность создать единый реестр избирателей, или где у граждан отсутствуют документы для достоверного подтверждения личности.

Однако некоторые исследователи указывают на то, что существует риск накопления биометрических данных «без согласия субъекта, используя записи речи, отпечатки пальцев на предметах и т.п. для создания дипфейков в злонамеренных целях, в частности, для фальсификации выборов» [28. С. 169].

В Российской Федерации с мая 2021 года по инициативе МВД России разрабатывается система «Зеркало», созданная для распознавания дипфейков, предполагалось завершение ее разработки к ноябрю 2022 года. Представляется возможным в перспективе ее использовать и в электоральных процессах в случае внедрения биометрической идентификации и аутентификации избирателей в России.

В некоторых странах законодательно закреплена возможность сбора подписей в поддержку кандидатов в электронном виде с помощью различных цифровых платформ.

В России такая возможность была реализована через портал государственных и муниципальных услуг на выборах в 2021 году в Республике Карелия, Чеченской Республике, Курской, Новгородской и Оренбургской областях с использованием технологий блокчейн.

При этом ч. 16.1 ст. 37 Федерального закона от 20.03.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» регламентировано, что количество подписей избирателей, собранных в электронном виде, не может превышать половину от необходимого объема.

Как отмечала Гурьева Е.Е., электронный сбор подписей избирателей в поддержку кандидатов имеет ряд преимуществ: экономия ресурсов, экономия времени, отсутствие необходимости проверять подписные листы, отсутствие сомнений в подлинности подписей избирателей и правильности заполнения форм [15. С. 156-166].

Отдельного внимания заслуживает интернет-агитация, в том числе в социальных сетях.

Гацко Д.В. отмечал, что использование Интернет-ресурсов в избирательном процессе имеет, как положительные, так и отрицательные влияние на избирательный процесс [12. С. 171-172]. К положительным эффектам можно отнести появление новых каналов коммуникации с избирателями, мультимедийность и оперативность распространения информации [41. С. 96-104].

К негативным эффектам можно отнести неконтролируемое распространение агитационной и иной политической информации путем репостов, в том числе в день тишины или за пределами агитационного периода [51. С. 53-57], искажение информации, взлом аккаунтов кандидатов и распространение ложной информации.

Для минимизации подобных нарушений возможно закрепление правового статуса онлайн-наблюдателей в электоральном законодательстве.

Бондарь А.С. отмечал, что использование интернет-агитации востребовано по причине быстрого и дешевого распространения информации и агитации в неограниченном количестве по «каналам кандидат – коммуникации – электорат» [3. С. 81-84].

Стоит отметить, что вовлечение в избирательные процессы граждан в последнее время активно осуществляется через геймификацию посредством интерактивных избирательных технологий.

Практикующий политтехнолог Д. Моррис, указывал, что применение, в том числе, интерактивных рейтингов, квестов, флеш-мобов, конкурсов с бонусами может повысить уровень политического участия граждан [55].

И. Богост называл в своем исследовании видеоигры как «убеждающие медиа» [52].

С 2004 года в США активно используются политические видеоигры в избирательных кампаниях. Одна из первых таких игр была создана в поддержку кандидата Г. Дина в штате Айова [53]. Также в США существует множество мобильных игр и симуляторов выборов, например, игра «270 | Two Seventy – Win the US Election» предлагает симуляцию президентских выборов, игра «The Political Machine» [56] также является симуляцией президентских выборов, но конкретно конкуренции Д. Буша-младшего с Д. Керри в 2004 году.

Игровые практики, как отмечала Колесник Н.В., «присутствуют в блогах и социальных сетях, вирусных видео-технологиях и таргетированной рекламе, мобильных приложениях и интернет-платформах» [23].

Основными каналами интернет-агитации являются: сайты кандидатов, блоги, социальные сети, видеохостинги.

О возможностях интернет-агитации, в том числе, с учетом таргетирования на примере выборов в США в 2016 году указывали Серавин А. и Соколова Е. в своем докладе «Современные технологии в электоральных процессах» [39].

Примером сайта кандидата на губернаторских выборах 2019 г. в Санкт-Петербурге может служить сайт А.Д. Беглова по адресу www.zabeglova.ru.

Отличным примером цифрового взаимодействия с избирателями являлся сайт кандидата К. Собчак на президентских выборах в 2016 году в России. Его функционал «позволил сторонникам кандидата не только участвовать в написании кандидатской программы «123 трудных шага», но и оказывать по системе фандрайзинга финансовую помощь, получать электронные письма, рассылки с голосовыми сообщениями самого кандидата и символические вознаграждения за выполненные задания на сайте» [23].

Использование сайтов кандидатов в предвыборной агитации в России началось с 1997 г., инициатором использования данной технологии был один из создателей Фонда эффективной политики Г. Павловский.

Также ярким примером использования блогов и социальных сетей в предвыборной агитации и формировании пула сторонников кандидата являлась деятельность избирательного штаба Б. Обамы.

Активно на YouTube на губернаторских выборах кандидат Хабаровского края в 2018 г. размещал С. Фургал.

Возросла роль социальных сетей VKontakte, Facebook, Twitter, Instagram и месенджеров в предвыборной агитации. Социальная сеть VKontakte в 2019 г. активно использовалась для агитации и информирования избирателей в Санкт-Петербурге на муниципальных и губернаторских выборах.

Плачева Ю.А. также отмечает возросшую роль социальных сетей на выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва в 2021 году,

а также мессенджера Telegram [33. С. 163], так как на начало 2021 года у россиян были востребованы ВКонтакте (78% российских пользователей), Instagram (61,2% российских пользователей), Одноклассники (47,1% российских пользователей), Facebook (38,9% российских пользователей), Twitter (18,6% российских пользователей), а видеохостинг YouTube востребован у 85% [2. С. 3].

При этом стоит отметить, что в российском законодательстве возможность регулировать интернет-агитацию посредством признания ее незаконной, блокировки аккаунта или удаления информации появилась только весной 2021 года [31. С. 26-30].

Гришаева С. А., Шамаев П. А. в свою очередь делают акцент, что для молодежи самым востребованным и доступным каналом политической информации являются именно социальные сети [14. С. 29].

Цифровые платформы также используются посредством таргетирования для сбора предпочтений электората. Подобную платформу использовал на выборах во Франции избирательный штаб Э. Макрона.

Также интересен опыт Республики Кыргызстан по просвещению молодых избирателей при помощи интерактивной платформы «Жаныран», разработанной Центральной комиссией по выборам и референдумам, также платформа интегрирована с информационными порталами «Тизме» и «Талапкер», сайтом ЦИК РК, дает полную и доступную информацию о выборах и электоральном законодательстве.

О работе цифровых партий и блокчейн партий подробно писали Серавин А. и Соколова Е. [39]. Такими партиями являются «Подemos», «Пять звезд», Flux. Данные партии имеют представительства в цифровом пространстве. Наиболее интересным для изучения является деятельность блокчейн партий. В австралийской партии Flux предполагается через систему блокчейн информировать членов партии о законопроектах с последующим их голосованием, а результаты голосования членов партии сенаторы должны уже транслировать в парламенте.

Также цифровизации в основном через технологии блокчейн были подвергнуты внутрипартийные праймеризы в разных странах.

В США в такой форме проводила праймериз Республиканская партия в штате Юта, Либертарианская партия в штате Техас. В Таиланде в 2018 году для проведения внутрипартийного праймериза Тайская демократическая партия воспользовалась технологией блокчейн Zcoin.

В России в мае 2022 года на основе технологии блокчейн для проведения предварительного голосования апробировали ИТ-проект партии «Единая Россия». Система предполагает регистрацию и голосование через портал PG.ER.RU с верификацией через Госуслуги или в Москве через портал Мос.ру. Данный проект положительно оценивают экспертами в сфере кибербезопасности.

Существуют также цифровые платформы для сбора средств в избирательные фонды кандидатов. Примером может служить платформа Crowdfunder [34], основателями которой являются С. Хилтон, Г. Кордестани, А. Боника, П. Хильдер. Платформа была запущена в 2014 году и помогает быстро собирать пожертвования в избирательные фонды кандидатов через описание предвыборных программ, целей и задач сбора средств. Отслеживание источников финансирования осуществляется жертвователями через интегрированный алгоритм, разработанный Стэнфордским университетом.

Отдельным достижением цифровизации избирательных процессов в России ряд авторов отмечают применение с 2017 года машиночитаемых QR-кодов, препятствующих фальсификации протоколов УИК об итогах голосования путем их переписывания [17].

При этом стоит отметить, что в каждой стране наиболее заинтересованными в разработке и совершенствовании цифровых технологий выступают гиганты в сфере ИТ-технологий и коммуникаций, компании по обеспечению кибербезопасности. В России такими стейкхолдером являются ПАО «Ростелеком» и АО «Лаборатория Касперского», как основные операторы цифровизации и обеспечения безопасности этого процесса в стране.

В ведении ПАО «Ростелеком» находятся процессы искоренения цифрового неравенства, создания ЕБС и организации электронного голосования, модернизации портала «Госуслуг» в стране. Таким образом, можно предположить, что ПАО «Ростелеком» создает инфраструктуру для возможности стать если не монополистом, то лидером в сфере цифровизации в Российской Федерации.

Можно сделать следующие выводы:

1. В мировой практике накоплен обширный опыт электронных (цифровых) выборов. В некоторых странах после этапа экспериментов правительства приняли решение отказаться от подобной формы проведения голосования.
2. Процесс цифровизации затронул не только процедуру голосования или подсчета голосов. Цифровизации подверглись и агитация, просвещение избирателей и наблюдателей, репрезентация информации о выборах и многие иные избирательные процессы.
3. Избирательное законодательство с учетом цифровых технологий постоянно совершенствуется, в том числе с учетом лоббирования интересов национальных ИТ-гигантов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аганов Н.А.* Электоральная безопасность в правовом пространстве города Москвы // Правовое обеспечение безопасности города Москвы: исторический опыт, актуальные тенденции и перспективы: материалы круглого

стола, проводимого в рамках XVI Фестиваля науки города Москвы, Москва, 08 октября 2021 года. Москва: Саратовский источник, 2022.

2. *Алагоз А.В.* Интернет и социальные сети как каналы коммуникации политических партий с избирателями в Кемеровской области – Кузбассе (результаты анализа веб-сайтов и сетевого контента) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7. № 1 (23). DOI 10.21603/2500-3372-2022-7-1-1-11.

3. *Бондарь А.С.* Политическая интернет-реклама как разновидность избирательных технологий в современной России // Наукосфера. 2022. № 2-1.

4. *Былинкина Е.В.* Использование биометрических технологий в избирательном процессе: возможности и ограничения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55) // <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-biometricheskih-tehnologiy-v-izbiratelnom-protseesse-vozmozhnosti-i-ogranicheniya>.

5. *Быков И.А.* Интернет-технологии в избирательной кампании Барака Обамы // Вестник Пермского университета. Политология. 2010. № 1 (9) // http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1460022471_2388.pdf.

6. *Быков И.А.* Сетевая политическая коммуникация: эл. версия уч. пособия. СПб., 2010 // <http://knigi.link/otnosheniya-mejdunarodnyie-setevaya-politicheskaya-kommunikatsiya-teoriya.html>.

7. В России может появиться идентификация избирателей с помощью биометрии // РИА Новости. 03.03.2020 // <https://ria.ru/20190908/1558438832.html>.

8. *Василькова В.В., Легостаева Н.И.* Социальные боты в политической коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133 // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-boty-v-politicheskoy-kommunikatsii>.

9. *Володенков С.В.* Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации / С.В. Володенков, С.Н. Федорченко // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_84.

10. *Вильнер И.А.* Электронные (цифровые) выборы в Швейцарии // Оригинальные исследования. 2022. Т. 12. № 3.

11. *Виноградов В.А.* Общественное наблюдение за выборами в России: тенденции развития на парламентских выборах 2021 года // Актуальные проблемы юриспруденции в условиях цифровизации общества: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, Симферополь, 11 ноября 2021 года. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2021.

12. Гацко Д.В. Злоупотребление избирательными правами посредством использования интернет-ресурсов // Правовые проблемы укрепления Российской государственности: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Томск, 28-30 января 2021 года. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2021.

13. Гришаева С.А. Политическое участие молодежи в цифровой среде / С.А. Гришаева, П.А. Шамаев // Цифровая социология. 2022. Т. 5. № 1. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-1-25-35.

14. Гришаева С.А., Шамаев П.А. Политическое участие молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2022. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-uchastie-molodezhi-v-tsifrovoy-srede>.

15. Гурьева Е.Е. Использование технологии «блокчейн» в избирательном процессе // Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы Третьей международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 21 мая 2021 года / отв. редактор Д.В. Бахтеев. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2021.

16. Дубровина Ю.Я. Единый день голосования 2021: ожидания и перспективы // Право. Общество. Государство: Сборник научных трудов студентов и аспирантов / Редколлегия: Д.В. Рыбин (пред.), Е.В. Трофимов (отв. ред.) и др. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2021.

17. Дрожжин К.А. Цифровые технологии в избирательном процессе: отечественный опыт использования // Молодой ученый. 2022. № 4 (399) // <https://moluch.ru/archive/399/88342/>.

18. Дьячкова А.С. Внедрение биометрических методов идентификации личности в избирательный процесс // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 4 (18).

19. Емец М.И. Перспективы биометрической идентификации в контексте цифровой экономики Российской Федерации // Креативная экономика. 2019. Том 13. № 5. DOI: 10.18334/ce.13.5.40634.

20. Золотова О.В. Избирательные технологии в контексте теорий политической коммуникации / О.В. Золотова, Р.А. Пупыкин // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности: материалы Всероссийской научной конференции, Комсомольск-на-Амуре, 28-29 января 2021 года. Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2021.

21. Кондращенко Д.А. Конституционно-правовые основы применения информационных технологий в избирательном процессе Российской Федерации // Стабильность и динамизм Российской Конституции:

Материалы XII Международного Конституционного Форума, посвященного 15-летию возрождения юридического факультета *СГУ имени Н.Г.*: сборник научных статей, Саратов, 16-18 декабря 2020 года. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2021.

22. *Королева Л.В.* Выборы в Государственную Думу РФ VIII созыва (сентябрь 2021 г.): политологический анализ // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 1 (33). DOI: 10.24151/2409-1073-2022-1-195-200.

23. *Колесник Н.В.* Избирательные кампании и гражданский активизм в условиях цифровой геймификации // ЖССА. 2021. № 3 // <https://cyberleninka.ru/article/n/izbiratelnye-kampanii-i-grazhdanskiy-aktivizm-v-usloviyah-tsifrovoy-geymifikatsii>.

24. *Лысенко В.И.* Национальный регистр избирателей, фотоидентификация избирателей и списки избирателей: зарубежный опыт. 2019 // <http://www.rfsv.ru/education/informirovanie/natsionalnyi-registr-izbiratelei-fotoidentifikatsiia-izbiratelei-i-spiski-izbiratelei-zarubezhnyi-opyt#>.

25. *Лысенко В.* Интернет-голосование избирателей при проведении выборов в Швейцарии // Российский фонд свободных выборов // <http://www.rfsv.ru/law/obuchenie/internet-golosovanie-izbiratelei-pri-provedenii-vyborov-v-shveitsarii>.

26. *Любский А.С.* Использование интернет-технологий в избирательных кампаниях / А.С. Любский, А. Кульминская // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы IV Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 23-24 апреля 2018 г.: в 2-х т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. Т. 2.

27. *Мартыанов Д.С.* Политический бот как профессия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Т. 12. № 1.

28. *Медведев В.В.* Оценка возможности внедрения биометрических технологий в системе безопасности избирательных институтов Российской Федерации / В.В. Медведев, И.А. Русецкая // Информационная безопасность: вчера, сегодня, завтра: Сборник статей по материалам IV Международной научно-практической конференции, Москва, 22 апреля 2021 года / под редакцией В.В. Арутюнова. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2021.

29. Мобильное приложение «Мои выборы» // Блог лаборатории Маури // <http://blog.maugry.ru/blog/portfolio/izbirkom/>.

30. *Науменко Н.С.* Конституционно-правовая защита избирательных прав граждан // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XIV Международной научно-практической конференции: в 2-х ч., Пенза, 15 мая 2021 года. Пенза: Общество с ограниченной ответственностью «Наука и Просвещение», 2021.

31. *Набатникова Е.А.* ДЭГ (дистанционное электронное голосование) в Российской Федерации // Умная цифровая экономика. 2022. Т. 2. № 1.

32. Обзор международных биометрических технологий и их применение в финансовом секторе // Банка России. 2018 // https://cbr.ru/Content/Document/File/36012/rev_bio.pdf.

33. *Палачева Ю.А.* Применение коэффициента вовлеченности (engagement rate) для оценки эффективности ведения аккаунтов в социальных сетях кандидатов в депутаты на выборах в государственную думу // Философия и культура информационного общества: Тезисы докладов Девятой международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18-20 ноября 2021 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2021.

34. Платформа Crowdpac // <https://www.crowdpac.com/>.

35. Платформа BallotReady // <https://www.ballotready.org/>.

36. *Рейт О.* Эксперимент по электоральному хакингу. Голос. 2019 // <https://www.golosinfo.org/ru/articles/143256>.

37. Руководство по наблюдению за использованием новых технологий голосования // БДИПЧ ОБСЕ. Варшава, 2013.

38. *Рыбин А.В.* Правовые средства защиты результатов волеизъявления избирателей в условиях пандемии // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 2. DOI: 10.12737/jrl.2022.023.

39. *Серавин А., Соколова Е.* Современные технологии в электоральных процессах // Доклад Экспертного института социальных исследований // eisr.ru.

40. Система биометрической идентификации избирателей может быть протестирована на выборах в 2021 году // Рамблер. 13.09.2020 // https://news.rambler.ru/other/44832695/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

41. *Сотников С.А., Сотникова А.А., Камнева Г.П.* Особенности применения технологий интернет-коммуникации в политических кампаниях России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Т. 25. № 2.

42. *Туманян Г.В.* Трансформация электоральных процессов на примере выборов депутатов жогорку кенеша Республики Кыргызстан // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 1 (23).

43. *Федорченко С.Н.* Новые технологии работы с электоратом: цифровизация демократии и проблемы политической легитимации // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 3 (17).

44. Цифровизация и выборы / И.И. Мушкет, Д.Н. Барышников, И. Букатару и др. Санкт-Петербург: Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, 2021. (Демократия, выборы, парламентаризм) // <https://iacis.ru/public/upload/files/1/986.pdf>.

45. Чимаров Н.С. Актуальные вопросы исследования электорального абсентеизма первой половины 2020 года в контексте социального измерения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1-3 (64). DOI: 10.24412/2500-1000-2022-1-3-81-83.

46. Чикишев Н. Электронное голосование: технологии на выборах в разных странах. 19.08.2020 г. // <https://devby.io/news/inet-election>.

47. Чеботарев Г.Н. Общественное наблюдение как фактор легитимации выборов // Государство и право. 2022. № 1. DOI: 10.31857/S102694520018279-7.

48. Шехмаметьева В.А. Применение электронного голосования в России: электоральная практика и возможные перспективы // Конституция России и развитие законодательства: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 10 декабря 2021 года. Нижний Новгород: Нижегородский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2022.

49. Эксперты признали приложение «Вверх» лучшим электоральным софтом // Известия. 2 октября 2021 г. // <https://iz.ru/1230048/2021-10-02/eksperty-priznali-prilozhenie-vverkh-luchshim-elektoralnym-softom>.

50. Ярославский облизбирком получил премию за мобильное приложение к выборам // Сетевое издание «76.ру». 14.11.2017 г. // <https://76.ru/text/gorod/2017/11/14/51494321/>.

51. Яценко К.М. Электронная предвыборная агитация: концептуальные основания понимания и классификации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7.

52. Bogost I. *Unit Operations: An Approach to Videogame Criticism*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2006.

53. Bogost I. *Persuasive games: the expressive power of videogames*. 2007.

54. Muchlinski D., Yang X., Birch S., Macdonald C. & Ounis I. We need to go deeper: Measuring electoral violence using convolutional neural networks and social media // *Political Science Research and Methods*. 2021. № 9 (1) // [https://dx.DOI.org/10.1017/psrm.2020.32](https://dx.doi.org/10.1017/psrm.2020.32).

55. Morris D. *Vote.com: how big-money lobbyists and the media are losing their influence, and the Internet is giving power back to the people*. L.A.: Macmillan, 2011.

56. Spot On: Games get political. GameSpot. 2004 // <https://web.archive.org/web/20070313185605/>.

57. Torres M. & Cantu F. Learning to see: Convolutional neural networks for the analysis of social science data // *Political Analysis*. 2022. № 30 (1) // <https://DOI.org/10.1017/pan.2021.9>.

58. Wolf, Peter de, Mohammed Saneem and Tamir Zorigt. “Introducing Biometric Technology in Elections.” (2017) // <https://web.archive.org/>

web/20170729110700/http://www.idea.int/sites/default/files/publications/introducing-biometric-technology-in-elections.pdf.

I.A. VILNER

*Head of the Staff of the Municipal Council
of the Inner-City Municipality of the Federal City
of St. Petersburg URITSK Municipal District; Master's student
of the Northwestern Institute of Management
of the RANEPА, St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia*

DIGITALIZATION OF THE ELECTORAL PROCESS

Extensive experience of electronic (digital) elections has been accumulated in world practice. In some countries, after the experimental stage, governments decided to abandon this form of voting, while others, on the contrary, are actively implementing new digital solutions at all stages of the electoral process. The digitalization process has affected not only the voting procedure or the counting of votes. Campaigning, the education of voters and observers, the representation of information about elections and many other electoral processes have been digitalized. In general, the author identifies fourteen areas of application of new technologies in electoral processes, describes in detail the use of digital technologies in each of the areas in different countries. Using comparative legal analysis and synthesis, the author conducts a study of the use of information and telecommunication technologies in electoral processes in international and domestic practice from 2010 to 2022, describes the main risks, problems and advantages of using these technologies. The author pays special attention to cyber-invulnerability and the risks of hacker attacks when using digital technologies in elections. The result of this study was also a brief overview of the activities of the main actors of IT giants in different countries in the field of electoral processes. At the same time, the author emphasizes that in each country, the giants in the field of IT technologies and communications, cybersecurity companies are the most interested in the development and improvement of digital technologies. The author notes that the electoral legislation, taking into account digital technologies, is constantly being improved, including taking into account the lobbying of the interests of national IT giants.

Key words: *digitalization, electronic voting, elections, electoral process, information technologies, electoral rights.*

Д.В. ПОТАПОВ*аспирант Института социально-политических исследований РАН, Россия, г. Москва*

ТРАДИЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Тема традиции формирования российско-политической системы актуальна, так как на ее функционирование влияют исторические, культурные особенности России. Целью статьи стало выявление данных традиций и влияние их на политическую систему. В качестве задач рассматривалось функционирование партийно-политической системы в разные исторические периоды, изучались внутренние механизмы контроля за информацией, выдвижением кандидатов и формированием партий в Государственной думе. В исследовании использовались сравнительный, конкретно-исторический методы. Полученные результаты свидетельствуют, что с 90-х годов прошлого столетия партийно-политическая система представляет собой сращивание олигархического и партийного аппарата. Но с приходом к власти В. Путина, двадцатилетний период видоизменяет структуру партийно-политической системы. Вывод заключается в том, что хотя в партийно-политической системе доминирует одна партия – «Единая Россия», такая система приводит к политической консолидации общества, стабилизирует ситуацию в стране в сложной международной обстановке, а также создает предпосылки для проведения в будущем приемлемой политики устойчивого развития государства.

Ключевые слова: *партийно-политическая система, «Единая Россия», устойчивое развитие.*

Глубокие преобразования, происходящие в XX-XXI вв. в России порождают дискуссии о тенденциях развития российской партийно-политической системы и ее особенностях. «Традиции, уходящие в глубь веков, и масштабные заделы в социально-политической реальности, работающие на социальное государство, имеет российское общество. В фундаменте развития государственности в нашей стране лежала община как форма организации жизнедеятельности славянских племен... С самого начала община, создав для своей защиты государственную власть, не позволяла ей вмешиваться в дела «земли – мира», то есть общинно-семейные отношения... Идея

социального и производственного самоуправления проходит через общину, вече, земские соборы, институты земства к Советам народных депутатов, органам местного самоуправления и является основой политики и практики социального государства в России» [4]. В то время, как общенациональный политический режим является родовым понятием, его пространственные модификации заслуживают пристального внимания, и его изучение позволяет лучше понять функционирование российского политического режима в сфере своих исторических традиций.

В политологических исследованиях внимание к историческому прошлому часто рассматривается в контексте вопросов об укреплении легитимности власти, об использовании собственного политического опыта в практике, а также в связи с формированием национальной, государственной и социальной идентичности. «По мере того, как в XIX и XX вв. социально-политические конфликты и глобальные проблемы стали приобретать планетарные масштабы, процессы социализации государства, его структур и институтов стали охватывать современные индустриальные страны. Мощнейшим импульсом, резко ускорившим эти процессы в XX веке, стала российская революция 1917 г. Она дала новый толчок развитию новых механизмов и инструментов социального государства посредством возникновения советской формы демократии и впечатляющих результатов социальной политики первого в мире социалистического государства» [4]. На законодательном уровне новое российское государство начинается с октября 1917 г. – со времени начала работы II Всероссийского съезда Советов, когда была осуществлена передача государственной власти к Советам. Сформировав правительство, Съезд Советов установил его функциональные обязанности. Ежедневную деятельность СНК проводил через наркоматы [1].

Требовалось сломать старый политический режим и установить новый. Лучший способ это сделать – ликвидировать старые органы власти и управления, что и сформулировал В.И. Ленин при обсуждении задач Советской власти, что «будет разрушена старая система управления, сформирован новый аппарат власти в виде советов» [5]. В данном случае решающее значение имело объединение ЦИК крестьянских депутатов и ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. Были сформированы и органы исполнительной власти в лице народных комиссариатов: внутренних дел, земледелия и труда; по делам военным и морским, торговли и промышленности. Тогда же произошло разрушение силовых структур, а для унификации суда СНК принял декрет «О суде № 1». В Москве 4 июля 1918 г. состоялся V Всероссийский съезд Советов [11]. По составу он был крайне малочисленным и состоял всего из 14 большевиков, 6 левых эсеров, а также нескольких представителей других партий. На съезде Советов был предложен проект Конституции Советского государства, избран ВЦИК, который осуществлял власть на съезде Советов. Основной закон государства, принятый в 1918 г.,

определил основные положения Конституции СССР. И уже 30 декабря 1922 г. к I съезду Советов Союза ССР был создан союзный договор. В подготовке Конституции СССР участвовали И. Сталин, Н. Бухарин, К. Радек, М. Литвинов. 8 октября 1936 г. в Москве на VIII Всесоюзном съезде Советов был принят новый Основной закон государства. Таким образом, фактически с 1918 по 1920 гг. было сформировано советское государство с однопартийным политическим режимом, во главе которой стоял ВЦИК, а к 1936 г. была выстроена вся стройная система управления партией. В дальнейшем, уже после перестройки 90-х, однопартийный политический режим видоизменялся, в политическом процессе появлялись партии, но по факту политический режим всегда оставался с сильным доминированием одной партии. Почему это происходило в России? Скорее, вопрос поставим по-иному: как именно эта «традиция» прошлого стала составной частью практики политического режима сегодня и, возможно, станет завтра?

Первое, на что надо обратить внимание, это то, что демократический переход начала 90-х представлял собой лишь смену партийной номенклатуры, которая была выращена в СССР и, по своей сути, она не могла что-то кардинально изменить, биография Б. Ельцина тому пример. Ельцин начал трудовой путь прорабом, в 1961 г. вступил в КПСС, затем стал директором завода и уже в 1975 г. выбран Секретарем Свердловского обкома КПСС [2]. Логично, что, когда Ельцин пришел к власти, он сразу пошел на ряд компромиссов с директорами заводов для своей будущей поддержки. Одним из основных действий Б. Ельцина на первом этапе приватизации в 1992-1993 гг. – укрепление личных финансовых позиций директоров заводов, когда они смогли получить контроль над большей частью акций, которые должны были принадлежать рабочим на их предприятиях. Это было подкреплено Указом Президента Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 341 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» [12], в результате, основными акционерами новой власти стала старая партийная номенклатура.

В течение следующих нескольких лет произошла передача огромных государственных активов банкирам и промышленникам, близким к власти, так как кроме законодательных мер ваучеризации, существовали и мошеннические схемы, узаконенные на высшем уровне, такие, как программа «кредиты в обмен на акции» и другие. Благодаря таким действиям Б. Ельцина, в течение короткого времени был создан свой круг олигархов, баснословно богатых бизнес-элит, которые бесплатно получили народное богатство, и, которые поддерживали власть и партийное руководство этой власти. Таким образом, переход от социализма к капитализму был проведен, но он был: а) не демократическим и б) неглубоким из-за смен номенклатуры. На практике – модернизация пошла в сторону олигархов. В результате 90-х годах ВВП России упал на 50%, огромные сектора экономики были

уничтожены, неравенство и безработица резко возросли, а доходы упали, началась гиперинфляция. Но подход к анализу политических отношений и сохранения реальной власти однопартийного руководства за счет новой олигархии в России имел неоспоримый результат: это была новая эпоха, сформировался новый субъект политических отношений, крепко скрепленных с исполнительной властью, являющейся объективной базой ее существования. Олигархи не только зависели от государства в своем статусе; они также имели большое влияние в национальные и региональные правительства, а часть из них периодически возглавляла руководящие посты в национальном правительстве и играла роль в решениях о выборе руководителей исполнительной власти на местах.

События 1991-1993 гг. по-новому поставили вопрос о том, какой характер носили политические преобразования после распада СССР? Так, А.Ю. Мельвилл предлагает говорить не о переходе к демократии в посткоммунистических режимах, а о «демократическом транзите» [6], который не означает гарантированного перехода к демократии и ее консолидации, к которой к власти приходит молодое поколение номенклатуры. Хотя политический плюрализм наблюдался на выборах в Государственную думу 1993 г. по 2003 гг.: I Дума (1993-1995) – Аграрная партия, Выбор России, Коммунистическая партия РФ, Либерально-демократическая партия, Женщины России, партия Новая региональная политика; II Дума (1995-1999) – Коммунистическая партия РФ, Наш дом – Россия, Либерально-демократическая партия России, Яблоко, Регионы России, Народовластие, Аграрная партия России, Демократический выбор России и независимые депутаты; III Дума (1999-2003) – КПРФ, Единство, Отечество – Вся Россия, Союз правых сил, Яблоко, Блок Жириновского, независимые депутаты – количество партий, участвующих в выборах, постепенно снижается. В результате созданная политическая партийная система 1993-2003 гг. закрепляет влияние правящих политических группы, а политические институты сохраняют преемственность существующей конфигурации политических действующих лиц. В отличие от аргумента традиций в политическом российском процессе, фокус на целенаправленном экономическом и институциональном строительстве в пользу олигархии рассматривает управление 90-х и 2000-х годов как результат сознательного неэффективного управления в социально-экономическом плане для большей части населения, но достаточно эффективное с позиций правящих групп. После дефолта 1998 года власть начала стремительно уходить из рук Б. Ельцина. По свидетельству М.Л. Хазина [13], в 1999 году проамериканская бюрократия полностью взяла под контроль правительство, окончательно выдавив из него все альтернативные элитные группы, и США стал не нужен излишне капризный и своевольный «пережиток прошлого», возмнивший себя «клиентом» президента США.

Своим уходом Б. Ельцин не только назначил своим преемником В. Путина, защитив свою семью, это была хорошо продуманная связь между политикой ограничений и реверсом реформ. Программа массовой приватизации в России была разработана, чтобы ее трудно было повернуть вспять. Реверс такой приватизации создал бы огромное политическое сопротивление. Кроме того, существующие государственные структуры были преднамеренно ослаблены (правительство стало слишком слабым), чтобы спровоцировать разворот. В этом случае инициатива реализации политики приватизации плюс ослабление государства по всем направлениям, создало лучший способ необратимости реформ. А передача власти В. Путину в таком слабом государстве – являлась компенсирующей передачей и создавала широкую поддержку всем предыдущим действиям Ельцина. М. Моммзен [7] пишет о политическом режиме Б. Ельцина как о наследии патримониальных, традиционалистских, архаичных, технократических и советских элементов. Сутью российского «патронажного президентства» выступает тотальное взаимное переплетение и проникновение бизнеса и политики. Это влечет за собой расцвет неформальных практик, закрытость, фаворитизм и коррупцию. Концептуализация, внедрение и согласование политики, здесь представляет собой довольно длительную и сложную процедуру, в ходе которой компромиссы достигаются только между случайными и временными коалициями. Принимаемым таким образом решениям не хватает устойчивости, и потому они часто не доводятся до конца. Бюрократическая интрига подменяет демократический контроль; подобные формы правления не знают, что такое политическая ответственность.

В результате, решения, принимаемые на самом верху, лишены функциональной эффективности, а политический режим, в таком случае, в целом всегда испытывает дефицит стабильности. В период полномочий Государственной Думы РФ 3-го созыва (с 1999 года) бюрократия пошла в наступление на общество, начав, под предлогом необходимости укрепления разрушенной в предшествующее десятилетие государственности, восстановление административной системы управления страной путем внесения изменений в политические законы и законопроекты, а также в практику государственного управления различных ограничительных и запретительных норм, направленных на блокирование в стране реального политического процесса в пользу его администрирования. Власть в России перешла в руки финансовой бюрократии, заинтересованной в первую очередь в удовлетворении своих интересов.

Поэтому к концу правления Ельцина, к 2000 г., рыночные отношения в российской экономике хотя и были сформированы, но сильные оппозиционные политические партии, не сформировались. Так в 2000 г. на выборах в Государственную думу коммунисты получили 25,11% голосов, а «Единство» – 16,22%. КПРФ при любой критике партии «Единство»,

а затем и «Единой России», никогда не представляла реальную оппозицию правящей власти. Поэтому эпоха Путина лишь усовершенствовала методы однопартийного руководства, которые базировались на власти созданной олигархии и, которые, уже были распространены при Ельцине.

Официально Путин вступил в должность президента 26 марта 2000 г., к тому моменту уже почти три месяца был исполняющим обязанности, а до этого пять месяцев возглавлял правительство (восхождение такое же стремительное, как и у Ельцина в молодости). 30 декабря 1999 года «Независимая газета» опубликовала статью премьер-министра В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий» [9], в которой он подверг критике предыдущие годы правления и обозначил свои политические и экономические приоритеты: «патриотизм», «державность», «государственничество», «социальная солидарность», «сильное государство», «повышение доли наукоемких производств», «повышение производительности труда» и др. Первым указом Владимира Путина становится указ о гарантиях президенту РФ, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи.

И уже к 2004 г., начиная с президентских выборов, по словам В. Дыханова, единственный институт демократии – выборы – перестал функционировать как институт, обеспечивающий демократическую смену политической власти. Королев Е.А., проведя статистический анализ количества участвующих партий в выборах в Государственную думу 2007, 2011 гг., доказывает резкую динамику снижения появления на политическом поле новых партий. «Демократические альтернативные выборы превратились в выборы, направленные не на реальный выбор из ограниченного числа политических конкурентов, а на определение рейтинга доверия бессменной политической власти. К 2007 году число партий, принимавших участие в выборах, значительно уменьшилось. К 2011 году среди них в основном остались лишь те, которые способствовали, или не мешали процессу преемственности власти» [3].

Кроме этого, к 2021 г. партийная принадлежность к «Единой России» уже обеспечивала высокий пост в государственном управлении (рис. 1).

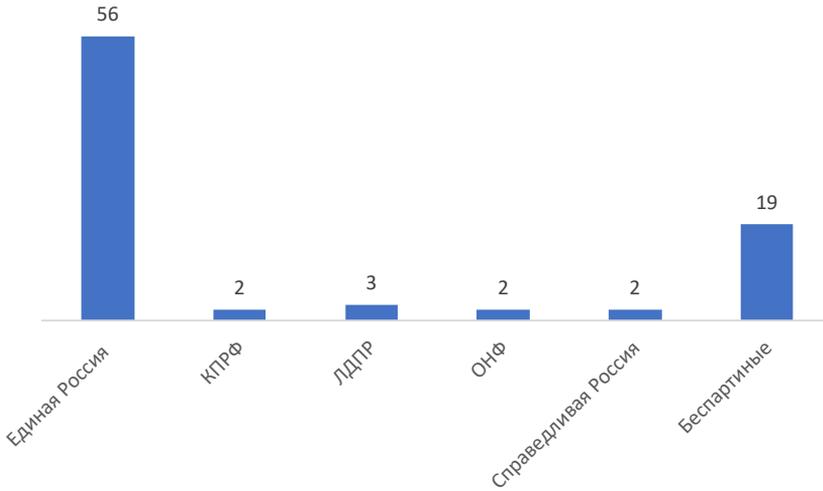

Рисунок 1. Количество глав регионов, и их партийная принадлежность на 1 января 2021 г. [8]

В том, что сильная политическая оппозиция не смогла сформироваться в российской политике нельзя расценивать совсем однозначно «как управляемая демократия», или только как переход российских активов к «своим» людям. Существуют региональные политические машины и политизированные финансово-промышленные группы, которые действуют как «партийные субинституты», обеспечивая финансовую и материально-техническую поддержку, которая помогает кандидатам одной партии быть избранными. Одновременно, остается 22% беспартийных региональных губернаторов и большое количество беспартийных законодателей, то есть присутствуют серьезные свидетельства того, что российские избиратели знают об основных партиях и их платформах и часть из них голосуют за беспартийных.

Впервые, в современной российской политической истории, с начала 90-х годов, лидер государства получил контроль над всем парламентом, что позволяет ему осуществлять жесткую концентрацию как политических, так и экономических ресурсов. Это было сделано целенаправленно за период 20 лет. В интервью ТАСС, в год 20-летия вступления в должность, В. Путин это подтвердил и обозначил роль партии и партийных членов «Единой России» в деятельности исполнительной власти в государстве. «... Хочу обратить Ваше внимание еще на то, что у нас в значительной степени костяк остался. У нас часть людей из администрации, в том числе те, которые готовили национальные проекты напрямую, они перешли в правительство. Я считаю, что это чрезвычайно важно... Ну, если они готовили эти национальные проекты, тогда им логично поручить с позиции правительства и реализовывать как раз то, что ими и было предложено в качестве

этих целей и в качестве инструментов достижения этих целей. Поэтому часть людей из администрации перешла в правительство для того, чтобы это делать там» [10]. Действительно, ключевые посты в Правительстве РФ занимают члены «Единой России»: Голикова Т.А., Лавров С.В., Шойгу С.К., Фальков В.Н., Козлов А.А., Файзуллин И.Э., Савельев В.Г., Силуанов, А.Г., Решетников М.Г.

Таким образом, подход к анализу политических отношений и сохранения реальной власти однопартийного руководства за счет новой олигархии в России имел неоспоримый результат: это была новая эпоха, сформировался новый субъект политических отношений, крепко скрепленных с исполнительной властью, являющейся объективной базой ее существования. Олигархи не только зависели от государства в своем статусе; они также имели большое влияние в национальных и региональных правительствах, а часть из них периодически возглавляли руководящие посты в национальном правительстве и играли роль в решениях о выборе руководителей исполнительной власти на местах.

При этом, традиции развития российской партийно-политической системы убедительно показывают, что доминирование партий в лице одной партии может происходить, или не происходить, но сильным государство становится тогда, когда лидер государства концентрирует у себя в управлении политические и экономические ресурсы. Это способствует политической консолидации общества, стабилизации ситуации в стране и создает предпосылки для проведения в будущем приемлемой политики устойчивого развития. В российском обществе и государстве идет постоянный медленный процесс осознания приоритетов и целей развития государства, от которого будут зависеть дальнейшие политические процессы не только в России, но и в мире, так как Россия является активным участником мировых социально-политических процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Декреты Советской власти. Постановление II-ого Всероссийского съезда Советов о переходе власти к Советам и освобождении арестованных членов земельных комитетов // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I.
2. Ельцин. Большая российская энциклопедия. 2018 // https://bigenc.ru/domestic_history/text/3089465.
3. *Королев Е.А.* Кризис партийной системы как фактор ограничения политического плюрализма // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2014. № 166 // <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-partiynoy-sistemy-kak-faktor-ogranicheniya-politicheskogo-plyuralizma>.
4. *Левашов В.К.* Социальное государство: исторический генезис и динамика становления в России // Социологические исследования. 2014. № 7.

5. Ленин В.И. Доклад о задачах власти Советов // Ленин В.И. Полн. соб. соч. М., 1962. Т. 35.

6. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. М., 1998. № 2.

7. Моммзен М. Российский политический режим: неосоветский авторитаризм и патронажное президентство // Журнальный клуб Интелпрос. 2010. № 6 // <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-74-6-2010/8293-rossijskij-politicheskij-rezhim-neosovetskij-avtoritarizm-i-patronazhnoe-prezidentstvo.html>.

8. Партийный и возрастной разрез российских чиновников высшего звена на 1 января 2021 года // <https://ruxpert.ru/D0%B0>.

9. Путин В. «Россия на рубеже тысячелетий» // Независимая газета. 1999 // https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html.

10. Стенограмма первой части интервью Владимира Путина информационному агентству ТАСС. 2020 // <http://prezident.org/tekst/stenogramma-pervoi-chasti-intervyu-vladimira-putina-informacionnomu-agentstvu-tass-20-02-2020.html>.

11. Съезды Советов в документах 1917-1936 гг. Постановление об образовании Рабочего и крестьянского правительства // Съезды Советов в документах 1917-1936 гг. М., 1957. Т. 1.

12. Указ Президента Российской Федерации от 29.12.1991 г. № 341 // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/674>.

13. Хазин М.Л. О принципах и последствиях взаимоотношений внутри вертикали власти // Хазин.ру 10.05.2018 // <https://khazin.ru/articles/155-otstavki-i-naznachenija/58785-o-printsipakh-i-posledstvijakh-vzaimootnosheniy-vnutri-vertikali-vlasti>.

D.V. ПОТАПОВ

*Postgraduate student of the Institute
of Socio-Political Research RAS,
Moscow, Russia*

TRADITIONS OF THE FORMATION OF THE RUSSIAN PARTY-POLITICAL SYSTEM

The theme of the tradition of the formation of the Russian political system is relevant, since its functioning is influenced by the historical and cultural characteristics of Russia. The purpose of the article was to identify these traditions and their influence on the political system. As tasks, the functioning of the party-political system in different historical periods was considered, internal mechanisms for controlling information, nominating candidates and forming parties in the State Duma were studied. The study used comparative, concrete historical methods. The results obtained indicate that since the 90s of the last century, the party-political system has been a fusion of the oligarchic and party apparatus. But with the coming to power of V. Putin, a twenty-year period changes the structure of the party-political system. The conclusion is that although the party-political system is dominated by one party – "United Russia," such a system leads to the political consolidation of society, stabilizes the situation in the country in a difficult international environment, and also creates the preconditions for an acceptable sustainable development policy in the future states.

Key words: *political party system, United Russia, sustainable development.*

К.М. АБДУЛАЗИЗОВ

аспирант Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ПЕРСПЕКТИВЫ И ДИНАМИКА ЭВОЛЮЦИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ГРУЗИИ

Данная статья посвящена концептуальному, подробному изучению структуры современного парламента в Грузии. Автором была проведена работа по исследованию и детализации отдельных элементов, составляющих структурные составляющие института парламентаризма в стране. Решая задачу по исследованию структуры парламентаризма, также были раскрыты ключевые механизмы современного парламентаризма в республике Грузия. Автор, используя метод анализа документов в институциональной парадигме проводимого исследования, сумел выявить наиболее характерные, институциональные особенности формирования современного парламента в Республике Грузия. Используя метод анализа документов, а именно обстоятельно исследуя Конституцию Грузии, автору удалось определить базовые институциональные параметры, в которых образуется институт парламентаризма. Также в ходе исследования удалось выяснить, каким образом формируется парламент, какими правами и обязанностями пользуются парламентарии, а также какие функции реализуют в рамках законодательного процесса. Проведенный автором анализ позволил определить формальные (правовые) условия, в рамках которых функционирует современный парламент в Грузии, а также определить механизмы реализации представительских полномочий в рамках института парламентаризма.

Ключевые слова: парламентаризм, политические институты, система власти, парламент в Грузии, функции парламента, структура парламента.

Политическое развитие в условиях демократического транзита невозможно представить себе без многоступенчатой изменчивости и эволюции основных политических институтов власти. Поскольку власть представляет собой совокупность способов и методов управления общественными системами, в условиях кризисных ситуаций, когда формируются ключевые институциональные практики, постольку власть должна образовать базовые

элементы для собственного воспроизводства. Применительно к анализу эволюции парламентаризма в Грузии, можно отметить, что, несмотря на сравнительно небольшой срок существования как самого государства, так и парламента в Грузии, институциональные формы и способы воспроизводства власти остаются достаточно стабильными [1. С. 11].

Достижение стабильности в правилах сохранения политических институтов стало возможным благодаря непротиворечивости конституционных норм, принятых на заре возникновения республики в 1991 г. С самого начала своего существования как независимого государства, перед государством стояла задача консолидации социально-политических сил вокруг идеи объединения страны, где ключевую роль должны сыграть институты представительной демократии. Ввиду сложного этнического, экономического, социального ландшафта республики, единственным выходом, по мнению автором проекта Конституции Грузии, являлась идея о создании правительства национального согласия, которое в перспективе должно было создать грузинскую, гражданскую нацию, способную на политическую мобилизацию в кризисные периоды [8. С. 46]. Прежде всего, правительство национального согласия, которое должно было образоваться после распада СССР и по факту приобретения Грузией политической независимости, должно было опираться на механизмы представительной демократии. Таким образом, первоначальный вектор развития Грузии как самостоятельного государства предполагал создания институтов власти, способных определить курс страны как парламентской демократии.

Представительная демократия в Грузии с самого начала своего формирования была основана на базовом представлении о том, что внутреннее, политическое развитие в условиях создания демократического государства послужит естественной причиной для регулирования комплекса внутриполитических проблем. Так, в частности, в Грузии планировалось решить национальный вопрос, ставший в дальнейшем триггером для военно-политических конфликтов страны с бывшими субъектами. Речь, прежде всего, идет о столкновениях Грузии с Абхазией и Южной Осетией, которые привели республику к потере ей некоторых административно-территориальных единиц.

Стоит отметить, что наличие военно-политического конфликта на границах Грузии и Абхазии, определили не только внешнеполитический вектор развития страны, но и предопределили отказ от демократического транзита в полном мере на некоторый период времени [10. С. 120]. В частности, цикл военно-политического противостояния между Грузией и Абхазией, начавшийся еще в 1992 г., из фазы прямого, вооруженного конфликта, носившего переменный характер, в стадию переменной, политической конфронтации, фактически перешел только после конфликта Грузии с Южной Осетией в 2008 г. До военных событий в Цхинвале в августе 2008 г., Грузия

оставалась страной с президентской формой государственно-политического управления, где парламент не был способен принимать ключевых политических решений. При этом важно отметить, что курс перехода к парламентской демократии от президентской республики начал оформляться еще в 2003 г.

В основе изменения институциональных практик при распределении политической власти в Грузии лежало нарушение баланса в системе сдержек и противовесов в пользу сильной, президентской власти, которую с 1995-2003 г. возглавлял бывший министр внешних дел СССР Эдуард Шеварнадзе. В период его президентства, в системе сдержек и противовесов произошло существенное нарушение, результатом которого фактически стала «Революция роз» [5. С. 158].

Главной причиной бархатной революции стало наличие массовых фальсификаций на парламентских выборах, прошедших 2 ноября 2003 г. Гражданское общество и оппозиционные партии не согласились с результатами выборов и призвали к отставке Э. Шеварнадзе, а также к проведению повторных, парламентских выборов. Итогом «революции роз» стала отставка Э. Шеварнадзе и проведение новых парламентских выборов в марте 2004 г. Также новым президентом страны стал бывший лидер оппозиции Михаил Саакашвили.

Проведение новых парламентских выборов в стране в марте 2004 г. положило начало перехода Грузии от президентской республики к парламентской форме политического управления. Таким образом исследователи, занимающиеся вопросами изучения эволюции парламентаризма в современной Грузии, отмечают, что необходимо выделять следующие этапы в становлении института парламентаризма в данной стране:

1) Возникновение и институционализация независимого парламента. Принято отмечать, что данный этап охватывает период с 1992-2003 гг. Подобная датировка связана с влиянием на развитие парламентаризма двух ключевых событий в истории парламента Грузии: с первыми прошедшими в парламент страны выборами, состоявшимися в 1992 г. и с «революцией роз», ставший началом для формирования в Грузии парламента нового типа. В указанный период происходит институционализация политических институтов в Грузии, осуществляется оформление базовых политических и юридических правил, норм и полномочий, благодаря которым функционирует парламент.

2) Период институционализации представительной демократии. Исследователи указывают, что данный этап охватывает период времени с 2003-2012 гг. Указанная датировка связана с тем, что фактически с 2003 г. в стране начинает формироваться сильная власть парламента страны. Парламент приобретает способность к кооперации с исполнительной властью, а сам парламент, начиная с выборов 2004 г., получает достаточно

широкое представительство различных, социально-политических сил, что позитивно влияет на демократизацию парламента. Однако, несмотря на то, что в стране проводятся широкие реформы в сфере государственного управления, в парламенте на период президентства Михаила Саакашвили возникает партия власти, которая, начиная с 2004-2012 гг. будет иметь конституционное большинство в парламенте.

3) Этап парламентской демократии. По мнению исследователей, изучающих развитие парламентаризма в Грузии, с момента падения гегемонии партии «Единое национальное движение», которая возглавляла парламент на протяжении 8 лет, лидерство в законодательном органе партии «Грузинская мечта», полученное на выборах в 2012 г., положительным образом повлияло на становление парламентаризма в стране. Выборы в парламент в 2012 г. стали первыми, на которых по прообразу американского конгресса была сформирована двухпартийная система с равнозначными по значению политическими организациями либерального толка. Таким образом, начиная с 2012 г. в Грузии была сформирована двухпартийная система, в которой указанные партии должны были сменять друг друга, влияя на государственную политику [2. С. 21].

На сегодняшний день в Грузинской республике парламентаризм прошел институциональную эволюцию, которая состояла в поэтапной демократизации парламента с доминирующими партиями до системы, в которой существуют на сегодняшний день две партийные системы, вокруг которых организуют свою деятельность иные партийные организации и представители гражданского общества.

Однако нужно отметить, что, несмотря на достаточно успешную попытку скопировать в рамках грузинской, политической реальности, модель американского парламентаризма, в Грузии все еще сохраняется ряд проблем, связанных с развитием парламентаризма в стране.

Прежде всего, стоит отметить, что проблемы развития парламентаризма в Грузии носят институциональный характер. Прежде всего, речь идет о наличии в политической, избирательной системе «институциональной ловушки», которая заключается в наличии системно-политических ошибок, приводящих к кризисам политического развития [6. С. 43]. Так, в частности, одной из институциональных ошибок в развитии парламентаризма в Грузии является отсутствие широких возможностей для разнообразия национально-этнического представительства в парламенте.

Поскольку Грузия является крайне неоднобразной в этническом отношении страной, на ее территории присутствуют все условия для этнического сепаратизма, что способно вызывать риски и угрозы в государственном строительстве при условии, что этнические меньшинства не представлены в парламенте страны. Данная институциональная ошибка ликвидируется при помощи включения национально-этнических групп в политическое

пространство. Как правило, это становится возможным благодаря институтам регионального представительства в парламенте страны. В частности, партия «Единое национальное движение», имевшая конституционное большинство в парламенте с 2004-2012 гг., включала в себя представителей этнических меньшинств, представлявших потенциально протестные регионы страны. Таким образом, посредством регионального лоббизма интересов «малых народов», реализовывалась стратегия, направленная на расширение политического представительства в стране [9. С. 142].

Схожим образом проблему политического представительства пыталась решить, и партия «Грузинская мечта». Так, начиная с 2012 г., когда партия впервые получила в парламенте конституционное большинство по итогам выборов, она была переориентирована на включение в активное политическое участие граждан, проживающих в регионах страны. Идея лидеров партии состояла в том, что развитие парламентаризма в стране должно осуществляться путем включения в парламентскую, публичную политику новых лиц из отдельных регионов, которые могли бы создать в стране новую политическую элиту [3. С. 23].

При этом предполагалось, что такая элита будет ориентирована на достижение целей национального строительства демократии в государстве. В этом смысле, «Грузинская мечта» оказалась более перспективной партией, поскольку, отказавшись от тактики регионального лоббизма ей удалось в течении последних электоральных циклов добиться повышения участия в политической жизни страны отдельных национальных групп, что позитивным образом сказалось на государственно-политической стабильности в стране.

Еще одной важной проблемой парламентского строительства, которая стала особенно актуальной в последние десятилетия, стало отсутствие в парламенте широкого представительства общественно-политических сил, что привело к снижению уровня конкуренции в парламенте. Фактически, начиная с 2004 г., когда после выборов в главный законодательный орган страны, победу одержала партия «Единое национально движение», на протяжении достаточно длительного периода времени в Грузии сохранялась ситуация, в которой одна партия имела конституционное большинство [7. С. 71].

Показательно, что данная ситуация изменилась лишь по итогам выборов в 2020 г., когда «Грузинская мечта» впервые с 2012 г. набрала 48,22% голосов, получив менее половины мест в парламенте страны. Также негативным образом сказалась и политика, направленная на установление фактически двухпартийной системы, в которой «Грузинская мечта» и «Единое национальное движение» получили право на доминировании в парламенте. В данной ситуации иные, менее значительные партии оказались на политической периферии. Так, в частности, несмотря на то, что в состав парламента

по итогам последних выборов в 2020 г. вошли представители от 9 партий, только две из них имели существенное количество мандатов. Суммарное же число мандатов, полученных вошедшими в состав парламента партиями «Европейская Грузия», «Лело для Грузии», «Стратегия Агмагенбели», «Альянс патриотов Грузии», «Гирчи», «Граждане», «Лейбористская партия» составило 23 мандата из 130. Данное направление совершенствования грузинского парламента является одной из важных составляющих в ближайшей перспективе, поскольку рост уровня политической конкуренции в парламенте в молодых, развивающихся демократиях пропорционален государственно-политической стабильности, которая устанавливается в конкретный момент времени в республике.

Следующей проблемой, с которой на сегодняшний день сталкивается парламентаризм в Грузии, является отсутствие относительно стабильных избирательных процедур. Данная проблема, в целом, характерна для стран с переходным, демократическим политическим режимом. Она возникает ввиду целого ряда объективных факторов, ключевой из которых связан со слабым развитием политической культуры участия в стране. В этой связи, стоит отметить, что низкая культура участия снижает степень политической культуры и не позволяет в достаточной степени эволюционировать стабильности избирательных правил и процедур. В результате, низкая степень ригидности норм и практик, на которых основываются выборы в парламент, не позволяют партиям своевременно реагировать на вызовы, которые возникают в политической и избирательной системах. В конечном итоге, такая система склонна к политическим кризисам. Рассматривая пример Грузии, стоит отметить, что в ее новейшей истории состоялись два существенных политических кризиса, которые привели к смене избирательных практик. Так, например, политический кризис 2003 г. привел к изменениям избирательного законодательства и установил пятипроцентный барьер для партий, которые стремятся попасть в парламент. В дальнейшем реформа, в соответствии с которой партиям необходимо набрать такой высокий процент для попадания в парламент, негативно отразилась на конкуренции в законодательном органе.

Следующий политический кризис в Грузии возник в начале 2009 г. и был связан с участвовавшими скандалами вокруг президента страны Михаила Саакашвили, которые с течением времени переросли в требования оппозиции о необходимости внесения в конституцию страны. В частности, данные изменения должны были упредить возможную пролонгацию президентских полномочий действующего президента, а также создать условия для превращения страны в парламентскую демократию [4. С. 55]. В результате, в октябре 2010 г. большинством голосов парламентариев в конституцию страны были внесены следующие изменения:

1) Высшим органом государственной власти в стране признается парламент страны, а не ее президент.

2) Президент страны лишается права на утверждение кандидатуры премьер-министра. Премьер-министром страны становится лидер партии, победившей на парламентских выборах.

3) Президент страны, находившийся во главе страны два срока, не имеет права на занятие должности премьер-министра страны даже в случае, если он является лидером победившей на парламентских выборах партии.

Таким образом, начиная с 2010 г., принято относить Грузию к одним из немногих государств постсоветского пространства, кому в достаточной степени удачно удалось перейти без существенных политических потрясений от президентской формы правления к парламентской республике. Так, Венецианская комиссия, являющаяся консультативным органом Совета Европы по вопросам развития демократии в развитых и развивающихся странах, отметила, что к 2014 г. Грузия, в целом, соответствует большинству критериев страны либеральной демократии, что приближает ее к вхождению в состав Европейского союза. В результате, уже к 2018 г. в Конституцию страны был внесен еще ряд изменений, одобренных Венецианской комиссией, касающихся разделения властей между парламентом и президентом. Так, например, выборы президента страны в 2018 г. стали последними прямыми. Начиная с 2024 г. выборы президента будут осуществляться коллегией выборщиков в составе 300 человек. Также, в соответствии с нормами европейского законодательства, парламент страны будет полностью избираться по пропорциональной системе, а выборы в парламент 2020 г. стали последними, прошедшими по смешанной, избирательной системе. По мнению исследователей, смешанная избирательная система негативным образом влияла на парламент страны, создавая условия для формирования двухпартийной системы. В свою очередь, введение пропорциональной системы должно способствовать формированию широкого представительства партий в парламенте Грузии.

Таким образом, развитие парламентаризма в Грузии имеет достаточно широкие перспективы. Прежде всего, данные перспективы связаны с развитием либерального, демократического режима, который устанавливается на сегодняшний день в стране. Важно отметить, что современный политический режим в Грузии опирается на модель парламентской республики и фактически сегодня в стране установился модель либеральной демократии с сильным парламентом. При этом Грузия одной из первых стран на территории Закавказья смогла преодолеть комплекс проблем, связанных с демократическим транзитом от авторитарного политического режима к демократическому. Во многом, успешная реализация стратегии демократического транзита удалась по причине возникновения в стране сильного парламента, влияющего на принятие ключевых, социально-политических

и экономических решений в стране. В перспективе, Грузия способна стать полноценным членом единого Европейского союза, опирающегося на нормы и традиции демократического развития. Важно, что в ближайшей перспективе для Грузии, имеющей сильный парламент, невозможен поворот к авторитарной форме управления политической власти, что позитивным образом будет сказываться на эволюции парламентаризма в стране и росте значения гражданского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Айвазян А.С.* Перспективы парламентских выборов в Грузии в 2020 г. // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 7.
2. *Апрасидзе Д.* Бюрократическо-патримониальное государство в Грузии: Новые шансы после «Революции Роз» // Центральная Азия и Кавказ. 2019. № 1.
3. *Леков Р.В.* Трансформация политического процесса в Грузии: реформа электоральной системы // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2019. № 4.
4. *Леков Р.* Формирование новой Грузии: результаты реформ // Власть. 2013. № 9.
5. *Панов П.В., Сулимов К.А.* Смена лидера и пределы персоналистского президентализма: перспективы варианта «преемник» в странах Закавказья и Центральной Азии // Политическая наука. 2014.
6. *Скаков А.Ю.* Внутриполитическая ситуация в Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития / под ред. Е.М. Кожокина. М., 2020.
7. *Сергиенко В.С.* Влияние внутриполитических процессов на формирование внешнеполитического курса Грузии // Общество: философия, история, культура. Политические науки. 2020. № 1.
8. *Тибо Б.* Президентские, парламентские или гибридные системы правления? Институты и развитие демократии в третьем мире и в странах Восточной Европы. В кн.: Повороты истории: постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2-х т. СПб., 2017. Т. 2.
9. *Туквадзе А., Джаошвили Г., Туквадзе Р.* Трансформация политической элиты Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2019. № 2.
10. *Чедия Б.* Дилемма грузинских выборов: трансформация политической системы или оформление нелиберальной демократии // Центральная Азия и Кавказ. 2019. № 1 (61).

K.M. ABDULAZIZOV

Graduate student,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

PROSPECTS AND DYNAMICS OF THE DEVELOPMENT OF PARLIAMENTARISM IN GEORGIA

This article is devoted to a conceptual, detailed study of the structure of the modern parliament in Georgia. The author carried out work on the study and specification of individual elements that make up the structural components of the institution of parliamentarism in the country. Solving the problem of studying the structure of parliamentarism, the key mechanisms of modern parliamentarism in the Republic of Georgia were also revealed. The author, using the method of document analysis in the institutional paradigm of the study, was able to identify the most characteristic, institutional features of the formation of a modern parliament in the Republic of Georgia. Using the method of document analysis, namely, by thoroughly studying the Constitution of Georgia, the author managed to determine the basic institutional parameters in which the institution of parliamentarism is formed. Also, during the study, it was possible to find out how the parliament is formed, what rights and obligations parliamentarians enjoy, as well as what functions they perform in the framework of the legislative process. The analysis carried out by the author made it possible to determine the formal (legal) conditions under which the modern parliament functions in Georgia, as well as to determine the mechanisms for exercising representative powers within the framework of the institution of parliamentarism.

Key words: *parliamentarism, political institutions, power system, parliament in Georgia, functions of parliament, structure of parliament.*

Л.А. ИВАНОВА

ассистент кафедры социологии
Астраханского государственного университета
им. В.Н. Татищева, Россия, г. Астрахань

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В данной статье автор раскрывает смысловое содержание региональных политических измерений: факторы, критерии и основные характеристики. Исследование проводится с учетом функционирования политической элиты в субъектах РФ. Результаты работы автора проиллюстрированы на примере Астраханской области. В контексте данной тематики целью в публикации определено исследование региональных измерений политики в условиях современной геополитической ситуации и местного развития. Автор определяет роль и место политической элиты в функционировании Астраханской области, а также влияние данной группы на динамику политических процессов в регионе.

Ключевые слова: региональная политика, политическая элита, измерения политики, Астраханская область, критерии измерений, политическая культура, экспертное измерение.

Актуальность. Современное внимание к функционированию регионов, направлениям развития обусловлено их определением в качестве самостоятельных субъектов политики в РФ [9]. Это определяется множеством различных факторов, в том числе, дифференциацией динамики социально-экономического, политического развития в краях и областях Российской Федерации. Как отмечает С.К. Песцов, у региональных властей появилась возможность создания различных условий для осуществления экономической и политической активности на своих территориях, а также перспективного планирования развития на ближайшее время и более длительные сроки. В результате в государстве функционирует 89 моделей региональной

политики, которые имеют свои особенности и различное влияние на общегосударственную политику.

В контексте определения содержания региональной политики необходимо исследовать деятельность политических субъектов не абстрактно, а на конкретной территории. Общественно-политические отношения в регионах строятся посредством соблюдения баланса между необходимостью социально-экономического и политического развития и соблюдением личных политических интересов групп населения, осуществляющих управление регионом, в частности, политической элиты. Особый интерес представляют регионы стратегического либо геополитического значения, в числе которых Р.Х. Усманов и В.Г. Головин выделяют Астраханскую область – участника геополитических процессов Большого Каспия [13].

Отношение к группе политической элиты в различных областях России различное и, анализируя Астраханскую область, в предыдущих исследованиях мы отмечали, что населением данного региона политическая элита характеризуется неоднозначно и противоречиво [4].

В контексте выявленных нами противоречий определена цель работы – исследование региональных измерений политики в условиях современной геополитической ситуации и местного развития Астраханской области. При этом объектом выступает региональная политическая элита, а предметом – региональные измерения политики.

Для достижения поставленной цели нами были поставлены следующие исследовательские задачи:

1. Конкретизировать специфику Астраханской области как геостратегического региона.
2. Определить особенности функционирования политической элиты в Астраханской области.
3. Исследовать региональные измерения политики в контексте деятельности политической элиты на примере данного региона.

Методология и методы нашей работы включают теоретический анализ современных источников по данной тематике. В исследовании мы использовали труды авторов, анализирующих измерения региональной политики (А.В. Дахин, О.С. Данилова, В.Н. Денисов), изучающих функционирование политической элиты, в том числе, в Астраханской области (М.Ш. Джанталеева, Л.А. Иванова, Карабущенко П.Л.), а также публикации, посвященные исследованию социально-экономических и политических особенностей Астраханской области (Усманов Р.Х., Головин В.Г.).

Роль Астраханской области в геополитических процессах РФ. Регион Большого Каспия имеет важное значение для внутренней и внешней политики России. Характеристика в качестве геополитического региона, с одной стороны – определяет нестабильность территории, высокий риск возникновения негативных социально-политических явлений,

с другой – подчеркивает важность Астраханской области в решении задач не только местного, но и федерального значения.

Как отмечают Р.Х. Усманов и В.Г. Головин, первостепенная роль отводится обеспечению национальной безопасности и интересов России на территории постсоветского пространства [13]. В рамках создания концепции опорных регионов по определенным критериям Астраханскую область можно отнести к числу подобных территорий, а также перспективных зон экономического развития. Функционирование транспортной инфраструктуры автомобильного и железнодорожного транспорта, обеспечение внутренних транспортных коммуникаций по Волге и в рамках сообщения Волга – Дон, формирование международных транспортных коридоров «Север – Юг» и «Восток – Запад» – все это дает основания оценивать Астраханскую область как регион с высоким потенциалом социально-экономического и политического развития.

В стратегии развития Астраханской области до 2035 года в качестве основных результатов развития региона за последние годы отражен ряд промышленных, экономических, сельскохозяйственных и социально-политических проектов, реализация которых имеет значительный социальный эффект и определяет специализацию региона как в РФ, так и в международном экономическом пространстве [4].

В контексте проведенных за последние десятилетия социально-политических реформ в российском обществе, необходимо отметить, что политический состав правящих кругов в ряде регионов также трансформировался, однако, по мнению С.А. Воронцова, А.Ю. Мамычева, А.В. Понеделкова, «элитный капитал современного правящего слоя» [1. С. 129] остается неизменным и дифференцируются лишь его содержательные характеристики. Именно поэтому для анализа региональных измерений в функционировании политической элиты нам необходимо определить характеристики политической элиты в данном регионе.

Специфика функционирования политической элиты в Астраханской области. Исследованием специфики деятельности политической элиты ученые занимались еще с начала XX века, когда Н.А. Бердяев дифференцировал «людей центров» и «людей из народа» и утверждал, что между ними «должны быть проводники волеизъявлений и интересов» [11. С. 117]. Тем самым подчеркивалась важность элитных политических групп на местах – в краях, губерниях, округах.

В последние годы все более актуальна тематика, исследующая феномен политической элиты: ее содержание, функции, влияние на общее развитие государства, отдельного региона, муниципалитета. Как отмечает Д.В. Покатов, с начала XXI века в контексте политических изменений, которые характеризуются глубиной, масштабностью, и в «свое время были инициированы представителями федеральной политической элиты, роль

политических субъектов региона существенно изменилась» [11. С. 116]. По мнению данного автора, в социуме за последние два десятилетия сформировалось убеждение, что региональная элита – это вторичный субъект, который выполняет лишь административно-хозяйственные функции, реализует социально-экономические и политические проекты, разрабатываемые на федеральном уровне. При этом, в ряде исследований отмечаются такие характеристики как политическая безынициативность, приоритет личных интересов над региональными, а также общая слабость элиты как политического института общества [1]. Однако, Л.А. Иванова в своей работе подчеркивает, что политическая элита региона не может в полной мере быть суверенной и не подчиняться федеральной элите [6]. Только после принятия и адаптации к условиям региона федеральных решений представители региональной элиты могут реализовывать политические управленческие решения в регионе.

Изучая работы В.М. Долгова, который в качестве основного отличия региональной элиты от федеральной ставит отсутствие экспертных элитных групп, Л.А. Иванова, напротив, выделяет деятельность региональных экспертных сообществ в различных субъектах РФ [5]. В выводах, полученных по результатам социологических опросов населения, данный автор выделяет особенности астраханской политической элиты, которые характеризуют ее как с положительной, так и с отрицательной стороны. Основным положительным качеством политической элиты Астраханской области Л.А. Иванова определяет низкую степень конфликтности, а в отрицательные качества отнесены: частичное соответствие качественным требованиям, предъявляемым к политикам, преобладание личных интересов и коррупцию [5].

При этом большинством вышеуказанных авторов отмечена значительная роль элиты в региональной политике Астраханской области, положение данной группы характеризуется завершением самоопределения в политической жизни региона и определением в самостоятельные субъекты, функционирующие в целях социально-экономического и политического его развития [3].

Региональные измерения политики в контексте деятельности политической элиты на примере изучаемого региона. В целях определения эффективности политики в регионах, а также выявления политического курса, ценностной идеологии, политических лидеров и ведущих политических групп современные исследователи в области общественных наук используют инструментарий региональных измерений, предоставляющих количественные и качественные результаты, позволяет осуществить не только анализ реализуемой политики, но и спланировать перспективное развитие региона на ближайшие годы и закрепить его в значимых документах (к примеру, таких как Стратегия социально-экономического

развития Астраханской области), которые периодически обновляются и корректируются.

В качестве основных показателей региональных измерений политики В.М. Кононов определяет такие группы как:

– формальное измерение (определение политических институтов, функционирование которых закреплено в политических традициях и нормативно-правовых актах). В данном случае исследуется деятельность таких институтов как администрация, ее подразделения, губернатор и пр.;

– содержательное измерение. Оценка политического курса, который связан с конкретными политическими интересами, ценностями. Часто данный показатель отражает профильное направление региона, общую концепцию развития и влияние политических ценностей на результаты функционирования различных сфер жизнедеятельности (образование, социальная сфера, промышленность);

– процессуальное измерение. Данное измерение анализирует политические процессы, имеющие интеллектуальные, волевые и иные формы выражения (не только политический курс региона, но и те документы, что его утверждают и отражают – постановления, распоряжения). По мнению А.В. Понеделкова и А.М. Старостина, региональные измерения политики показали, что в качестве основных функций политической элиты определено умение решать конфликты, координировать деятельность разных групп населения и сохранение духовно-культурного наследия региона, развитие образования [12].

В контексте тематики исследования нам интересна общая картина развития региона, учитывающая влияние функционирования политической элиты на политические процессы в регионе и в России в целом.

Как отмечает М.Ш. Джанталеева, политическая элита Астраханской области стала объектом изучения общественных наук только с середины 2000х гг., а до этого данные получались косвенным путем, не имея прямых результатов региональных исследований. Однако, на современном этапе развития политологических, социологических наук четко определена вертикаль власти, отражающая взаимодействие Федерального центра, региона и областного центра. Состав политической элиты, исходя из исследований Л.А. Ивановой, формируется путем политической борьбы, внутренних договоренностей, а также определяется федеральной властью. Это предопределяет направления деятельности элитарных политических групп. По результатам региональных измерений М.Ш. Джанталеевой, необходимо отметить, что в Астраханской области приоритетной является консенсусная форма деятельности политической элиты, которая отражает нежелание региональной власти вступать в конфликты и разногласия с федеральными властями, а также неформальными группировками, имеющими авторитет в регионе [3]. Данный результат измерений деятельности политической

элиты определяет перспективы политической активности региона лишь в том объеме, в котором она не противоречит более значимым субъектам политической и социально-экономической жизни социума. Иным вариантом деятельности региональной элиты в сфере политики является «стратегия не прямых действий», которая отражается в достижении определенных целей путем косвенного воздействия на проблемные сферы или «внедемократические» действия отдельных групп, либо представителей элиты, которые сложно зафиксировать измерительными инструментами [2].

По данным экспертных оценок, индекс промышленного производства в Астраханской области повысился на 23% по сравнению с прошлым десятилетием благодаря инвестиционной политике, внедрению в производство инновационных технологий. Динамика развития рыбного хозяйства составляет 34% по сравнению с 2018-2019 гг., что также является отражением региональной политики. Экспертные опросы констатируют тот факт, что в регионе развиваются отрасли производства, промышленности и народного хозяйства, которые имеют максимальный экономический эффект не только для Астраханской области, но и для центра. Важными экономическими субъектами региона, имеющими отношение к группам региональной политической элиты можно отнести астраханские филиалы «Газпрома» и «Лукойла», которые осуществляя непрерывное развитие, обеспечивают экономический рост региона, а также имеют отношение к деятельности политической элиты.

Сильное воздействие федеральной власти на местную политическую элиту отмечают и респонденты, которые подчеркивают главенствующую роль политики государственной элиты над региональной (27,1%) [5]. Федеральная и региональная власть способствуют максимальному инвестированию в те направления, которые в дальнейшем могут быть востребованы на международном рынке, а также способствуют логистике и продвижению товаров (развитие сети дорог, водных и железнодорожных перевозок).

Кроме того, регион характеризуется развитием медийных ресурсов, отражающих не только направления деятельности региональной политики, но также и отдельных представителей политической элиты. Это, безусловно, оказывает влияние на содержание деятельности СМИ, а также отражения в них результатов развития Астраханской области. В пример можно привести ГТРК «Лотос» и «Астрахань-24».

Как мы определили, региональные измерения политики в Астраханской области в контексте деятельности политической элиты могут предоставить различные качественные и количественные данные и главное, необходимо понимать, что цифровые показатели и их интерпретация важны для определения перспектив социально-экономического и политического развития.

Выводы. Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что региональные измерения политики в условиях современной геополитической

ситуации и местного развития с участием политической элиты Астраханской области являются важнейшим инструментом, определяющим направления контроля, координации деятельности политического сектора в управлении, а также имеют значение для перспективного планирования направлений политической активности региональной элиты.

В качестве перспектив развития деятельности региональной элиты в Астраханской области по результатам региональных измерений политики, отраженных в используемых нами публикациях, можно определить:

– повышение квалификации кадров регионального и муниципального управления, в том числе, участие в проекте «Кадры для цифровой экономики» обеспечивает повышение цифровой и информационной грамотности региональной элиты и реализацию данных знаний в политической деятельности;

– борьбу с организованной преступностью, в том числе, в политических кругах (связанной с коррупцией) отраженную, к примеру, в участии политической элиты в Федеральном проекте «Информационная безопасность», направленном на грантовую поддержку наиболее успешных проектов и минимизирующем коррупционные составляющие;

– направленность деятельности политической элиты на поддержание ценностных ориентаций в регионе (сохранение культурно-духовного наследия, возрождение региональных промыслов – рыбоводства);

– ориентацию на учет потребностей и запросов населения, которая, в свою очередь, обеспечит поддержку электората на выборах и в политической борьбе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Воронцов С.А., Мамычев А.Ю., Понеделков А.В.* Элиты как движущие силы политических процессов в современной России: по материалам социологических (полевых) исследований // Политика и общество. 2017. № 3.

2. *Дахин А.В., Данилова О.С., Денисов В.Н.* Политика модернизации в региональном измерении: административное пространство, факторы, сценарии // Власть. 2013. № 7.

3. *Джанталеева М.Ш.* Специфика функционирования региональных этнополитических элит (на примере Астраханской области) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 1 (26).

4. Закон Астраханской области от 25.12.2020 № 115/2020-ОЗ «О Стратегии социально-экономического развития Астраханской области на период до 2035 года» (принят Думой Астраханской области 22.12.2020).

5. *Иванова Л.А.* Региональная политическая элита в общественном мнении населения (на примере Астраханской области) // Государственная служба. 2021. № 3 (131).

6. *Иванова Л.А.* Социологический анализ отношения региональной элиты к своему положению и существующим проблемам (на примере Астраханской области) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. № 4 (51).

7. *Карабущенко П.Л.* Политическая культура евразийских элит: от частного к общему // ВЭ. 2021. № 4.

8. *Кононов В.М.* Инновационная политика современного государства: региональное измерение // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 1.

9. *Леньков Д.А.* Роль региональных элит в процессе формирования институтов гражданского общества и реализации социальных функций государства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3.

10. *Песцов С.К.* Региональная политика и региональное развитие: факторы, индикаторы и измерения // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 4.

11. *Покатов Д.В.* Отечественная социология политической элиты: современные тренды регионального развития // Вестн. Том. Гос. Ун-та. 2020. № 453.

12. *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Современная Российская элитная репрезентация в экспертном измерении // Коммуникология. 2016. № 6.

13. *Сафонова О.Д.* Pro nunc: современные политические процессы. Вып. 9. Российская политика в региональном измерении // ПОЛИТЭКС. 2010. № 1.

14. *Усманов Р.Х., Головин В.Г.* Астраханская область и современные геополитические процессы большого Каспия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 4 (69).

L.A. IVANOVA

*Assistant of the Department of Sociology
Astrakhan State University them. V.N. Tatishcheva,
Astrakhan, Russia*

**REGIONAL DIMENSIONS OF POLITICS ON THE
EXAMPLE OF THE FUNCTIONING
OF THE POLITICAL ELITE OF THE SUBJECTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION
(ON THE EXAMPLE OF THE ASTRAKHAN REGION)**

In this article, the author reveals the semantic content of regional political dimensions factors, criteria and main characteristics. The study is conducted in the context of the functioning of the political elite in the subjects of the Russian Federation. The results of the author's work are illustrated by the example of the Astrakhan region. In the context of this topic, the purpose of the publication is to study the regional dimensions of politics in the context of the current geopolitical situation and local development. The author defines the role and place of the political elite in the functioning of the Astrakhan region, as well as the influence of this group on the dynamics of political processes in the region.

Key words: *regional policy, political elite, policy dimensions, Astrakhan region, measurement criteria, political culture, expert dimension.*

Н.С. ШОВИН

*аспирант кафедры политологии и этнополитики
Южно-Российского института управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, Россия, г. Ростов-на-Дону*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ КАК КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Данная статья посвящена анализу мнений, оценок и взглядов на концепцию «креативного класса» Р. Флорида как в научных кругах, так и среди представителей высших эшелонов власти. В рамках исследования изучается влияние креативных индустрий на социально-экономические и политические процессы в России. На примере становления креативной экономики Ростовской области, автор оценивает рациональность отнесения региональной политической элиты к современному креативному классу.

Ключевые слова: *креативный класс, политическая элита, Ростовская область, креативная экономика, человеческий потенциал, творчество, региональная политика, кадровая политика, глава региона.*

Постепенный переход к постиндустриальному типу общества, ужесточение конкуренции, рост значимости человеческого капитала в 60-е годы прошлого столетия постепенно становились базовыми сюжетами в изучении пространственных аспектов развития общественной науки. Происходили серьезные изменения в аспектах потребления. Заметным становился рост тенденции спроса на товары и услуги, учитывающие особые предпочтения индивидуальных потребностей потребителей. Информационная революция сместила приоритеты с создания предложения на рынке к формированию спроса, от которого зависел успех в конкурентной борьбе. Под натиском научно-технического прогресса также трансформировалось отношение человека к самому себе, происходило постепенное самосознание себя в окружающем мире. Экономист Й. Шумпетер иллюстрирует эти процессы как новую модель понимания современной рыночной экономики, ориентированной на развитие путем внедрения и генерирования творческих нововведений в целях получения отдельных конкурентных преимуществ субъектами экономических отношений. Основным ресурсом такой экономики

становятся творческие люди, способные генерировать инновации [11. С. 64].

Начиная с 2005 года, когда в России был переведен и опубликован первый труд основоположника и идеолога концепции «креативного класса» американского ученого Р. Флорида под названием «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» [9], в национальных ученых, общественных и политических кругах к нему сложилось неоднозначное отношение. Ученый не скрывал, что в своих идеях придерживался логики марксизма, ориентирующегося на зависимость социальной и классовой структуры общества от уровня технологического развития. Вместе с тем, приверженцы правых идеологий считали, что господство креативного класса предвещает закат буржуазии. А левонастроенная часть населения не могла принять эту концепцию по причине противоречия классической марксистской теории в части неизбежной диктатуры пролетариата и становления бесклассового общества. Также недовольство вызывали и ценности креативного класса: отказ от национальных традиционных устоев и обычаев, индивидуализм, выражающийся в нежелании подчиняться корпоративной дисциплине и групповым нормам поведения, преобладание личных качеств и достижений в оценке успехов человека, открытость, непривязанность к чему-либо, готовность к переменам. Концепция Р. Флорида к креативному классу относит всех творческих и современных людей, отходя от понятия «класс» в традиционном марксистском понимании. По его мнению, члены креативного класса обычно не владеют какой-либо собственностью, капиталом, средствами производства в классическом смысле, так как их собственность происходит из собственных творческих, умственных способностей и не имеет физического выражения. Что примечательно, ученый размывает рамки субъектного состава концепции, относя к креативному классу людей, как непосредственно создающих интеллектуальный продукт, занятых в научной, технической, архитектурной, образовательной сферах, в индустриях музыки, литературы, кино, живописи, театра, так и специалистов опосредованно связанных с креативом сфер управления, права, бизнеса, финансов, здравоохранения, информационных технологий [7. С. 202-210].

Концепция долгое время была сугубо локальной и спорной и не выходила за пределы научного дискурса и впервые в общественно-политическом пространстве концепция креативного класса России получила развитие в «Стратегии-2020», где данная социальная группа была определена как «люди творческого труда, создающие инновации уже в ходе своей обычной работы» и именно на них было предложено было делать ставку в развитии экономики страны [8. С. 22-26].

Интерес к изучению роли креативного класса как объекта креативной экономики за почти четверть века предметных исследований не только не угасает, но и постепенно увеличивается. Несомненно, идеи Р. Флориды

невозможно механически перенести с американских реалий на отечественную почву. Однако возникающие социально-экономические трудности, связанные с сырьевой моделью российской экономики, ставят перед органами публичной власти вопросы поиска вектора дальнейшего развития этой сферы общественной жизни. Так, в последние годы особое внимание представителей власти обращено к развитию креативных индустрий – видов экономической деятельности, основой которых является взаимосвязь творчества, культуры и современных технологий. К ним относят музыку, театр, кино, дизайн, моду, архитектуру, рекламу и так далее. Основной особенностью креативной экономики является роль человеческого капитала и потенциала в создании итогового продукта, который как раз и создается людьми творческих профессий – креативным классом.

Актуальные исследования Высшей школы экономики показывают, что численность креативного класса и его доля в общей численности, трудящихся ежегодно постепенно увеличивается. Наибольшая доля креативного класса приходится на крупные регионы, среди которых представлена Ростовская область. Наиболее типичным представителем российского креативного класса являются лица мужского пола возрастом от 25 до 34 лет с высшим образованием. Специфика российского креативного класса заключается в том, что большинство его работников относятся к государственному сектору экономики, а также ИТ-компаниями и индустрии маркетинга. По состоянию на 2021 год численность людей, занятых в креативных индустриях составляет 3,4 млн. человек, что составляет около 5% от общей численности занятых, а валовая добавленная стоимость креативных индустрий составляет 2,4 млрд руб. или 2.4% ВВП. Показатель России близок к среднемировому (3%), но ниже, чем в странах-лидерах [3].

Р. Флорида не выделяет представителей политических элит в отдельную социальную группу в предложенной модели, однако, исходя из предложенных критериев отнесения людей к креативному классу, можно предположить, что в условиях продолжающегося цивилизационного развития профессионализации управленческого труда, обуславливающей нарастающее требование к управленческой культуре и компетентности в сфере разных секторов управления, а также общая социальная значимость управленческой деятельности, обуславливающая соответствующую стратификацию и стимулирование этой деятельности, политическая элита в полной мере относится если не к суперкреативному ядру, то наиболее полноценно к подклассу креативных специалистов. Данная гипотеза соответствует меритократическому, ценностному подходу к определению политических элит или нормативу элит, где политическими процессами управляют наиболее квалифицированные, компетентные и талантливые люди, обладающие качествами, которые обеспечивают им власть.

Сложно говорить о профессионализации и креативности высшего уровня руководства страны ввиду закрытого механизма образования политической верхушки и отсутствия ротации власти. Профессор Я.А. Пляйс оценивает этот процесс как застой элит и как следствие, синтез советской партийно-государственной номенклатуры с элитами переходного периода, а именно, с бизнес-элитами, криминалитетом, воспитанниками силовых структур, целью которых становится удержание власти [2].

Однако в последние годы в процессе российского элитогенеза наметились положительные тенденции. Политическое руководство осознает необходимость процесса демократизации элитообразования. Речь идет о национализации элиты, переходу к стратегической кадровой работе на среднем уровне государственного управления. Экономическая система современной России требует соответствующего аппарата управления, специально подготовленных и обученных мидл-менеджеров, способных результативно управлять социально-экономическими процессами в условиях нестабильности и неопределенности. Связано это с важной ролью, отводимой руководителям субъектов в политическом процессе, связанной с выполнением не только формальных функций «хозяйственника» (обеспечение должного уровня функционирования социальной сферы, ЖКХ, дорожного строительства, инфраструктуры, здравоохранения, образования), но и неформальных, диктуемых требованиями федерального центра (обеспечение результативных выборов, наполнения федерального бюджета, поиск инвесторов для реализации региональных проектов). Эффективная реализация данных полномочий возможна только при применении креативного подхода в принятии управленческих решений.

С 2017 года в России ведется планомерный процесс обновления среднего уровня государственного управления – губернаторского состава, целью которого, по словам Президента РФ, является формирование корпуса новых управленцев, молодых, перспективных и современных технократов. За последние 5 лет сменилось руководство практически половины регионов страны. Реализуются новые правила формирования регионального руководства с помощью системы «социальных лифтов» по принципу из региона в центр и обратно с повышением. В рамках реализации обновленной кадровой политики, направленной на включение креативного класса в состав региональных политических элит, сформирована образовательная программа федерального кадрового резерва, так называемая «школа губернаторов», реализуемая Высшей школы государственного управления РАНХиГС, курируемая внутривластным блоком Кремля. На данный момент 42 главы регионов являются выпускниками этой программы. Реализуются различные общественные проекты, из которых одним из самых значимых и престижных является конкурс, направленный на выявление наиболее перспективных и талантливых управленцев – «Лидеры России», проводимый

под патронажем Управления делами Президента Российской Федерации. По разным оценкам от 150 до 230 участников «Лидеров России» заняли высокие посты различных уровней управления, но с точностью можно заявить, что шестеро стали заместителями федеральных министров, двое – губернаторами, трое – главами муниципальных администраций [4].

Таким образом, наглядно иллюстрируется запрос высшей политической элиты на омоложение среднего федерального, и в большей степени, регионального уровня политических элит представителями креативного класса, людьми с широким кругозором и современным, нестандартным мышлением, быстро адаптирующихся к изменениям, способных к генерации новых технологий, новых идей креативного содержания. Государство в этом случае должно становится социальным партнером для регионов. Креативные регионы становятся производителями интеллектуальной продукции. В будущем это предполагает отказ от модели, в которой властная корпорация является единственным субъектом выработки, принятия и исполнения решений, что позволит открыть широкую перспективу для развития субъектности различных общественных групп. Ученый разработал «индекс креативности», позволяющий оценить по совокупности показателей уровень привлекательности регионов для творческих специалистов. Регионы, отражающие наивысшее показатели являются креативными кластерами. Можно предположить, что наличие креативного класса в региональных властных структурах, бизнес-элитах и иных, значительно влияет на привлекательность региона в целом для креативного населения [2. С. 87-95].

Интересным в этой связи представляется опыт Ростовской области как креативного кластера. Субъект занимает шестое место среди регионов по численности населения и 33 место по территории. По итогам 2022 года Ростовская область заняла 15 место среди регионов по привлекательности и качеству жизни, на основе комплексного учета 67 показателей, фиксирующих фактическое состояние аспектов условий жизни и ситуации в социальной сфере. По оценкам АПЭК субъект занимает 7 место в рейтинге эффективности управления, по сравнению с 2021 годом (10 место). По данным за 2021 год центра городских компетенций представительства ЮФО Агентства стратегических инициатив, общая выручка организаций креативных индустрий Ростовской области составляет 70,8 миллиарда рублей, что составляет 1,9% от суммарной выручки всех организаций, зарегистрированных в регионе. В разрезе видов деятельности и размера выручки креативных индустрий региона первое место занимает сфера архитектуры (23,9 млрд руб.), далее научные исследования (18,7 млрд руб.) и разработка программного обеспечения (8,5 млрд руб.). Средняя численность работников организаций креативных индустрий составляет 24,3 тысячи человек, это 3,2% от всей численности трудящихся области. Исходя из критериев оценки регионов в рамках «индекса креативности» (талант, толерантность,

технологии), можно сделать вывод, что у Ростовской области креативный потенциал находится на среднем уровне среди других субъектов страны и не все так плачевно, региону есть куда развиваться [1. С. 66-78].

Давая характеристику региональным элитам Ростовской области, можно сказать, что ключевой фигурой в процессе принятия политических решений является Губернатор региона. В условиях государственной кадровой политики, направленной на обновление губернаторского корпуса, привлечения в него технократичных лидеров, нынешний Губернатор Ростовской области является в этом роде долгожителем, занимая пост с 2010 года (пятый среди губернаторов-старожилов), и, несмотря на пристальное внимание федеральных властей на южные регионы, остается самым возрастным и стабильным (в плане замещаемой должности) главой региона в ЮФО. Являясь опытным руководителем, и по совместительству Председателем Правительства региона, Губернатору Ростовской области удалось сместить центр принятия решений в сторону исполнительной власти, консолидировав интересы и нивелируя разногласия между центрами принятия решений: высшим законодательным органом, силовым блоком, бизнес-элитами, территориальными федеральными органами и иными региональными органами власти. За почти три полных срока нахождения в должности, он сумел заработать авторитет не только среди региональных элит, но и перед федеральным центром. Обеспечение нужных показателей правящей партии на выборах, организация на высоком уровне чемпионата мира в регионе, уверенное прохождение пандемии коронавируса, строительство инновационного аэропорта, удержание двух волн миграции и переселения из Украины.

Нужно обозначить, что свой отпечаток в деятельность региональных элит накладывает специальная военная операция. С 2022 года Ростовская область становится прифронтовым регионом со «средним» уровнем реагирования, что подразумевает повышенные требования к обеспечению безопасности. Также на повестке федеральных кураторов для регионов становится всесторонняя поддержка и материально-техническое обеспечение деятельности вооруженных сил России, мобилизованных граждан и добровольцев. С этими поручениями глава региона также справляется уверенно, принимая личное участие и оперативные решения, организуя эффективное взаимодействие со структурами Министерства обороны РФ в регионе, обеспечивая в разумные сроки нужные показатели по мобилизации, формируя фонд поддержки для обеспечения нужд участников СВО и отрядов казачьих дружин для участия в боевых действиях в зоне спецоперации.

Вместе с тем по итогам 2022 года Губернатор Ростовской области занимает промежуточное положение между губернаторами-лидерами и губернаторами-аутсайдерами по оценкам экспертов [5]. Можно предположить, что это процесс падения рейтинга главы связан не с событиями последних лет руководства, а с постепенным аккумулярованием негативных факторов

и накопившихся проблем за годы нахождения в должности. На отрицательную динамику доверия граждан влияет застой как в социально-экономической сфере, так и в принятии политических решений, которые ориентированы лишь на удержание баланса, связанного с исполнением требований федерального центра и соблюдением интересов конфликтующих региональных элит. Среди основных проблем можно выделить закрытую кадровую политику и кадровую нестабильность высшего руководства региона, происходящие замены управленческих кадров создают впечатление «латания дыр», поскольку служат не для повышения эффективности деятельности в той или иной сфере, а являются следствием коррупционных скандалов или возможностью удержать «нужных людей». Обновление управленческой команды после избрания Губернатора на третий срок в 2020 году не привело к существенным изменениям, по большей части оказавшись показательными. Существует и ряд других проблем помимо многочисленных уголовных дел за коррупционные преступления. Это закрытие крупных промышленных предприятий, жалобы на работу медицины, транспорта, образования, ЖКХ, размеры заработных плат, пожар на Театральном спуске, жилье для детей-сирот, погибшие в ковидном госпитале № 20, демографические проблемы, разрушение исторического центра столицы региона, отсутствие ясной стратегии развития муниципальных территорий за исключением регионального центра.

Занимательным представляется то, что назначение Главы Ростовской области в 2010-м году либеральным Президентом РФ Д.А. Медведевым проходило под эгидой омоложения государственных руководящих кадров, заложило тенденцию формирования новой кадровой политики федерального центра, подразумевающей регулярное обновление среднего звена управления. Однако за счет своей гибкости и опыта Губернатору Ростовской области за 12 лет управления регионом удалось избежать всех волн «губернаторапада». По итогам 2022 в конкурсе Российской ассоциации по связям с общественностью в номинации «Губернатор года» руководитель Ростовской области единственный был удостоен специального приза «За стабильную эффективность», обозначив себя как представителя «старой школы» управленцев. Для федерального центра он является удобным политиком, легко прогнозируемым, от которого знают, чего ждать. Не делает категоричных и принципиальных заявлений, не формирует федеральную повестку, не привлекает лишнего внимания и добросовестно исполняет формально-обязательную «программу» главы региона, поступающую из Москвы [10].

Пятилетний срок на который избирался Губернатор Ростовской области заканчивается в 2025 году. Принятие федерального закона о публичной власти и последующие изменения в устав региона позволяют избираться Главе Ростовской области на новый срок, однако, под вопросом остается согласование Кремлем настолько длительного пребывания на посту руководителя

региона одного и того же человека, в условиях обновленной государственной кадровой политики, при условии, что социально-экономическое положение региона по ряду показателей оставляет желать лучшего. Можно предположить, что значимую роль в этом процессе будет играть ход развития боевых действий и, в целом, процесс интеграции новых регионов в общефедеральное пространство, поскольку высшим государственным руководством будет оцениваться насколько губернаторы могут пристально следить за меняющейся реальностью и оперативно реагировать на изменения, применять нестандартное видение и подходы в региональном управлении.

По ряду критериев, предложенных Р. Флоридой, Губернатора Ростовской области как представителя региональной политической элиты можно отнести к креативному классу, но нужно понимать, что характеристики представителей креативного класса могут дифференцироваться в зависимости от специфики, творческого потенциала конкретной социальной группы. Креативный класс – это аналитический конструкт, ориентирующий на выявление социально активных, творческих, креативных представителей различных социальных слоев и групп, соотносящих себя с процессами модернизации, самореализации, внедрения инноваций и вкладом в общий мировой прогресс.

Если говорить о политических элитах, которые стоят подле Губернатора, будь то его заместители или руководители иных региональных государственных органов, главы муниципальных администраций, они выполняют не столько политические, сколько административные и организационные функции. Бюрократический аппарат в этом плане политически нейтрален, формируется по принципу личной преданности и авторитета действующего лидера, и, следовательно, при смене руководства будут поддерживать того, кто придет к власти. Безусловно, они принимают креативные решения, но все происходит по решению главы региона, говорить об их самостоятельности нецелесообразно. Отдельной группой в этой связи можно отметить руководителей территориальных федеральных органов, представители силового блока, кандидатуры которых также согласуются с руководителем региона, однако, по большей части выполняют контрольные и надзорные функции, обеспечение исполнения законов, безопасности и правопорядка на территории субъекта, что не подразумевает каких-либо творческих и инновационных решений.

Что касается отнесения к креативному классу представителей иных социальных групп, которые приближены к политической элите региона (бизнес-элита, общественные организации, лидеры общественных мнений, гражданские активисты), несмотря на то, что они в любом случае имеют влияние представителей властных структур, можно сказать, что на основании статистических данных приведенных в исследовании, в Ростовской области постепенно формируется новая элита, отвечающая принципам

профессионализма, вклада в общественный прогресс, творчества и инноваций. Они не имеют отношения к административному ресурсу и государственному управлению, но могут влиять на политические решения в рамках региона и формировать повестку позитивных изменений.

Таким образом, в рамках исследования можно сделать вывод, что в пределах России в целом, а также, в частности, в пределах Ростовской области, есть огромный ресурс, связанный как с запросом на культурное потребление, так и на творческую, самодетельную активность, поэтому креативной экономике, культурным индустриям есть куда развиваться. Сегодня на повестке дня стоит важная задача – создание привлекательной среды для креативного класса в субъектах нашей страны. На сегодняшний день каждый инновационный, творческий, научный проект особенно ценится обществом. В этих условиях требуются консолидация усилия государства, бизнеса и институтов гражданского общества, творческая энергия регионального социума, чтобы преодолеть инерционность развития, внедряя инновации, привлекая творческих людей в Ростовскую область, развивая науку, искусство, образование.

Если говорить об отнесении региональных политических элит в число представителей креативных индустрий, то по смыслу концепции Р. Флорида, государственных служащих аппарата регионального управления можно относить к креативным специалистам, однако, более наглядно это можно будет увидеть лишь в будущем, с постепенным омоложением региональных менеджеров, приходу нового поколения политической элиты, профессиональной, высоконравственной, ответственной и креативной, способной генерировать идеи. Именно креативный класс способен преодолеть классический для России разрыв между процессами производства инновационных технологичных идей и их реализации, восстановить разорванную связь творческих слоев населения и системы российского управления не только в регионах, но и на уровне государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Грошев И.В., Краснослободцев А.А.* Цифровизация и креативность российских регионов // Социологические исследования. 2020. № 5.
2. *Золотарев О.В.* Креативный класс в современной России // Человек. Культура. Образование. 2016. № 1 (19).
3. Креативный класс России: портрет в цифрах // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики // <https://www.hse.ru/news/science/807167671.html>.
4. Кузница кадров: почему ВРИО глав регионов стали выпускники «школы губернаторов» // Газета.ру // <https://www.gazeta.ru/social/2022/05/11/14842532.shtml>.

5. Национальный Рейтинг Губернаторов (Итоги 2022 года) // Центр информационных коммуникаций «Рейтинг» // <https://russia-rating.ru/info/21217.html>.

6. Пляйс А.Я. Почему России нужна новая элита? // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2015. № 2.

7. Сургуладзе В.Ш. Концепция креативного класса Ричарда Флориды // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 6 (51).

8. Тюкавкин Н.М. «Стратегия 2020» обновленный вариант концепции развития РФ // Экономика и предпринимательство. 2013. № 10 (39).

9. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида: пер. с англ. М.: ИД «Классика-XXI», 2005.

10. Фонд либеральная миссия // Российские губернаторы: кто они и зачем они нужны? // <https://liberal.ru/scientific-seminar/rossijskie-gubernatory-kto-oni-i-zachem-nuzhny>.

11. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко и др. М.: Эксмо, 2007. (Антология экономической мысли).

N.S. SHOVIN

*Postgraduate student of the Department
of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute
of Management – branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don, Russia*

REGIONAL POLITICAL ELITES AS A CREATIVE CLASS (BY THE EXAMPLE OF THE ROSTOV REGION)

This article is devoted to the analysis of opinions, assessments and views on the concept of "creative class" by R. Florida, both in scientific circles and among representatives of the highest echelons of power. The study examines the impact of creative industries on socio-economic and political processes in Russia. On the example of the formation of the creative economy of the Rostov region, the author evaluates the rationality of referring the regional political elite to the modern creative class.

Key words: *creative class, political elite, Rostov region, creative economy, human potential, creativity, regional policy, personnel policy, head of the region.*

А.В. ГЛЕБЕЗДИН

аспирант Дипломатической академии МИД РФ,
Россия, г. Москва

НОВОСТНЫЕ ФЕЙКИ КАК СРЕДСТВО РАЗРУШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА (ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Целью настоящей статьи является выявление специфики генерирования и воздействия фейковых новостей на стабильность политических режимов в политической ретроспекции. Актуальность обращения к данной проблеме объясняется возросшим значением технологий «мягкой» и «умной силы» в дестабилизации и делегитимации государств на новейшем этапе их политического развития. Выявление исторических предпосылок и первых примеров использования ложного новостного контента для достижения политических целей представляется важным для понимания современной логики развития политических процессов. В качестве исходного материала для анализа были избраны три характерных эпизода использования фейковых новостей для делегитимации политических режимов. Последовательно прослежены механизмы появления, трансляции и воздействия фейкового новостного контента на общество, последствия для стабильности государства. Выявлена роль СМИ в распространении ложных новостей и их внедрения в общественное сознание. Как показывают примеры, во всех случаях распространяемые новости носят скандальный и эпатажный характер, будучи направлены на дискредитацию морального и профессионального облика государственных деятелей. На основе осуществленного анализа сделаны выводы о наличии традиции использования фейковых новостей в политической борьбе. Автору удалось показать уязвимость различных политических систем к дискредитирующему контенту, и эволюция структуры фальшивых новостей в зависимости от историко-политической ситуации. Немаловажную роль в деструктивном воздействии фальсифицированных сообщений играют готовность общества их воспринять и ошибки в стратегии и тактике власти.

Ключевые слова: *политический режим, новостной фейк, СМИ, массовые коммуникации, политическая легитимность.*

Новостное пространство тесно и неразрывно связано с политической жизнью и политическими процессами в государстве. Это утверждение аксиоматично и подтверждается всей политической историей. СМИ с момента своего возникновения самым прямым образом влияют на динамику и результативность любых политических процессов. Что обусловлено публичным характером политики как таковой. Сколь бы ни была закрытой правящая элита, какими бы барьерами не отделяла она себя от народа, как бы ни был отстранен народ от принятия управленческих решений – власть всегда обречена апеллировать к широким общественным кругам, хотя бы потому, что власть присутствует и имеет смысл там, где есть правящее меньшинство и подвластное большинство. Что априори предполагает обмен информацией и зависимость от информационных потоков всех вовлеченных субъектов. Таким образом, средства и каналы трансляции информации есть константный фактор политического развития любую эпоху.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [3; 5; 6; 7; 8; 11; 14; 18; 19].

Однако проблему воздействия фейковых новостей на стабильность политических режимов нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Как известно, первым и долгое время – единственным, средством массовой коммуникации, являлись газеты и уличные листки с карикатурами, краткими надписями. Причем, колоссальная политическая значимость и потенциальная разрушительная сила информации и периодической печати осознавались уже на ранних этапах ее развития. Достаточно указать, что знаменитая фраза «Кто владеет информацией – тот владеет миром» принадлежит кардиналу Ришелье, чья политическая деятельность приходится на 1-ю половину XVII столетия [1]. Показательно, что выдающийся государственный деятель не указал оценочного характера информации – хорошая она или плохая, ложная или истинная. Констатировано именно принципиальное значение информации для власти и ее реализации. Не менее симптоматично, что именно при Ришелье и по его прямому указанию был создан первый в Европе печатный официоз, призванный доносить до общества правительственную точку зрения на актуальные события – в 1631 году начался выпуск первого официального еженедельного альманаха – «Газетт» [10. С. 217]. Фактически, мы имеем дело с одной из первых попыток построения государственной информационной политики – причем, не только и не столько посредством ограничений, запретов и санкций, сколько при помощи проектирования публичного информационного потока. Стремясь упорядочить политически значимую информацию, Ришелье как бы предвосхищал и дезавуировал возможные ложные

новости и вредные интерпретации – это была борьба с новостными фейками через «игру на опережение». Информационная политика стала частью общей проективной политической стратегии государства.

Полтора столетия спустя Жан-Жак Руссо, просветитель и антагонист французского абсолютизма, признал необходимость и благотворность цензуры для общества: «Цензура оберегает нравы, препятствуя порче мнений, сохраняет их правильность, мудро прилагая их к обстоятельствам, иногда даже уточняет их, когда они еще неопределенны» [15. С. 311]. Но, признавая охранительно-конструктивную роль цензуры, Руссо априори признавал возможность разрушительного для общества новостного контента.

Современник Руссо и его оппонент в силу статуса, прусский король Фридрих Великий в мягкой и обтекаемой форме говорил о праве короля контролировать мнения и взгляды своих подданных, включая высказанные печатно: «Я покровительствую только таким свободным мыслителям, у которых приличные манеры и рассудительные воззрения» [2].

Император Наполеон Бонапарт высказывался о контроле прессы с предельной ясностью: «Газеты не только не должны делать зла. Они должны делать добро, и только под этим условием я буду их терпеть» [16. С. 223]. Таким образом, факт признания необходимости цензуры и государственной информационной политики является, по существу, признанием опасности от разрушительных и откровенно ложных/фейковых новостей, которые могут транслироваться в общественное сознание, приводя к губительным для государства потрясениям. Правомерно говорить о том, что с момента появления письменного и, особенно, печатного слова, государственная цензура, равно как и другие разновидности контроля и проектирования публичного информационного пространства оказались не просто неотъемлемой частью государственной политики – нередко они являлись условием выживания политических режимов. Если же совокупность охранительных и проективных действий государства в сфере новостей и информации оказывались недостаточно эффективными, это могло послужить важной причиной утраты политическим режимом устойчивости и общественной легитимности, в конечном итоге, способствуя его крушению. Ниже мы рассмотрим три разновременных примера того, как фейковые новости, не будучи своевременно нейтрализованы, сыграли роковую роль в развитии государств. В качестве показательных примеров нами отобраны:

1. «Афера с бриллиантовым колье» (Франция, конец XVIII столетия).
2. Речь Милюкова в Государственной Думе Российской империи «Глупость или измена?!» в ноябре 1916 года.
3. Сплетня о свадьбе дочери Георгия Романова с использованием царского сервиза из фондов Эрмитажа в 1979 году в СССР.

По иронии судьбы, именно Франции суждено было стать одним из первых полигонов, на котором прошла апробацию технология фабрикации

и распространения фейковых политических новостей с самыми разрушительными для легитимности и стабильности политического режима последствиями. Подтверждением тому может служить динамика реальных политических процессов, рассмотренных в ретроспективе французской политической истории. Накануне Великой Французской революции французское общество оказалось эпатировано на шумевшей «Аферой с бриллиантовым колье», прямо подорвавшей престиж и легитимность королевского двора. Политический скандал разгорелся в 1784-1785 гг. в результате действий авантюристки Жанны де Ламотт и ее любовника кардинала Рогана. Введя в заблуждение парижских ювелиров, которым они представлялись в качестве доверенных лиц королевы Марии-Антуанетты и от действующими якобы от ее имени, мошенники выманили под видом покупки в рассрочку бриллиантовое колье стоимостью в 1 млн. 600 тысяч ливров (стоимость 100-пушечного линейного корабля с полной оснасткой, вооружением и припасами!). Хотя впоследствии мошенники были разоблачены и доказана непричастность королевской семьи к этой афере, в обществе с подачи газетчиков, широко распространился слух о том, что инициатором этого грандиозного обмана была именно Мария-Антуанетта. Правдивым в этой истории был только факт предложения ювелиров королеве о покупке колье еще в 1781 году и ее отказ ввиду дороговизны. Все дальнейшее было преднамеренной фальсификацией. По существу, мы имеем здесь цепь фейковых новостей для различных целевых аудиторий:

1. Ложная информация для ювелиров от мошенников: «Мы – эмиссары королевы». Завоевание доверия.
2. Ложное сообщение о намерении королевы приобрести колье.
3. Обманутые в ожиданиях денег ювелиры сообщают о «нечестности» королевы и дело получает огласку.
4. Посредством газет общество убеждено в виновности королевы и покровительствующего ей короля.

Авторитет института монархии был подорван, что стало катализатором Великой Французской революции четыре года спустя. Несмотря на то, что королевский двор выступил с опровержением, виновные в мошенничестве понесли наказание, никаких достоверных данных о причастности королевы к грандиозной афере не было и быть не могло, общественное мнение априори приняло мнение о нечистоплотности королевского двора, следовательно, о невозможности доверять королевской власти в принципе.

Необходимо учитывать традиционные представления о королевской власти во Франции. Власть имела сакральный статус и обосновывалась божественной атрибуцией. Согласно социально-исторической классификации П.А. Сорокина, феодальные монархии Европы относились к социальным институтам идеационального типа [17]. Монарх являлся священным символом, олицетворяя божественное благоволение к страждущему человечеству.

Со времен Раннего Средневековья французские короли мыслились как фигуры священные. Не случайно существовало и веками воспроизводилось в народе представление о «королях-чудотворцах», способных исцелять золотуху и проказу наложением рук на больного, что является прямой отсылкой к евангельским сюжетам об исцелении Христом слепых, расслабленных, кровоточивых и прокаженных [4]. Вопрос о человеческих слабостях короля и королевы не стоял перед обществом в принципе. Прикосновение к краю королевской мантии, подержаться за королевское стремя было для подданных величайшим счастьем. И вдруг священные покровы с монарших персон оказались сорваны. В результате тиражирования и закрепления в общественном сознании фейковой новости о причастности королевы Марии-Антуанетты к похищению баснословно дорогого кольца монархическая чета лишается ореола сакральности и неотмирности, превращаясь в глазах общества в обыкновенных стяжателей и мошенников. Это и было прямым подрывом легитимности королевского режима во Франции накануне Великой Французской революции. Если король – всего лишь обычный корыстолюбивый человек, а не помазанник Божий и не чудотворец, следовательно, власть его эфемерна, зиждется на обмане и должна быть свергнута!

Тиражирование информации посредством механических технологий стало характерным признаком Раннего Модерна. В информационно-политическом пространстве Модерна, пусть из всех типов СМИ присутствовали пока только газеты и карикатуры, оказалось критически важным первенство в озвучивании новостей. Ситуационная и публичная правота (равнозначная правде) оказывалась за тем, кто раньше всех вбросил взрывную новость в газеты, а через них – в сознание масс. Новость сработала тем более эффективно, что городское и читающее население Франции было уже взбудоражено несколькими десятилетиями печатной деятельности просветителей, подвергавших разьедающему скепсису всякую иррациональность, включая религию и представления о священном характере власти королей. Общество было готово воспринять подобную новость. Стоило ей появиться, как множество людей с энтузиазмом ей поверило.

В качестве второго примера воздействия фейкового новостного контента на стабильность и легитимные основания государственной власти рассмотрим печально известную речь лидера партии кадетов П.Н. Милюкова «Глупость или измена?!» в Государственной Думе Российской Империи 1 ноября 1916 года. Данная речь не столько приводила конкретные факты отрицательного характера о руководстве страной и армией в период Первой Мировой войны, сколько жонглировала фактами общеизвестными и газетными сплетнями, подводя аудиторию к выводу о недееспособности и предательстве правительством (а значит – и Государем!) национальных интересов России в пользу Германии. Рефреном речи стала фраза «Глупость

или измена?!», которой оратор завершал очередной обличительный пассаж [9]. Налицо манипуляция: слушателям и читателям речи предоставлялась возможность самостоятельно сформировать главную фейковую новость об предательстве государственной властью интересов, безопасности и суверенитета России. Основная «новость» повторялась в речи несколько раз, что способствовало ее закреплению и превращению в стереотип массового сознания, в определенное политическое настроение и мотивацию политической активности. Резко отрицательной по отношению к действующей государственной власти, которая уже была лишена легитимности в глазах наиболее политически активной части российского социума того времени.

Здесь иная технология вброса и деструктивного воздействия новостного фейка: в момент максимального государственного напряжения (внешняя война) произносится пафосная обличительная речь. Само действие произошло очень быстро и исключительно в сфере социальных коммуникаций. Фейковая новость не имела никакого материального, эмпирического подтверждения. Интрига разворачивалась в виртуальной плоскости, в сфере коллективного воображения. Царский режим оказался подвергнут общественному ostracismu на основе не подтверждаемого обвинения в предательстве. Следует учитывать, усталость и разочарование российского общества от войны, слабости в организации военного снабжения и производства, падение уровня жизни в тылу и многое другое. То есть, как и в случае с французским обществом, российское общество было готово и даже жаждало услышать подобные обвинения, чтобы потом подхватить их и растиражировать. Не только Кабинет Министров Российской империи, но сама Императорская Фамилия лишились легитимности. Можно предположить срабатывание глубинного национального архетипа: династия Романовых строила свою символическую легитимность на сочетании сакрального начала («Помазанники Божии») и начала военизированного – как защитники Отечества. Дуальная формула «милитаризованной сакральности» представляется уместной. Милюков сочетал обличения «распутинщины» и обвинения в национальной измене, разрушая оба столпа легитимности.

Конечно, это был только один эпизод в предыстории крушения российской монархии и династии Романовых. Но, как представляется, данный эпизод, стержнем которого стало генерирование-тиражирование-принятие в обществе ложного, т.е. фейкового образа власти, сыграл ключевую катализирующую роль в течение последующих 4-х месяцев (между 1-м ноября 1916 года и 2-м марта 1917 года пролегает ровно 4 месяца). Катастрофические последствия этой политической катастрофы общеизвестны. Во Франции между фейковой новостью и крахом режима прошло около 4-х лет. В России – 4 месяца. В обоих случаях важнейшую роль сыграли газеты как канал трансляции фейковой новости. В данном случае мы выделяем трех субъектов: 1) Либеральная оппозиция во главе с Милюковым как генератор

фейка; 2) государственная власть и непосредственно Императорская фамилия как мишень и жертва новостного фейка; 3) пресса как канал трансляции и средство воздействия на умы. Поразительно выглядит стратегия власти и непосредственно Императора – фактическое бездействие в отношении явного подрыва легитимности режима и конкретного виновника в лице Милюкова. Из всех вариантов реагирования был выбран худший. Молчание власти в ответ на обвинения в предательстве в тогдашнем экзальтированном состоянии общества было воспринято как признание справедливости обвинений. А оппозиция уверилась в собственной безнаказанности.

Третьим примером деструктивного воздействия фейкового новостного контента является полузабытая и отчасти курьезная история с обвинением первого секретаря Ленинградского горкома КПСС Григория Романова в заимствовании царского сервиза из фондов Эрмитажа в 1974 году для свадьбы своей младшей дочери. Причем, якобы, в процессе свадьбы несколько предметов из бесценного фарфора было разбито подвыпившими гостями. Источниками новости выступили западные информационные агентства: немецкий журнал «Spiegel», радиостанции «Свобода» и «Голос Америки». В отличие от двух предыдущих примеров никаких фактических оснований для данного слуха не было. Кроме, возможно, совпадения фамилии главного фигуранта (и, одновременно, жертвы новостного фейка) с фамилией царствующей до 1917 года династией. Вероятно, это совпадение и натолкнуло создателей фейка на мысль о запуске его в массовое сознание. Уже в постсоветское время, в 1993 году, директор Эрмитажа Пиотровский дал обширное интервью газете «Аргументы и факты», в котором полностью опроверг этот миф. Но нас волнуют мотивы создателей фейка и его политические следствия [13]. Григорий Романов, возглавляя вторую по значению после Москвы партийную организацию, рассматривался в качестве возможного преемника Брежнева на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. После тиражирования новости, несмотря на ее зарубежное происхождение и отсутствие каких бы то ни было подтверждений, имя Романова было негласно скомпрометировано, потому более не рассматривалось в повестке о вероятном преемнике. По мнению ряда историков, компрометация Романова стала одним из первых шагов в длинной многоходовой операции по выведению из игры вероятных преемников Л.И. Брежнева (в 1980 году в автокатастрофе погиб Петр Машеров, первый секретарь ЦК компартии Белоруссии). Что в итоге привело к власти космополитически и прозападно-настроенного М.С. Горбачева. В случае прихода к власти в СССР иных фигур, история страны могла бы пойти по иному сценарию. Отрицательная селекция в высших эшелонах власти СССР на поздних этапах его существования есть исторический факт и, как любое явление, он имеет собственные объективные и субъективные предпосылки. Мы имеем в качестве

следствия отстроченный подрыв легитимности политического режима (в годы «Перестройки», эта сплетня временно обретет вторую жизнь).

Как и в двух предыдущих случаях видим: 1) генератора фейкового новостного контента в лице неизвестных по именам заказчиков, возможно, из западных спецслужб; 2) каналы трансляции – в данном случае, зарубежные средства массовой информации, однако способные воздействовать на массовую советскую аудиторию; 3) жертвы – персона Г.В. Романова как вероятного в будущем лидера СССР и, шире – вся коммунистическая партия и даже будущее страны; 4) массовая аудитория, особенно из числа советской умеренно диссидентствующей интеллигенции, которая с готовностью подхватила и растиражировала пущенную фальшивку в силу парадоксального слепого доверия к антисоветским информагентствам больше, нежели к собственным. Аудитория превратилась в соучастника процесса по дискредитации и делегитимации советской партийной верхушки. Цепочка взаимодействий вокруг фейковой новости имела не менее разрушительные последствия, нежели два примера, проанализированных нами ранее. Как и в случае с речью Милюкова, от государства не последовало внятной реакции, не говоря уже о выработке целостной стратегии по опровержению конкретного фейка и по их принципиальной нейтрализации в будущем.

Теперь можно подвести итоги и сделать некоторые выводы.

1. Новостные фейки на протяжении нескольких веков являются системным средством политической борьбы, применяемом для дискредитации политических оппонентов и для делегитимации политических режимов.

2. Следовательно, можно говорить о традиции использования ложных, сфальсифицированных новостей как допустимого средства в политической борьбе.

3. Основным типом фейковых новостей является контент, компрометирующий моральный облик или управленческие способности конкретных персон, занимающей высокое либо главенствующее положение.

4. Эффективности фальсифицированным новостям добавляет их нарочитая скандальность и неизбежно притягивающая к себе внимание публики.

5. Для достижения необходимого эффекта целевая аудитория должна быть готова воспринять новость как достоверную и интерпретировать ее в необходимом для заинтересованных сил ключе.

6. Основным каналом трансляции фейковой новости в массовое сознание являлись СМИ. Без коих фейковые новости лишились бы значительной доли своей деструктивной политической действенности в силу малого охвата аудитории и низкой скорости распространения.

7. Немаловажную роль в успешности использования фейковых новостей для делегитимации атакуемого политического режима играет ошибочная стратегия власти – она оказывается сугубо реактивной, априори запаздывающей и не оказывающей должного эффекта.

8. В качестве катализатора или даже генератора фейковых политических новостей нередко могут выступать зарубежные политические субъекты, по тем или иным причинам заинтересованные в раскачке внутривнутриполитической ситуации данной страны.

9. Можно сделать вывод о необходимости дальнейшего целенаправленного изучения прошлого и настоящего опыта как самого феномена фейковых политических новостей, так и противодействия им в различных периодах, странах и ситуация с целью выработки опережающей стратегии нейтрализации деструктивного новостного контента.

10. Последнее соображение имеет первостепенную значимость для национальной безопасности и сохранения суверенитета Российского государства с учетом того беспрецедентного внешнего давления, которому подверглось в течение последнего десятилетия и особенно – на протяжении 2022 – начала 2023 гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Афоризмы великих людей. Ришелье // <https://www.liveinternet.ru/users/4779811/post450946163/>.

2. Афоризмы и цитаты Фридриха Великого // https://vk.com/wall-7463178_661926?ysclid=lcokc4ayjd370884779.

3. Байков С.А. Политический скандал как инструмент контроля коммуникационной среды во внутренней политике России в период с 2015 по 2019 год // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 4 (85).

4. Блок М. Короли-чудотворцы. М.: Альма-матер, 2022.

5. Григорян Д.К. Законодательное властно-элитное реагирование на фейк-угрозы национальной безопасности России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 8 (89).

6. Давыдов В.Н., Кинг Ж.А., Мугадам М.М., Зоткина А.Л. Антивирусный индекс безопасности как критерий стабильности государства // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. № 2.

7. Магадиев М.Ф. Государственное управление в сфере информационной политики Российской Федерации в условиях гибридной войны // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 9 (90).

8. Меньшиков П.В. О важности переосмысления подходов к оценке медийного пространства современной мировой политики // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. № 2.

9. Миллюков П.Н. Глупость или измена // <https://diletant.media/articles/37859919/?ysclid=lcraoq2kw944311670>.

10. *Новомбергский Н.* Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России // История печати: Антология. М.: Аспект-Пресс, 2002. Т. 1.
11. *Рассадин А.А., Мартышкин С.А., Шигин М.Д.* Влияние процесса цифровизации на создание фейковой информации в системе международных политических отношений: ретроспективный аспект (на примере дешифровки телеграммы Циммермана, 1917 г.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 12 (93).
12. *Ришелье Ж.-А. дю Плесси.* Мемуары красного герцога. М.: Эксмо, 2014.
13. «Романов царских сервизов не брал» // <https://archive.aif.ru/archive/1654603?ysclid=lcrzk58z1e28194089>.
14. *Рупакова Е.А.* Информационная безопасность и противодействие информационно-психологическому воздействию: Беларусь и Турция // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. № 3.
15. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. М.: Канон-Пресс; Кучково поле, 1998.
16. *Смирнов Е.* Периодическая печать во Франции // История печати. Антология. М.: Аспект-Пресс, 2001. Т. 2.
17. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2020.
18. *Сулейманова Ш.С.* Информационное противоборство и безопасность в современном мире // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 1 (94).
19. *Цзинь Ян.* Рост уровня распространенности политических ботов в современной практике цифровых коммуникаций // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 1 (94).

A.V. GLEBEZDIN

*Postgraduate student of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

NEWS FAKES AS A MEANS OF DESTROYING THE STATE (EXPERIENCE OF RETROSPECTIVE POLITICAL ANALYSIS)

The purpose of this article is to identify the specifics of the generation and impact of fake news on the stability of political regimes in political retrospect. The urgency of addressing this problem is explained by the increased importance of "soft" and "smart power" technologies in destabilizing and delegitimizing states at the latest stage of their political development. The identification of historical prerequisites and the first examples of the use of false news content to achieve political goals is important for understanding the modern logic of the development of political processes. Three characteristic episodes of the use of fake news to delegitimize political regimes were chosen as the source material for the analysis. The mechanisms of the appearance, broadcast and impact of fake news content on society, the consequences for the stability of the state are consistently traced. The role of mass media in spreading false news and their introduction into public consciousness is revealed. As the examples show, in all cases the disseminated news is scandalous and shocking in nature, being aimed at discrediting the moral and professional image of statesmen. Based on the analysis carried out, conclusions are drawn about the existence of a tradition of using fake news in political struggle. The author managed to show the vulnerability of various political systems to discrediting content and the evolution of the structure of fake news depending on the historical and political situation. An important role in the destructive impact of falsified messages is played by the willingness of society to accept them and mistakes in the strategy and tactics of the authorities.

Key words: *political regime, news fake, mass media, mass communications, political.*

С.А. МАКСИМОВА

аспирант кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Санкт-Петербург

ФАНДРАЙЗИНГ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОТИЗМУ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В данной статье рассматривается практика привлечения внебюджетных средств с участием исполнительных органов государственной власти в пользу интересов некоммерческих организаций, опыт которых может быть применим к религиозному некоммерческому сектору. Русская православная церковь в лице учрежденных ею антинаркотических некоммерческих организаций стала значительной частью негосударственной системы противодействия наркомании. Однако успешная реализация антинаркотических программ религиозными НКО объективно предполагает расширение масштаба их применения, что в свою очередь приводит к росту расходов. В случае реализации предлагаемого механизма и заключения договоров о сотрудничестве в социальном и экономическом развитии между исполнительной властью и бизнесом в пользу НКО, такое взаимодействие может повысить эффективность реализации государственной антинаркотической политики в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: *некоммерческая организация, антинаркотическая политика, государственно-конфессиональные отношения, фандрайзинг, Русская православная церковь.*

Точкой отчета развития отношений государственной власти и Русской православной церкви, ставшей значительным политическим институтом в русской истории, считается Крещение Киевской Руси в X веке. На фоне этих изменений произошло также становление церковной общины как своего

рода общественной организации. В то время перед православной церковью, де-юре находившейся в системе Константинопольского Патриархата, но де-факто испытывающей влияние и контроль Киевского государства, стояла задача стать не просто духовной опорой власти, а ее мощной идеологической силой, способной обосновать самодержавие как богом данную возможность обеспечения благополучной мирной жизни. С этой задачей церковь успешно справлялась [13].

После получения самостоятельности от Константинополя и провозглашения автокефалии Русская православная церковь погрузилась в процесс «огосударствления»; государственно-конфессиональные отношения постепенно сплочались, обретая все большее идеологическое влияние на общественные процессы [5]. Формат отношений церкви и государства, наследовавший византийский уклад, называли «симфонией» этих двух институтов. Избрание в конце XVI века патриарха наделило как церковную, так и государственную власть особым статусом и закрепило значимость распространенной тогда идеи «Москва – третий Рим». В тот период, именуемый первым патриаршим и продолжавшийся более века, многие церковные деятели активно вмешивались в дела светской власти, их именовали великими государями и даже иногда считались политическими управленцами. Государственная власть так же делала попытки оказать влияние на выбор церковных руководителей высшего ранга и внутреннюю церковную политику. Некоторые исследователи полагают, что именно в это время оказало значительное влияние на построение русской государственности и выработку особого менталитета населения [1].

Во время правления Петра Великого институт патриаршества был упразднен, что, по мнению приближенных к церкви лиц, только подтверждало силу и значимость церковной власти. Тем не менее, в этот период, называемый Синодальным, православная церковь оказалась в строгой системе управления, подчиненной Священному Синоду, став таким образом зависимым от светской власти государственным департаментом [14].

К началу нарастания революционных тенденций институт патриаршества был восстановлен, чтобы обеспечить сохранение православной церкви как оплота важнейших духовных ценностей. Это решение было принято в период разрушения всей системы государственной власти на заседаниях Поместного собора. Несмотря на трансформацию отношений Русской православной церкви и светской власти в 1917 году, даже после издания Временным правительством постановления о свободе совести, церковь не перестает функционировать, но утрачивает силу значимого института и политического элемента, который в правовом и идеологическом поле может помочь государству более успешно осуществлять государственное строительство. В сложившейся далее политической ситуации идея церковно-государственных отношений не была востребована, как и ее функция

официального идеолога. Актуализация значимости политической связи церкви и власти происходит уже в постсоветский период [7].

В современных условиях можно отметить, что православная церковь является значительной общественной силой, что неразрывно связано с ее особой ролью в политической жизни социума. Сегодня особенно актуальна идея преемственности церковных духовных ценностей для решения многих стоящих перед государством насущных проблем, в том числе противодействие наркотизму [6]. В настоящее время православными некоммерческими организациями осуществляется значительная доля помощи наркозависимым в России. Ежегодно открывается не меньше 10 новых церковных структур, специализирующихся на такой помощи [9].

Одним из важнейших программных документов государственно-конфессионального взаимодействия в антинаркотической сфере является подписанное в декабре 2010 года Соглашение о взаимодействии Государственного антинаркотического комитета и Русской Православной Церкви. Документ нацелен на развитие помощи наркопотребителям под патронажем Церкви. В частности, в рамках Соглашения запланировано создание благотворительного фонда с целью материальной поддержки проводимых антинаркотических мероприятий и оказания услуг наркозависимым при участии Государственного антинаркотического комитета. Во исполнении этого проекта сформирован фонд святого праведного Иоанна Кронштадтского. В рамках совместной работы также предполагается расширение успешных практик и программ борьбы с наркоманией на федеральном и на региональном уровнях. На сегодняшний день церковные антинаркотические организации де-юре объединены в общецерковную систему в сфере противодействия немедицинскому потреблению наркотиков, координация которой осуществляется при помощи разработанной электронной системы [10].

Для эффективной реализации деятельности по противодействию наркотизму государство может использовать потенциал гражданского общества и Русской Православной Церкви, являющейся учредителем религиозных НКО. Это может способствовать созданию общероссийской системы медико-социальной помощи наркоманам и дальнейшей их реинтеграции в общество. Кроме того, есть возможность повысить результативность механизма государственной поддержки общественным и религиозным организациям, эффективно занимающимся антинаркотической деятельностью.

Важно отметить, что само по себе пребывание в храме или монастыре не является реабилитацией, это долгая кропотливая работа по установленной схеме, включающей в себя следующие этапы: первичное консультирование, дезинтоксикацию, мотивационный период, основной период реабилитации, ресоциализацию, постреабилитационное сопровождение, работу с родственниками и близкими. После обращения в религиозную некоммерческую организацию антинаркотического профиля и завершения

дезинтоксикации наркозависимый в течение двух-трех месяцев проходит мотивационный период. В этом вопросе церковь проводит активную политику взаимодействия с органами власти, больницами, анонимными группами. Далее наркоман в период от полугода и вплоть до двух лет проходит основную часть реабилитации в церковном центре или в монашеской общине в условиях полной изоляции. По окончании этого этапа наступает ресоциализация и реинтергация в общество, длящаяся от трех месяцев до полугода. Как правило, реабилитанты проходят этот этап в специальных общежитиях, называемых адаптационными квартирами, начинают активно решать вопросы с обучением и трудоустройством, восстанавливают утраченные документы, налаживают связи с родственниками [8].

Совокупность ресурсов, находящихся в обороте религиозных НКО, способствует успешному реабилитационному процессу. Это не только оборудование и большое число задействованных специалистов, но и значительное количество недвижимости для размещения реабилитантов, упорядоченная схема общецерковного взаимодействия в деле профилактики наркотизма, а также эффективная интеграция 12-шаговой программы в систему церковных общехристианских ценностей. По мнению церковных служащих, одно из главных преимуществ церковной системы реабилитации – это доверие граждан к системе православного учения, ведь церковные НКО принципиально не осуществляют помощь в принудительном порядке, церковные программы реабилитации исходят из принципа добровольности и уважения достоинства человека, проходящего путь отказа от наркотических средств.

Одной из наиболее острых проблем НКО – финансовое обеспечение разрабатываемых проектов и общественно-полезных программ. В поисках необходимых ресурсов организации некоммерческого сектора прибегают к использованию механизма фандрайзинга. Эта система возникла в Соединенных штатах Америки в 80-е годы XX века, когда некоммерческие организации и весь «третий» сектор испытывали последствия финансового коллапса. Тогда государственное обеспечение проектов социальной сферы было затруднено, в связи с чем НКО сами стали искать источники финансирования. И до сих пор руководители американских НКО находят в фандрайзиге путь к решению многих социальных проблем. В России этот механизм получил распространение в 1990-е годы и был связан с развитием благотворительности. Сегодня становление и развитие фандрайзинга в России как формы привлечения средств актуализируется [4].

В России зачастую именуют фандрайзингом проведение различных социально ориентированных акций и благотворительных сборов, однако точнее будет определить это понятие как систему действий, обладающую четко определенными целями и задачами, направленную на привлечение безвозмездных ресурсов, в которых нуждается некоммерческая организация в целях реализации общественно значимых проектов Фандрайзинг

предполагает сотрудничество НКО с бизнес-структурами и с частными лицами и различается по способу осуществления на внешний и внутренний, а по целевой направленности на проектный и оперативный. Внешний фандрайзинг осуществляется при помощи внешних посреднических структур, внутренний – силами самой некоммерческой организации. Проектный фандрайзинг привлекает средства на конкретный проект, оперативный – на повседневные нужды для осуществление основной деятельности НКО [15].

Говоря о фандрайзинге, следует отличать его от других видов внешней помощи, оказываемой НКО, таких как спонсорство, патронаж, меценатство, инвестирование. Спонсорство – обмен ресурсами на основе взаимной выгоды, взамен предоставления средств НКО бизнес-структуры получают рекламу, направленную на стимулирование сбыта, и репутационную поддержку своей торговой марки. Патронаж – это спонсорство на долгосрочной основе, основанное получении коммерческими организациями взамен финансовой поддержки НКО прав управления некоммерческой структурой. Меценатство как ресурсная поддержка просветительных мероприятий в социальной сфере и сфере здравоохранения реализуется крайне редко, основной упор делается на содействие искусству и культуре. Фандрайзинг также отличается от инвестирования, предполагающего получение бизнесом прибыли от вложенных средств. Некоммерческие проекты направлены на улучшение жизни людей и решение социально значимых вопросов, прибыль в денежной форме не является ее основной задачей [2].

Отношения с бизнес-сообществом среди организаций «третьего» сектора строятся на основе личных связях, а среди населения пожертвования и благотворительные взносы не распространены и редко поддерживаются в связи с отсутствием доверия к некоммерческой деятельности. В условиях недоверия к некоторым малоизвестным НКО со стороны населения и коммерческого сектора, толчком к развитию фандрайзинга может стать поддержка территориальных исполнительных органов государственной власти в части привлечения бизнеса к оказанию финансовой помощи НКО. При этом стоит отметить, что в этом случае речь идет не о государственно-частном партнерстве, в котором государство и бизнес объединяют ресурсы и разделяют риск в целях реализации инфраструктурных проектов [11]. Как и в случае инвестирования бизнес не сможет заработать деньги на некоммерческих проектах.

В процессе фандрайзинга могут участвовать и органы власти в случае обращения некоммерческих организаций (православных НКО в частности) за помощью в сборе средств на реализацию социально полезных программ. Роль религиозных НКО заключается в инициировании сбора средств, а роль исполнительных органов государственной власти – в посредничестве между НКО и бизнесом, что является специфической формой государственной

поддержки НКО с той лишь разницей, что деньги в этом случае предоставляет бизнес, а не государственный бюджет. Стоит отметить, что государственные органы не распределяют средства коммерческих структур, они перечисляются НКО напрямую. Бизнес в свою очередь получает возможность удостовериться в том, что конкретное НКО выполняет задачи в русле государственной политики и реализует действительно значимые проекты.

Существующая в Санкт-Петербурге практика привлечения внебюджетных средств с участием исполнительных органов государственной власти универсальна и может быть применима любыми НКО, в том числе правозащитной направленности, занимающимися проблемными вопросами антинаркотической сферы. В 1990-е годы Администрация Калининского района Санкт-Петербурга в рамках предоставленных полномочий и ответственности в части социально-экономического развития территории активно осуществляла работу по привлечению внебюджетных средств [16]. Формой данной работы явились договора о сотрудничестве между Администрацией и юридическими лицами – представителями малого, среднего и крупного бизнеса, которые осуществляли свою деятельность на территории района. Содержание договоров предполагало: со стороны Администрации – оказание содействия бизнес-деятельности в рамках полномочий Администрации; со стороны бизнеса – выделение финансовой, материальной и технической помощи государственным учреждениям, общественным организациям, государственным структурам федерального подчинения, некоммерческим организациям в условия жесткого дефицита бюджетного финансирования.

Примерами такого взаимодействия явились следующие:

- выделение средств общественной организации «Районная организация Общества Красного Креста» на содержание пункта бесплатного питания малоимущим гражданам района и реализации проекта по направлению детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на обучение в школу-интернат Российского Общества Красного Креста в г. Иваново за счет средств предприятий малого бизнеса;
- выделение средств государственному учреждению «Детский дом ребенка № 3» по оказанию услуг по медицинской реабилитации детей-сирот за счет средств предприятий малого бизнеса;
- выделение средств государственному учреждению «Общеобразовательная школа № 89» для пошива школьной формы для учащихся 1-11 классов за счет средств предприятий малого бизнеса;
- проведение работ по установке памятника жертвам радиационных катастроф в парке академика Сахарова инвестором за счет обязательств перед бюджетом Санкт-Петербурга в части разовых финансовых отчислений.

В заключение представляется целесообразным еще раз подчеркнуть, что подобное сотрудничество с территориальными органами власти Санкт-Петербурга могут осуществлять и религиозные НКО. Такое государственно-конфессиональное взаимодействие может повысить эффективность выполнения антинаркотическими НКО Санкт-Петербурга своих программ. В дальнейшем практику участия бизнеса в поддержке наиболее успешных проектов некоммерческого сектора можно будет расширить, что будет способствовать улучшению наркоситуации в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алексеев А.В.* Исторический аспект церковно-государственных взаимоотношений в России // *Власть*. 2012. № 9 // <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-aspekt-tserkovno-gosudarstvennyh-vzaimootnosheniy-v-rossii>.

2. *Артемова Т.В., Тульчинский Г.Л.* Фандрайзинг: привлечение средств на проекты и программы в сфере культуры и образования: учебное пособие. СПб.: Издательство «Лань»; «Издательство Планета музыки», 2010.

3. *Будникова А.Б.* К вопросу об увеличении размера административного штрафа, предусмотренного за потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача // *Евразийский юридический журнал*. 2021. № 10 (161).

4. *Гуджеджигани Е.Г.* Социальное предпринимательство и фандрайзинг в российских НКО // *Бизнес-образование в экономике знаний*. 2020. № 1 (15) // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-predprinimatelstvo-i-fandrayzing-v-rossiyskih-nko>.

5. *Зуев Ю.П.* К истории государственно-конфессиональных отношений в России // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2009. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-gosudarstvenno-konfessionalnyh-otnosheniy-v-rossii>.

6. *Лановая Г.М.* Церковно-государственные отношения: идея и политико-правовая реальность // *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*. 2019. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/tserkovno-gosudarstvennyye-otnosheniya-ideya-i-politiko-pravovaya-realnost>.

7. *Лещенко И.И.* Теория «симфонии властей» – опора русской национальной идеи (история преемственности) // *Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Международные Лихачевские научные чтения, 14-15 мая 2009 г.* / науч. ред. А.С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2009.

8. *Методология социальной реабилитации наркозависимых в церковной общине* / Епископ Каменский и Камышловский Мефодий, Р.И. Прищенко, Е.Е. Рыдалевская. М., 2021.

9. Мoiseeva В.В., Позднякова М.Е. Может ли религия противодействовать наркотизации молодежи // Мониторинг. 2007. № 4 (84) // <https://cyberleninka.ru/article/n/mozhet-li-religiya-protivodeystvovat-narkotizatsii-molodezhi>.

10. Официальный сайт Московского Патриархата // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1345742.html>.

11. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 23.12.2003 № 128 «Об администрациях районов Санкт-Петербурга» (с изменениями и дополнениями).

12. Полийчук А.С. Легализация доходов в части неформальной экономики России: критический анализ и меры противодействия // Дискуссия. 2022. № 2 (111).

13. Сапожников В.Ю. Православная церковь и нравственные ценности в современном мире // Молодой ученый. 2017. № 51 (185) // <https://moluch.ru/archive/185/47442/>.

14. Самойловский А.Л. Русская Православная Церковь в эпоху реформ Петра Великого // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 4 (25) // <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pravoslavnaia-tserkov-v-epohu-reform-petra-velikogo>.

15. Торопова А.И., Домнина А.И., Иванова Д.С., Ротанова В.А. Фандрайзинг – метод привлечения средств некоммерческих организаций // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 4 // <https://web.snauka.ru/issues/2017/04/80912>.

16. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Пункт 3.

S.A. MAXIMOVA

Postgraduate student

Faculty of Public and Municipal Administration

Department of State and Municipal Administration

Northwest Institute of Management Branch of the Russian Academy

of National Economy and Public Administration,

Saint-Petersburg, Russia

FUNDRAISING IN THE FIELD OF COUNTERING DRUG ADDICTION IN THE SYSTEM OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

This article examines the practice of attracting extra-budgetary funds with the participation of executive bodies of state power in favor of the interests of non-profit organizations whose experience can be applied to the religious non-profit sector. The Russian Orthodox Church, represented by the anti-drug non-profit organizations established by it, has become a significant part of the non-state system of countering drug addiction. However, the successful implementation of anti-drug programs by religious NGOs objectively implies an expansion of the scale of their use, which in turn leads to an increase in costs. In the case of the implementation of the proposed mechanism and the conclusion of agreements on cooperation in social and economic development between the executive and business in favor of NGOs, such interaction can increase the effectiveness of the implementation of the state anti-drug policy in St. Petersburg.

Key words: *non-profit organization, anti-drug policy, state-confessional relations, fundraising, Russian Orthodox Church.*

М.В. АФОНИН

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой прав человека Российского
государственного социального университета,
Россия, г. Москва*

С.А. КУДРЯВЦЕВ

*аспирант кафедры политологии и прикладной
политической работы Российского государственного
социального университета,
Россия, г. Москва*

А.Л. КРИВОВА

*преподаватель кафедры прав человека
Российского государственного социального
университета, Россия, г. Москва*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ПОЛИТИКА

В данной статье рассматривается проблема кризиса взаимоотношений общества и природы. Статья носит междисциплинарный характер, написана на стыке экологии и социальных наук. Предметом исследования является анализ стандарта ISO 50001, представляющего собой свод требований к системам энергоменеджмента организаций любой отрасли. Значительное внимание уделено количеству сертификатов природопользования в Российской Федерации и тому, как они реализуются на практике.

Ключевые слова: экология, политика, антропогенное воздействие, индустриализация, ISO.

M.V. AFONIN

*PhD in Law, Associate professor,
Head of Department of Human rights
Russian State Social University
Moscow, Russia*

S.A. KUDRYAVTSEV

*Postgraduate student of Department of Political
science and applied political work
Russian State Social University
Moscow, Russia*

A.L. KRIVOVA

*Lecturer of Department of Human rights
Russian State Social University
Moscow, Russia*

ENVIRONMENTAL RESTRICTIONS AND POLITICS

This article deals with the problem of the crisis in the relationship between society and nature. The paper is interdisciplinary in nature, written at the turn of ecology and social sciences. The subject matter of the study is the analysis of the ISO 50001 standard, which is a set of requirements for energy management systems of organizations of any industry. Considerable attention is paid to the number of environmental management certificates in the Russian Federation and how they are implemented in practice.

Key words: *ecology, anthropogenic impacts, industrialization, ISO.*

The increase in the world's population and the development of industrialization, the increase in energy consumption and the volume of anthropogenic environmental pollution over the past decades have led to significant environmental and climatic changes that have become obvious, have already caused concern in all countries of the world, and have become the subject of serious discussions in scientific and political circles. The joint development of appropriate measures has become the most important challenge for all mankind in our time.

Depletion of mineral reserves, lack of energy and food, air pollution, global climate change, melting of glaciers, flooding of coastal areas, "reduction and destruction of forests, soil erosion, expansion of deserts, drying lakes, reduction of groundwater reserves, the threat of extinction of existing species of animals and plants, the emergence of new landfills for toxic waste and poisoning of groundwater by them, global climate change, rising sea levels, erosion of the ozone layer of the atmosphere – all these are realities that threaten life on Earth [1. P. 122]." Climatic cataclysms are also one of the causes of population migration.

The crisis in the relationship between society and nature was one of the subjects of research by the famous American systemologist Jay Forrester, who developed a multifactorial dynamic model of interaction between society and

nature back in the 1970s. The scientist came to the conclusion that if humanity does not curb the growth of its negative impact on nature, it will receive an adequate response from nature – the quality of life and the population will begin to fall very dramatically rapidly until a certain equilibrium is established, and these events may take place already in the 21st century. There were other serious scientific studies in the field of environmental and social forecasting, as a result, international representative events with an environmental agenda began to be held (including under the auspices of the UN); international organizations began to develop global measures to reduce the impact of human activities on the environment.

In 1996, the International Organization for Standardization (ISO) issued the first international environmental management standard ISO 14001, as a tool for improving the environmental performance of organizations, ensuring compliance with legal requirements for environmental protection, reducing pollution and limiting significant risks, encouraging organizations to continuously improve in this regard. The ISO 14001 standard forces organizations to identify their negative impact on the environment – to identify environmental aspects and reduce their impact. Failure to comply with these requirements (exceeding the maximum permissible concentrations of emissions, discharges, etc.) according to the current Russian legislation entails fines. The ISO 14001 standard also encourages organizations to improve the environmental characteristics of their products and services.

In 2011, the ISO organization issued the ISO 50001 standard, which is a set of requirements for energy management systems of organizations of any industry and of any size. In his speech, ISO Secretary General Rob Steele stressed the importance of the new energy management standard for organizations and the environment, stating that energy is no longer just a technical material, but becomes a subject of management. This standard has been developed by ISO since 2008 by experts from 44 countries. The implementation of ISO 50001 requirements gives enterprises the following advantages:

1. Cost reduction due to the systematic introduction of lean approaches to energy use and the gradual transition to more energy-efficient equipment. The increasing costs of purchasing energy carriers in almost all companies have the potential to reduce energy consumption.

2. Reducing the negative impact on the environment. Effective energy management is an important element that can make a significant contribution to reducing greenhouse gas emissions.

3. Sustainable development. The efficiency of the use of resources, and especially energy, is one of the most discussed issues of recent times. The reserves of fossil fuels are not infinite. Effective energy management, innovative energy technologies will be the key to successful work in the market in the future.

4. Image improvement. By certifying their energy management system, companies reliably show society that they care about energy efficiency and environmental protection. Currently, in Europe, meeting the requirements for respect for the environment is an integral part of the activities of any enterprise. As an example, purchases can be made only from companies that confirm their image in the field of ecology and resource conservation. In Russia, even organizations that produce energy (nuclear power stations that are part of the Rosenergoatom Concern), extract energy resources (Gazprom, Rosneft, Lukoil) and transport them (Transneft), energy-intensive production enterprises (Novolipetsk Metallurgical Combine, Vyksa Metallurgical Plant) have been implemented and certified their management systems for compliance with the requirements of ISO 50001, besides a number of other large and medium-sized enterprises.

5. Use of financial incentives. Since January 2009, large energy consumers in Germany and other countries have been receiving financial incentives under the scheme through the Renewable Energy Sources Act (EEG) if they have implemented an energy management system. A similar scheme is beginning to operate in Kazakhstan. In the Russian Federation, the issue is under discussion.

Both ISO 50001 and ISO 14001 standards are suitable for any organization, regardless of its size, sector or geographical location, forcing organizations to build their policies on active environmental management and document their environmental activities. To date, more than 300,000 organizations around the world have been certified according to ISO 14001; less according to ISO 50001, but the situation is developing. Organizations are certified according to these standards, as well as social responsibility management standards, in order to meet the criteria of tenders for the import of their goods and services (increasing competitiveness), demonstrate a high level of responsibility and improve their image (both on domestic and international markets) in order to increase the value of their shares or attract investors.

The international standard ISO 14064-1 has also been developed, which establishes the basic principles and requirements for the quantification and reporting of greenhouse gas emissions and disposal at the organization level. The specification includes requirements for the preparation, development, control, reporting and verification of the organization's greenhouse gas registry.

It should be noted that the dynamics of the growth in the number of certifications according to the above standards in Russia lags behind developed countries.

In 2019, Russia joined the Paris Climate Agreement, which has been in force since 2015 and implies reducing greenhouse gas emissions and allocating certain financing to developing countries to solve environmental problems. In November 2020, the President of the Russian Federation V. Putin issued Decree No. 666 "On reducing greenhouse gas emissions." In the development of this work, the Decree of the Government of the Russian Federation No. 3052-r of October 29, 2021 approved the "Strategy of socio-economic development of Russia with low

greenhouse gas emissions until 2050", according to which Russia aims to achieve the carbon neutrality by 2060 with sustainable economic development.

In the last 10 years, the environmental agenda has begun to occupy a significant place in social discourse and in political negotiations. International climate conferences are held, including under the auspices of the UN. Representatives of Western business and political elites are calling for the development of alternative renewable (more environmentally friendly) energy sources and electric transport. Colossal resources are being spent in the world to curb the growth of greenhouse gas concentrations in the atmosphere, but it is clear from the 6th assessment report of the Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) that the cumulative result of all these efforts is not yet sufficient to achieve the stated goals. According to Andrey Melnichenko, co-chairman of the RSPP Coordination Council for Sustainable Development, who worked at the 27th UN Climate Conference in November 2022, "the efforts needed to reduce emissions in some territories differ significantly in content and costs from those efforts needed in other territories to achieve the same effect. In other words, the economic models on which the competitiveness of some countries is now based will be in question. Moreover, global competitiveness will change. And this is a very serious question. After all, as we well know, geo-economics determines geopolitics, and the leading players in geopolitics are able to formulate and defend their sovereign interests," "even more acute than now will be the discussion that the burden of costs for overall emissions reduction is disproportionately distributed among countries [5]."

The development of renewable energy sources (sunlight, wind, rain, tides, waves and geothermal heat) in terms of volumes is not yet able to replace the use of non-ecological fossil and combustible energy sources. One of the ways out in our time may be the expansion of the use of the "peaceful atom". In an interview in November 2022, the head of Rosatom, Alexey Likhachyov, expressed himself as follows: "the nuclear industry was not only the carrier of a real, but not a declarative approach to improving the planet. The global nuclear industry, at least for this minute, is still a certain bond of common sense, even though our planet is torn according to different principles: Europe-Asia, North-South, the collective West and not the collective West [4]." Against the background of an unprecedented large volume of economic sanctions, Rosatom continues to maintain scientific and commercial ties with Western partners. However, as for other energy carriers, the "collective West" is discussing the rejection of oil and gas imports from Russia and a return to the use of much less environmentally friendly coal in Europe, which most likely will not allow achieving the goal of preventing global warming of 2 °C by 2100. Thus, international policy decisions play a key role in the fight to reduce anthropogenic and man-made pollution emissions.

By itself, the process of solving the common task of saving humanity from a climate catastrophe can cause risks of additional confrontation between

countries. The way out should be sought in the development of common international approaches, joint scientific environmental and humanitarian initiatives. It is necessary to intensify joint activities within the framework of international scientific environmental centers for the development of technologies that contribute to the compensation of pollution by self-cleaning of the environment. Perhaps, as a result of this kind of scientific research and development, the effective technological solutions for the environment will be found, which the world does not yet know in our time. More attention should be paid to the effective work of international funds to finance projects to clean up the planet and recycle waste and pollution. At the same time, the current geopolitical and economic controversies between the countries with the largest amounts of CO₂ emissions (for example, between the United States and China) slow down cooperation to solve the common existential problem of survival on the planet in perspective.

The pollution of the planet is the result of the growth of industrialization and globalization, respectively, and effective recovery solutions can be the result of global peaceful interactions between countries. The later the politicians begin to reach appropriate agreements, the greater will be the scale of the general international environmental problems, which are already developing into humanitarian ones with the increasing speed.

REFERENCES:

1. *Feldblum V.S.* Towards the general economic theory through the interaction of sciences. Printing House of Yaroslavl State Technical University, 1995.
2. *Goudie A.S.* Human Impact on the Natural Environment / Andrew S. Goudie // Wiley. 2018.
3. *Krut R.* ISO 14001. A Missed Opportunity for Sustainable Global Industrial Development / Krut R., Gleckman H. // Taylor & Francis. 2016.
4. Likhachyov called the nuclear industry a global staple of common sense // Lenta.ru. 11.21.2022 // <https://lenta.ru/news/2022/11/21/smisl/>.
5. *Melnichenko A.* New approaches for saving humanity from a climate catastrophe // RBC. 11.21.2022 // https://www.rbc.ru/opinions/business/21/11/2022/6377df599a7947ce4b23c40d?from=column_1.
6. *Springer I.* Globalization and Standards. Issues and Challenges in Indian Business / Das K. // Springer India. 2019.

Д.А. ФОМИН

аспирант кафедры
политологии и этнополитики РАНХиГС
при Президенте РФ, Россия, г. Москва

Д.К. ГРИГОРЯН

кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и этнополитики
РАНХиГС при Президенте РФ; доцент кафедры криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического
института МВД России, Россия, г. Ростов-на-Дону

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена исследованию процесса институционализации социальной ответственности бизнеса в современном российском обществе как важнейшего фактора политического процесса на уровне укрепления гражданского общества. В центре находится проблема поиска оптимального режима координирования взаимодействия субъектов экономической деятельности (на региональном уровне и на уровне государства в целом) и общественных, социальных, политических структур и объединений. Глубокий социокультурный кризис рубежа веков отразился на формировании идеологии бизнес-сообщества. Преодоление его негативных последствий в современных условиях внешнего давления на политическую и экономическую систему страны является абсолютно необходимым условием эффективного и устойчивого развития общества. Восстановление исконных традиций российского предпринимательства, закрепление и формализация социальных ориентиров хозяйственной деятельности и ценностных установок регуляции и координации деятельности рассматриваются как ключевые этапы становления обновленного института социальной ответственности бизнеса. Как категория политологического анализа социальная ответственность бизнеса объясняет механизм укрепления гражданского общества и в этом качестве выступает фактором политической стабильности и эффективности сложившейся модели управления, а также реализации долгосрочной стратегии устойчивого развития государства и качественного повышения его конкурентоспособности

в противоречивом контексте мировой разбалансированной экономической коммуникации. Социально ответственное поведение деловой элиты страны позволяет преодолеть издержки насильственного экспорта неолиберальной установки профессиональной идентичности экономических субъектов, а также укрепляет социальный, человеческий капитал в условиях внешних вызовов и рисков, требующих концентрации и мобилизации общественных ресурсов.

Методология исследования социальной ответственности бизнеса как института гражданского общества опирается как на традицию исследования институтов и институциональных процессов в обществе, так и на рефлексию кризисных и транзитивных моделей социально-политического развития. Социально-ориентированная экономическая деятельность является предпосылкой новой «политической философии» в российском обществе, адекватно реагирующей на фундаментальный запрос времени и гражданского самосознания: общее благо есть ценность и цель, создающая почву для индивидуального успеха.

Ключевые слова: *социальная ответственность, бизнес-сообщество, гражданское общество, институты, социокультурный кризис, политическая стабильность.*

В настоящее время наше государство переживает один из самых драматичных периодов своей новейшей истории. Внешние угрозы и вызовы стабильности и устойчивости российской государственности и всех сфер жизнедеятельности общества таковы, что только укрепление внутренних интегрирующих факторов социальной и культурной динамики, политических процессов могут стать условием эффективного противодействия и снижения возрастающих рисков. К числу таких факторов относится социально ответственное поведение отечественного бизнес-сообщества.

Обращение к данной теме в последние годы в контексте социально-политических, экономических и культурологических исследований закономерно выражает собой процесс интенсивного осмысления сущности эволюции российского общества в постпереходный период, наступивший после 2000-х годов. Социальная катастрофа и культурный шок, которые страна пережила в 1990-е, оставили, несомненно, глубокий след на всех ключевых институтах и структурах. А, главное, привели фактически к полной дисфункции гражданского общества и его ключевых институтов как основы устойчивого развития. Формирование определенной либеральной идеологии после разрушения советского типа производственных отношений опиралось на прямо заимствованные из англосаксонского опыта принципы формирования макроэкономической модели функционирования. Как известно, цель, смысл и основные ценности такой идеологии,

ее внутренняя рациональность и способы реализации носили во многом антисоциальный характер. Получение прибыли и сверхдоходов входило в противоречие с необходимостью сохранения важнейших социальных направлений деятельности государства. В тоже время масштабный социокультурный кризис рубежа веков привел к активизации поиска альтернативных моделей социальной коммуникации (помимо или в обход официальных государственных структур и тех каналов, которые еще по инерции с советского времени сохраняли свое значение). Без укрепления социальной ответственности делового сообщества страны и обязательного государственного содействия в институционализации данной формы координации взаимодействия бизнеса и общества, бизнеса и власти, будет увеличиваться доля указанных альтернативных моделей, и, следовательно, становление обновленной платформы гражданского общества будет наталкиваться на сопротивление со стороны самих социальных субъектов. Если это противоречие рассматривать как фактор политического процесса в современном российском обществе, то несомненно, он требует не просто концептуализации, но и критического осмысления как причина возможной социально-политической нестабильности.

Главная проблема, игнорирование которой со стороны основных социальных и политических субъектов ставило под угрозу существование самой российской государственности и национальной цивилизационной традиции, заключается в том, что формирование рыночных отношений через поддержку института конкуренции и стремление вписаться в тренд глобализации любыми средствами привело к девальвации опыта гражданского самосознания хозяйствующих субъектов. Если бизнес-сообщество ответственно только перед невидимыми законами рынками и способствует лишь воспроизводству механизмов извлечения максимальной прибыли, то процесс постепенного укрепления социальной сферы, восстановление элементарного правового порядка, соблюдение норм и требований экологической безопасности [4] и преодоление общего нигилизма и коммуникативного экстремизма будут представлять собой тормозящие факторы, барьеры для роста деловой активности широких слоев населения (особенно в отдаленных регионах страны). Заинтересованность государства в здоровом бизнес-климате, особенно на региональном уровне (с учетом влияния еще советского наследия зонального географического районирования производственных секторов, асимметричной концентрации предприятий в т.н. моногородах и пр.), нередко оставалась лишь декларативным рамочным ожиданием обратной реакции со стороны крупных рыночных субъектов (как пример, инвестиционные программы крупных корпораций). Еще несколько лет назад остро стояла проблема общей профессиональной культуры ведения бизнеса в стране и формирования модели ответственного поведения в принципе (включающего не только социально значимые

параметры, но и искомые экономические мотивы и цели деятельности). Стратегия устойчивого развития как долгосрочная общегосударственная программа и как фундаментальная задача всего общества предполагает выработку нормативной и структурной основы *прогнозируемого* поведения различных социально-экономических и политических субъектов. Социально-ответственное поведение в случае его практической реализации как раз и представляет собой важнейший сегмент институционализации таких каналов обратной связи общества и государства, которые позволяют в политической деятельности и проектировании повышать долю *стратегической* целесообразности.

По этой причине актуальным предметом политологического анализа является изучение социальной ответственности бизнеса с точки зрения укрепления гражданского общества, что в совокупности создает благоприятную почву и для развития экономики, и для формирования институциональной платформы устойчивого развития российского государства, снижения влияния внутренних и внешних дестабилизирующих факторов. Главная гипотеза, которую попытаемся обосновать в рамках данной статьи, может быть сформулирована следующим образом: *социально ответственное поведение бизнеса в современном российском обществе само является ключевым институтом гражданского общества*. Его становление связано, с одной стороны, с опытом зрелого гражданского самосознания хозяйствующих субъектов (как индивидуальных, так и коллективных корпоративных), с другой, с обеспечением со стороны государства такого структурно-функционального распределения социальной нагрузки между административными и экономическими органами и объединениями, которое будет создавать возможно *оптимальный* режим, баланс между реализацией сугубо экономических интересов и обеспечением социально, культурно, коммуникативно ориентированного целеопределения деятельности.

Развитие и укрепление данных двух составляющих соответствует также и исторической традиции российских купцов, промышленников и крестьянства. Практика социальной помощи, милосердия, различных гражданских инициатив в области поддержки отдельных социальных групп населения (болящие, малоимущие, старшее поколение, осужденные и т.д.) в дореволюционной России составляла важнейший элемент самоопределения участников хозяйственной деятельности [12; 11; 13; 10; 6; 7]. Социальная ответственность выступала важнейшей категорией профессиональной компетентности и общей нравственной культуры российской деловой элиты в прошлом. По нашему мнению, возрождение лучших компонентов данной исторической традиции должно составлять важнейший сегмент становления гражданской идентичности в современной бизнес-среде.

Опыт становления гражданского самосознания у представителей деловых кругов в стране, по всей видимости, неверно интерпретировать только

как процесс преодоления экономического (корпоративного, отраслевого, регионального и пр.) эгоизма. По мнению ряда современных исследователей, определенная доля такого эгоизма должна сохраняться как необходимое звено в стратегии получения дохода, которая с чисто экономической точки зрения остается ключевым показателем деятельности той или иной компании. Формирование гражданского самосознания бизнеса предлагается рассматривать как гармоничное разумное сочетание социального инвестирования и экономического проектирования [16; 14; 5]. Важнейшим элементом такого самосознания выступает система «общих» или «разделяемых» ценностей (общих для бизнеса, власти и общества) [1; 16].

Опираясь на исследовательскую традицию процессов социально-политической институционализации в обществе [2. С. 537; 3; 19; 20. С. 84; 21. С. 10; 27. С. 1180], а также на сложившиеся концептуально-методологические грани понятия «институт», можно интегрально говорить о том, что социальная ответственность бизнеса как институт гражданского общества представляет собой исторически обусловленную систему формализованных и неформализованных правил и норм, детерминирующих такую модель хозяйственного и социального поведения представителей бизнеса, в которой имманентно заложена координация ценностей и целей государства, общества, региона и экономического субъекта. Так, например, по определению Д. Норга, институт есть свод «правил игры», ограничивающий свободу публичного поведения и интеракции и структурирующий социально-политическое взаимодействие [8. С. 17; 9. С. 73].

Говоря о социально ориентированной и социально ответственной деятельности отечественного бизнеса как института гражданского общества, следует отметить следующие основные функции данного вида института:

- структурирующая взаимодействие бизнес-сообщества (крупного бизнеса, среднего и малого с государственными и общественными организациями);

- информационная, благодаря которой обмен данными между деловыми кругами и общественными структурами становится более отлаженным и эффективным, своевременным и востребованным;

- этическая функция. Ее суть заключается в формировании определенного нравственного кодекса бизнеса, отвечающего сложившемуся в конкретном регионе культурно-историческим, этноконфессиональным, духовно-символическим и иным смыслам и ценностям;

- регулирующая взаимодействие бизнес-сообщества и иных институтов гражданского общества, в случае нарушения правил и норм социально ответственного поведения сигнализирующая о нарушении определенных формальных границ;

- модернизационная функция, связанная с определением наиболее оптимальных режимов ведения хозяйства, реализация которых укрепляет в том

числе экологическую безопасность региона или страны в целом, а также способствует более активному социальному инвестированию (оно может выражаться в участии в крупных инфраструктурных проектах, программах энергосбережения и т. п.);

– творческая функция, смысл и содержание которой заключается в выработке почвы нового типа мышления и публичной коммуникативной практики – социально ответственного мышления и социально ориентированной стратегии общения;

– адаптивная функция, связанная с удовлетворением возникающих общественных запросов в той или иной политической ситуации, а также способствующая перераспределению ответственности в случае наличия издержек производства (экологических, возникающих как следствие нарушения режима контроля системы охраны труда на производственных объектах и пр.).

Благодаря данной функциональной нагрузке (перечень ее компонентов можно расширить) социальная ответственность бизнеса в современном российском обществе постепенно институционализируется и переходит с уровня желательного (добровольного) образа поведения, регулируемого только ценностными установками экономических субъектов, на уровень высокоорганизованного взаимодействия представителей разных социальных и политических групп. В соответствии с существующей традицией изучения процесса институционализации социальной ответственности бизнеса можно говорить об определенных параметрах данного процесса [15; 17; 18; 22; 23; 24; 25; 26]. Институционально определяемыми чертами становятся как раз прозрачность ведения бизнеса и его информационная доступность. Результатом чего становится самоопределение хозяйствующих субъектов в качестве также и субъектов гражданско-правового и политического сознания и деятельности. Устойчивость такого самоопределения достигается внутренними регуляторами – механизмом достижения равновесного баланса ценностей, интересов как государства, общества, так и бизнеса. Только такие внутренние основания регуляции способствуют действительно устойчивому функционированию гражданского общества в целом в нашей стране и преодолению сложившейся еще в 1990-е годы диссонирующей практики антисоциального вектора ведения бизнеса.

Конечно, огромную роль в институционализации социальной ответственности бизнеса играет само государство. Только оно может выстраивать механизм дополнительной стимуляции тех видов деятельности или отдельных деловых практик, проектов, которые одновременно представляют собой социально-емкий процесс, способствуют приумножению человеческого капитала и его последующему использованию в модернизации экономики. Как категория политологического анализа институт социальной ответственности бизнеса раскрывает общее направление эволюции

социально-экономической основы жизни общества, в том числе латентный процесс интеграции российского государства в общемировое культурное и коммуникативное пространство: преодоление негативных издержек глобализации возможно именно через конвертацию культурной составляющей повседневной хозяйственной деятельности больших и малых социальных групп, региональных деловых элит, отдельных субъектов, не только в привычные формы капитала, но и в важнейший ресурс политической активности зрелого суверенного гражданского общества. Большую роль в данном процессе играют и новейшие сетевые типы информационной коммуникации, доля которых в последние годы кратко возросла и продолжает увеличивать свое «присутствие» как в различных сегментах рынка, так и в публичном пространстве.

Сложившаяся на сегодняшний день система правового регламентирования данной модели ведения бизнеса еще недостаточно полна и явно нуждается в дальнейшем совершенствовании. Практика принуждения должна органично сочетаться с внутренним стимулированием и выработкой собственных системных координат конвертации аксиологических и общекультурных паттернов и проектов в экономически выгодные и эффективные правила. Социально ответственное поведение бизнес-сообщества не должно быть лишь внешним императивом, требованием со стороны общества. Осознание необходимости такой конвертации должно коррелировать с поиском инновационных моделей производства, торговли, развития инфраструктурных сетей, созданием наукоемких кластеров и т.д. Бизнес-структуры сами должны стать агентами гражданского общества и способствовать установлению оптимального режима функционирования его основных институтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Благов Ю.Е.* Эволюция концепции КСО и теория стратегического управления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Менеджмент». 2011. Вып. 1.
2. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. *Веблен Т.* Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2006.
4. *Григорян Д.К., Крицкая А.А.* Политическая элита в контексте обеспечения экологической безопасности государства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 5 (84).

5. Канаева О.А. Корпоративная социальная ответственность: формирование концептуальных основ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Экономика. 2009. Вып. 2.

6. Маслова И.В. Исторические традиции формирования системы ценностных установок российских предпринимателей // Российское предпринимательство. 2009. № 6.

7. Маслова И.В. Приемы организации предпринимательской деятельности и ценностные ориентиры российского купечества XIX столетия // Третьи Стахеевские чтения: Материалы Международной научной конференции. Елабуга, 2007.

8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.

9. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2.

10. Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М.: Мосгорархив, 2002.

11. Покотилова Т.Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России: мировоззрение и исторический опыт: дис... док. ист. наук. Ставрополь, 1998.

12. Румянцев М.А. Религиозные основы хозяйствования. СПб.: Изд-во НПК «РОСТ», 2005.

13. Тазьмин Ю.Н. Меценатство и благотворительность в России: к вопросу о мотивации // Социологические исследования. 2002. № 2.

14. Третьяк О.А. Корпоративная социальная ответственность российских компаний // Российский журнал менеджмента. 2015. № 2 // http://www.marketing.spb.ru/mr/business/Corporate_Governance.htm.

15. Ackerman R.W. The Social Challenge to Business. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 1975.

16. Baumol W.J. (ed.) A New rationale for corporate social policy. New York: Committee for Economic Development, 1970.

17. Campbell J.L. Institutional Analysis and the Paradox of Corporate Social Responsibility // American Behavioral Scientist. 2006. Vol. 49 (7).

18. Campbell J.L. Why Would Corporations Behave in Social Responsible Way? An Institutional Theory of Corporate Social Responsibility // Academy of Management Review. 2007. Vol. 32 (3).

19. Commons J.R. Institutional Economics // The American Economic Review. 1931. Vol. 21. № 4.

20. Hamilton W. Institution // Encyclopedia of the Social Sciences. New York, 1932. Vol. VIII.

21. Hodgson J.M. Economics and Institutions. A Manifesto for Modern Institutional Economics. Cambridge: Polity Press; Oxford: B. Blackwell, 1988.

22. *Kitzmueller M.* Economics and Corporate Social Responsibility // *European Review on Agricultural Economics*. 2010, January.

23. *Marsden C.* The new corporate citizenship of big business: part of the solution to sustainability // *Business and Society Review*. 2000. Vol. 105 (1).

24. *Maignan I., Ferrell O.C., Hult G.T.* Corporate citizenship: cultural antecedents and business benefits // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 1999. Vol. 27 (4).

25. *Moon J.* Business social responsibility and new governance // *Government and Opposition*. 2002. Vol. 37.

26. *Moon J.* The Contribution of Corporate Social Responsibility to Sustainable Development // *Sustainable Development*. 2007. Vol. 15.

27. *Neale W.C.* Institutions // *Journal of Economic Issues*. 1987. Vol. 21 (3).

28. *Porter M., Kramer M.* Creating Shared Value: How to Reinvent Capitalism – and Unleash a Wave of Innovation and Growth // *Harvard Business Review*. 2011. Vol. 89 (1/2).

D.A. FOMIN

*Postgraduate student of the department
Political Science and Ethnopolitics Department, Russian
Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow, Russia*

D.K. GRIGORYAN

*Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the chair of D. in Political Science and
Ethnopolitics at the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration; Associate Professor of Chair of
Criminalistics and Investigative Activity
of Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-Don, Russia*

SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS AS A CIVIL SOCIETY INSTITUTION IN MODERN RUSSIA

The article is devoted to the research of the process of institutionalization of social responsibility of business in the modern Russian society as the most important factor of the political process at the level of strengthening of civil society. At the center is the problem of finding the optimal mode of coordination of interaction between subjects of economic activity (at the regional level and at the level of

the state as a whole) and public, social, political structures and associations. The deep socio-cultural crisis of the turn of the century was reflected in the formation of the ideology of the business community. Overcoming its negative consequences in modern conditions of external pressure on the political and economic system of the country is an absolutely necessary condition for the effective and sustainable development of society. The restoration of original traditions of Russian entrepreneurship, consolidation and formalization of social benchmarks of economic activity and values of regulation and coordination of activities are considered as the key stages of formation of the renewed institute of social responsibility of business. As a category of political science analysis, social responsibility of business explains the mechanism of strengthening civil society and in this capacity acts as a factor of political stability and efficiency of the existing governance model, as well as the implementation of a long-term strategy for sustainable state development and qualitative improvement of its competitiveness in the controversial context of global imbalanced economic communication. Socially responsible behavior of the country's business elite allows to overcome the costs of the forced export of the neoliberal setting of professional identity of economic subjects, and strengthens social, human capital in the face of external challenges and risks, requiring the concentration and mobilization of public resources.

The methodology of studying social responsibility of business as a civil society institution is based both on the tradition of studying institutions and institutional processes in society and on the reflexion of crisis and transitional models of socio-political development. Socially oriented economic activity is a prerequisite for a new political philosophy in Russian society that adequately responds to the fundamental request of the times and civil consciousness: the common good is a value and goal that creates the ground for individual success.

Key words: *social responsibility, business community, civil society, institutions, socio-cultural crisis, political stability.*

А.К. БОДРОВ

*аспирант кафедры российской политики
факультета политологии Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова; менеджер направления
по работе с регионами АНО «Большая Перемена»,
Россия, г. Москва*

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РОССИИ И ИХ РОЛЬ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ

В статье проводится обзор создания и развития институтов цифровизации Российской Федерации в контексте взаимодействия центра и регионов, структурируются вызовы для дальнейшего внедрения цифровых решений и варианты дальнейшего развития цифровизации в стране. Цель статьи – структурировать и охарактеризовать путь формирования цифровой среды в России и перспективы ее дальнейшего развития посредством описания ключевых этапов создания цифровой инфраструктуры, анализа проблем и вызовов, которые сопровождали данный процесс, а также отражения влияния цифровых процессов на взаимодействие центра и регионов. Был использован исторический метод, системный и структурно-функциональный подход.

Ключевые слова: *цифровизация, цифровая экономика, цифровизация государственного управления, регионы, развитие регионов, концепция баланса отношений «центр-регион».*

Цифровизация стала трендом еще в нулевые годы XXI века, и остается таковым по сей день, выходя на все новые уровни, проникая во все сферы жизни. Технологии, сопутствующие данному процессу, улучшают и ускоряют жизнь обычных граждан и работу ведомств, упрощают ведение бизнеса. И если раньше мало кто задумывался о возможности предоставления услуг гражданам в формате «онлайн» или проведения электронного голосования, то сейчас такие опции все больше входят в повседневную жизнь граждан и политическую жизнь государства.

В сфере развития регионов и взаимодействия федеральных и региональных властей цифровизация также проникает, в первую очередь за счет

модернизации механизмов государственного и муниципального управления, переходящих на управление на основе «больших данных».

Как же именно цифровизация присутствует в жизни регионов, и какое ее возможное место в концепции баланса отношений «центр-регион»?

В первую очередь мы обозначим общий контур, как развивались цифровые технологии, интернет и коммуникации в России, сосредоточившись именно на институтах цифровизации, как главных каналах проникновения данного тренда. Затем охарактеризуем и проанализируем ключевые современные институты внедрения и сопровождения цифровизации в России, в частности, в сфере взаимодействия центра и регионов. В завершение охарактеризуем, как цифровые технологии в лице институтов цифровизации меняют каналы коммуникации и формат взаимодействия центра и регионов.

И для начала введем ключевые понятия. Цифровизация – это масштабные технологические и организационные преобразования государственного управления в целом и отдельных органов или ведомств, в частности [6. С. 9]. Преобразования проводятся с целью обеспечить кардинальное повышение эффективности государства; формирование принципиально новых моделей управления; создание инновационных продуктов и услуг для граждан. По большому счету цифровизация – это процесс внедрения цифровых решений, которые должны упрощать такие процессы, как планирование, прогнозирование, мониторинг и оценку результатов работы за определенный период времени. Быстрых результатов от данного процесса ждать не стоит. Но это может стать фундаментом для дальнейшего и развития целой отрасли.

Говоря о цифровизации государства и регионов, необходимо сказать о создании Интернета и включении его в жизнедеятельность государства. В XX веке подобные технологии использовались в первую очередь для военных и значимых научных целей. Официальное появление Интернета в СССР – 28 августа 1990 года. В этот день состоялся первый сеанс связи с использованием телефонного модема между институтом Курчатова и университетом в Хельсинки.

Первая внутривосточная компьютерная сеть была создана также в августе 1990 года. Она объединила научные университеты Москвы, Санкт-Петербурга и Новосибирска с помощью аналоговых телефонных модемов. С помощью данной системы можно было обмениваться данными исследований и других проектов.

До 2000-х годов сфера продолжала формироваться – страна постепенно оправлялась от распада СССР, заново формировалась политическая и территориальная структуры, поэтому внимание к развитию цифровой среды было невысоким. Тем не менее произошли ряд заметных событий, связанных с цифровизацией в политической сфере.

В 1995 году в Интернете появляются первые результаты промежуточных выборов депутатов Государственной Думы, еще через год появляется первый сайт политической партии (партия «Яблоко»). В 1998 году была проведена первая интернет-конференция Б.Н. Ельцина. В 1999 году был запущен (пусть и на короткое время) сайт «Интернет-парламент» (совместный проект С.В. Кириенко и политтехнолога Глеба Павловского) – www.elections.ru, на котором пользователи могли формировать повестку заседания Государственной Думы Российской Федерации, и участвовать в голосовании [4].

Тогда же, в 1999 году впервые прошла встреча премьер-министра Владимира Путина с представителями Интернет-отрасли. Встреча была посвящена развитию Интернета, защиты прав бизнеса в Интернете и ряду других вопросов. В рамках встречи был представлен проект положения о регулировании Интернет-сферы со стороны государства, но дальше обсуждений проект не двинулся.

Особняком стоит проведение в 1997 году первого Российского Интернет-форума, на котором собрались предприниматели в Интернет-среде, программисты и журналисты. В рамках форума обсуждались проблемы развития Интернета в России. Таким образом, Интернет-среда уже обрела некую институционализацию, о ней заговорили на уровне государства, сфера стала аккумулировать специалистов отрасли для взаимной помощи и обсуждения вариантов последующего развития.

Дальнейшие этапы развития цифровой сферы в России для удобства можно структурировать по следующим направлениям:

– ключевые нормативно-правовые акты, принятые для упорядочения процессов внедрения интернета в России;

– основные институты, создаваемые для стимулирования и контроля за развитием интернет-среды, цифровых коммуникаций и смежных историй;

Но сначала статистика: по данным канала «История российского интернета», в 2004 году аудитория Рунета (российского сегмента сети Интернет) составляла 7,6 млн человек. Уже в 2016 году количество активных пользователей Интернета в России составило 84 млн человек, а в 2020 году – 118 млн человек, или около 80% населения страны на тот момент [4].

Относительно нормативно правовых актов, законов и программ в стране уже действовал закон № 126-ФЗ от 07.07.2003 года «О связи», который стал основой для развития Интернета и коммуникаций. Закон устанавливал понятийный аппарат, задачи государства в сфере осуществления связи – сформировал структуру, по которой могла развиваться российская Интернет-среда.

28 января 2002 года была принята федеральная целевая программа по развитию цифровой среды в России – «Электронная Россия». Программа была частью административной реформы, и преследовала цели повсеместного внедрения цифровых решений для повышения эффективности работы

федеральных ведомств, взаимодействия органов власти регионов и федерального центра, а также упрощение формата получения государственных услуг населением. В дополнение к программе 12.02.2003 г. было принято Постановление Правительства РФ № 98 об обязанности федеральных органов власти создавать и вести свои официальные сайты [10].

Тем не менее, в декабре 2004 г. министр информационных технологий и связи Л.Д. Рейман, подводя первые итоги реализации программы, был вынужден констатировать на заседании Правительства Российской Федерации, что 40% ведомств до сих пор не имеют своих сайтов, а на 80% имевшихся сайтов отсутствует необходимая информация о деятельности госорганов, нет информации о возможности получения гражданами услуг государственных ведомств [10]. Одной из причин первых неудач программы в отсутствии четкого понимания, для чего была необходима данная программа, какая от нее польза. Ключевыми барьерами в течение реализации программы стали низкий уровень финансирования, уже упомянутое слабое информирование регионов о деталях и ключевых задачах внедрения цифровых решений в структуру управления государством и регионами. Не хватало также специалистов и необходимой методической документации.

В августе 2006 г., видя слабую эффективность программы цифровизации, Правительство утвердило новую редакцию программы в период с 2007 по 2010 г. К концу реализации ФЦП «Электронная Россия» было объявлено, что «на данный момент созданы концептуальные основы «электронного государства» и происходит переход к реализационным проектам – разработке соответствующего законодательства и созданию технической инфраструктуры» [10].

Результатами реализации программы, несмотря на невысокие результаты были запущены ГАС «Управление», Единый кабинет налогоплательщика, портал «Госуслуги» – единое окно для доступа граждан к получению государственных услуг. Произошла систематизация реестра услуг от разных ведомств и визуализация их для обычных пользователей. Сначала это был информационный портал (без возможности записи и загрузки документов), впоследствии через данный граждане смогли подавать заявки на услуги всех ведомств. Сейчас ежедневная нагрузка на «Госуслуги» – 9 млн пользователей, во время «пиков» нагрузки – в два раза выше, а всего на портале зарегистрировано более 97 млн пользователей [4]. Кроме того, появилась система по проведению электронных закупок, система электронного межведомственного взаимодействия и ряд других сервисов.

Таким образом, с одной стороны, сформировались, упрощающие взаимодействие федеральных и региональных ведомств при реализации различного рода целевых программ и проектов, а с другой – решилась задача по более простому и прозрачному предоставлению услуг гражданам: «На начало 2011 года к системе взаимодействия с использованием

защищенных каналов связи подключены 22 федеральных органа исполнительной власти и 1 внебюджетный фонд, принимающие запросы на оказание 45 государственных услуг, представляющих собой не только подачу заявления... но и предоставление информации, содержащейся в ведомственных информационных системах.. [10].

В 2008 году была принята Стратегия развития информационного общества до 2015 года, а в 2017 году принята аналогичная стратегия до 2030 года. Основной посыл данных документов – активное внедрение цифровых технологий во все сферы жизни общества и государства с акцентом на совместную работу общества, власти и бизнеса. Данные документы определяли и определяют вектор, по которому движется Россия на пути развития цифровых и информационных технологий [9].

В 2017 году также принимается национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», необходимость цифровизации все более остро встает перед государственными органами на фоне продолжающейся цифровой «революции» по всему миру. Программа направлена «на создание условий для развития общества знаний в Российской Федерации, повышение благосостояния и качества жизни граждан нашей страны путем повышения доступности и качества товаров и услуг, произведенных в цифровой экономике с использованием современных цифровых технологий...» [7]. Программа имеет несколько наиболее важных направлений: нормативное регулирование цифровой среды, подготовка кадров для цифровой экономики информационная инфраструктура и информационная безопасность, а также формирование исследовательских компетенций и технических заделов.

Таким образом, сейчас нормативная основа по внедрению цифровых решений в России состоит из следующих компонентов – Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Далее следует более уточненная национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», и входящий в нее федеральный проект «Цифровое государственное управление», направленный на «внедрение цифровых технологий и платформенных решений сферах государственного управления и оказания государственных услуг, в том числе в интересах граждан и субъектов малого и среднего предпринимательства...» [2. С. 7-9].

Говоря об институтах цифровизации, а именно учреждениях, то в 1991 году было создано Министерство связи Российской Федерации. В разное время оно называлось по-разному, но суть была весьма конкретной – управление развитием интернета, цифровых решений и массовых коммуникаций в России. Сейчас ведомство называется Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Создавали также общественные институты и государственные организации. В 1994 году появляется первый учебный центр Oracle, где готовили специалистов в кейс-технологиях в сфере IT-технологий и программирования. Чуть позже создан РосНИИРос – научный центр по развитию Интернета в России (для науки и образования), основной задачей которого была регистрация сайтов в российской доменной сети и развитие интернет-инфраструктуры.

В 2004 году появился новый институт цифровой среды – Первая премия Рунета, которую вручало Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. Премия вручалась по 4 номинациям – «Наука и образование», «Здоровье и общество», «Государство и общество», «Здоровье и отдых». Премия позволяла отслеживать тренды в развитии интернет-сферы, а также служила площадкой для подведения итогов года и обсуждения планов на будущее.

В 2006 году основана РАЭК (Российская ассоциация электронных коммуникаций), которая занялась формированием цивилизованного рынка электронных коммуникаций, поддержкой проектов в отраслевом образовании и науке, а также развитие нормативно правового поля по защите участников рынка.

2014 год – РАЭК, ФРИИ (Фонд развития интернет-инициатив) и Администрация Президента Российской Федерации создали АНО «Институт развития Интернета» (ИРИ) – площадку для взаимодействия бизнеса, Интернет-индустрии и власти. Организация должна содействовать созданию и продвижению социально значимого контента в Рунете. В 2021 году ИРИ стал единым оператором социальной рекламы в Интернете с полномочиями координации способов и форм распространения социальной рекламы. Таким образом, создан институт по поддержке и содействию развитию позитивного и полезного социального контента в Интернете – не только рекламы, но и фильмов, сериалов и других полезных интернет-продуктов.

21 мая 2014 года запущена система «Активный гражданин» в Москве – система по вовлечению граждан столице в проекты по улучшению жизни в городе, а также созданию прямой коммуникации с жителями для выявления и решения возникающих проблем. Инициатором проекта стала заместитель Мэра г. Москвы Анастасия Ракова. За участие в голосованиях и проектах граждане получали баллы, которые могли потратить на полезные вещи. Впоследствии подобные сервисы появились и в других регионах страны.

В ноябре 2019 года Департаментом информационных технологий г. Москвы учреждена АНО «Диалог» – организация по развитию IT-проектов в сфере коммуникаций, а также центр мониторинга и аналитики эффективности обратной связи с жителями Москвы. В июле 2020 года «Диалог» создал АНО «Диалог Регионы», целью которой стало создание аналогичных «Диалогов» организаций в субъектах Российской Федерации – «Центры

управления регионом» (ЦУРы). В задачи организации входит внедрение своего рода «ГОСТа» для работы государственных органов в социальных сетях, оперативное реагирование на проблемы граждан, которые отражаются в социальных сетях и проведение образовательных проектов для наращивания компетенций специалистов по интернет-коммуникациям в регионах страны.

Для оперативного ответа государственных органов на проблемы жителей была создана система «Инцидент-менеджмента», которая позволяет в сжатые сроки обнаружить жалобу гражданина (например, в комментариях к постам в социальных сетях) и передать ее профильному региональному органу власти, который, в свою очередь, обязан связаться с гражданином в ближайшие часы и решить ее в течение ближайших дней (в зависимости от сложности проблемы). Ключевая задача, чтобы жалобы населения начали переходить из общественных публичных групп на площадки органов власти в социальных сетях (и сейчас уже более 50% вопросов граждан в социальных сетях проходят через официальные группы ведомств в социальных сетях) [4]. Кроме того, АНО «Диалог Регионы» и ЦУРы проводят исследования по разным сферам развития и внедрения цифровизации в регионах и на федеральном уровне для оценки эффективности управленческих команд.

Таким образом, за все время существования Россия прошла большой путь от страны, где меньше 10% населения имело выход в Интернет в страну с обширной правовой базой для строительства информационного общества, институтами развития Интернет-среды, платформами и реальными кейсами эффективного использования цифровых технологий. Тем не менее, проблемы, обозначившиеся в далеком 2004 году, пусть и не усугубились, не все оказались решены.

В 2018 году Центр подготовки руководителей и команд цифровой трансформации ВШГУ РАНХиГС – структурное подразделение РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, занимающегося вопросами повышения компетенций государственных служащих в сфере цифровой экономики и цифровизации провело исследование по состоянию цифровой трансформации в стране. Краткие результаты исследования были таковы:

В области повседневной деятельности органов государственной власти наблюдается:

- устаревшая забюрократизированная система с фокусом на документах, многозвенная вертикаль, цифровизация устаревших процессов;
- широкое использование бумажных носителей информации, необходимость очного присутствия заявителей для решения их задач;
- практически отсутствует взаимодействие информационных систем ведомств;

– изменения процессов только точечные – в отдельных ведомствах с инициативным руководителем (в основном в финансовой сфере – Федеральная налоговая служба, Федеральное казначейство) [8. С. 17].

Это подтверждает исследование Аналитического центра при Правительстве РФ, проведенное в 2019 году. В исследовании приняло участие 70 регионов, где они обозначили ключевые сложности и барьеры при развитии цифровой экономики в стране. Самые серьезные вызовы для регионов были в сфере подготовки кадров (19% регионов обозначили данную проблему), нормативно-правового обеспечения (17%), финансовой обеспеченности (17%) и административно управленческие барьеры (17%) (всего было выделено 7 барьеров). В рамках обозначенных сложностей регионы выделяли нехватку кадров для обозначенных задач, неготовность региональных вузов в короткие сроки обеспечить регион подобными кадрами; кроме того, не было закрепленного перечня компетенций в сфере цифровой экономики [1. С. 4].

В рамках несовершенства законодательных норм регионы отмечали отсутствие выстроенной нормативно-правовой базы по предоставлению государственных услуг в онлайн-формате, а также стандартах по развитию Интернет-технологий. При отсутствии четких целеуказаний результаты не будут удовлетворять ни сам регион, ни центр.

По финансовой части регионы обозначали невысокий уровень выделения средств на цифровую экономику, уровень зарплат специалистов.

Многие указали заметной проблемой отсутствие учета особенностей региона при декомпозиции показателей, слабость методической поддержки и завышенные ожидания от регионов: «Для Республики Калмыкия был установлен показатель «Количество выпускников системы профессионального образования с ключевыми компетенциями цифровой экономики» в 2020 году – 650 человек. Однако по данным организаций профессионального образования Республики Калмыкия, в 2020 году планируется выпуск только 150 выпускников с ключевыми компетенциями цифровой экономики» [1. С. 20].

Также выделялось слабое взаимодействие РОИВ и ФОИВ в вопросе цифровизации. Данная проблема приводит к несогласованности при декомпозиции показателей. Кроме того, процессы замедляло длительное согласование заявок и обращений (до 2 месяцев), рассогласованность в периодичности представления информации, необходимой для подготовки отчетов по выполнению региональных проектов – из-за длинных сроков согласования и проверки данные теряют достоверность.

Здесь можно сделать предположение о том, что многие регионы не обладают достаточным количеством мощностей для реализации «спущенных сверху» задач, причем не вследствие некомпетентности управленческой

команды, а гораздо более серьезных факторов. Налицо феномен «цифрового разрыва», на котором мы коротко остановимся.

В рамках исследования, проведенного МШУ «Сколково» совместно с компанией «Ernst&Young» (ныне – компания Б1), а также других авторов «цифровой разрыв» определяется как «разница в уровне технологических возможностей» [5. С. 9], «неравенство в доступе к информационно-коммуникационным технологиям, имеющее своим следствием усиление экономического, социального и культурного неравенства» [3. С. 12]. Посредством подобного разрыва формируется среда для несправедливой конкуренции, что приводит к нестабильному развитию отраслей. Результатом данных процессов могут стать повышенные риски для устойчивости политической системы. усложнения доступа регионов к различным механизмам цифровизации. Такому «цифровому неравенству» в России способствуют высокая стоимость телекоммуникаций вследствие больших расстояний и зачастую труднодоступных территорий, низкий уровень развития инфраструктуры для внедрения таких технологий, неподготовленность законодательной базы под обозначенную сферу.

Несмотря на это, к моменту подготовки исследования, по мнению авторов, Россия прошла большой путь в цифровизации:

- произошло ускорение социально-экономического развития, исправлены структурные перекосы в обеспеченных ресурсами и сырьем в регионах;
- произошло выравнивание доступа к социально-экономическим ресурсам, снижение уровня неравенства;
- регионы, а точнее региональные власти, начали использовать «мягкую силу», увеличилась их конкурентоспособность внутри страны и в глобальном масштабе.

Описанные выше пройденные этапы, все же, не отражают полной картины в стране и есть регионы, где отмеченные достижения реализованы не до конца. Тем не менее, имеющийся «цифровой разрыв первого уровня» [5. С. 12], под которым имеется ввиду неравенство в доступе к цифровым сетям, постепенно сокращается, в то время как неравенство в цифровых компетенциях и способах использования технологий («цифровой разрыв второго уровня») – продолжает расти, что может привести к отставанию в проявлении социально-экономических эффектов цифровой трансформации регионов (цифровой разрыв третьего уровня).

Подводя промежуточную черту, можно сказать, что к настоящему моменту развитие цифровых технологий в России столкнулось с теми же вызовами, что и большая часть стран на данном этапе – необходимостькратно увеличивать количество компетентных специалистов, уточнять законодательные нормы для упрощения процессов, а также устранять бюрократические барьеры, которые всегда присутствуют при работе в государственном аппарате.

Сознавая данные вызовы, и следуя целям, установленным в стратегических документах, руководством страны был сделан ряд шагов:

– созданы уже упомянутые АНО «Диалог Регионы» и региональные ЦУРЫ для упрощения коммуникации граждан и органов власти;

– внедряется понятие «суверенный интернет» – защищенный периметр сети на территории Российской Федерации, недоступный атакам извне, безопасная среда Интернета с возможностью автономного функционирования, создается инфраструктура для безопасной и автономной работы.

– принимается закон № 263-ФЗ от 01.07.2021 «о приземлении» иностранных компаний (в том числе сферы ИТ) в России, предполагающий создание юридических лиц крупных ИТ-компаний и технологических корпораций в России, а также «приземление» баз данных российских пользователей данных компаний в России.

– 9 ноября 2019 года – Газпромнефть, Mail.ru Group, Яндекс, Сбер, МТС и Российский фонд прямых инвестиций создали альянс по развитию искусственного интеллекта для образования, бизнеса и науки. Сферы работы альянса – образование, предложения по совершенствованию нормативно-правовой деятельности и привлечение инвестиций в сферу искусственного интеллекта;

– 2 марта 2022 года подписан указ Президента РФ № 83 – принят комплекс мер по ускоренному развитию и поддержке ИТ-отрасли в ответ на санкции западных стран на фоне проведения специальной военной операции на Украине: предусмотрены налоговые льготы компаниям, нулевая ставка на налог на прибыль, гранты для ИТ-компаний, льготные кредиты, аккредитованные компании освобождаются от налоговых и других проверок на 3 года;

– 14 июля 2022 года подписан № 270-ФЗ об обязанности государственных органов создавать и вести официальные страницы ведомств в социальных сетях.

Но где же здесь взаимодействие центра и регионов? Оно в цифровизации государственного управления, повышении качества межведомственного взаимодействия и работы региональных органов власти с жителями, в том числе с помощью внедрения региональных цифровых сервисов и баз данных. Сюда же можно отнести контроль действий региональных властей через ЦУРЫ, рейтинги по самым различным направлениям. В рамках концепции баланса отношений «центр-регион» для цифровизации будет уместна теория Т. Хегерстрандта о «диффузии инноваций». Региональные центры страны (в лице городов-миллионников, а также регионов, которым удается активно перенимать инновации), создают условия для дальнейшего внедрения цифровых технологий для упрощения жизни граждан, а значит – повышения шанса сохранить талантливые кадры для региона, чтобы

уже они, в свою очередь, помогали распространять инновации дальше, на периферию.

По данным ранее сделанных исследований, сильно вырос уровень компетенций как граждан, так и региональных властей, а с другой – выросло качество работы региональных платформ работы с гражданами, повысилось удобство интерфейса и многое другое. В то же время сохраняется большая отрицательная корреляция спроса и предложения на внедрение цифровых технологий. Сейчас в сфере цифровизации, спрос гораздо больше предложения, и эту статистику необходимо кардинально изменить.

Важной особенностью на этом пути является конкурентоспособность рынка и продуктов, которые на нем предлагаются. Для этого региональным администрациям и ведущим предприятиям каждого субъекта из так называемых «традиционных» отраслей нужно стать квалифицированными заказчиками цифровых сервисов, без оглядки на федеральный центр [5; 11]. Среди направлений работы региональных администраций могут быть:

- создание эффективных открытых цифровых технологических платформ региона;
- перевод региональной администрации в режим цифрового правительства.

Результатом должно стать ускоренное развитие региона в четырех областях: качество жизни, деловая среда, качество управления и инфраструктура, обеспечивающее интеграцию региональной социально-экономической экосистемы на национальном и глобальном уровне [12]. Для реализации данной задачи региональные элиты должны выработать своего рода «цифровой консенсус», который позволит четко определить совместные цели и задачи по цифровизации на региональном уровне, и интеграции их в более высокие уровни взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Барьеры в развитии цифровой экономики в субъектах Российской Федерации // Аналитический доклад. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Москва, 2019.

2. Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Старостина А.Н. Цифровая трансформация государственного управления: оценка результативности и эффективности. Москва: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2021.

3. Дятлов С.А., Селищева Т.А. Регионально-пространственные характеристики и пути преодоления цифрового неравенства в России // Экономика образования. 2014. № 2.

4. Материалы подкаста «История Российского интернета» // <https://www.youtube.com/watch?v=IvmHaE4ugYI&t=12s>.

5. Московская школа управления «Сколково». Цифровая жизнь российских регионов // Аналитический доклад. Москва, 2020.
6. Навигатор цифровой трансформации: Agile-подход в государственном управлении: электронное издание / под ред. Е.Г. Потаповой. М.: РАНХиГС, 2019.
7. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации // <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.
8. *Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А.* Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация // Центр стратегических разработок. Москва, 2019.
9. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества на 2017-2030 годы // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>.
10. Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002-2010 годы)» // <https://clck.ru/33SZHm>.
11. Цифровая трансформация в России 2020: рецепты успеха. Аналитический отчет. Консалтинговая компания «Команда А». Москва, 2020.
12. *Шклярчук М.С.* Государство как платформа: люди и технологии // Доклад РАНХиГС, 2018.

A.K. BODROV

*Graduate student of the Department
of Russian Politics, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University, manager of the direction
for working with regions of ANO «Bolshaya Peremena»,
Moscow, Russia*

DEVELOPMENT OF DIGITALIZATION INSTITUTIONS IN RUSSIA AND THEIR ROLE IN THE INTERACTION OF THE CENTER AND REGIONS

The article provides an overview of the creation and development of digitalization institutions of the Russian Federation in the context of interaction between the center and the regions, structures challenges for further implementation of digital solutions and options for further development of digitalization in the country. The purpose of the article is to structure and characterize the way of formation of the digital environment in Russia and the prospects for its further development by describing the key stages of creating a digital infrastructure, analyzing the problems and challenges that accompanied this process, as well as reflecting the impact of digital processes on the interaction of the center and regions. Historical methods, systemic and structural-functional approaches were used.

Key words: *digitalization, digital economy, digitalization of public administration, regions, development of regions, the concept of balance of relations «center-region».*

А.А. ЧЕМШИТ

*доктор политических наук, профессор
Севастопольского государственного университета,
Россия, г. Севастополь*

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ НА УКРАИНЕ КАК МЕРА НЕОБХОДИМОЙ САМООБОРОНЫ

В статье рассматриваются причины, характер и особенности специальной военной операции на Украине. Опровергаются утверждения западной пропаганды о «неспровоцированной» агрессии против украинского государства. Обосновывается тезис о неизбежности столкновения между США (НАТО) и Россией на почве кардинальных разногласий по вопросам существующего миропорядка. Украине при этом отводится роль лишнего субъектности участника конфликта, ведущего бессмысленную, самоистребительную войну. Аргументируется правомерность СВО как необходимой меры по сбережению национальной государственности и русской цивилизации.

Ключевые слова: *специальная военная операция, мировой порядок, государственный суверенитет, Россия, США, НАТО, Украина.*

Одним из самых волнующих и тревожащих общественное российское сознание вопросов является вопрос: «Оправданным ли было начало боевых действий на Украине российской стороной?». Западная пропаганда использовала этот факт для обвинения России в «неспровоцированной» агрессии против Украины, последняя выглядит «невинной» жертвой, нуждающейся в помощи, а Запад (в первую очередь США) присваивает себе право на вмешательство в конфликт на стороне «жертвы». Таким образом, вольно или невольно, целесообразность нанесения превентивного удара ставится под сомнение. Либеральная интеллигенция склонна к формально-правовым критериям оценки общественных процессов, включая войну. В то же время существует и социал-консервативная точка зрения, базирующаяся на фундаменте социальной справедливости и высших политических интересов.

Согласно дедуктивному методу французского философа Р. Декарта, истина выясняется путем движения мысли от общего к частному. Используя картезианский метод в качестве рабочей гипотезы, сформулируем

следующее утверждение: *столкновение между США (несколько шире – НАТО) и Россией встало на повестку дня после мюнхенской речи (2007 г.) В.В. Путина, после избрания его в 2012 г. президентом стало с высокой степенью вероятным, а после возвращения Крыма и Севастополя в состав России (2014 г.) – неизбежным.*

Высказанное утверждение базируется на следующих основаниях. В течение последних 20 лет явно обозначилась тенденция к медленному, но неумолимому ослаблению США как супердержавы. Причинами тому стали как внутриамериканские проблемы, так и выход на мировую авансцену новых игроков, в первую очередь Китая, Индии и России. Каждая из этих стран, отвоевывая часть влияния мирового политического пространства в свою пользу, отнимает его не у кого-нибудь, а у США, в первую очередь, и у Запада как такового. Ближе всего к неприкосновенной финансово-экономической «территории» США подошел Китай, который рассматривается ими как главный соперник в сфере бизнеса. Усилившаяся и осмелевшая Россия бросила Америке еще более чувствительный вызов. Путин «посягнул» на установленный США миропорядок, на политическое господство Америки, заявив о том, что мир устроен несправедливо, а США есть оплот и апологет этой несправедливости [1]. Кроме того, Россия – единственная в мире страна, способная уничтожить США в случае ядерной войны, что воспринимается как реальная угроза.

Вполне логичным представляется предположение, что Запад не оставил без внимания «путинский демарш» в Мюнхене в 2007 г. и уже тогда «приговорил» Путина к «отставке». Думается, что Владимир Владимирович не стал участвовать в президентской кампании 2008 г. не потому, что препятствием была соответствующая статья Конституции РФ [4]. Это препятствие преодолеть было не сложно, как, например, поступили в Белоруссии. Более основательной причиной следует считать недостаточную готовность России в то время к открытой борьбе с США. Можно не сомневаться, что, останься Путин на президентском посту на третий срок, даже если бы состоялся референдум на этот счет, американцы объявили бы его нелегитимным главой государства и нанесли бы по России «санкционный» удар, который в то время оказался бы для нас весьма болезненным. В 2012 г. Путин пренебрег нежеланием США видеть его в роли президента и, надо полагать, уже с этого времени в Вашингтоне было принято решение «поставить» Россию на место. Совершенно очевидно, что киевский майдан 2013 г., завершившийся антиконституционным переворотом, был организован и профинансирован Западом с целью «наказать» Януковича за отказ от подписания ассоциации с ЕС и за крен в сторону России. Госпереворот закончился крайне удачно для США и НАТО: к власти на Украине пришли ультранационалистические и русофобские силы.

Осознавая угрозу национальным интересам России, Путин поддержал крымчан и севастопольцев, не признавших госпереворот в Киеве. «Русская весна» 2014 г. сорвала планы американцев закрепиться на Черном море, вытеснив из Севастополя Черноморский флот при содействии антирусского режима в Киеве. Провал американского плана унижения и ослабления России имел далеко идущие последствия. С этого момента, вероятно, к ликвидации была «приговорена» вся Россия, а не только ее президент. У США в распоряжении оказался искомый инструмент для ведения боевых действий с Россией. Подготовка к войне началась не позже 2014 г.

Те, кто считает, что боевые действия на Украине есть война между Украиной и Россией, заблуждаются. Военная операция, действительно, чем дольше длится, тем больше походит на войну. Не претендуя на правовую оценку, война ли это, остановимся на том, что массовая гибель людей с обеих сторон от ракетного оружия и артиллерии общественным сознанием воспринимается как война, что бы там не говорили политики и юристы. Нам представляется, что эта вооруженная борьба есть двухуровневая война. Высший уровень – это геополитическая, высокотехнологичная война профессиональных военных. Это война за изменение мироустройства, за мировую гегемонию, с одной стороны, и за государственный суверенитет – с другой, с использованием новейших видов вооружения, космической разведки, различных приемов информационно-психологического воздействия. Результативность фронтовой работы принадлежит, по преимуществу, профессиональной кадровой армии. Этот уровень военных действий представляют собой, с одной стороны, Россия, с другой – 50 недружественных стран во главе с США. Американцы, по заявлениям президента Байдена, избегают прямого столкновения с Россией; утверждают, что они лишь оказывают помощь «жертве нападения», что будут это делать столько, сколько потребуется, что готовы на все, кроме ядерной войны.

В действительности страны НАТО уже участвуют в этой войне напрямую. Это и наемники, и кадровые военные (как минимум, из Польши). Поддержка ВСУ разведанными, в том числе с использованием данных со спутников, не вызывает сомнения. Без этих данных невозможно было бы нанесение ударов по российским аэродромам, по другим военным объектам РВС.

Второй уровень войны – это гражданская война между двумя некогда братскими народами, а ныне – враждующими государствами. То, что какие-нибудь 10-20 лет назад представлялось невозможным, оказалось не только возможным, но и, в конечном счете, неизбежным.

Генезис русско-украинского конфликта нам представляется следующим образом. Близкие по смыслу тезисы о том, что украинский и русский этносы – есть один народ, что украинцы и русские – братья, следует рассматривать с известной долей осторожности.

К осторожности нас побуждают следующие факторы. Первый предполагает исключение из «братской» семьи одного из «братьев». Например, на это всегда было настроено коренное население Галичины, Волыни, Закарпатья, Буковины, которое никогда не испытывало к русским братских чувств. Этот фактор практически не нуждается в аргументации, поскольку свидетельствует о различиях в вопросах языка, веры, исторической памяти, цивилизационных предпочтений.

Второй фактор касается социальной дифференциации. Украинская элита и украинский народ в вопросах «братства» далеко не всегда находились по одну сторону баррикад. Фантом Мазепы – неотъемлемый атрибут украинской интеллигенции во все времена, вне зависимости от того, была ли Украина в составе Империи или Советского Союза. Утопическая мечта о «незалежности» никогда не покидала воображение «щирых» украинцев, нередко именовавших своих же соотечественников «манкуртами», если те отдавали предпочтение русскому языку, литературе и прочим атрибутам «Русского мира».

Третий фактор – это комплекс «младшего брата». Украинскую элиту задевало то, что Москва есть Центр, а Киев – провинция. Киевская интеллигенция осознавала свою периферийность и временами не скрывала обиды на проявления высокомерия, снобизма и чванства со стороны столичной российской «богемы».

И, наконец, четвертое – это постсоветский период дерусификации украинской политической элиты и формирование русскоязычного украинского национализма. В 90-е годы начал оформляться новый тип украинской политической элиты. Типичный ее представитель – это двойной манкурт: этнический украинец, ставший русскоязычным (первое превращение), а затем трансформировавшийся в ярого националиста (второе). Дерусификация при этом не заканчивается национализмом. Отречение от Русского мира имеет вектор западноцивилизационной направленности.

Когда мы говорим о «братских отношениях», то это правда, но не вся. Украинцы и русские были братьями только в советские времена. Начиная со смешанных браков и завершая распределением постов на политическом Олимпе, эти две нации выделялись из всей многонациональной семьи народов.

С прекращением существования СССР берут свое начало российско-украинские отношения в лице государств. При этом они принципиально отличаются от межличностных человеческих отношений: самостоятельные государства братьями быть не могут. Государства соединены или разобщены политическими отношениями, в межгосударственных отношениях нравственным отношениям остается мало места.

Отправной точкой в российско-государственных отношениях следует считать их мотивацию выхода из СССР. Россия оказалась вне Советского

Союза вынужденным образом и стала его правопреемником. Она не желала полного развала Союза, особенно разрыва с Украиной. Украина же вышла из СССР осознанно, стремясь жить отдельной от России жизнью. Украинская элита внушила своему народу, что Россия ведет себя с Украиной не на равных во всем: в распределении ресурсов, в языковом вопросе, в части престижа и авторитета. С 1991 г. Украина обрела право распоряжаться национальными ресурсами независимо от Москвы. Как она воспользовалась этим правом – известно. Украинские исследователи считают, что в результате проведенных реформ только 2% украинцев оказались в выигрыше, 18% не проиграли, а 80% превратились кто в бедных, кто в нищих [3]. За последние 100 лет украинский народ ни от кого так не натерпелся, как от собственной власти. Сегодня Украина – беднейшая страна в Европе [5; 6; 7; 8].

Во все годы независимости Украина неуклонно двигалась в сторону от России. Какое-то время из тактических соображений украинское руководство придерживалось политики многовекторности. Но Россия – уже не брат, а просто сосед, использовать ресурсные возможности которого по-прежнему желательно по «братским» ценам. Стратегически Украина уже определилась: «Украина – не Россия», – объявил Л. Кучма. Это означало, что курс Украины лежит в евроатлантическом направлении. Следующий президент В. Ющенко пошел дальше. Он уже не считал Россию добрососедской дружественной страной и стремился повернуть умы украинцев в сторону ответственности России за все украинские беды и невзгоды. С целью пробуждения «украинского национального самосознания» вбрасывается идея голодомора 1932-1933 гг. как геноцида украинской нации. Не называя напрямую Россию страной, осуществившей геноцид украинцев, он делал недвусмысленный намек, что этноцид может осуществляться только соразмерным, сопоставимым с объектом геноцида, субъектом. Если объект – украинцы, то субъект – Москва, значит, Россия. Идея голодомора была средством охладить бывшее доверие к России и погасить симпатию не только к российскому государству, но и российскому народу. В украинское сознание все сильнее внедрялась информация о России как о чем-то чужом и далеком. На Западе – демократия и процветание, в России – азиатчина и орда [2]. Постепенно, шаг за шагом, Украиной овладевало мазепо-бандеровское сознание.

Долгое время Россия практически никак не реагировала на демонстрацию Украиной своих подлинных намерений. Политологи даже придумали термин, адекватный политической невозмутимости – «стратегическое долготерпение». Стратегическое долготерпение России впервые «приостановилось» в 2014 г., когда в ее состав вернулись Крым и Севастополь. Стратегическое долготерпение было прервано осознанием простых и очевидных истин. Таких, например, что главным сепаратистом в СССР была Украина. Именно украинские братья бросили большую семью в тот момент,

когда той было трудно, и она нуждалась в единстве. Украина не просто разошлась с Россией, а уходит к тому, кто по определению является если не врагом, то не меньше, чем противником РФ. Вспомнились и некоторые факты украинской биографии. Например, что, благодаря русским царям и советским вождям, Украина втрое увеличила размеры своей традиционной территории. Без Великой России Украина никогда не обладала бы 22% мировых запасов чернозема. Усилиями страны Советов на Украине были созданы передовая наука, высокоразвитая промышленность и сельское хозяйство. Здесь были возведены гиганты индустрии, машиностроения, авиастроения, судостроения, знаменитая ГТС.

Российское национальное самосознание не может простить украинскому государству оголтелой дерусификации, забвения памяти о Великой Отечественной войне, отречения от общих бед и общих побед в советскую эпоху. Украине предстоит заплатить высокую цену за цивилизационное предательство.

Украинская государственность доказала свою несостоятельность. Украина не обрела суверенитет, отказавшись от ограниченного суверенитета в СССР. Напротив, она его полностью утратила, уступив Западу, точнее – США. Украинская власть держится исключительно на внешних дотациях и вынуждена платить по счетам. США и Украина создали альянс на почве русофобии. Этот альянс – союз всадника и лошади, сюзерена и вассала. Этот союз объективно заточен против РФ. СВО является следствием конфликта, а не его причиной. Конфликт между США и Россией, в котором Украине отводится роль ристалища и инструмента войны, является конфликтом типа «схватка». Суть этого конфликта в том, что противоборствующие стороны разделяют непримиримые противоречия и конфликт может быть решен только победой одной из сторон.

Таким образом, объявление СВО 24 февраля 2022 г. следует рассматривать сквозь призму неизбежности столкновения двух интересов глобального значения. Интерес США – в сохранении мирового господства. Для США война на Украине – империалистическая война. Интерес России – сбережение российской государственности и самой цивилизации. Для России – это Отечественная война, война справедливая, за правое дело. Это оборонительная война, а превентивный удар 24 февраля есть мера необходимой самообороны. На наш взгляд, упреждающий удар нанесен с некоторым опозданием. Это следовало сделать раньше, в период президентства Д. Трампа. В этом случае СВО протекала бы в более благоприятных для России условиях.

Что же касается Украины как участника конфликта, то напрашивается вывод, что Украина ведет войну бессмысленную, самоистребительную. Она ведет войну при отсутствии национального интереса, так как не обладает субъектностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.
2. Внутривнутриполитические процессы в России и Украине и перспективы российско-украинских отношений в период 2014-2020 гг. М.: ИМЭМО РАН, 2014.
3. *Даховник Л.Л.* Місце та роль соціал-демократії в політичній модернізації суспільства. Дисертація на здобуття наукового ступеня канд. політ. наук. СевНТУ. Севастополь, 2008.
4. Конституция Российской Федерации 1993 года. Первоначальная редакция // <https://konstitucija.ru/1993/1/>.
5. Отчет МВФ: Украина – самая бедная страна Европы. ТСН Украина // <https://ru.tsn.ua/ukrayina/otchet-mvf-ukraina-samaya-bednaya-strana-evropy-1232496.html>.
6. Украинцы оказались одной из беднейших наций мира // Вести Украина // https://yandex.ru/turbo?utm_source=turbo_turbo&text=https%3A%2F%2Fvesti-ukr.com%2Fstrana%2F308642-ukraintsy-okazalis-odnoj-iz-bednejshikh-natsij-mira.
7. Украина стала самой бедной страной Европы – данные МВФ // Экономическая правда // <https://www.epravda.com.ua/rus/news/2018/10/12/641571/>.
8. «Хуже только на Мадагаскаре»: где место Украины в мировых рейтингах // Вести Украина // <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fvesti-ukr.com%2Fstrana%2F309045-khuzhe-tolko-na-madahaskare-hde-mesto-ukrainy-v-mirovykh-rejtinhakh&d=1>.

A.A. CHEMSHIT

*D.Sc. in Political Science, Professor,
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia*

SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE AS A MEASURE OF NECESSARY SELF-DEFENSE

The article discusses the causes, nature and features of the special military operation (SMO) in Ukraine. The allegations of Western propaganda about "unprovoked" aggression against the Ukrainian state are refuted. The thesis about the inevitability of a collision between the United States (NATO) and Russia on the basis of cardinal disagreements on the issues of the existing world order is substantiated. At the same time, Ukraine is assigned the role of a participant in the conflict deprived of subjectivity, leading a senseless, self-destructive war. The validity of the SMO as a necessary measure to preserve national statehood and Russian civilization is argued.

Key words: *special military operation, world order, state sovereignty, Russia, USA, NATO, Ukraine.*

С.О. НОВОСЕЛЬСКИЙ

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник научного центра по исследованию
истории и развития мировых цивилизаций АНО ВО «Университет
Мировых Цивилизаций им. В.В. Жириновского»,
Россия, г. Москва

М.А. БУЛАВИНА

кандидат юридических наук, доцент, проректор
по научной работе АНО ВО «Университет Мировых
Цивилизаций им. В.В. Жириновского»,
Россия, г. Москва

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Введение: В существующих условиях геополитической турбулентности значительно повышается значимость государственной политики в сфере межрелигиозного диалога, которая должна быть сфокусирована на защите национальных интересов и снижении уровня социальной напряженности в гражданском обществе. Решение данной задачи авторским коллективом видится в выстраивании четкой стратегической линии государственной религиозной политики, ориентированной на минимизацию межрелигиозного противостояния, а также способной эффективно противостоять внешним дестабилизирующим угрозам.

Цель и задачи: цель работы заключается в исследовании сущности и значения государственной политики в сфере межрелигиозного диалога в условиях геополитической нестабильности. Достижение поставленной цели становится следствием решения следующего перечня задач: выделить основные аспекты значимости межрелигиозного диалога в современной общественной среде; раскрыть ключевые дефиниции понятия «межрелигиозный диалог»; сформулировать основные направления оптимизации государственной политики Российской Федерации в сфере межрелигиозного диалога; предложить общий концепт стратегии государственной политики Российской Федерации в сфере межрелигиозного диалога.

Методы: при выполнении исследования были использованы исторический, сравнительный, аналитический, монографический методы, а также методы научного обобщения и синтеза.

Результаты: в работе представлен общий концепт стратегии государственной политики Российской Федерации в сфере межрелигиозного диалога, который включает в себя совокупность фундаментальных задач, принципов, условий и инструментов.

Выводы: реализация механизма межрелигиозного диалога в Российской Федерации должна носить стратегический характер, сущность которого заключается в выработке как тактических, так и долгосрочных подходов, и инструментов для управления религиозными отношениями в стране. Стержневой целью данной стратегии должно стать формирование гармоничного единого религиозного пространства на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная политика, межрелигиозный диалог, гражданское общество, стратегия, религия, религиозная политика.

Актуальность. Исследуемая в работе проблематика обладает неоспоримым уровнем актуальности, так как построение качественного межрелигиозного диалога является важным элементом обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Ключевой особенностью социально-экономического пространства нашей страны является ее многонациональность, которая позволяет мирно сосуществовать и развиваться большому количеству народов. Присутствие множества народов на территории России носит исторический характер и все они осознают себя частью единого неделимого государства. При этом фундаментальные конституционные основы отечественной правовой системы закрепляют свободу вероисповедания, что обеспечивает многоконфессиональность современного общества. Каждая конфессия обладает своим набором духовных детерминант, которые по тем или иным критериям могут противоречить друг другу. Присутствие подобного рода противоречий может стать поводом для зарождения конфликтных ситуаций на религиозной почве, которые приводят к деструктивным тенденциям в современном обществе, увеличению социальной напряженности и формированию благоприятных факторов для межнациональной розни. В данных условиях особая роль принадлежит государству, которое должно стать опорой для построения межрелигиозного диалога. Государственная религиозная политика фокусируется на формировании единства в рамках существующего многоконфессионального пространства. Одним из наиболее актуальных инструментов решения обозначенной задачи является межрелигиозный диалог, который выстраивается под патронажем профильных государственных структур. Цель

данного механизма заключается в поиске точек соприкосновения и единения представителей всех конфессий для формирования мирного пространства комфортного сосуществования. Проведение религиозной политики в Российской Федерации должно носить стратегический характер и опираться на результаты комплексных социологических исследований, формирующий достоверную информационную базу для принятия качественных управленческих решений.

Основные результаты исследования. Построение качественного межрелигиозного диалога всегда было актуальным направлением государственной политики Российской Федерации, так как ее население представлено большим разнообразием народов, которые придерживаются разных религиозных убеждений. Многие авторы в своих научных исследованиях отражают значимость построения межрелигиозного диалога под патронажем деятельности профильных государственных органов. По мнению В.Н. Амелина [1. С. 665], значимость государственной политики в сфере построения межрелигиозного диалога обусловлена тем масштабом функций, которые выполняет религия в современном обществе.

Д.А. Брусиловский [3. С. 123] выделяет историческую значимость построения межрелигиозного диалога. По мнению автора, с давних времен Россия была многонациональным государством, и все правители стремились учесть религиозные запросы каждой нации и общины, что обеспечивало общенациональное единство и примирение. На современном этапе необходимо продолжить данные традиции и сформировать четкую программную политику по единению граждан в общее социально-культурное пространство на основе уважения религиозных предпочтений каждого.

Д.И. Ахмалетдинова [2. С. 21] рассматривает актуальность межрелигиозного диалога через призму социальной консолидации современного общества. Гармония российского общества должна выстраиваться на базе взаимного уважения, одной из форм проявления, которого выступает уважение к религиозным предпочтениям каждого гражданина. Важным инструментом для решения данной задачи является регулирование государством деятельности религиозных организаций. Регулирующее влияние может быть выражено в следующих аспектах:

- мониторинг целевой ориентации социальной миссии;
- стимулирование пропаганды идей согласия и единства населения страны;
- подавление идей религиозного радикализма на начальных стадиях их проявления.

С учетом научной позиции Н.Д. Литвинова [7. С. 35] можно сделать вывод о том, что значимость межрелигиозного диалога проявляется в качестве инструмента единения населения страны. Автор отмечает бесспорность присутствия внешней разрушающей составляющей, которая сфокусирована

на возвращении межнациональной розни на территории страны, опирающейся на поликонфессиональный характер России. Противовесом данных деструктивных тенденций должна стать продуманная религиозная стратегия государства, опирающаяся на поддержку представителей различных конфессий, а общий постулат которой должен звучать так «Бог един! Это мы, люди, разные». Стержневой целью данной стратегии должно стать формирование гармоничного единого религиозного пространства на территории Российской Федерации.

Иное виденье на значимость межрелигиозного диалога раскрывает в своей статье А.В. Лубский [8. С. 103]. Суть научной позиции представленного автора состоит в том, что межрелигиозный диалог является основой формирования общероссийской идентичности. В этой связи требуется провести четкое разграничение понятий общероссийская и национальная идентичность. В контексте существования многонационального государства использование понятия национальная идентичность носит не корректный характер, так как может привести к расколу в обществе по национальному признаку. В этой связи намного важнее культивировать такое понятие как общероссийская идентичность, которое выступает объединяющим началом для всех народов, входящих в состав Российской Федерации. Одним из элементов общероссийской идентичности выступает формирование гармоничных отношений между представителями различных религий, которые становятся возможными только на основе постоянного многостороннего диалога.

В современных условиях геополитической нестабильности присутствует общественный запрос на построение эффективной государственной религиозной политики. По мнению В.В. Мальцева [9. С. 247], общественная значимость организации межрелигиозного диалога проявляется в следующих аспектах:

- формирование национальной идентичности на фоне толерантного отношения ко всем религиям;
- минимизация и даже полное уничтожение всех форм проявления религиозного радикализма;
- противодействие внешнему вмешательству во внутренние религиозные отношения страны с целью создания почвы для зарождения межнациональной розни.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением О.Г. Карпович [5. С. 115], который делает вывод о том, что объективно существующие геополитические вызовы требуют обеспечения повышенного внимания со стороны государства к религиозным вопросам. Данную точку зрения также разделяет в своей публикации В.В. Мальцев [9. С. 225], который отмечает, что религиозные отношения являются ключевым инструментом дестабилизации

общественной ситуации в стране. На рисунке 1 отразим основные аспекты значимости межрелигиозного диалога в современной общественной среде.

Рисунок 1. Основные аспекты значимости межрелигиозного диалога в современной общественной среде

Обобщение исследованного материала позволяет сделать вывод о том, что в научной среде нет единого мнения относительно сущности понятия межрелигиозный диалог. Каждый автор дает его трактовку через призму собственного субъективного виденья и рассматривает с учетом стоящих перед ним целей. В данной работе представим наиболее распространенные характеристики исследуемой категории. По мнению О.В. Копылова [6. С. 302], межрелигиозный диалог представляет собой процесс обсуждения различных проблем бытия, социальных отношений, норм и морали представителями различных религий. В рамках позиции представленного автора можно выделить следующие характеристики межрелигиозного диалога:

– достижение общих точек соприкосновения и понятийного согласия происходит в рамках гармоничного диалога;

– участниками рассматриваемого процесса могут выступать представители двух и более религиозных объединений;

– диалог строится на взаимном согласии и уважении всех участников отношений, которые должны обеспечить выработку единой позиции по ключевым вопросам;

– принципы толерантности и дискуссионности являются основами поиска гармоничного сочетания представителей всех религий в общественном пространстве Российской Федерации.

Межрелигиозный диалог является формой устойчивых коммуникаций между представителями религий, осуществляемой на основе публичного и не публичного общения. На основе предложенного подхода можно выделить еще ряд существенных характеристик межрелигиозного диалога:

– осуществляется в виде общения людей с разным мировоззрением, но при этом уважающими позиции друг друга;

– организация диалога может происходить как в публичной, так и в не публичной форме. При этом каждая форма обладает своим уровнем значимости, а построение эффективного диалога достигается при максимальном использовании потенциала обеих форм.

На рисунке 2 представим ключевые дефиниции понятия «межрелигиозный диалог».

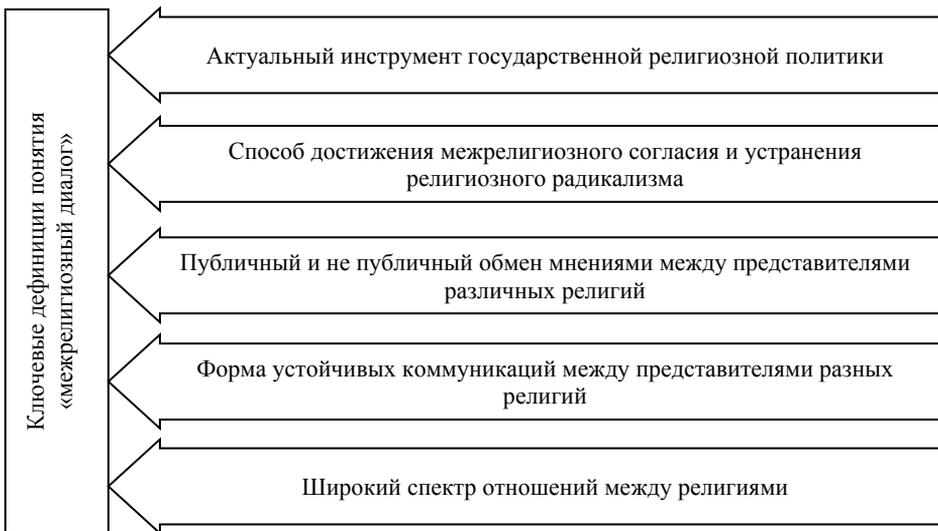

Рисунок 2. Ключевые дефиниции понятия «межрелигиозный диалог»

Важным направлением оптимизации государственной политики в сфере межрелигиозного диалога выступает использование РПЦ в качестве элемента «мягкой силы» России. Обоснованность данного предложения

состоит в том, что РПЦ является доминирующим религиозным органом на территории России. Выделенный статус формирует следующие основные направления деятельности РПЦ в сфере построения качественного межрелигиозного диалога:

- недопущение дискриминации и уничижительного отношения к представителям других религий и религиозных организаций;
- продвижения в общественной среде нарративов толерантности и религиозного примирения;
- организация функционирования Центров религиозного просвещения.

На рисунке 3 отразим основные направления оптимизации государственной политики Российской Федерации в сфере межрелигиозного диалога.

Рисунок 3. Основные направления оптимизации государственной политики Российской Федерации в сфере межрелигиозного диалога

Актуальность разработки стратегии межрелигиозного диалога возрастает особенно тогда, когда недружественные страны стараются использовать религиозный фактор, как инструмент дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране. Противовесом данных деструктивных тенденций должна стать продуманная религиозная стратегия государства, опирающаяся

на поддержку представителей различных конфессий. С учетом сказанного на рисунке 4 представим общий концепт стратегии государственной политики Российской Федерации в сфере межрелигиозного диалога.

Рисунок 4. Общий концепт стратегии государственной политики Российской Федерации в сфере межрелигиозного диалога

Реализация стратегии государственной политики РФ в сфере межрелигиозного диалога должна максимально тесно коррелироваться с ключевыми аспектами развития отечественной системы образования [4. С. 233]. Кроме того, при формировании основных задач стратегии государственной религиозной политики нельзя забывать о необходимости поддержания приемлемого уровня политической активности всех представителей российского общества [10. С. 5].

В целом можно сделать вывод о том, что стратегия государственной политики в сфере межрелигиозного диалога представляет собой систему долгосрочных и устойчивых отношений между представителями разных религий и религиозных организаций, опирающуюся на механизм государственной поддержки, и нацеленную на достижение консенсуса по ключевым религиозным проблемам и приведение общества к межрелигиозному согласию. Базовая цель данного механизма заключается в поиске точек соприкосновения и единения представителей всех конфессий для формирования мирного пространства комфортного сосуществования.

Заключение. Таким образом, по итогам проведенных исследования можно сделать вывод о том, что построение качественного межрелигиозного диалога является важнейшим направлением государственной политики, сфокусированной на обеспечении национальной безопасности. Межрелигиозный диалог является многофункциональным понятием, которое включает в себя огромное количество элементов. В наиболее общем виде межрелигиозный диалог представляет собой широкий спектр отношений, возникающих между представителями различных религиозных течений и их организациями, по средству обмена мнениями в публичной и не публичной формах с целью достижения максимальной гармонизации взаимоотношений и снятия социальной напряженности в общественной среде. Внедрение стратегического подхода к реализации государственной политики Российской Федерации в сфере межрелигиозного диалога выступит важным направлением ее оптимизации. Применение комплекса инструментов государственного регулирования долгосрочного характера особенно на программной основе их реализации создаст мощный импульс для активизации межрелигиозного диалога в стране. Предложенный в работе концепт стратегии государственной политики в сфере межрелигиозного диалога выделяет совокупность целей, задач, инструментов, принципов и факторов. Стремительная цель предложенного концепта заключается в построении гармонии в религиозных отношениях и межрелигиозного согласия, а достижение данной цели становится возможным по итогам решения обоснованного комплекса задач в правовой, культурной и социальной сферах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Амелин В.Н.* Религия в социальной и политической жизни современной России: рецензия на монографию «религия в современной России: контексты и дискуссии» / В.Н. Амелин, А.Л. Оганесян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4.
2. *Ахмалетдинова Д.И.* Религия как фактор социальной консолидации российского общества / Д.И. Ахмалетдинова, А.Х. Ахмедьянова // В книге: формирование российской гражданской идентичности как важнейший

приоритет государственной образовательной политики России. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 30-летию государственного праздника Российской Федерации «День России». Махачкала, 2022.

3. *Брусиловский Д.А.* Историко-политическое значение деятельности курманджан-датки в межкультурном диалоге (на материалах тюркоязычных народов) // Известия ВУЗов (Кыргызстан). 2015. № 4.

4. *Булавина М.А.* Наука и образование в России и Донбассе: сравнительно-правовой анализ и перспективы сотрудничества / М.А. Булавина, С.О. Новосельский // В сборнике: Россия и Донбасс: перспективы сотрудничества и интеграции. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 2022.

5. *Карпович О.Г.* Россия в современном мире: вызовы и риски // Образование. Наука. Научные кадры. 2016. № 1.

6. *Копылов О.В.* Межрелигиозный диалог: анализ современной государственно-церковной политики в России // В сборнике: социология религии в обществе позднего модерна. Сборник статей по материалам IV Международной научной конференции. 2014.

7. *Литвинов Н.Д.* Измы Кавказа как идеологическая основа гибридных войн на Северном Кавказе: история и современность / Н.Д. Литвинов, Н.Д. Милькевич, А.А. Даржанов // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 6.

8. *Лубский А.В.* Ценностная политика и формирование общероссийской идентичности в России / А.В. Лубский, В.П. Войтенко // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2017. № 4 (63).

9. *Мальцев В.В.* Россия в современном глобальном мире: основные вызовы, надежды и устремления // В сборнике: Лучшая научно-исследовательская работа 2018. Сборник статей XIII Международного научно-практического конкурса. 2018.

10. *Новосельский С.О.* Оценка политической активности российских избирателей / С.О. Новосельский, Н.Ю. Босердт, В.А. Халина // Политика, экономика и инновации. 2017. № 1 (11).

S.O. NOVOSELSKY

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Leading Researcher of the Research Center for the Study of the History
and Development of World Civilizations of the ANO VO «University of
World Civilizations named after I.I. V.V. Zhirinovsky»,
Moscow, Russia*

M.A. BULAVINA

*PhD in Law, Associate Professor, Vice-Rector for Research,
ANO VO «University of World Civilizations named
after A.I. V.V. Zhirinovsky», Moscow, Russia*

THE ESSENCE AND SIGNIFICANCE OF STATE POLICY IN THE SPHERE OF INTER-RELIGIOUS DIALOGUE IN CONDITIONS OF GEOPOLITICAL INSTABILITY

Introduction: *in the current conditions of geopolitical turbulence, the importance of state policy in the field of interreligious dialogue is significantly increased, which should be focused on protecting national interests and reducing the level of social tension in civil society. The solution to this problem by the team of authors is seen in building a clear strategic line of state religious policy, focused on minimizing inter-religious confrontation, and also able to effectively resist external destabilizing threats.*

Purpose and objectives: *the purpose of the work is to study the essence and significance of state policy in the field of interreligious dialogue in the context of geopolitical instability. Achieving this goal becomes a consequence of solving the following list of tasks: highlight the main aspects of the significance of inter-religious dialogue in the modern social environment; reveal the key definitions of the concept of «interreligious dialogue»; formulate the main directions for optimizing the state policy of the Russian Federation in the field of interreligious dialogue; propose a general concept of the strategy of the state policy of the Russian Federation in the field of interreligious dialogue.*

Methods: *when performing the research, historical, comparative, analytical, monographic methods, as well as methods of scientific generalization and synthesis were used.*

Results: *the paper presents a general concept of the strategy of the state policy of the Russian Federation in the field of interreligious dialogue, which includes a set of fundamental tasks, principles, conditions and tools.*

Conclusions: *the implementation of the mechanism of interreligious dialogue in the Russian Federation should be of a strategic nature, the essence of which*

is to develop both tactical and long-term approaches and tools for managing religious relations in the country. The core goal of this strategy should be the formation of a harmonious unified religious space on the territory of the Russian Federation.

Key words: *public policy, interreligious dialogue, civil society, strategy, religion, religious policy.*

К.Х. РАХИМОВ

*кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры теории и истории международных отношений
Российского университета дружбы народов; руководитель Сектора
Центральной Азии Центра исследований постсоветских стран,
Россия, г. Москва*

ЦЮ ШУАНШУАН

*магистрант кафедры теории и истории
международных отношений Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва*

АМЕРИКАНСКИЙ ФАКТОР В КИТАЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

24 августа 2022 года исполнилось 30 лет дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Корея. В целом китайско-южнокорейские отношения достигли всестороннего и быстрого развития, обмена и сотрудничества во всех областях принесли плодотворные результаты. Однако США оказали огромное влияние на внешнюю политику Южной Кореи. После того, как в конце 2016 года США и Южная Корея совместно объявили о развертывании (Terminal High Altitude Area Defense далее – ТНААД), китайско-южнокорейские отношения значительно ухудшились. Несмотря на некоторые позитивные меры, принятые обеими правительствами в последние годы, американский фактор, несомненно, является неотъемлемой частью китайско-южнокорейских отношений. В 2022 году новый президент Республики Корея Юн Сок Ёль пришел к власти, более придавая большее значение отношениям с США на дипломатической практике, в то же время он перевел отношения между Южной Кореей и США в «глобальный стратегический альянс» и усилил сотрудничество с НАТО. Китайско-южнокорейские отношения являются одними из самых основных двусторонних отношений в Северо-Восточной Азии, и обе страны должны продолжать идти рука об руку с высоким чувством ответственности в будущем. Актуальность темы данной работы обусловлена тем, что американский фактор оказывает большое влияние на отношения между Китаем и Южной Кореей.

Ключевые слова: *отношение, Китай, Южная Корея, США.*

Южная Корея является одним из самых важных соседей Китайской Народной Республики (далее – КНР). 24 августа 1992-го года КНР и Республика Корея (далее – РК) опубликовали совместное коммюнике в Пекине, официально установив дипломатические отношения. Одним махом дипломатические отношения между КНР и Республикой Корея (Южной Кореей) разрушили оковы холодной войны в Северо-Восточной Азии и стали значительным историческим событием. В «Коммюнике Южной Кореи и Китая о дипломатических отношениях» изложено, что Правительство КНР и правительство Республики Корея соглашаются развивать добрососедские отношения на основе принципов, закрепленных в уставе Организации Объединенных Наций, и принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, вмешательства во внутренние дела друг друга, равенство, взаимная выгода и мирное сосуществование [4].

После установления дипотношений политические отношения между двумя странами развиваются хорошо. В 1998 г. президент РК Ким Дэ Чжун (1998-2003 гг.) посетил Китай и объявили, что обе стороны создали отношения китайско-южнокорейского партнерства, ориентированные в XXI век. В 2003 г. президент РК Но Му Хена (2003-2008 гг.) посетил Китай, и планировали перевести отношения на более высокий уровень отношений между КНР и РК, в то же время обе стороны объявили о создании всестороннего сотрудничества и партнерства. В мае 2008 года президент РК Ли Мен Бак (2008-2013 гг.) совершил визит в Китай, и обе стороны объявили о создании китайско-южнокорейского стратегического сотрудничества и партнерства. В июле 2014 года президент КНР Си Цзиньпин посетил Южную Корею с визитом, и обе стороны объявили о том, что Китай и Южная Корея прилагают усилия к тому, чтобы стать партнерами в достижении общего развития, партнерами по поддержанию мира в регионе, и партнерами, которые могут рука об руку возродить Азию и способствовать процветанию во всем мире. В декабре 2017 г. президент РК Мун Чжэ Ин (2017-2022 гг.) посетил Китай, обе стороны углубленно обменяли мнения по вопросам содействия улучшению развития отношений КНР и РК, и укреплению контактов и сотрудничества [8].

Время	Развитие отношений между КНР и РК
1992 г.	Установление дипломатических отношений
1998 г.	Создание китайско-южнокорейского партнерства
2003 г.	Создание всестороннего сотрудничества и партнерства
2008 г.	Создание китайско-южнокорейского стратегического партнерства
2014 г.	Углубление стратегического партнерства

В экономике Китай и Южная Корея имеют более тесную торговую взаимодополняемость. За 30 лет двусторонняя торговля достигла значительного роста. В настоящее время Китай и Южная Корея являются важными торговыми партнерами [6. С. 102]. В то же время Южная Корея является третьим торговым партнером Китая. Согласно официальным данным Китая, объем торговли между КНР и РК вырос почти в 45 раз, с 6,3 миллиарда долларов в 1992 году до 284,54 миллиардов долларов в 2019 году [5. С. 98].

Дружественные контакты и сотрудничество были установлены между научно-техническими, культурными, образовательными, судебными органами и многими местными правительствами двух стран. Южнокорейские звезды популярны среди китайцев, и корейцы любят традиционную культуру Китая. Южная Корея является одной из десяти самых популярных туристических стран для китайских туристов. К концу января 2019 года между крупными городами двух стран было проведено более 60 регулярных пассажирских маршрутов и более 1200 рейсов в неделю [4].

За 30 лет китайско-южнокорейские отношения значительно развились. Несмотря на то, что в ходе этого процесса между двумя странами были разногласия, это не сильно повлияло на развитие двусторонних отношений. После установления дипотношений между двумя странами постепенно установились всеобъемлющие механизмы стратегического диалога в четырех областях, включая дипломатию, безопасность, оборону, государственные учебные учреждения, но по-прежнему отсутствуют углубленные контакты и сотрудничество в ключевых областях безопасности.

В 2010-м году США анонсировали стратегию возвращения в Азиатско-Тихоокеанский регион. Эта политика оказывает наибольшее воздействие на внешнюю среду Китая [11]. В конце 2016 г. США и РК совместно объявили о развертывании Терминала высокогорной обороны (Terminal High Altitude Area Defense далее – ТНААД). США заявляют, что развертывание ТНААД – просто защитная мера, направленная только на Северную Корею и США не намерены угрожать интересам безопасности Китая. Но Китай настойчиво выражает свое несогласие, потому что развертывание ТНААД является мерой по сдерживанию Китая. Размещение в РК системы «ТНААД» нанес серьезный удар по китайско-южнокорейским отношениям.

За неделю до развертывания системы «ТНААД» премьер-министр Южной Кореи посетил Китай, избегая вопроса о «ТНААД», серьезно подорвав политическое доверие между двумя странами. Китайская сторона неоднократно повторяла, что вопрос «ТНААД» касается основных интересов Китая, но Южная Корея все-таки готова развертываться. После этого Южная Корея также не дала четких, убедительных объяснений и разъяснений через официальные каналы. Вопрос «ТНААД» подчеркивает уязвимость стратегических партнерских отношений, в результате чего китайско-южнокорейские отношения находятся на рекордно низком уровне.

Проблема «ТНААД» имеет глубокий американский фактор, которая продолжается в настоящее время и может в будущем оказывать постоянное влияние на китайско-южнокорейские отношения. США использовали стратегию клина, они были намерены сдерживать Китай и получить региональный голос в Северо-Восточной Азии (СВА) [12. С. 43].

Президент РК Мун Чжэ Ин, рассматривавшийся как прогрессивная сила Южной Кореи, в значительной степени продолжил практику предыдущего правительства. После того, как Мун Чжэ Ин вступил в должность президента, китайская сторона ожидает от него большего, ожидая, что он «приостановит» процесс развертывания Terminal High Altitude Area Defense (ТНААД), по крайней мере, отложит его развертывание. Но что касается вопроса о «ТНААД», то сначала Мун Чжэ Ин не дал явных показаний и во время предвыборной кампании продемонстрировал «неопределенную» позицию. После вступления в должность Мун Чжэ Ин предпринял ряд шагов по улучшению отношений между Китаем и Южной Кореей, и было мнение о том, что проблемы «ТНААД» могут измениться, но Мун Чжэ Ин, который недавно вступил в должность, предпочел бы как можно скорее стабилизировать политическую обстановку, не продемонстрировав решительной воли или активных действий против «ТНААД» [2. С. 40].

11 мая 2017-ого года президент КНР Си Цзиньпин по телефону с президентом РК Мун Чжэ Ин подчеркнул, что «обе стороны должны накрепко помнить о начале установления дипломатических отношений между КНР и РК, и надеяться на то, что новое правительство Южной Кореи придаст большое значение значительным озабоченности китайской стороны и примет реальные меры для содействия здоровому и плавному развитию двусторонних отношений» [10]. Несмотря на сильную оппозицию Китая, Южная Корея и США продолжают продвигать развертывание «Terminal High Altitude Area Defense» (ТНААД).

После визита в США в конце июня 2017 года новое правительство Южной Кореи открыло свою истинную позицию по вопросу о «ТНААД», а именно, что решение южнокорейского и американского союза не может быть изменено. В частности, после того, как Северная Корея ужесточила испытательные ракеты, Мун Чжэ Ин постепенно перешел на более быструю траекторию ускоренной развертывания «ТНААД»: 28 июля после запуска межконтинентальной баллистической ракеты (ICBM) в Северной Корее, Мун Чжэ Ин приказал разместить оставшиеся четыре танка «ТНААД» в районе тира. 31 июля министр обороны Южной Кореи Сон Ён Му предложил президенту Мун Чжэ Ин всестороннее развертывание системы «ТНААД» [7].

В ответ на это решение правительство Мун Чжэ Ин, министерство иностранных дел КНР вновь выступило с заявлением о том, что Южная Корея и США должны посмотреть в глаза китайским интересам, остановить

процесс развертывания и удалить соответствующее оборудование. Реакция китайского народного мнения на размещение «ТНААД» также была очень сильной. В какой-то момент общественное мнение Китая подняло кульминацию критики Южной Кореи по поводу развертывания «ТНААД», которое неизбежно повлияло на дипломатические отношения между КНР и РК. В то время некоторые ученые отмечали, что отношения между Китаем и Южной Кореей упали до самого низкого уровня со времен установления дипотношений 1992 года [13. С. 9].

30 октября 2017 года, тогдашний министр иностранных дел РК Кан Гён Хва предложила политику «Три нет» – Сеул не будет развертывать никаких дополнительных систем Terminal High Altitude Area Defense (ТНААД); не будет участвовать в развертывании противоракетной обороны под руководством США; и не будет формировать трехсторонний военный союз с Вашингтоном и Токио [9]. В то же время Южная Корея не будет угрожать интересам стратегической безопасности Китая. На следующий день Китай и Южная Корея совместно опубликовали пресс-релиз двух сторон по вопросам развития межгосударственных отношений и др. С тех пор появились признаки потепления в китайско-южнокорейских отношениях.

25 июля 2022 г. глава МИД РК Пак Чин выразил сожаление по поводу политики «трех нет», призвав Пекин играть более конструктивную роль в денуклеаризации Северной Кореи. Фактически, Пак подчеркнул, что «три нет» были просто объяснением позиции правительства Южной Кореи по этому вопросу, а не формальным соглашением. Вскоре представитель МИД КНР Чжао Лицзянь отметил, что позиция РК сыграла важную роль в сотрудничестве и углублении взаимного доверия. Чжао добавил, что новый лидер «не может закрывать глаза на прошлые долги», и «взятое обязательство должно быть сохранено, несмотря на смену правительства. Когда дело доходит до серьезных чувствительных вопросов, касающихся безопасности ее соседей, сторона РК должна продолжать действовать осмотрительно и находить фундаментальное решение проблем» [1].

11 января 2023 г. президент РК Юн Сок Ёль отметил, что на данный момент «важно выбирать реалистично возможные варианты. Он уточнил, что Сеул обсуждает с Вашингтоном обмен информацией, совместное планирование и реализацию таких планов в вопросах ядерных активов США» [15]. 13 января в ответ на это заявление представитель МИД КНР Ван Вэнбин заявил: Китайская сторона внимательно следит за действиями южнокорейской стороны в отношении «ТНААД», и поддерживает контакты с Южной Кореей на всех уровнях. Китайская сторона продолжит надлежащим образом урегулировать и контролировать этот вопрос, не превращая его в препятствие на пути развития двусторонних отношений [3].

Обсуждение китайско-корейских отношений в настоящее время требует учета двух ключевых факторов: с одной стороны США являются

единственным союзником Южной Кореи, а южнокорейско-американский альянс является краеугольным камнем внешней политики и политики безопасности Южной Кореи; с другой стороны, Китай является самым близким и долгосрочным соседом Южной Кореи, который никогда не сможет переехать. В настоящее время конфликт между КНР и США становится более серьезным. Некоторые средние державы, к примеру, Южная Корея, сталкиваются с трудными проблемами. Зависимости безопасности от США и экономики от Китая – это настоящее состояние РК, которая недостаточно полно позволяет охарактеризовать выбор [11].

Вспоминая и суммируя тридцать лет развития дипломатических отношений между КНР и РК, двусторонние отношения добились значительных успехов во всех областях, а также подчеркнули дисбаланс в развитии двусторонних отношений, в том смысле, что двусторонние отношения все больше демонстрируют тесное сотрудничество в торгово-экономической и социальной областях, но при этом отсутствует существенное сотрудничество в военных и областях безопасности. Если не удастся решить «короткий щит безопасности», который глубоко ограничивает развитие китайско-южнокорейских отношений, то это также может оказать влияние на экономические, гуманитарные и другие доминирующие области, и двусторонние отношения столкнутся с новыми проблемами [14].

Китай и Южная Корея являются важными близкими соседями и партнерами друг для друга, а также усиливают отношения дружбы и сотрудничества в соответствии с текущими обстоятельствами, что отвечает коренным интересам двух стран. Обе страны должны надлежащим образом урегулировать ключевые чувствительные вопросы, затрагивающие двусторонние отношения, в частности, такие, как «американский фактор», и активно стремиться к миру и стабильности в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Асмолов К.* «Деликатные вопросы» отношений КНР и РК: проблема ТНААД и вопрос KADIZ. 2022 // <https://ru.journal-neo.org/2022/09/26/delikatny-e-voprosy-otnoshenij-knr-i-rk-problema-thaad-i-vopros-kadiz/>.

2. *Би Инда.* Китайско-корейские отношения в тени ТНААД // Современная Корея. 2017. 毕颖达, 萨德阴影下的中韩关系, 当代韩国, 2017年.

3. *Ван Венбин.* Китайская сторона внимательно следит за действиями южнокорейской стороны в отношении «ТНААД», 13 января 2023 г. 汪文斌: 中方密切关注韩方涉“萨德”问题相关动向, 2023年1月13日 // https://www.fmprc.gov.cn/web/sp_683685/wjbfyrlxjzh_683691/202301/t20230113_11007066.shtml.

4. Коммюнике Южной Кореи и Китая о дипломатических отношениях // Жэньминь Жибао. 25 августа 1992 г. 中韩两国建交联合公报, 人民日报

报, 1992年8月25日 // http://www.zhongguotongcuhui.org.cn/stzl_37497/wxzl/wxzlkwjwbwx/201210/t20121018_3194321.html.

5. Ли Чунфу. 30-летняя годовщина установления дипотношений между Китаем и Южной Кореей: результаты, возможности и задачи // Северо-восточноазиатский журнал. 2022 г. 李春福, 建交三十周年的中韩关系: 成果、机遇与挑战, 《东北亚学刊》2022年1月第1期.

6. Лян Ябин. 30 лет установления дипотношений между КНР и РК: статус-кво, проблемы и будущее, 2022 г. 梁亚滨, 中韩建交 30 年: 现状、问题与未来, 2022年.

7. Министр обороны Южной Кореи предложил всестороннее развертывание «ТНААД», 2023 г. 韩防长建议全面部署“萨德”韩美近期还将磋商追加部署 // <https://world.huanqiu.com/article/9CaKrnK4p0x>.

8. Отношения между Китаем и Южной Кореей // Министерство иностранных дел КНР. 2022 г. 中国同韩国的关系, 中国外交部, 2022年 // https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676524/sbgx_676528/.

9. Полевой Н. Китай и Южная Корея схлестнулись из-за американской противоракетной системы // https://polit.info/23584437-kitai_i_yuzhnaya_koreya_shlestnulis_iz_za_amerikanskoj_protivoraketnoi_sistemi.

10. Президент КНР Си Цзиньпин по телефону с президентом РК Мун Чжэ Ин // Жэньминь сайт. 11 мая 2017 г. 习近平同韩国总统文在寅通电话, 人民网, 2017年5月11日 // http://www.xinhuanet.com/world/2017-05/11/c_1120955563.htm.

11. Сочжу Хуан. Отношения Китая и Южной Кореи: роль американского фактора // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022 // <https://DOI.org/10.24866/1813-3274/2022-2/73-84>.

12. Цзян Лонфан. Американский фактор в развитии отношений между Китаем и Южной Кореей после эпидемии // Донцзян журнал. 2022 г. 姜龙范, 后疫情时代中韩关系发展中的美国因素, 东疆学刊, 2022年.

13. Чжао Синли. Китайско-южнокорейские отношения: можно ли ожидать «второй весны»? // Journal of Yanbian University (Social Sciences), март 2022 г. 赵立新, 中韩关系是否能迎来“第二个春天”? 延边大学, 2022年3, 第5-15页.

14. Чжан Чи. Конструктивное сосуществование: создание новой модели взаимодействия между американо-южнокорейским союзом и китайско-южнокорейским стратегическим партнерством // Современный Азиатско-тихоокеанский регион. 2017 г. 张弛: 《建设性并立: 构建美韩同盟与中韩战略合作伙伴关系互动的新模式》, 《当代亚太》2017年第6期.

15. Южнокорейцы выступили за разработку собственного ядерного оружия // РИА // <https://ria.ru/20230130/oruzhie-1848335289.html>.

K.KH. RAKHIMOV

*Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer
Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia; Head of the Central Asia
Sector of the Center for Studies of Post-Soviet Countries,
Moscow, Russia*

QIU SHUANGSHUANG

*Master student of the Department of Theory and History
of International Relations, Peoples' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia*

THE AMERICAN FACTOR IN SINO-SOUTH KOREAN RELATIONS

August 24, 2022, marks 30 years of diplomatic relations between the People's Republic of China and the Republic of Korea. On the whole, Sino-South Korean relations have achieved comprehensive and rapid development, and exchanges and cooperation in all fields have brought fruitful results. However, the US has had a huge impact on South Korea's foreign policy. After the US and South Korea jointly announced the deployment of (Terminal High Altitude Area Defense hereinafter – THAAD) at the end of 2016, Sino-South Korean relations deteriorated significantly. Despite some positive measures taken by both governments in recent years, the American factor is undoubtedly an integral part of Sino-South Korean relations. In 2022, the new President of the Republic of Korea, Yoon Seok-yeol, came to power attaching more importance to relations with the United States in diplomatic practice, at the same time he moved the relationship between South Korea and the United States into a "global strategic alliance" and strengthened cooperation with NATO. Sino-South Korean relations are one of the most basic bilateral relations in Northeast Asia, and both countries should continue to go hand in hand with a high sense of responsibility in the future. The relevance of the topic of this work is due to the fact that the American factor has a great influence on relations between China and South Korea.

Key words: *attitude, China, South Korea, USA.*

Б. ПАЛУАНИЯЗОВ

*начальник Тахиаташского районного отдела
Республиканского духовно-просветительского центра,
Республика Узбекистан, г. Тахиаташ*

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ УГРОЗАМ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

В целях достижения мира и устойчивого развития в Центральной Азии государства региона проводят активную внешнюю политику. Превращение Центральной Азии в регион мира и добрососедства также является приоритетом внешней политики Узбекистана. Актуальность темы данной статьи заключается в том, что в современную эпоху нарастания источников глобальных угроз обеспечение территориальной безопасности Центральной Азии стало одной из основных задач, стоящих перед странами региона. Стратегические направления технологий противодействия социально-политическим угрозам в центрально-азиатском регионе.

Ключевые слова: *Центральная Азия, регион, безопасность, партнерства, духовность, традиции, культура.*

Деятельность религиозных фанатиков в центрально-азиатском регионе начала складываться в начале 80-х годов XX века усилиями зарубежных экстремистских центров. В регионе появились группы, занимающиеся подбором и подготовкой лиц для использования в качестве боевиков за счет финансовой поддержки, поступающей из-за рубежа. В начале 1990-х годов, когда республики Центральной Азии обрели независимость, эти группы активизировались.

В результате экстремизм в регионе в основном проявляется в виде появления новых группировок, основанных на сектантстве, неформальном религиозном учении, незаконном изготовлении, ввозе, распространении, миссионерстве и прозелитизме религиозной продукции.

Негативное влияние экстремизма и терроризма на развитие социальной стабильности становится более очевидным при анализе целей ряда экстремистских действий, наблюдаемых в центрально-азиатском регионе.

Идеологическая глобализация связана с развитием средств массовой информации и революцией, происходящей в этой сфере.

По мнению экспертов, человечество сегодня переживает новую информационную революцию, и это не первая революция в истории человеческого общества. Если формирование речи расширило возможности передачи информации, то появление письменности открыло путь к долговременному хранению и передаче информации, отделенной от ее создателя, на большие расстояния и даже межвременной передаче. Появление газет и журналов увеличило скорость и охват письменной информации. А радио и телевидение обеспечили передачу информации через звук и изображение, подняв ее на новый качественный уровень.

Как сказал Первый Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов, «Сегодня наша молодежь получает разнообразную информацию и сведения не только в учебных заведениях, но и через такие средства массовой информации, как радио и телевидение, прессу, Интернет. В таких условиях, когда глобальное информационное пространство расширяется, не только окружать сознание наших детей, но и однобоко воспитывать их, говоря им, чтобы они не читали это, не видели этого, окружили их железной стеной, несомненно, не соответствует требованиям времени и нашим благородным целям.

Нынешняя информационная революция связана с появлением такого явления, как Интернет, который синтезирует многие аспекты появившихся в предыдущие периоды способов передачи информации на основе современных компьютерных технологий.

Сегодня информация в различных формах и содержании стала необходимым условием жизни, развития и зрелости человека и общества, а электронные средства массовой информации и официальные сайты различных организаций стали важным звеном в ее распространении. В частности, важнее Интернета, радио, телевидения, газет и журналов то, что любой человек может найти правильный путь в сложных социально-политических и культурных процессах, выйти за пределы своего индивидуального опыта и почувствовать суть комплексных процессов.

Интернет обладает огромным потенциалом для воздействия на умы и эмоции людей, их образ мыслей и поведение. Сегодняшнее развитие Интернета привело к резкому увеличению масштабов и размаха идеологического влияния. Интернет оказался настолько неожиданно мощным инструментом воздействия на разум и душу человека, что вдруг стало трудно отличить преимущества или недостатки распространяемой информации.

Интернет стал важным звеном в современном информационном пространстве. В настоящее время Интернетом можно пользоваться не только через компьютерную сеть, но и через спутники космической связи, радиосигнал, кабельное телевидение, телефон, сотовую связь. Телефон, который

изначально использовался только для связи, теперь может пользоваться различными дополнительными услугами, такими как Интернет, передача голоса и данных, видеотелефония и даже смотреть сериалы.

Влияние Интернета во многом зависит от скорости предоставления материалов, актуальности поднимаемых вопросов и уровня анализа и эффективных решений существующих проблем.

Как отметил Первый Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов, «Движение в современном информационном поле настолько интенсивное, настолько быстрое, что сейчас, как и раньше, да, это событие произошло далеко от нас, оно не имеет к этому никакого отношения. с нами, и мы не можем сидеть сложа руки. Все эти условия усиливают значение духовности и национальной идеологии. ...сегодня идея, идея не может быть преодолена ни запретами, ни административными мерами, против идеи можно возразить только идеей, а против идеи только просвещением» [4].

Итак, особенность идеологического воздействия и давления, осуществляемого через Интернет, не требующего больших денежных средств, заключается в том, что оно осуществляется незаметно для читателя, слушателя или зрителя и не вызывает прямых жертв. Информационная война высокоэффективна без уничтожения противника.

При этом серьезно изучаются пожелания, менталитет и существующие проблемы населения стран, на которые направлено идеологическое воздействие, основной акцент делается на воздействии на сознание и мировоззрение людей, изменении сформированных ценностей, снижении их регулирующей роли или полной ликвидации их.

Развитие Интернета придает своеобразный характер идеологической борьбе современности. Этот поток информации очевиден, когда он доставляется корыстным образом или когда он преднамеренно пытается подорвать восприятие людей, предоставляя информацию противоречивого характера одну за другой. Эта особенность проявляется в систематическом сокрытии от членов общества определенных пластов информации, стремлении не превращать их в предмет обсуждения.

Ежедневно в мире происходят миллионы событий. Но в Интернете упоминаются только те вопросы, на которые люди обращают внимание в интересах тех или иных общественно-политических сил. Это показывает, что они определяют приоритетные направления освещения событий, служат формированию у граждан соответствующих мнений и выводов путем получения, интерпретации, оценки и распространения определенной информации. Это показывает, что Интернет может направлять общественное мнение в нужную форму и манипулировать им. В этом процессе необходимо подчеркнуть, что особое внимание уделяется выдаче ложной и сфабрикованной информации за правду, одностороннему представлению

или искажению действительности, сокрытию важных и необходимых элементов, помогающих адекватно воспринимать действительность.

Обеспечение населения объективной и правдивой информацией, повышение духовного уровня, знаний и мировоззрения наших соотечественников, в то же время отмечая, что распространение информации через глобальную сеть, направленное на воспитание молодого поколения в духе патриотизма и уважение к общечеловеческим ценностям, является еще одной важной задачей, стоящей перед организациями в сфере религии.

Объективно показывать установившуюся в нашей республике атмосферу толерантности перед единомышленниками, широко пропагандировать проводимую в Узбекистане политику в области свободы вероисповедания, давать научные опровержения на основе источников на догматические утверждения, продвигаемые религиозными экстремистами. течений, угрозы экстремизма и миссионерских идей обществу, злонамеренных геополитических целей, лежащих в основе фанатичных идей, статьи, направленные на разоблачение лжи фанатиков, искажающих ислам, систематически размещаются на сайте Международной исламской академии Узбекистана.

Поскольку сегодняшняя информация стала товаром, каждый должен культивировать культуру ее потребления. Молодым людям необходимо иметь знания и навыки по защите личной информации, уметь защитить себя от той негативной информации, которую они используют. С этой целью на кафедре «Религиоведения» Международной исламской академии Узбекистана внедрены специальные курсы «Религиозные процессы в киберпространстве» и «Фактор религии в киберпространстве».

Культура потребления информации, в самом общем смысле, относится к системе знаний, умений и навыков, которые служат для получения, сортировки, понимания и интерпретации информации, что служит интересам человека, зрелости и развитию общества.

У молодого поколения эти аспекты должны быть сформированы и решены до такой степени, чтобы они могли выбирать информацию, которая служит национальным интересам и помогает ее развитию в виртуальном пространстве. Только тогда в процессах глобализации можно уберечь молодых людей от слепого следования информации и ее неверного истолкования. Молодежь с культурой потребления информации не подвержена влиянию негативной и тенденциозной информации, поскольку обладает стойким идеологическим иммунитетом к такой информации.

«Кто владеет информацией, тот владеет миром» признают сегодня все. Поэтому жизненно важное и практическое значение имеет формирование у молодежи умений разумно использовать возможности информационного мира.

Исходя из вышеизложенного, необходимо подчеркнуть, что дальнейшее развитие деятельности по следующим направлениям является одной

из важных и приоритетных задач, стоящих перед нашим обществом в будущем:

- формирование системы мониторинга общественного сознания молодежи в информационной среде;
- регулярно повышать медиаграмотность подрастающего поколения;
- регулярное изучение приоритетных взглядов и интересов молодежи в виртуальном информационном пространстве;
- защита населения от информации, наносящей вред духовно-нравственному развитию будущего поколения;
- наладить систему подачи информации, раскрывающую истинный характер угрозы «массовой культуры» и иностранных течений, оказывающих негативное влияние на духовность молодежи [1].

Известно, что люди живут на основе доверия и веры. Поэтому его вера достойна уважения и почета, как и он сам.

Беспринципные, как угроза сознательному мышлению, мнения, распространяемые теми, кто стремится атаковать сердца чисто верующих в Интернете, основаны на фальши, поверхностности и корыстном интересе, поэтому такое поведение никак не может быть оправдано.

Идеология религиозного фанатизма и экстремизма есть не что иное, как антисоциальная фантазия. Эта идеология стремится завоевать весь мир силой.

Фанат в силу своей неуступчивости не считает с действительностью. Весь его разум занят идеей уничтожения всего «неисламского» на современном этапе и создания в будущем некоего «истинного» мусульманского общества.

В настоящее время кровавые конфликты и конфликты, вызванные деструктивными идеями, интерпретируемыми фанатическими движениями и террористическими силами в злонамеренных целях, на несколько лет задерживают развитие и экономический рост стран.

Такие идеологические угрозы, в первую очередь, направлены против богатой духовности народа, и если не принять своевременных мер против ее укоренения в обществе, то, как показывает мировой опыт, могут привести к крайне негативным последствиям [3].

Поэтому формирование системы духовно-просветительской работы среди населения, распространение религиозного фанатизма среди молодежи и женщин, недопущение попадания под влияние миссионерско-фанатических течений, борьба с такими пороками, как «массовая культура», остаются актуальными проблемами и сейчас.

В качестве одной из приоритетных задач определено воспитание подрастающего поколения в духе самостоятельности, в содействии миру и благополучию страны, в верности народу и Родине, высоком моральном духе.

Повышать знания нашего народа в области духовности и просвещения, всесторонне изучать богатое религиозное, научное и теоретическое наследие наших предков, анализировать имеющиеся источники, относящиеся к ним в научно-популярном ключе, а также охранять сознание населения от влияния чуждых нашей идеологии идей, негативных последствий экстремизма, фанатизма и терроризма в их сознании.

Создание всесторонних знаний и навыков об этой чувствительной и сложной области является особой обязанностью ученых и исследователей.

В этом, прежде всего, вопрос предотвращения внешних идеологических воздействий, осуществляемых со злонамеренной целью, односторонней информации и оценок, данных под лозунгом беспристрастного подхода к происходящим в нашей стране изменениям, и обеспечения объективной информации против них людям быстро, систематически и постепенно стала актуальной.

Как сказал в своей книге «Высокий моральный дух – несокрушимая сила» Ислам Каримов: «Мы должны всегда быть начеку, осознавать и бдительно относиться к таким нарастающим опасностям. На такие угрозы можно ответить тщательно продуманным, организованным на основательной научной основе и проводимым регулярно и непрерывно духовным образованием.

Поэтому в XXI веке, когда борьба идей идет полным ходом, необходимо регулярно предоставлять углубленную аналитическую информацию о позитивных изменениях, происходящих в нашей жизни, укреплять социальную активность наших граждан, противодействовать деструктивным попыткам различных форм фанатизма в мире, борьба становится как никогда важной [5].

В заключение следует отметить, что в сегодняшнее непростое время нам необходимо глубоко осознать огромную ценность благ мира и стабильности для человечества.

Под знаменем религии такие акты грабежей и нашествий, терроризма и диверсий, которые всячески вредят обществу, создают основу для подрыва социальной стабильности, формирования межэтнической и межрелигиозной вражды, национализма и религиозный сепаратизм.

С этой точки зрения беспорядки в некоторых регионах и нестабильность, царящая в соседних странах, побуждают осознать, что достижение стабильного развития в нашей стране, обеспечение мирной и благополучной жизни не происходит само по себе, и прививать чувство благодарности, чтобы ценить мир в установлении благополучной жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Авазов К.Х.* Идеологические угрозы современности, безопасность и стабильность в обществе и их взаимосвязь // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2015. Выпуск 4 (12).

3. *Пахрутдинов Ш.И.* Угрозоустойчивое общество в качестве фактора развития государства и общества // Конфликтология. Санкт-Петербург. № 4.

4. *Avazov K.H.* Spiritual and Moral Aspects of the Formation of a sustainable Society International Journal of Humanities Social Sciences and Education. 2017. № 4 (10).

5. *Avazov K.H.* Internal and external threats of modernity, security and stability of the modern society and their affinity // The article was presented for the publication in the bulletin Russia and the Moslem World // Russia and the moslem world. 2017. № 3 (297).

B. PALUANIAZOV

*Head of Takhiatash district department
Republican Spiritual and Educational Center,
Takhiatash, Republic of Uzbekistan*

STRATEGIC DIRECTIONS OF TECHNOLOGIES TO COUNTER SOCIO-POLITICAL THREATS IN THE CENTRAL ASIAN REGION

In order to achieve peace and sustainable development in Central Asia, the states of the region are pursuing an active foreign policy. The transformation of Central Asia into a region of peace and good neighborliness is also a priority of Uzbekistan's foreign policy. The relevance of the topic of this article lies in the fact that in the modern era of increasing sources of global threats, ensuring the territorial security of Central Asia has become one of the main tasks facing the countries of the region. Strategic Directions of Technologies for Counteracting Socio-Political Threats in the Central Asian Region.

Key words: *Central Asia, region, security, partnerships, spirituality, traditions, culture.*

С.Д. ДАВЫДОВ

аспирант кафедры американских исследований
факультета международных отношений Санкт-Петербургского
государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА США В АФРИКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2010-Х ГГ.

Информационное общество невозможно без введения политики, направленной на формирование сознания граждан. Информационная политика, выполняющая функцию объективного конструирования мировоззренческих позиций граждан, способствует реальной фактологической осведомленности общества и дает всесторонний анализ и аналитическую оценку процессам, происходящим в мире. Особую актуальность данная проблематика приобретает в эпоху глобализации, когда стираются границы между странами, регионами и континентами. Цель статьи заключается в проведении анализа особенностей информационной политики США в Африке в первой половине 2010-х гг., направлений ее изменения и развития. В процессе исследования отдельное внимание уделено принципам информационной политики. Кроме того, проанализированы основные документы, связанные с теми же хронологическими рамками, в пределах которых зафиксированы особенности информационной политики. Отдельное внимание уделено мероприятиям и событиям, связанным в той или иной степени с информационной политикой США в Африке. В фокусе исследования также находилась деятельность американских структур, которые отвечали за реализацию информационной политики. По результатам проведенного обзора была дана характеристика соответствующей деятельности США на континенте, предпринята попытка выявить основную причину ее трансформации, изменения некоторых ее приоритетов и аспектов. Также было установлено, что основная причина трансформации деятельности USAGM/BBG. В Африке коренится в изменении концепции американской информационной политики в целом и представляется обусловленной сменой обстановки в международных отношениях в рамках глобального информационного пространства, внешними вызовами, а также попытками Вашингтона наиболее успешно и эффективно адаптироваться к возникшей ситуации.

Ключевые слова: США, Африка, информационная деятельность, информационная политика, стратегический план.

Информационная политика Вашингтона в Африке становилась все более интенсивной на протяжении последних нескольких лет, и ее интенсивность продолжает расти сейчас. Чтобы лучше понять природу и причины данного явления, представляется необходимым рассмотреть несколько более ранний период, а именно первую половину 2010-х гг. Информационная политика США в Африке достаточно многогранна и диверсифицирована и представляет из себя целый набор различных мер и методов воздействия на аудиторию континента в целом, равно как и отдельных государств, с учетом соответствующих специфики и проблематики, как постоянных, так и ситуационных.

В связи с этим представляется необходимым рассмотреть и проанализировать основные свойства и тенденции информационной политики США в Африке как за весь вышеуказанный период, так и на периодах отдельных, более краткосрочных и в сумме его составляющих, выявить основные изменения в данной политике, их основной катализатор, движущую силу и охарактеризовать все вышеперечисленное.

Информационная политика США, осуществляемая USAGM (до 2018 г. BBG) под патронажем Государственного департамента, во многом изложена в т.н. «стратегических планах», охватывающих период в несколько лет, а также в «годовых отчетах». В рамках рассматриваемого временного промежутка представляется целесообразным обратить внимание на ряд этих документов.

Начало 2010-х гг. охватывается одним из них под названием «Стратегический план BBG на 2008-2013 гг.» (BBG 2008-2013 Strategic Plan), в котором, в частности, сообщается о том, что в более ранний период, 2000-е гг., произошло значительное расширение вещания Агентства. В качестве «вызовов» указываются: «Обеспечение эффективного распределения» («Мы должны управлять, как никогда ранее, сочетанием средств массовой информации и технологий от традиционных коротковолновых до спутникового телевидения и сотовых телефонов»), «Преодоление антиамериканских настроений», «Поиск новой аудитории» и др. «Стратегии реализации на 2008-2013 гг. предполагают, в том числе», «Помочь аудиториям в авторитарных странах осознать принципы и практику демократического, свободного и справедливого общества», «Использовать современные коммуникационные техники и технологии», «Содействовать гражданскому дискурсу» и, на что, опять же, в рамках данной статьи следует обратить особое внимание [7].

Весной 2010 г. через VOA было привлечено внимание к препятствиям, которые правительство Эфиопии создает американскому вещанию: «Голос

Америки» обнаружил, что примерно с 29 марта правительство Эфиопии начало глушить службу Африканского Рога» [15]. Более того, в соответствии с тем же документом в целом и отдельными содержащимися в нем пунктами была использована «SMS-инициатива» в целях расширения аудитории» [28]. Имели место инициативы в культурной сфере с задействованием «Голоса Америки» [6].

Также во временной промежуток, охватываемый «Стратегическим планом ВВГ на 2008-2013 гг.», входят проявления информационной политики Вашингтона на континенте в следующем, 2011 году. Важной предстала тематика здравоохранения вкупе с тренингами для местных журналистов, общественных деятелей, что также будет характерно для информационной политики США в регионе и в дальнейшем, равно как и связанные с данной тематикой соглашения и программы:» «Голос Америки» в сотрудничестве с Фондом ООН провел тренинг «Мобильное здравоохранение» для африканских репортеров, ... в Кейптауне, Южная Африка, 6-8 июня 2011 г.... Все репортеры подготовили очерки, интервью и специальные отчеты с конференц-зала и обсудили широкий спектр технологий мобильного здравоохранения на разных языках, от английского и французского до суахили и ндебеле [23; 12; 26]. Следует отметить, что эта поездка имела более широкий диапазон целей и затрагивала не только вопросы здравоохранения, но проблемы, с которыми сталкиваются репортеры и партнеры «Голоса Америки» в регионе [21; 12].

Обозначенное во многом указывают на то обстоятельство, что мероприятия и действия ВВГ и связанных с данной структурой вещательных организаций почти в каждом случае комплексны, гибричны в том смысле, что преследуют одновременно несколько целей, направлены на разные сферы, которые в итоге оказываются переплетенными друг с другом в рамках все той же американской информационной деятельности в Африке. Также в 2011 году ВВГ совместно с партнерами реализовывал инициативы гуманитарного характера, направленные на борьбу с засухой в африканских государствах, что важно, при сотрудничестве с иными американскими государственными структурами и международными организациями, при этом осуществляя и иные положения «стратегического плана» на 2008-2013 гг., касающиеся, в частности, расширения и усовершенствования взаимодействия с аудиториями при помощи технологических достижений:» «Голос Америки» (VOA) запустил мультимедийную серию, которая привлекает внимание к бедственному положению миллионов людей в Восточной Африке, пытающихся пережить самую сильную засуху в регионе за последние десятилетия; «Голос Америки» транслирует специальные радиопрограммы, посвященные засухе, и передает жизненно важную информацию сотням тысяч жертв гуманитарного кризиса, которым сейчас грозит голодная смерть в Сомали и на Африканском Роге [35; 30; 33]. Согласно все тому

же уклону в сторону расширения аудитории и усиления связи с ней за счет увеличения ее (связи) каналов был создан сервис VOA для мобильных пользователей в Африке: «Новый сервис видеозаголовков Voice of America предоставляет мобильным пользователям удобный и краткий обзор основных новостей в странах Африки к югу от Сахары» [39].

В 2012-2013 гг. деятельность BBG в некотором смысле становится еще более разноплановой: от все той же тематики проблем здравоохранения до интервью с бывшими государственными чиновниками высокого ранга, от культурных программ до составления многообещающих прогнозов касательно развития телекоммуникаций в регионе, опять же в кооперации с другими американскими организациями и при участии в соответствующих обсуждениях частных и государственных вещателей из других стран, от освещения политических столкновений и политических кризисов, включая заявления и рекомендации по этому поводу официальных лиц Соединенных Штатов через платформы BBG до все новых радиотрансляций: «Шоу VOA объединяет аудиторию и врачей в Африке»; «Вице-президент Ганы в программе «Голос Америки» Straight Talk Africa»; «Африканское телевидение к югу от Сахары набирает обороты и обещает стать непревзойденным рынком» [38; 20; 29; 13; 22; 4; 40].

Ежегодные отчеты BBG/USAGM носят название Performance and Accountability Report. В данном случае, учитывая интересующие нас период, представляется важным рассмотреть ряд таких документов, которые по хронологическому признаку находятся внутри рамок «стратегического плана» на 2008-2013 гг. Performance and Accountability Report за 2010 г. сообщает о том, что было запущено вещание на Эфиопию и предприняты ответные меры со стороны BBG (конкретно VOA и Управления технологий, служб и инноваций (Office of Technology, Services, and Innovation (TSI)) после ограничений, введенных руководством этой страны, о расширении частот вещания на африканских языках (амхарском, афан-оромо и тигринья), об охвате службой VOA 16 процентов взрослого населения в Зимбабве и еженедельном охвате аудитории в Могадишо в 62% [16]. Аналогичный отчет за 2011 год содержит информацию об информационной деятельности в Африке следующего рода. Сообщалось о запуске нескольких гуманитарных программ на континенте, об освещении событий в Южном Судане, связанных с референдумом, о запуске спутникового потока VOA Southern Africa в июле 2011 года, о расширении распространения программ на суахили [17]. Отчет за 2012 г. включает в себя данные о мерах BBG по информационной борьбе с терроризмом в Нигерии, о 75% росте еженедельной взрослой аудитории в ряде регионов Сомали, о продолжившейся тенденции инициатив в области здравоохранения, проявившейся в запуске Africa Health Network [18]. Отчет 2013 г. сообщает о «быстром ответе» на «стратегические вызовы» посредством трансляции специальных программ в ответ

на рост религиозного фундаментализма в Нигерии и Мали, об усовершенствовании и расширении вещания на Чад, Конго, Мали и Южный Судан [19].

Следующие несколько лет, характеризующиеся все возрастающей интенсивностью информационной политики Вашингтона в Африке, находятся внутри временных рамок аналогичных «стратегических планов». На обозначенный период в данном документе были назначены так называемые «Ключевые тактические шаги»: «Объединить Агентство в одну организацию, множество брендов»; «Использовать целевые возможности роста»; «Сосредоточиться на глобальной волне демократии и очагах экстремизма»; «Рационализировать реализацию программ»; «Бороться с интернет-цензурой и «глушением»; «Повышать и расширять инновации в социальных сетях». Таким образом, предполагается еще более глубокое внедрение в информационное пространство региона [2. С. 51-55].

Это обстоятельство можно расценивать в качестве еще одного косвенного признака все более возрастающей приоритетности Африки для американской информационной политики, поскольку ведомство, отвечающее за эту политику, достаточно остро реагирует на сопротивление своей деятельности со стороны официальной Аддис-Абебы, ставя ее в один ряд с традиционными противниками Вашингтона на мировой арене. Таким образом, деятельность этой организации предстает в качестве одного из множества направлений и механизмов внешней политики США. В данном тексте содержится примечательный критерий эффективности деятельности ВВГ и его ответвлений: «добиться существенного воздействия на целевые аудитории и общества в соответствии с многофакторной мерой...» [10].

Временной период, касающийся приведенного «стратегического плана», оказался еще более насыщенным в рамках рассматриваемых настоящей статьей вопросов. Он был отмечен активизацией соответствующих действий, которые, к тому же, становились более разнообразными и многоаспектными в полном соответствии с принципами информационной политики Вашингтона как таковой, равно как и с концепциями «стратегических планов» ВВГ того времени, особенно последнего из вышеуказанных [9; 34]. В данный период, наряду с обсуждениями внутри ВВГ вещания в африканских странах, его расширения и практической реализации результатов этих обсуждений (создания новых платформ, программ) отмечается определенная активизация исследований различных аспектов аудитории региона и перспектив информационного воздействия на него [27; 25; 5; 8]. Более того, практика сотрудничества ВВГ с американскими государственными или аффилированными с государством структурами не только сохранилась, но и в некотором смысле усилилась, вплоть до уровня администрации Барака Обамы и ряда саммитов, в том числе межправительственных [34; 37; 32].

Следующий «стратегический план», находится на границе рассматриваемого в настоящей статье хронологического отрезка и, более того, отчасти выходит за временные рамки. Главным принципом и своеобразным лозунгом данного документа на этот раз стало «Достижение стратегического воздействия» (Achieving Strategic Impact) [11]. Основопологающей причиной изменения концепции «стратегических планов» представляется изменение концепции информационной политики США вообще. Так, «Стратегический план ВВГ на 2008-2013 гг.» и «Стратегический план ВВГ на 2012-2016 гг.» по своим содержанию, направленности в целом соответствуют концепции «мягкой силы», как раз преобладавшей в информационной политике Соединенных Штатов с конца 2000-х и приблизительно до середины 2010-х гг., когда данная концепция была закреплена даже в Стратегии национальной безопасности США 2010 г. [14; 24]. А «Стратегический план ВВГ на 2014-2018 гг.» отражает сдвиг, трансформацию в американской информационной политике после 2012 г., когда ее концепция была изменена, произошел переход от «мягкой силы» к так называемой «стратегической коммуникации», которая предполагала алармизм, большее признание угроз, вызовов и, что важно, признание активизировавшейся в информационном пространстве деятельности недружественных США акторов международных отношений [1. С. 164; 3. С. 120].

Таким образом, информационная политика США в Африке в первой половине 2010-х гг. была достаточно активной, и ее интенсивность росла. Некоторые ее аспекты оставались неизменными, некоторые подвергались пересмотру, некоторые являлись новыми. Основная причина трансформации деятельности USAGM/BBG на континенте в рассматриваемый период коренится в изменении концепции американской информационной политики в целом, которая применялась ко всему миру вообще и представляется обусловленной изменениями обстановки в международных отношениях в рамках глобального информационного пространства, внешними вызовами, попытками Вашингтона наиболее успешно и эффективно адаптироваться к возникшей ситуации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Пашенцев Е.Н.* Стратегическая коммуникация США: особенности и противоречия в условиях международной напряженности // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 12-2.
2. *Таран К.К., Гарбар Ю.Р.* Использование Интернет-технологий в сфере коммуникации, правовой взгляд // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (152).
3. *Цветкова Н.А.* Формирование нового аппарата пропаганды во внешней политике США // АНИ: экономика и управление. 2015. № 3.

4. “Africa 54” Puts Spotlight on Egypt // <https://www.usagm.gov/2013/07/11/africa-54-puts-spotlight-on-egypt/>.
5. African and American Lives Come Together on VOA’s Vous et Nous // <https://www.usagm.gov/2015/08/18/african-and-american-lives-come-together-on-voas-vous-et-nous/>.
6. African Music Treasures Blog: “Simply Incredible” // <https://www.usagm.gov/2010/04/02/african-music-treasures-blog-simply-incredible/>.
7. BBG 2008-2013 Strategic Plan // https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2011/12/bbg_strategic_plan_2008-2013.pdf.
8. BBG Research Series: Africa – On and Off the Data Highway // <https://www.usagm.gov/2015/10/07/africa-on-and-off-the-data-highway/>.
9. BBG Responds to Crisis in the Central African Republic // <https://www.usagm.gov/2014/02/07/bbg-responds-to-crisis-in-central-african-republic/>.
10. BBG Strategic Plan 2012-2016 // https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2012/02/BBGStrategicPlan_2012-2016_OMB_Final.pdf.
11. BBG Strategic Plan 2014-2018 // <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2015/04/BBG2014-2018StrategicPlan.pdf>.
12. BBG Trip to Africa Results in Distribution Agreements and Health Programming to Benefit Millions of Africans // <https://www.usagm.gov/2011/06/28/bbg-trip-to-africa-results-in-distribution-agreements-and-health-programming-to-benefit-millions-of-africans/>.
13. Bigger Cities, Smaller Screens: Urbanization, Mobile Phones, and Digital Media Trends in Africa // <https://www.cima.ned.org/wp-content/uploads/2015/02/CIMA-Africa-Digital-Media-09-18-12.pdf>.
14. Digital Diplomacy // <https://www.nytimes.com/2010/07/18/magazine/18web2-0-t.html>.
15. Ethiopian Government Now Jamming All Horn of Africa Broadcasts // <https://www.usagm.gov/2010/04/01/ethiopian-government-now-jamming-all-horn-of-africa-broadcasts/>.
16. FY 2010 Performance and Accountability Report // <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2011/12/2010PAR.pdf>.
17. FY 2011 Performance and Accountability Report // <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2011/12/2011PAR.pdf>.
18. FY 2012 Performance and Accountability Report // <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2012/11/FY-2012-BBG-PAR.pdf>.
19. FY 2013 Performance and Accountability Report // <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2019/11/BBG-FY-2013-PAR-Final-accessible.pdf>.
20. Ghana VP on VOA’s Straight Talk Africa // <https://www.usagm.gov/2012/07/12/ghana-vp-on-voas-straight-talk-africa/>.
21. Governors Perino, McCue, and Meehan Focus on Africa // <https://www.usagm.gov/2011/06/17/governors-perino-mccue-and-meehan-focus-on-africa/>.

22. Library of Congress Picks VOA's Music Time in Africa for Recording Registry // <https://www.usagm.gov/2013/03/22/library-of-congress-picks-voas-music-time-in-africa-for-recording-registry/>.
23. Mobile Health for African Journalist Training // <https://www.usagm.gov/2011/06/06/mobile-health-for-african-journalist-training/>.
24. National Security Strategy 2010 // https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf.
25. New platform for VOA television in Africa // <https://www.usagm.gov/2015/01/22/new-platform-for-voa-television-in-africa/>.
26. New VOA Africa Health Network Announced // <https://www.insidevoa.com/a/new-voa-africa-health-network-announced-124619914/178543.html>.
27. Panel Discusses Broadcasting in Africa // <https://www.usagm.gov/2014/08/04/panel-discusses-broadcasting-in-africa/>.
28. SMS Initiative in Africa Attracting New Subscribers for VOA // <https://www.usagm.gov/2010/04/01/sms-initiative-in-africa-attracting-new-subscribers-for-voa/>.
29. Sub-Saharan African Television Heats Up – And Promises to be a Market Like No Other // <https://www.usagm.gov/2013/02/21/sub-saharan-african-television-heats-up-and-promises-to-be-a-market-like-no-other/>.
30. VOA Beaming Special Drought Programs to Horn of Africa // <https://www.usagm.gov/2011/09/09/voa-beaming-special-drought-programs-to-horn-of-africa/>.
31. VOA Beaming Special Drought Programs to Horn of Africa // <https://www.insidevoa.com/a/voa-beaming-special-drought-programs-to-horn-of-africa---129478543/178560.html>.
32. VOA Covers Young Africa Leaders Initiative Summit // https://www.insidevoa.com/a/voa-covers-yali-summit-/1967386.html?_ga=2.138118448.1885462285.1674772241-1846896069.1644606737.
33. VOA Data Visualization Highlights Difficulty, Dilemma for Drought Relief in Africa // <https://www.usagm.gov/2011/09/13/voa-data-visualization-highlights-difficulty-dilemma-for-drought-relief-in-africa/>.
34. VOA Exclusive: Diamonds and the Death of the Central African Republic // <https://www.usagm.gov/2014/12/16/voa-exclusive-diamonds-and-the-death-of-the-central-african-republic/>.
35. VOA Multimedia Series Captures Tragedy of East African Drought // <https://www.usagm.gov/2011/08/10/voa-multimedia-series-captures-tragedy-of-east-african-drought/>.
36. VOA On-the-Scene with the President in Africa // <https://www.usagm.gov/2015/07/24/voa-on-the-scene-with-the-president-in-africa/>.
37. VOA Peerless in Coverage of U.S.-Africa Leaders Summit // <https://www.usagm.gov/2014/08/13/voa-peerless-in-coverage-of-u-s-africa-leaders-summit/>.

38. VOA Show Connects Audience, Doctors in Africa // <https://www.usagm.gov/2012/03/14/voa-connects-audience-doctors-in-africa/>.

39. VOA 60-Africa” Reaches Mobile Users // <https://www.usagm.gov/2011/11/08/african-edition-of-voa-60-now-on-mobile-sites/>.

40. White House Official Tells “Africa 54” New Government Needed in S. Sudan // <https://www.usagm.gov/2013/07/26/white-house-official-tells-africa-54-new-government-needed-in-s-sudan/>.

S.D. DAVYDOV

*Postgraduate student, Faculty of International Relations,
Department of American Studies St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

US INFORMATION POLICY IN AFRICA IN THE FIRST HALF OF THE 2010S

The information society is impossible without the introduction of a policy aimed at shaping the consciousness of citizens. Information policy, performing the function of objective construction of the worldview positions of citizens, contributes to the real factual awareness of society and provides a comprehensive analysis and analytical assessment of the processes taking place in the world. This issue is especially relevant in the era of globalization, when borders between countries, regions and continents are erased. The aim of the article is to analyze the peculiarities of the US information policy in Africa in the first half of the 2010s, directions of its changes and development. In the course of the research special attention is paid to the principles of information policy. In addition, the main documents related to the same chronological framework, within which the features of information policy are recorded, are analyzed. Particular attention is paid to events and developments related in varying degrees to U.S. information policy in Africa. The study also focused on the activities of U.S. structures that were responsible for implementing information policy. Based on the results of the review, a description was given of the relevant U.S. activities on the continent and an attempt was made to identify the main reason for its transformation and changes in some of its priorities and aspects. It was also found that the main reason for the transformation of USAGM/BBG activities in Africa is rooted in a change in the concept of U.S. information policy in general and appears to be due to the changing situation in international relations within the global information space, external challenges, as well as Washington's attempts to most successfully and effectively adapt to the emerging situation.

Key words: *USA, Africa, information activity, information policy, plan.*

Е.А. КАРНАУХОВА

аспирант факультета мировой политики
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

КРИЗИС РЕЖИМА ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ: ФАКТ ИЛИ РИТОРИКА? ЧАСТЬ I

Автор данной статьи задается вопросом о том, является ли «кризис» Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и режима ядерного нераспространения реальным фактом или это всего лишь фигура речи. Дискуссия об этом «кризисе» актуализировалась после неудачно завершившейся 10-ой Конференции по рассмотрению действия ДНЯО (1-26 августа 2022 г.) (ОК ДНЯО), которая завершилась без принятия итогового документа, а также на фоне специальной военной операции России на Украине (СВО). Интерес к поставленному исследовательскому вопросу связан с тем, что уже в работах 1970-х гг. некоторые исследователи, по крайней мере на Западе, поднимали проблему «несостоятельности» Договора и его неминуемого краха. В современной России предостережения о вызовах и угрозах устойчивости режима ядерного нераспространения и рисках появления новых ядерных держав можно найти в исследованиях и практических наработках 1990-2000-х гг. Однако несмотря на подобные обсуждения и собственно большое количество проблем в сфере ядерного нераспространения, сам ДНЯО и весь режим продолжают свое функционирование на протяжении более 50 лет – в 2023 г. исполняется 55 лет с момента открытия Договора к подписанию. Автор привлекает исторический материал, чтобы разобраться в контексте выработки ДНЯО, и анализирует его условия. На этой основе автором определяются первоочередные задачи и основные узлы противоречий ДНЯО и режима ядерного нераспространения, которые закладывают объективные предпосылки к их постоянному «кризисному» состоянию. Делая вывод, что говорить о глубоком кризисе пока преждевременно, автор использует понятие «эрозии» и уделяет внимание тому, что текущий этап международной конфронтации, а именно спекуляции и одностороннее рассмотрение ситуации вокруг Украины, могут заложить основу, когда тонкая грань между «эрозией» и «кризисом» будет пройдена.

Ключевые слова: противоречия ДНЯО, режим ядерного нераспространения, обзорные конференции, «ядерная пятерка», кризисная риторика, эрозия режима.

Введение. 1-26 августа 2022 г. в Нью-Йорке, США, прошла 10-ая Конференция по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) (1). В этот раз обзорный процесс завершился без принятия итогового документа. Неудачный исход 10-ой ОК был связан прежде всего с попытками Запада использовать данную трибуну для словесных нападок на Россию по поводу специальной военной операции России на Украине (СВО).

Жесткая публичная конфронтация в контексте СВО была неотъемлемой частью Конференции 2022 г. Ее апогеем стало заявление, инициированное Францией и представленное ею 26 августа в день последнего пленарного заседания. В нем говорилось, что СВО негативно влияет на режим ядерного нераспространения, что Россия нарушает нормы международного права, что нужно прекратить «жесткую и преднамеренную агрессивную войну» (unprovoked and unjustifiable war of aggression) [16]. Под заявлением подписались преимущественно западные страны, а также Гватемала, Грузия, Маршалловы острова, Мьянма, Нигер, Палау, Турция, Чад, Южная Корея и Япония. Государства Европейского союза активно критиковали СВО на фоне обстрелов Запорожской АЭС (ЗАЭС), что было результатом «российской агрессии», а действия самой российской армии демонстрировали пренебрежение нормами ядерной безопасности [17. С. 14].

Позиция России в отношении происходящего вокруг ЗАЭС в расчет не принималась. Руководители официальной российской делегации – представители МИД России.

И.С. Вишневецкий и А.И. Белоусов – объясняли, что некоторые страны захотели превратить ОК ДНЯО в показательный процесс по Украине, причем никто не говорил, что это Украина обстреливает ЗАЭС [5. С. 95], и что именно «Украина и кураторы киевского режима несут всю полноту ответственности за отсутствие финального позитивного результата по итогам обзора» [1]. Тем не менее именно на Россию была возложена ответственность за срыв принятия итогового документа 10-ой ОК ДНЯО. Как отметил на пленарном заседании 26 августа глава американской делегации А. Шейнман, Россия – это причина, из-за которой на Конференции не было консенсуса [3].

Такой фон заслонил ряд фундаментальных проблем, негативно сказывающихся на ДНЯО и режиме ядерного нераспространения. В действительности противоречия в рамках 10-й ОК ДНЯО носили куда более глубокий характер. Как заявил председатель Конференции Г. Злаувиен, если раньше

не удавалось достичь консенсуса из-за расхождения позиций по какой-то отдельной проблеме, то при выработке заключительной декларации в рамках последнего обзорного цикла их было уже несколько [4. С. 90]. То, что 10-ая ОК ДНЯО должна была проходить в сложной и, как это стало модным говорить, «токсичной» атмосфере, было понятно задолго до февральских событий 2022 г. Отсутствие итогового документа, тем не менее, снова подстегнуло дискуссию о кризисе режима ядерного нераспространения. Факт ли это или просто пропагандистская риторика?

Системные ошибки и глубокий кризис: исторические параллели.

Данный вопрос поднят нами не случайно. В России первые публикации о том, что ДНЯО сталкивается с серьезными вызовами, пришлось еще на конец 1990-х – начало 2000-х гг. Так, 30 лет назад, в 1993 г. Служба внешней разведки России выпустила открытый доклад «Новый вызов после холодной войны: распространение оружия массового уничтожения». В частности, в нем она констатировала, что на фоне распада биполярности в международных отношениях «усилились территориальные споры» и «расширилось конфликтное пространство», что обусловило риски распространения оружия массового уничтожения (ОМУ), в том числе ядерного и связанного с ним радиологического, его использования в вооруженных столкновениях и региональных конфликтах, а также угрозы ОМУ-терроризма [8]. Авторы доклада обращали внимание, что в «новый исторический период продолжают существовать, и даже подчас усиливаться, стимулы движения целого ряда стран к «сверхоружию», то есть к ядерному, причем ядерные возможности пороговых и околопороговых государств возросли [8].

Другой пример – в 2001 г. в выпуске журнала «Ядерный контроль» вышло интервью В.А. Орлова, директора ПИР-Центра, российской неправительственной организации, специализирующейся на вопросах ядерного нераспространения, с И.Д. Сергеевым (1997-2001), министром обороны России и бывшим главнокомандующим РВСН (1992-1997). Российский военачальник охарактеризовал режим нераспространения и сам ДНЯО как неустойчивые. В беседе он отметил: «Ситуация с распространением ядерного оружия выглядит сейчас более тревожной, чем когда-либо. Мир может вступить в новый ядерный век, в котором применение ядерного оружия станет более вероятным, чем когда-либо в прошлом» [11]. Годы позже, В.А. Орлов, постоянный участник обзорных конференций ДНЯО с 1995 г., писал, что «после принятия решения о бессрочном продлении [ДНЯО] наступило всеобщее расслабление» [9. С. 39].

Интересно, что на Западе (прежде всего в США) еще в 1970-е гг., только ДНЯО вступил в силу, вышел целый пласт работ о том, что Договор «мертв, дальнейшее нераспространение ядерного оружия неизбежно» [21. С. 104] и что в ближайшие годы последует его крах [18. С. 19]. 1-ая ОК ДНЯО состоялась в 1975 г., и уже тогда вскрылись базовые противоречия:

они были связаны с проблемами прекращения ядерных испытаний, ограничения гонки ядерных вооружений, с гарантиями безопасности неядерных государств [21. С. 103]. ЯОГ подвергались критике из-за того, что не следуют своим обязательствам по ДНЯО [15. С. 189]. Хотя в начале 1970-х гг. последовала серия советско-американских соглашений в области контроля над вооружениями. 2-ая ОК ДНЯО, прошедшая в 1980 г., завершилась без принятия заключительной декларации: камнем преткновения стала неспособность США и Советского Союза достичь новых соглашений по контролю над вооружениями и ядерному разоружению [20. С. 87].

Данные исторические параллели побуждают быть аккуратнее с точкой зрения, что в обзорном процессе ДНЯО наблюдаются системные ошибки, а сам режим ядерного нераспространения находится в глубоком кризисе. Глубинные проблемы возникли еще на заре его формирования, а алармизм по поводу критического состояния наблюдался с тех самых пор, как Договор вступил в силу. Это заставляет нас вернуться к рассмотрению тех исторических условий, в которых разрабатывался Договор, и его основных положений.

Контекст, при котором был выработан ДНЯО. ДНЯО, заложивший основы современного режима ядерного нераспространения, был выработан в уникальный исторический момент. Прошло более 20 лет после первого в истории испытания атомного оружия Соединенными Штатами Америки в 1945 г., прежде чем государства решили создать нормативно-правовые рамки, препятствующие его расползанию. Сама идея предотвратить этот процесс возникла еще в годы Второй мировой войны (1939-1945) в контексте развития американо-британских союзнических отношений. Так, летом 1942 г. сэр Дж. Андерсон в переписке с директором Управления научных исследований и разработок США В. Бушем предложил создать совместную комиссию для контроля за использованием атомной энергии, то есть для определения членов атомного клуба [7. С. 22]. США отнеслись к британским инициативам равнодушно, поскольку не хотели признавать права своих союзников на создание собственного атомного оружия: идея сэра Дж. Андерсона как раз преследовала цель ускорить приобретение Великобританией статуса ядерной (атомной) державы.

Выработке будущего договора о нераспространении ядерного оружия предшествовало значительное количество инициатив, начиная от американских предложений в рамках «плана Баруха» 1946 г. [14] и программы «Атомы для мира» 1953 г. [19. С. 604] и заканчивая созданием Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) в 1957 г., призывами в пользу ограничения ядерных испытаний и создания зон, свободных от ядерного оружия (2). Особое значение в формировании режима ядерного нераспространения, на наш взгляд, стала первая половина 1960-х гг.

В первую очередь внимание следует уделить событиям Карибского кризиса 1962 г. По воспоминаниям очевидцев, в его самые острые моменты кубинский лидер Фидель Кастро призывал генерального секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева нанести превентивный удар по США [13]. Кубинское руководство было готово принести Кубу в жертву ради победы над империализмом. Карибский кризис подтолкнул СССР и США к осознанию негативных последствий конфронтации двух сверхдержав и необходимости установления ее рамок, т.е. формирования системы перестраховок в советско-американских отношениях [6].

Одновременно, в начале 1960-х гг., ускорились процессы деколонизации. Новые независимые государства, для которых актуальным вопросом становился выбор пути социально-экономического развития, вовлекались в соперничество двух сверхдержав. В результате повышалась общая конфликтность на периферии, из-за чего могло быть спровоцировано ядерное столкновение непосредственно между ними или с их вовлечением в конфликт на периферии.

Вместе с тем в 1960-е гг. продолжалось распространение ядерных технологий. Разработки в ядерной области осуществляли, как минимум, в Австралии, Аргентине, Бразилии, Иране, Израиле, Индии, Ираке, Италии, КНДР, Норвегии, Пакистане, Тайване, ФРГ, Швейцарии, Швеции, Югославии, Южной Африке, Южной Корее, Японии. В 1964 г. ядерным оружием обзавелся Китай. В подготовленном в этом же году для американского президента Л. Джонсона докладе по ядерному нераспространению («доклад комитета Гилпатрика») говорилось, что создание ядерного оружия Китаем может привести к широкому расползанию ядерных вооружений: пример КНР доказывал, что добиться ядерного статуса можно и при минимальном уровне промышленно-технологического развития [12. С. 230]. Опасения у США вызывало и то, что китайская ядерная программа подталкивала Индию и Японию принять решение о создании собственного ядерного оружия [12. С. 231]. Если появление ядерной бомбы у Индии стало бы пощечиной для Великобритании, ее бывшей метрополии, потерявшей «жемчужину» своей Британской империи в 1947 г., то Япония по-прежнему, со времен окончания Второй мировой войны, оставалась страной с ограниченным суверенитетом и находилась под американскими гарантиями безопасности. Имей она собственное ядерное оружие, под вопросом оказались бы ее союз с США и американское военное присутствие в регионе. Авторы доклада также предупреждали о том, что «ядерный выбор» Индии и Японии вызовет цепную реакцию – бомбой обзаведутся и Израиль, и Пакистан, и Египет, и Швеция, и некоторые другие европейские государства [12].

Советский Союз, в свою очередь, был обеспокоен рисками распространения ядерного оружия среди капиталистических стран, особенно возможным получением ядерного статуса Западной Германией. Судить о реальных

озабоченностях и интересах нашей страны позволяют рассекреченные документы времен подготовки ДНЯО, которые были опубликованы в честь 50-летия вступления Договора в силу по совместной инициативе государств-депозитариев ДНЯО (Великобритании, России и США). Среди них, к примеру, секретное поручение советскому послу в Индии встретиться с представителями индийской компартии и предупредить, что «включение новых капиталистических государств в гонку ядерных вооружений могло бы привести к тому, что ядерный потенциал капиталистического лагеря в течение ближайших 10-15 лет, вероятно, стал бы расти быстрее, чем соответствующий потенциал стран-участниц Варшавского договора» [2. С. 79].

Опасения СССР не были напрасными. В 1961-1963 гг. в США обозначились многократный рост военных расходов и наращивание стратегических вооружений: в два раза возросли количество и мощность ядерных боезарядов в стратегических силах США; на 60% больше стало ядерных боезарядов американского тактического оружия в Европе; ракетный арсенал США увеличился с 45 до 500 стратегических ракет, при этом была увеличена численность американских сухопутных войск [10. С. 86]. Стремительное накопление ядерных боезарядов осуществлялось и в СССР. Карибский кризис 1962 г. лишил США и СССР чувства неуязвимости. Обе страны к концу 1960-х располагали достаточным количеством ядерных вооружений, чтобы нанести неприемлемый ответный удар по противнику. Становилось целесообразным установить количественные потолки, достаточные для взаимного гарантированного уничтожения. Упомянутый ранее «доклад Гилпатрика», в том числе, утверждал, что «меньший акцент США и СССР на ядерное оружие и достижение соглашений о более широких мерах контроля над вооружениями должны быть признаны важными составляющими программы предотвращения ядерного распространения» [12. С. 231].

США, в свою очередь, столкнулись с трудностями в рамках переговоров по многосторонним ядерным силам НАТО. Еще в 1950-е гг. в Великобритании, ФРГ, Турции, Италии, Нидерландах, Греции и Бельгии появилось американское тактическое ядерное оружие, а в Италии и Турции были размещены американские ракеты средней дальности. Соответственно, возникала задача обеспечить контроль над американским ядерным оружием в Европе. В конце 1950-х гг. США выступили с инициативой создания многосторонних ядерных сил (МЯС) НАТО. Данная идея также преследовала цель воспрепятствовать сотрудничеству между европейскими странами, особенно между Западной Германией и Францией, в области атомной энергии (например, в 1957 г. было создано Европейское сообщество по атомной энергии (ЕВРАТОМ), в котором не состояли ни США, ни Великобритания; сама ФРГ на протяжении 1950-х гг. неоднократно демонстрировала интерес к получению ядерного оружия и активно взаимодействовала с Францией,

Италией, Южной Африкой, Бразилией и Аргентиной по ядерным технологиям).

Переговоры по МЯС шли достаточно сложно. Американскую инициативу не поддерживала Великобритания. Категорически против выступила Франция под руководством Шарля де Голля, который предложил альтернативу – формирование европейских ядерных сил, что могло бы поставить под сомнение значение североатлантического альянса. В то же время получение ФРГ доступа к совместному ядерному арсеналу без контроля США было неприемлемо для двух сверхдержав: это привело бы к росту реваншистских настроений в ФРГ и позволило бы стране поставить под вопрос принципы послевоенного урегулирования (ее оккупационный статус, ограниченный суверенитет и разделение Германии на два самостоятельных государства – Западную и Восточную).

Таким образом, к середине 1960-х гг. сложилась объективная общность стратегических интересов США и Советского Союза (3): обозначенные выше факторы заложили основу для советско-американского консенсуса по вопросу о выработке договора о нераспространении ядерного оружия. На повестке дня двух сверхдержав стояли такие задачи, как предотвращение ядерного конфликта непосредственно между ними или с их вовлечением на периферии; формирование правовой основы для обуздания безудержной гонки ядерных вооружений; установление правовых рамок для ограничения ядерных амбиций государств. С учетом того, в каких исторических условиях шел переговорный процесс по выработке ДНЯО, мы можем предположить, что он был направлен на решение именно этих задач.

Продолжение статьи читайте в следующем номере

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Договор о нераспространении ядерного оружия был открыт к подписанию 1 июля 1968 г. Вступил в силу 5 марта 1970 г. Одним из механизмов проверки действия Договора стали Конференции по рассмотрению действия ДНЯО, или Обзорные конференции (ОК), которые проходят каждые 5 лет. В период с 1970 по 2022 гг. прошло десять ОК ДНЯО: 1975 г., 1980 г., 1985 г., 1990 г., 1995 г., 2000 г., 2005 г., 2010 г., 2015 г., 2022 г. Последний обзорный цикл длился в течение 7 лет в связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-2019 и последовавшим за ним закрытием государственных границ, что сделало бы невозможным приезд многочисленных государственных делегаций в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке. К завершению ОК ДНЯО готовятся итоговые документы, где фиксируются основные проблемы в рамках функционирования режима ядерного нераспространения

и решения, планы действия на будущее. 10-ая ОК ДНЯО – не была единственной, когда государства-участники не смогли выработать заключительную декларацию. Среди таковых обзорные конференции 1980 г., 1990 г., 1995 г. (хотя в этом году было принято решение о бессрочном продлении Договора), 2005 г., 2015 г.

(2) Например, в апреле 1955 г. состоялась Бандунгская конференция, или Конференция 29 стран Азии и Африки. Итоговый документ Конференции содержал призыв до «общего запрещения производства ядерного и термоядерного оружия... достигнуть соглашения относительно временного прекращения экспериментов с таким оружием», то есть речь шла о прекращении ядерных испытаний. СССР выступил в поддержку идей запрещения ядерных испытаний. В конце 1950-х гг. также стал формироваться региональный подход к нераспространению ядерного оружия. В 1957 г. на заседании Генеральной ассамблеи ООН министр иностранных дел Польши Адам Рапацкий предложил создать безъядерную зону в Центральной Европе. Аналогичную инициативу выдвигал и Советский Союз в ходе работы Лондонского подкомитета Комиссии ООН по разоружению в 1956-1957 гг. Первым в истории договором о безъядерной зоне стал Договор об Антарктике 1959 г.

(3) То, что советско-американский консенсус стал важным фактором выработки и заключения ДНЯО, не должно оцениваться как то, что две сверхдержавы навязали этот Договор всем остальным. Проблематика нераспространения, так или иначе, обсуждалась на международном уровне с 1958 г. после того, как Ирландия на XIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложила проект резолюции о том, что увеличение числа государств с ядерным оружием могло бы затруднить поддержание мира и выработку соглашения о разоружении. Другое дело, что страны пытались повернуть переговоры о будущем договоре о нераспространении ядерного оружия в выгодный для себя ракурс. Так, после испытания ядерной бомбы Китаем, свой взгляд на соглашение о нераспространении в 1965 г. представила Индия, который по оценкам советского дипломата Р.М. Тимербаева, одного из авторов ДНЯО, носил «определенную антикитайскую направленность». ДНЯО в целом является компромиссным документом. Тем более все государства преследуют цель построения безъядерного мира, пусть и по-разному ее понимают.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Выступление заместителя руководителя российской делегации А.И. Белоусова на заключительном пленарном заседании 10-й Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия

// Официальный сайт МИД России, 29 августа 2022 г. // https://www.mid.ru/ru/press_service/1827674/?ysclid=le1rhzko6n580436545

2. Инициатива государств-депозитариев в связи с 50-летием вступления ДНЯО в силу «О размещении на Интернет-портале МИД России материалов по тематике Договора о нераспространении ядерного оружия» // Официальный сайт МИД России, 5 марта 2020 г. // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1428976/?ysclid=ldjadyoakd996364231.

3. *Карнаухова Е.А.* Все-таки кома? Итоги последней недели X Обзорной конференции глазами российской публичной дипломатии // Российский совет по международным делам, 30 августа 2022 г. // <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/global-governance/vsye-taki-koma-itogi-posledney-nedeli-x-obzornoj-konferentsii-glazami-rossiyskoj-publichnoy-diplomat/?ysclid=ldztcuuqr722461501>.

4. *Карнаухова Е.А.* Интервью с Густаво Злаувиным // 10-я Обзорная конференция ДНЯО (2022): хроника объявленного провала / Ред. Е.А. Карнаухова, А.В. Юрк, Е.Г. Чобанян. М.: ПИР-Пресс, январь 2023. (Индекс Безопасности – Научные записки).

5. *Карнаухова Е.А.* Интервью с Игорем Вишневецким // 10-я Обзорная конференция ДНЯО (2022): хроника объявленного провала / Ред. Е.А. Карнаухова, А.В. Юрк, Е.Г. Чобанян. М.: ПИР-Пресс, январь 2023. (Индекс Безопасности – Научные записки).

6. *Карнаухова Е.А.* Чему нас учат уроки Карибского кризиса? // Российский совет по международным делам, 31 октября 2022 г. // <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/riacdigest/chemu-nas-uchat-uroki-karibskogo-krizisa/?ysclid=ldhgc0mxq7269424555#4>.

7. «Манхэттенский проект»: Разведка и дипломатия: [Атом. секреты начала холод. войны] // В.Л. Мальков; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. Москва: Наука, 1995.

8. Новый вызов после холодной войны: распространение оружия массового уничтожения (открытый доклад СВР России за 1993 год) // Официальный сайт СВР России // <http://svr.gov.ru/material/otkrytye-doklady-svr-rossii/novyy-vyzov-posle-kholodnoy-voyny-rasprostranenie-oruzhiya-massovogo-unichtozheniya-otkryty-doklad-/rasprostranenie-oruzhiya-massovogo-unichtozheniya-ugroza-vseobshchey-stabilnosti/novyy-kharakter-regionalnykh-konfliktov.htm>.

9. *Орлов В.А.* Есть ли будущее у ДНЯО. Заметки в преддверии Обзорной конференции 2015 г. // Индекс Безопасности. № 4 (111). Зима 2014 г.

10. Проблемы запрещения испытаний и распространения ядерного оружия / А.Н. Калядин; АН СССР, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. Москва: Наука, 1976.

11. *Сергеев И.* Дестабилизирующие процессы могут усилиться, если не противодействовать распространению ядерного оружия // *Ядерный контроль.* 2001. № 57.
12. *Тимербаев Р.М.* Россия и ядерное нераспространение. 1945-1968. М.: Наука, 1999.
13. Федор Бурлацкий: «Мы понимали, что американцы – цивилизованные люди» // *Известия,* 21 октября 2022 г. // <https://iz.ru/news/268669?ysclid=I9vaхn61vh666043870>.
14. *Gerber L.* The Baruch Plan and the Origins of the Cold War // *Diplomatic History.* 1982.
15. *Epstein W.* Nuclear Proliferation in the Third World // *Journal of International Affairs.* 1975. Vol. 29. No. 2.
16. Joint Statement at the Tenth Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapon, 26 August (4 p.) // *Reaching Critical Will Official Website,* 26 August 2022 // https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2022/statements/26Aug_France-joint.pdf.
17. NPT News in Review. Vol. 17. No. 10. 27 August 2022 // <https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmamentfora/npt/NIR2022/NIR17.10.pdf>.
18. *Nye J.* Maintaining a Nonproliferation Regime // *International Organization.* 1981. Vol. 35. No. 1. Nuclear Proliferation: Breaking the Chain.
19. *Nye J.* Nonproliferation: A Long-Term Strategy // *Foreign Affairs.* 1978. Vol. 56. No. 3.
20. *Stoiber C., Glenn J., Kennedy R.* et al. Nuclear Nonproliferation – Law and Policy. Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law) // Cambridge University Press. 1982. Vol. 76.
21. *Unger B.* The Nuclear Non-Proliferation Treaty Review Conference: an Unsuccessful Attempt to Stem the Tide // *World Affairs.* 1976. Vol. 139. No. 2.

E.A. KARNAUKHOVA

*Postgraduate Student of the 3rd Year of the School
of World Politics of the Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

THE CRISIS OF THE NUCLEAR NONPROLIFERATION REGIME: REALLY EXISTING FACT OR JUST RHETORIC?

The author of this article raises the question whether the 'crisis' of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) and the nuclear nonproliferation regime is a real fact or is it just a rethoric. The discussion about this 'crisis' was boosted after the unsuccessful Tenth NPT Review Conference (August 1-26, 2022), which ended without the adoption of the outcome document, as well as against the background of Russia's special military operation in Ukraine. The interest in this research question is connected with the fact that already in the works of the 1970s, some researchers, at least in the West, raised the problem of the NPT imminent collapse. In modern Russia, warnings about the challenges and threats to the stability of the nuclear nonproliferation regime and the risks of the emergence of new nuclear powers can be found in the researches of the 1990s-2000s. However, despite such discussions and actually a large number of problems in the field of nuclear nonproliferation, the NPT itself and the entire regime continue to function for more than 50 years. The author draws on historical material to understand the context of the development of the NPT, and analyzes its conditions. On this basis, the author defines the priorities and the main contradictions of the NPT and the nuclear nonproliferation regime, which lay the objective prerequisites for their permanent 'crisis.' Concluding that it is premature to talk about a deep crisis, the author uses the concept of 'erosion' and pays attention to the fact that the current stage of international confrontation, namely speculation and one-sided consideration of the situation around Ukraine, can lay the foundation when the fine line between 'erosion' and 'crisis' is passed.

Key words: *contradictions of the NPT, nuclear nonproliferation regime, review conferences, 'nuclear five,' crisis rhetoric, erosion of the regime.*

Р.А. САВЛАН

*аспирант факультета глобальных процессов
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭПИДЕМИИ КАК ГУМАНИТАРНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Предметом исследования является анализ эффективности современной системы противодействия эпидемиям как гуманитарной проблеме. Пандемия новой коронавирусной инфекции привела к трансформации многих сфер жизни человечества, став одной из крупнейших гуманитарных проблем современности. Пандемия показала необходимость модернизации механизмов международного гуманитарного сотрудничества для более оперативного противодействия глобальным угрозам и обеспечению благополучия каждого. Было установлено, что эпидемии за последние несколько десятилетий вследствие глобализации стали важнейшей мировой угрозой, которые потребовали выработки механизмов совместной деятельности государств и других акторов для обеспечения эпидемиологической безопасности. В статье показаны процессы формирования подхода к международному взаимодействию для борьбы с эпидемиями, определены ключевые проблемы глобального управления в данном контексте.

Новизна исследования заключается в обобщении политологических концепций гуманитарных проблем и борьбы с эпидемиями. Показана необходимость систематического преобразования и оптимизации современной системы международного сотрудничества для противодействия различным пандемиям. Особенного внимания удостоился аспект коммуникационной политики государств и борьбы с фейковыми «новостями» как еще одним рискогенным аспектом борьбы с эпидемиями. Выводы и рекомендации могут быть применены в деятельности институтов глобального управления, государственных и муниципальных структур в сфере здравоохранения и коммуникаций, а также могут служить основанием для модернизации системы противодействия эпидемиям на национальном и международном уровнях.

Ключевые слова: *глобальное управление, эпидемии, гуманитарные проблемы, политическая стабильность, политические*

процессы, международные отношения, международное гуманитарное сотрудничество.

Несмотря на то, что современный мир характеризуется относительно высокой степенью благополучия для каждого человека относительно периодов прошлого, особенное значение приобрели различные гуманитарные вызовы и угрозы. Одним из крупнейших исследователей в данной сфере в отечественной науке является Е.С. Громогласова, которая отмечает, что «в мире не решены проблемы отсталости, бедности, неустойчивой и несостоявшейся государственности, а гуманитарные нужды возросли» [2]. Распространение эпидемий, таких, как СПИД, новая коронавирусная инфекция, птичий и свиной грипп вследствие глобализации превратились, как отмечает автор, в общемировую гуманитарную проблему, которую необходимо решать в рамках общего взаимодействия и с применением инструментария глобальных институтов управления.

Всемирная организация здравоохранения объявляла три пандемии: гонконгский грипп (1968 год), свиной грипп (2009 год) и новая коронавирусная инфекция (2020 год). И во время предыдущих пандемий Всемирная организация здравоохранения подверглась осуждению за недостаточно эффективную и независимую политику по противодействию распространения заболеваемости [1].

Актуальность исследования глобальных эпидемий как современной гуманитарной проблемы обусловлена продолжающимся кризисом, вызванным пандемией новой коронавирусной инфекции [14]. Помимо высокого количества жертв и кризиса систем здравоохранения по всему миру, пандемия также стала ударом по экономикам в том числе и развитых стран. Целые отрасли приостановили свою деятельность в связи с введением ограничительных мер, что привело к повышению безработицы и обострению социальной напряженности. Также пандемия оказала воздействие и на такие сферы, как миграция и рынок труда, обострив положение лиц, которые находились в другой стране как легально, так и нелегально [16]. Еще одним кризисным аспектом пандемии стала необходимость оперативных действий со стороны правительств по всему миру, чтобы не дать эпидемии распространиться среди жителей, не допустить роста количества жертв, минимизировать негативные экономические и социальные последствия посредством широкого спектра мер поддержки [13]. Эта пандемия стала примером необходимости международного сотрудничества для формирования единого курса на борьбу с этой угрозой, разработки и распространения вакцин, а также для выполнения других целей и обязательств, которые были необходимы именно для противодействия этой пандемии.

Немаловажным замечанием, которое актуально для современной эпидемии, является необходимость бороться сразу с несколькими угрозами

такого порядка. Всемирным вызовом также является распространение СПИДа. Первая программа ООН по противодействию распространения данного заболевания была учреждена 35 лет назад, но на данный момент в связи с глобальным кризисом здравоохранения главная цель – ликвидация СПИДа к 2030 году – представляется недостижимой. Как отмечает Д. Михель [5], все, что было сделано и делается в этих направлениях, безусловно, не только нашло отражение в информационных и стратегических материалах, но и способствовало реальным успехам на фронте борьбы с эпидемией. Между тем ситуация, вызванная распространением коронавирусной инфекции, непроизвольно изменяет общую картину той деятельности, которая ведется на глобальном фронте борьбы со СПИДом. Проведенная за три десятилетия работа огромна, но в оптике новых событий она кажется все незаметнее, почти невидимой, рождая стойкое ощущение того, что многое из сделанного напрасно.

Некоторые исследователи [6] указывают на то, что пандемия также бросила вызов современному миропорядку, обнажив его проблемы и недостатки, неэффективность процесса принятия решений, когда дело касается жизни и благополучия миллионов человек по всему миру. На первом этапе распространения новой коронавирусной инфекции большинство государств оказались не готовы к резкому росту заболеваемости, а в государствах с отсутствием страховой медицины представители социально незащищенных групп населения не обращались за медицинской помощью своевременно, что способствовало заражению еще большего количества людей, а также росту количества сложных случаев заболевания.

На втором этапе распространения инфекции государства с разной степенью успешности внедряли различные меры и подходы, направленные на ограничения перемещения населения, организацию и регулирование новых типов и видов занятости и так далее. Некоторые из них смогли самостоятельно адаптировать систему здравоохранения под новую угрозу. Интересным тезисом в данном случае является то, что на эффективность деятельности государств в данном направлении фактически не повлияли ни политический режим, ни стратегическая мощь, ни уровень социально-экономического развития. На третьем этапе распространения новой коронавирусной инфекции данный тип государств был ориентирован на сокращение количества кластеров инфекции, контроль распространения эпидемии, предотвращение роста новых случаев, мерами, направленными на восстановление экономической и социальной системы от последствий пандемии.

Вторая категория государств не смогла самостоятельно организовать борьбу с новой коронавирусной инфекцией, в связи с чем они обращались за помощью к другим государствам. В качестве примера возможно привести Италию, для которой характерна относительно большая доля пожилого населения, которое находится в группе риска по заражению и тяжелому

течению первых штаммов COVID-19. В ту же категорию вошли Сербия, Казахстан, Армения, Узбекистан, Ливан, Таджикистан и ряд других государств. Важнейшим инструментом для противодействия новой угрозе стали гуманитарные миссии, которые предусматривают направление специалистов, медицинских и защитных материалов (тест-системы, оборудование для дезинфекции и так далее), на более поздних этапах – и вакцин. В частности, Российская Федерация за время пандемии направила тест-системы и реагенты для проведения тестирования в 33 государства мира [7]. Кроме того, проводились и онлайн-консультации для врачей и пациентов, чтобы снизить нагрузку на системы здравоохранения в государствах, которые не справлялись с ней. Также помощь оказывала и Китайская Народная Республика.

Выделяется и третья группа государств, которая в целом отрицала опасность новой коронавирусной инфекции. В их число вошли Швеция, Белоруссия и Туркменистан. Эти государства не вводили комплексных мер, направленных на предупреждение распространения COVID-19. Тем не менее, анализ статистических данных показывает, что «чудовищные экономические последствия карантина намного превосходят условный выигрыш в медицинском плане».

К четвертой группе государств относятся те, кто декларирует самостоятельность в противодействии пандемии, но при этом не демонстрирует успехов в этой сфере. В качестве примера такого государства возможно выделить Соединенные Штаты Америки, так как в этом государстве наблюдалась высокая заболеваемость и смертность, а также выраженные экономические и социальные последствия, обострение напряженности среди населения. В связи с тем, что некоторые государства показывали неудовлетворительные результаты противодействия пандемии, исследователи указывают на необходимость пересмотра подходов к классификации «центров силы» в современной глобальной политике.

ЮНИСЕФ как институт глобального управления также реализует программы и инициативы для поддержки детей, которые были затронуты в том числе долгосрочными последствиями пандемии новой коронавирусной инфекции. Поддержка охватывает 2023 год и 155 стран и территорий. В рамках данной программы предусматривается предоставление прививок от кори, которая также сохраняет масштабы глобальной инфекции [9].

Тем не менее, взаимодействие между государствами и институтами глобального управления во время пандемии нельзя было назвать однозначно эффективным и положительным. Всемирная организация здравоохранения неоднократно обвинялась в недостаточно результативном расходовании средств, преувеличении масштабов опасности, а также в финансовой заинтересованности экспертов, которые сотрудничают с крупными фармацевтическими компаниями. Кроме того, отечественные исследователи указывают,

что ВОЗ не смогла провести реформирование с тем, чтобы повысить эффективность собственной деятельности, что привело к недостаточной оперативности и маневренности при принятии решений о борьбе с пандемией новой коронавирусной инфекции. Несмотря на статус ключевого института по формированию и развитию системы глобального управления в сфере здравоохранения, ее оторванность от национальных систем здравоохранения, недостаточно эффективное распределение средств и ответственности, недостаточный уровень результатов контрольных мероприятий обуславливает снижение данной роли [4]. Данные проблемы приводят к ослаблению международной безопасности, поскольку неэффективная борьба с пандемиями приводит к обострению проблем национальной безопасности и индивидуальной безопасности.

Кроме того, анализ деятельности отдельных государств в рамках направлений и программ международного сотрудничества показывает ограниченность гуманитарного дискурса, так как государства ориентированы в первую очередь на извлечение определенных выгод и защиту собственных интересов при организации подобных программ и инициатив, что также не содействует повышению их эффективности и достижению конечной цели. Объем и направление гуманитарной помощи обусловлены ограничениями и нормами международного права, международными, стратегическими и экономическими интересами государств, принципов и ценностей руководства государства, геополитических приоритетов и так далее. В связи с этим следует отметить высокую степень политизации борьбы с пандемией новой коронавирусной инфекции, чему возможно найти несколько проявлений. Во-первых, это препятствование распространению вакцин между государствами из-за отсутствия подтверждения эффективности со стороны Всемирной организации здравоохранения, а также из-за политических интересов отдельных государств, что усугубляло течение пандемии. Во-вторых, прослеживалась конкуренция между донорами гуманитарной помощи, так как посредством ее направления государства-доноры стремились удовлетворить собственные интересы. В частности, критике подвергались действия Российской Федерации по направлению медиков и вакцин в другие государства, так как другие страны сочли этот вклад недостаточным и направленным на утверждение геополитического статуса России [11].

Следует согласиться и с выдвинутым Е.С. Громогласовой соображением, что для современных государств и их объединений, в частности, для Европейского Союза, характерна «секьюритизация» гуманитарной дипломатии. Последние события актуализировали вывод автора о том, что «приоритетом для объединенной Европы стало обеспечение безопасности собственных граждан, а не долговременное восстановление социальной стабильности в кризисных зонах современного мира» [2].

К важнейшим современным принципам, исходящим из практики решения гуманитарных проблем, относятся облегчение человеческих страданий, объективность, нейтральность, равное обращение с жертвами гуманитарных кризисов, заинтересованность в поддержке, недопустимость дискриминации по этническому, религиозному и другому признаку, но эти принципы соблюдаются не всеми государствами и не во всех случаях. Иногда государства используют возможности гуманитарной дипломатии для формирования собственного международного позитивного имиджа.

Еще одним важным проблематическим аспектом противодействия эпидемиям как гуманитарным угрозам является появление новых акторов, которые действуют на основе рыночных принципов. В связи с этим государствам приходится вступать либо в партнерские, либо в конкурентные отношения. Кроме того, отмечается, что частные компании гораздо более открыты для политизированных предложений и действуют не на основе гуманитарных принципов, а в целях получения прибыли [12].

Таким образом, эпидемии вследствие глобализации и их выраженного ущерба для социально-экономического развития перешли в статус глобальных угроз. Этот тезис стал особенно актуальным в контексте пандемии новой коронавирусной инфекции, которая подчеркнула недостатки глобального, коллективного и двустороннего управления для противодействия гуманитарной угрозе. Выделены проблемы недостаточной эффективности глобальных институтов управления, коллективного и двустороннего взаимодействия, появления новых частных акторов, которые более открыты давлению и политизации. Было установлено, что некоторые современные государства ориентируются на «секьюритизацию» гуманитарной помощи, извлечение из нее определенных выгод экономического, политического или коммуникационного плана, что не соответствует действующим принципам гуманитарной дипломатии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. ВОЗ попутал // Коммерсантъ. 2020 // <https://www.kommersant.ru/doc/4343708>.
2. *Громогласова Е.С.* Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования. М.: ИМЭМО РАН, 2018.
3. *Дробышева-Разумовская Л.И., Лисенкова А.А., Писманик М.Г.* Гуманитарный дискурс в период пандемии // Вопросы культурологии. 2021. № 4.
4. *Кузнецов Д.А., Коновалов И.С.* Всемирная организация здравоохранения в условиях пандемии COVID-19: оценка эффективности глобального управления // Право и управление. XXI век. 2020. Т. 16. № 3.

5. *Михель Д.* Данные, принципы и стратегии: как работают глобальные механизмы контроля эпидемии ВИЧ // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2021. Т. 31. № 1 (140).

6. *Хоперская Л.Л., Пшеничная Н.Ю.* COVID-19 – глобальный вызов современному миропорядку // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2020. № 3-2.

7. *Шакиров О.И., Соловьев Д.Б., Петросян М.* Гуманитарная помощь против коронавируса. Кому и как помогала Россия во время пандемии COVID-19? // *Исследования по вопросам государственного управления*. 2020. Т. 4. № 4.

8. *Шумилин А.И.* Фактор пандемии во внешней политике Евросоюза // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2020. № 2.

9. ЮНИСЕФ призывает выделить чрезвычайное финансирование в размере 10,3 миллиарда долларов США на поддержку детей, затронутых конфликтами, катастрофами и климатическим кризисом во всем мире // ЮНИСЕФ. 2022 // <https://www.unicef.org/eca/ru/Пресс-релизы/юнисеф-призывает-выделить-чрезвычайное-финансирование-в-размере-103-миллиарда-долларов>.

10. *Atal M.R., Richey L.A.* Commodifying COVID-19: Humanitarian Communication at the Onset of a Global Pandemic // *New Political Science*. 2021. Т. 43. № 4.

11. *Biscop S.* Coronavirus and Power: The Impact on International Politics. Royal Institute for International Relations – Egmont, Security Policy Brief. 2020. № 126.

12. *Dobrowolska-Polak J.* Humanitarian Diplomacy of the European Union // *Open Europe: Cultural Dialogue Across Borders*. 2014. Vol. 5.

13. *Karuppiah K. et al.* Key challenges to sustainable humanitarian supply chains: lessons from the covid-19 pandemic // *Sustainability*. 2021. Т. 13. № 11.

14. *Lancet T.* Humanitarian crises in a global pandemic // *Lancet (London, England)*. 2020. Т. 396. № 10249.

15. *Lima N.T., Buss P.M., Paes-Sousa R.* COVID-19 pandemic: a health and humanitarian crisis // *Cadernos de Saúde Pública*. 2020. Т. 36.

16. *Nott D.* The COVID-19 response for vulnerable people in places affected by conflict and humanitarian crises // *The lancet*. 2020. Т. 395. № 10236.

R.A. SAVLAN

*PhD Student, Faculty of Global Processes
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

GLOBAL EPIDEMICS AS A HUMANITARIAN PROBLEM

The research is aimed at studying the humanitarian dimension of pandemics as global problems of the modern stage of human development. The current COVID-19 pandemic has confirmed the need to transform many spheres of human activity, leading to a large-scale economic, social, and political crisis. In addition, the insufficient effectiveness of the activities of the World Health Organization and national Governments has exposed the problem of coordinating interaction and interfacing the interests of various political actors. This publication attempts a chronological analysis of approaches to the organization of international interaction and problems of global communication in this context.

The novelty of the publication lies in the generalization of political theories and approaches that were formed during the theoretical understanding of the essence and significance of pandemics as humanitarian threats and crises. The necessity of transformation and modernization of the mechanisms of discussion and development of a unified policy course to counter these threats was confirmed. The results of the study can be applied in the development of appropriate training courses, as well as in the practical activities of national and international government bodies.

Key words: *global governance, epidemics, humanitarian problems, political stability, political processes, international relations, international humanitarian cooperation.*

ТАЛИБ МОХАММЕД НАССЕР МОХАММЕД
аспирант кафедры политологии
Казанского (Приволжского) университета,
Россия, г. Казань

РОЛЬ ИНТЕРВЕНЦИИ КОАЛИЦИОННЫХ СИЛ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ В ЙЕМЕН

Кризисное состояние политической системы Йемена обусловлено комплексом факторов, развивавшихся на протяжении всего XX в. с разной степенью своего выражения. Проблематика изучения йеменского политического кризиса заключается в одновременном выражении комплекса конфликтов (социальных, экономических, конфессиональных, геополитических), которые возникают и развиваются на фоне длительной дестабилизации национальной политической системы. В силу этой особенности не представляется возможным рассматривать ситуацию в Йемене лишь как проявление противостояния определенных политических сил, нацеленных на устранение друг друга и на захват власти. Целью проведения исследования выступает оценка влияния интервенции в Йемен как способа силового воздействия на сложившийся политический кризис. В качестве основных методов, задействованных в работе, выступили системный метод в части оценки влияния политической системы на ход развития конфликтов и структурный функционализм в призме анализа эффективности военных операций коалиции арабских государств. В результате автор сформулировал перспективы использования механизма урегулирования йеменского политического кризиса при непосредственном участии населения страны и с акцентуацией на решение исключительно национальных проблем, которые на протяжении развивающейся раздробленности государства и усугубившей эти процессы интервенции коалиции арабских государств к настоящему времени не находятся в официальной повестке. Данный фактор предопределяет продолжительность кризисного состояния йеменской политической системы.

Ключевые слова: политический кризис, политический конфликт, урегулирование конфликтов, вооруженный конфликт, Йемен, кризис в Йемене, интервенция, арабские государства.

Специфика йеменского политического кризиса заключается в многослойности политических интересов, поддерживающих комплекс различных внутренних и внешних конфликтов. На протяжении современной истории Йемен сталкивался с вмешательством в свой суверенитет практически всех соседних государств.

Кроме того, начавшись в качестве противостояния на региональном уровне (гражданская война, ведущаяся с 2014 г.), политический кризис в Йемене стремительно развивался до масштабов международной проблемы, на которую вынуждены обращать внимание государства, далекие от Аравийского полуострова (США, РФ, страны ЕС и Латинской Америки).

Формальным поводом для интервенции коалиции арабских государств на йеменские территории стало обращение 24 марта 2015 г. президента Йемена Хади к Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива. Данная региональная организация закрытого типа функционирует с 1981 г. в целях координации и интеграции различных сфер регулирования (экономических, социальных, правовых, административных и др.) стран-участниц (Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, ОАЭ, Оман и Катар) [7].

Что касается Йемена, то переговоры о его вступлении в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива велись еще с 2005 г., но к моменту политического кризиса 2014 г. не увенчались приобретением членства в этой организации.

Президент Хади попросил напрямую вмешаться в кризисные процессы, происходящие в стране. Буквально на следующий день, 24 марта 2015 г., мятежным силам удалось взять под контроль авиационную базу Эль-Анад, располагающуюся в провинции Лахдж. Также боевые действия позволили повстанческим отрядам войти в г. Аден, захватить международный аэропорт и атаковать президентскую резиденцию. Из-за этого Хади пришлось покинуть страну и дислоцироваться в Саудовской Аравии, чьи воздушные силы в ночь на 26 марта 2015 г. начали военную операцию против хуситов под наименованием «عاصفة الحزم», которое переводится с арабского как «Буря решимости» или «Решительный шторм».

Другие участники Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива не только одобрили подобное решение, но и предоставили собственные военно-воздушные силы. Примечательно, что к указанной военной операции подключились государства, не состоящие в данной региональной организации: Марокко, Судан и Египет. Большинство стран, участвующих в международной коалиции, в религиозном плане являются суннитскими государствами [1. С. 21], что подтверждает, на наш взгляд, межконфессиональные разногласия в структуре йеменского политического кризиса, одним из акторов которого выступают шиитские силы (хуситы).

Межгосударственная легитимация начатой интервенции обеспечивалась также официальной поддержкой Иордании и Сенегала, которые,

впрочем, не принимали фактического участия в воздушных и морских ударах по позициям повстанческих сил в Йемене. Помимо этого, помощь коалиции арабских государств оказали США, ограничившись лишь логистическим, разведывательным и топливным обеспечением боевых самолетов (в частности, предоставлением технической поддержки по их дозаправке в воздухе) [2. С. 85].

В середине апреля 2015 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 2216 о запрете военной помощи хуситам, в т.ч. на поставки вооружений и военной техники [19].

Следует подчеркнуть, что интервенционная военная операция «Решительный шторм» формально продлилась недолго: с 26 марта по 21 апреля 2015 г. Однако фактически она продолжается с разной степенью регулярности по настоящее время, сопровождаясь авиационными ударами по позициям хуситов.

Между тем 21 апреля 2015 г. коалиция арабских государств объявила новую военную операцию под названием «Возрождение надежды». Ее цели, в отличие от предыдущей, подверглись значительному расширению, поскольку заключались не только в политической стабилизации Йемена, но и в обеспечении защиты гражданского населения, и в противодействии терроризму.

В этой связи необходимо отметить, что с конца 1990-х гг. группировка «Аль-Каида» фактически контролировала отдельные районы Йемена, преимущественно в пустынных зонах между центром и востоком страны, с момента джихадистского восстания в 1997 г. Силы данного объединения («Аль-Каида на Аравийском полуострове») также противостояли хуситам, вследствие чего многие авторы констатируют недостаточный акцент коалиционных сил на борьбе с указанной террористической организацией [8. Р. 244; 10. Р. 81].

По нашему мнению, современная йеменская война вовсе не демонстрирует союзнических устремлений между террористическими организациями и национальным правительством, поскольку теракты продолжают совершаться в отношении всего населения Йемена без его разделения по этническому или конфессиональному признакам.

К 2014 г. на фоне кризисных процессов в Йемене появляются силы террористической организации «Исламское государство». При этом ее боевые подразделения одинаково противостоят как хуситским повстанцам, так и проправительственным войскам, а также войскам коалиции арабских государств [11. Р. 29]. В отношении последних в СМИ неоднократно поднимались скандальные темы, связанные с секретными договоренностями между террористическими организациями, орудующими в Йемене, и отдельными коалиционными странами, участвующими в интервенции.

В частности, в 2016 г. боевики Аль-Каиды по неизвестным причинам оставили свои позиции в двух йеменских регионах (Чабва и Абьян) и в крупном морском порте Мукалла. Согласно журналистскому расследованию, причиной такого решения стало получение финансирования от стран, входящих в коалицию, взамен на освобождение занятых стратегических территорий [4].

Помимо этого, телехолдинг CNN обвинил Саудовскую Аравию и ОАЭ в действиях, способствующих секретным поставкам вооружений различным военизированным силам в Йемене [17]. Так, в качестве одного из поставщиков является организация «Аль-Каида на Аравийском полуострове».

Ученые отмечают, что подобные временные договоренности между враждующими сторонами необходимы для приобретения (покупки) лояльности при достижении тактических задач [15. Р. 303]. При этом в стратегическом выражении политический кризис в Йемене перерос в состояние «войны всех против всех», когда каждый участник преследует собственные цели и заинтересован в нейтрализации любого конкурента при благоприятном стечении обстоятельств.

Следует признать, что террористические организации, претендуя на политическое господство в отдельных районах Йемена, руководствуются сугубо собственными интересами и не готовы легитимироваться посредством контактов с официальными государственными структурами. Собственно, у них не возникает даже потребности в подобных союзах при ведении активных боевых действий и при необходимости замедлить развитие конфликта (например, для восполнения ресурсов).

На протяжении августа 2015 г. коалиционные силы сосредоточили сухопутные вооруженные отряды в двух провинциях Йемена: Мариб и Саада. Контингент военных насчитывал порядка 10 тыс. человек, при этом преимущественную долю в нем занимали представители особых военизированных подразделений Саудовской Аравии, а оставшаяся часть представляла сборные отряды военнослужащих Бахрейна, ОАЭ, Катара, Египта, Марокко и Сенегала [6. Р. 491].

Основным результатом интервенции коалиции арабских государств в Йемен стала констатация в феврале 2016 г. правительством Йемена своего контроля над 80% территории. В следующем месяце исключительно национальным войскам удалось отбить г. Таиз, находившийся под хуситами больше года. Впрочем, далеко не все исследователи согласны с постулируемой эффективностью проведенной военной кампании.

Так, на март 2022 г. пришелся семилетний цикл с начала военной интервенции в Йемен, а обстановка в стране по-прежнему характеризуется как кризисная [14. Р. 22]. Изначально военная операция, организованная Саудовской Аравией, ограничивалась во временном диапазоне до нескольких недель и была нацелена на освобождение столицы Саны от хуситов.

При этом сами повстанческие силы в результате воздушных, морских и сухопутных боевых ударов лишь укрепили свои позиции.

Кроме того, исследователи отмечают увеличение политического авторитета мятежников в Северном Йемене во многом посредством усиления поддержки со стороны Ирана [13. Р. 37]. Вследствие этого отдельные авторы приходят к выводу, что интервенционная военная операция «Решительный штурм», по существу, лишь усугубила ситуацию и предопределила укрепление связей хуситов с шиитскими силами за границами Йемена [20. Р. 100].

Коалиционные силы к лету 2018 г. предпринимают попытки освободить из-под контроля хуситов крупный порт Ходейда, чтобы фактически лишить мятежников выхода к морю и устроить им полную блокаду. Однако, невзирая на численный и технический перевес, проправительственные войска Йемена и коалиции арабских государств не добились указанной цели. Кроме того, самим хуситам удалось нанести разрушительные удары по коммуникациям, находящимся на территории, подконтрольной правительству, и в приграничных районах Саудовской Аравии.

Таким образом, к декабрю 2018 г. пришлось заключить соглашение о постепенном выводе всех войск из порта Ходейда, чтобы передать его под управление миротворческих сил ООН. При этом коалицию арабских государств в феврале 2019 г. покинуло Марокко. Данные обстоятельства несколько сгладили острую фазу рассматриваемого конфликта, но не урегулировали его.

В апреле 2019 г. Конгресс США постановил прекратить участие американских сил в войне в Йемене, однако поводом для этого стали не только большие потери среди гражданского населения, но и участие сил Саудовской Аравии в убийстве оппозиционного журналиста Джамала Хашогги, которое произошло в саудовском консульстве в Стамбуле еще в октябре 2018 г.

Специалисты подчеркивают, что многоуровневый характер политического кризиса в Йемене на фоне гражданской войны, региональных, религиозных и этнополитических конфликтов фактически сводится на поверхности к противостоянию Саудовской Аравии с Ираном [3. Р. 783]. При этом другие государства, включая США, в рациональном выражении оказывают поддержку со вполне однозначной целью – сдерживание одного из региональных акторов [18]. Согласиться с этим можно лишь частично по той причине, что сам по себе политический кризис в Йемене возник и развивался в силу совокупности внутренних причин, которые лишь впоследствии были использованы региональными игроками.

Другие уровни политического кризиса в Йемене, на наш взгляд, очерчиваются конфликтом суннитов и шиитов, южных и северных йеменцев, которые в историческом срезе никогда не строили между собой монолитных отношений и не создавали реально действующие институты разрешения подобных внутренних конфликтов. Более того, приход к власти тех

или иных политических сил быстро перерастает в авторитарные устремления по подавлению конкурирующих объединений, что выражается в манипуляции с конституционными институтами (перенос или отмена выборов, роспуск парламента, отставка правительства, физическое воздействие на политических деятелей, их похищение, убийство и т.д.).

Подобный всеобъемлющий тип кризисного состояния йеменских территорий вынуждает отдельных участников интервенции пересматривать собственный подход. Так, ОАЭ пришлось вывести свои основные вооруженные силы из Йемена в 2019 г., а также сократить непосредственную открытую помощь, невзирая на успех в южных йеменских землях, контролируемых т.н. «Переходным Советом».

По нашему мнению, аналогичным образом следовало бы поступить властям Саудовской Аравии, которые до интервенции 2015 г. в отношении Йемена преследовали вполне конкретные и легитимные цели по обеспечению безопасности собственных южных границ и по сдерживанию угрозы соседних густонаселенных территорий.

Исследователи признают, что на протяжении предшествующих 50 лет саудитам удавалось добиться указанных результатов [9]. Вместе с тем к настоящему времени Саудовская Аравия погрязла в политическом кризисе Йемена из-за военного вмешательства, проигнорировав новые дипломатические и экономические способы построения отношений с лояльными йеменскими политическими силами.

Неудовлетворительное состояние саудовского участия в военных конфликтах с хуситами подтверждается фактами их успешной технической разработки беспилотных летательных аппаратов и ракет. Боевые дроны активно используются в ответ на воздушные атаки коалиционных войск. Кроме того, хуситам удается атаковать не только приграничные, но и глубинные территории Саудовской Аравии, что значительным образом снижает эффективность системы обеспечения ее внутренней безопасности и регионального авторитета.

Отчасти такое достижение детерминировано помощью Ирана, однако исследователи признают, что мятежникам удалось после захвата северо-западных районов Йемена привлечь на свою сторону инженерные и офицерские кадры правительственной армии [5. Р. 518]. Причем на них работают люди, получившие специальное заграничное образование и опыт по обслуживанию сложных систем вооружения. Особенно необходимо отметить, что хуситы и их технологические службы вынуждены функционировать в условиях ограниченного бюджета и дефицита расходного материала.

Чем объясняется такая активизация шиитских техников, обеспечивающих боевые отряды? В зарубежной литературе констатируется влияние цифровизации на поддержание вооруженных конфликтов в Йемене [12. Р. 245; 16. Р. 59]. Хуситы имеют доступ к соответствующей помощи посредством

сети Интернет, по которой они получают программные продукты и достаточные данные, способствующие, например, 3D-печати. При этом Иран контрабандой доставляет хуситам в Йемене отдельные компоненты, которые в сочетании с имеющимися ресурсами ведения войны позволяют давать отпор внешним коалиционным силам.

Военный опыт, приобретенный хуситами на протяжении противостояния с правительственной армией Йемена в 2004-2010 гг., по нашему мнению, предопределил их успешное наступление на стратегические районы и города. На этом фоне войска коалиции арабских государств не имели подобного боевого опыта в современной истории. Отчасти это объясняет нам, почему Саудовской Аравии при поддержке США и ОАЭ не удастся разрешить политический кризис военным (насильственным) методом.

Аналогичным образом прослеживается влияние США при администрации президента Байдена с 2021 г. на саудовскую монархию в плоскости необходимого задействования альтернативных методов деэскалации ситуации в Йемене. Тем самым путь разрешения комплекса внешних и внутренних йеменских конфликтов во многом поставлен в зависимость от политической воли элит Саудовской Аравии, что отчасти подтверждается скорректированной позицией ОАЭ.

Несмотря на разрушительную интервенцию коалиции арабских государств в Йемен, многие страны из ее числа являются соседними и никуда не исчезнут из политических процессов, протекающих в регионе Персидского залива. Непризнание хуситов в качестве акторов современной политики Йемена, по нашему мнению, лишь продлевает кризисное состояние его политической системы.

Разрешение кризиса в Йемене осложняется геополитическими интересами различных государств, вследствие чего механизмы урегулирования не получают однозначной оценки со стороны многих иностранных акторов. Казалось бы, ООН призвана выработать особые средства трансформации политического процесса в условиях йеменского формата на базе существующих международных способов минимизации конфликтных проявлений, но очевидным образом не заинтересована в этом.

Между тем йеменский политический кризис с обостряющейся гражданской войной сопровождается колоссальной гуманитарной катастрофой. Так, растет количество погибших (свыше 100 тыс. человек) и беженцев (свыше 1 миллиона). 80% населения не могут самостоятельно решить повседневные проблемы быта, что поставило Йемен в зависимость от внешней помощи. Причинами такого состояния стали разрушения в искусственных ирригационных системах и коммуникациях доставки продовольствия и товаров первой необходимости.

Негативные последствия затянувшегося политического кризиса в Йемене признают практически все: государства Персидского

Залива; международные коалиции, использующие кризисную ситуацию для своего геополитического соперничества (борьба за контроль над Бабель-Мандебским проливом и Красным морем); международные организации, констатирующие нивелирование международного права в условиях ожесточенных боевых действий.

Гуманитарная ситуация в Йемене обострилась глобальной пандемией COVID-19, а также последствиями, вызванными военной операцией РФ в отношении Украины, поскольку межгосударственные и неправительственные фонды, финансирующие оказание помощи пострадавшему йеменскому населению, значительно снизились в своих объемах (с 3,6 млрд. долларов в 2019 г. до 1 млрд. в 2022 г.).

Для сторон политического кризиса в Йемене, на наш взгляд, до сих пор не дошло понимание необходимости урегулирования ключевых проблем, дестабилизирующих национальное единство. Следует признать, что в демократических условиях право на стабилизацию политической обстановки есть только у граждан Йемена вне зависимости от их этнической, конфессиональной и территориальной (южные и северные районы) принадлежности.

Тем самым можно предположить, что наиболее эффективным должен стать механизм урегулирования йеменского политического кризиса, основанный на непосредственном участии населения Йемена и направленный на решение исключительно национальных проблем. Последние на протяжении развивающейся раздробленности страны и усугубившей эти процессы интервенции коалиции арабских государств к настоящему времени не находятся в официальной повестке, что продолжает оставаться фундаментом продолжительного кризисного состояния йеменской политической системы.

Таким образом, страны, прямо или косвенно вовлеченные в группу конфликтов, которые развиваются на фоне политического кризиса в Йемене, заинтересованы на современном этапе в их «заморозке». Такая цель прослеживается в политике Саудовской Аравии и Ирана, выступающих антиподами в регионе. В силу сложившихся обстоятельств им выгодно свести йеменские военные события в русло необъявленного перемирия.

В частности, для Саудовской Аравии дальнейшая дестабилизация политической системы Йемена перестала быть перспективой по причине влияния данных процессов на мировые нефтяные рынки. Возросшие возможности хуситов по совершению саботажей на территории Саудовской Аравии и международным коридорам доставки грузов нивелировали роль коалиции арабских государств в разрешении йеменского кризиса.

Схожие мотивы можно наблюдать у Ирана, осложненного серьезными внутренними кризисными явлениями. Эскалация конфликтов в Йемене под влиянием иранской поддержки закономерно влияет на отношение США

к санкционной политике, к поддержке их союзников в арабском регионе (посредством поставок вооружений, технологий и информации).

Фактическое возобновление дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией под влиянием других арабских государств, а также ЕС, РФ, США и Турции, по нашему мнению, способно дать положительный эффект для урегулирования основного гражданского конфликта в Йемене, в отличие от военных операций, предпринятых коалицией арабских государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Кузнецов А.А. Конфессиональные и племенные предпосылки военно-политического конфликта в Йемене // Исламоведение. 2019. Т. 10. № 1 (39).
2. Шакарянц С. Трагедия Йемена – результат вмешательства и политики двойных стандартов США // Регион и мир. 2015. Т. IV. № 1-2.
3. Ahmadian H., Mohseni P. 'From detente to containment: the emergence of Iran's new Saudi strategy' // International Affairs. 2021. Vol. 97. № 3.
4. AP Investigation: US allies, al-Qaida battle rebels in Yemen // <https://apnews.com/f38788a561d74ca78c77cb43612d50da/Yemen:-US-allies-don't-defeat-al-Qaida-but-pay-it-to-go-away>.
5. Brehony N. 'War in Yemen: No end in sight as the state disintegrates' // Asian Affairs. 2020. Vol. 51. № 3.
6. Clausen M.L. 'Justifying military intervention: Yemen as a failed state' // Third World Quarterly. 2019. Vol. 40. № 3.
7. Cooperation Council for the Arab States of the GULF // <https://web.archive.org/web/20051215113141/http://gcc-sg.org/CHARTER.html>.
8. El-Said H. 'Yemen's passive approach to countering terrorism' // Deradicalizing Violent Extremists, Routledge, 2018.
9. Johnsen G.D. Foreign Actors in Yemen: The History, the Politics and the Future. E-book library. 2021 // <https://policycommons.net/artifacts/1763424/foreign-actors-in-yemen/2495070/>.
10. Kendall E. 'Al-Qaeda and Islamic State in Yemen' // Jihadism transformed: Al-Qaeda and Islamic state's global battle of ideas. 2016.
11. Kendall E. The failing islamic state within the failed state of Yemen, Perspectives on Terrorism. 2019. Vol. 13. No 1.
12. Khan A., Zhaoying H. 'Conflict escalation in the Middle East revisited: thinking through interstate rivalries and state-sponsored terrorism' // Israel Affairs. 2020. Vol. 26. № 2.
13. Mirza M.N., Abbas H., Qaisrani I.H. 'Structural Sources of Saudi-Iran Rivalry and Competition for the Sphere of Influence' // Sage Open. 2021. Vol. 11. № 3.

14. *Mousavian S.H.* 'Iran-Saudi Arabia Conflict and the Path to Peace' // Changing Security Paradigm in West Asia, Routledge, 2022.

15. *Perkins B.M.* 'Yemen: Between Revolution and Regression' // Studies in Conflict & Terrorism. 2017. Vol. 40. № 4.

16. *Samaan J.L.C.* 'Missiles, Drones, and the Houthis in Yemen' // Parameters. 2020. Vol. 50. № 1.

17. Sold to an ally, lost to an enemy // <https://edition.cnn.com/interactive/2019/02/middleeast/yemen-lost-us-arms/>.

18. *Tierce M.* 'The Race to Regional Hegemony: A Case Study of the Iran-Saudi Rivalry in Yemen' // E-book library. 2020 // https://digitalcommons.northgeorgia.edu/honors_theses/50.

19. UN Security Council Hits Yemen's Houthis with Arms Embargo and Sanctions // <https://www.vice.com/en/article/a39w3b/un-security-council-hits-yemens-houthis-with-arms-embargo-and-sanctions>.

20. *Woghofi O.* 'The Future Political Scenarios of Yemen up to 2029' // Scientific Journal of Security Horizons. 2021. Vol. 13. № 49.

TALIB MOHAMMED NASSER MOHAMMED

*Postgraduate student of the Department
of Political Science, Kazan (Volga) University,
Kazan, Russia*

THE ROLE OF THE INTERVENTION OF THE ARAB COALITION FORCES IN YEMEN

The crisis state of the Yemeni political system is due to a complex of historical factors. The problem of its study lies in the simultaneous expression of a complex of conflicts (social, economic, confessional, geopolitical). Therefore, the situation in Yemen cannot be viewed only as a manifestation of the confrontation between certain political forces aimed at eliminating each other and seizing power. The purpose of the study is to determine the features of the legitimation of the intervention in Yemen as a way of using force to influence the current political crisis. The main methods were the neo-institutional approach in terms of assessing the influence of informal institutions on the development of conflicts, as well as structural functionalism to analyze the effectiveness of military operations of the coalition of Arab states. As a result, the author formulated the prospects for using the mechanism for resolving the Yemeni political crisis, which should be accompanied by the direct participation of the country's population. The settlement should be aimed at solving exclusively national problems that are currently not on the official agenda. This factor predetermines the duration of the crisis in the Yemeni political system.

Key words: *political crisis, political conflict, conflict resolution, armed conflict, Yemen, crisis in Yemen, intervention, Arab states.*

О.В. ФИЛАТОВ

*аспирант Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ, Россия, г. Москва*

ПОДХОДЫ НАТО К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОТ ОБЩИХ КИБЕРУГРОЗ ДО ЗЛОНАМЕРЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

28 июня 2022 года на Мадридском саммите НАТО была принята новая Стратегическая концепция – один из наиболее значимых нормативно-правовых документов организации, представляющий собой общий план развития до 2030 года. В отличие от концепции 2010 года, Россия в данном документе представлена в виде наиболее актуальной на данный момент угрозы альянсу, отодвинув на второй план международный терроризм и распространение ядерного оружия. Значительное внимание уделено информационной безопасности, кибербезопасности, а также опасным последствиям развития современных технологий. Так, в документе отмечается, что злонамеренные субъекты стремятся нанести ущерб альянсу, используя киберпространство, а новые и прорывные технологии, к которым НАТО относит, в том числе, и искусственный интеллект, создают как возможности, так и риски. Похожие тезисы присутствовали и в предыдущей концепции, однако ввиду новизны на тот момент многих информационных угроз, им уделялось меньше внимания. В данной статье проанализирован процесс становления современной системы информационной безопасности НАТО, а также причины форсирования ее развития, эффективность ее работы; определены основные подходы альянса к обеспечению защиты информации; выделены направления развития системы информационной безопасности НАТО.

Ключевые слова: НАТО, информационная безопасность, искусственный интеллект, кибербезопасность, злонамеренное использование искусственного интеллекта, Стратегия НАТО в области ИИ, DIANA.

Введение. Цель данного исследования – выявление и анализ эффективности предпринимаемых со стороны НАТО действий по противостоянию

угрозам информационной безопасности с применением прорывных технологий. Для достижения данной цели необходимо определить вектор и принципы развития системы информационной безопасности НАТО на современном этапе, для чего выявить угрозы, выделяемые альянсом в качестве приоритетных, а также проанализировать меры, предпринимаемые для противодействия данным угрозам. В работе были применены компаративный метод, структурный анализ, метод индукции, а также системный анализ.

В научной среде исследованием проблем информационной безопасности, в том числе злонамеренного использования искусственного интеллекта занимались ученые: М. Brundage, S. Avin, J. Clark, Н. Toner, Р. Eckersley, В. Garfinkel, А. Dafoe [13], J. Gallacher, М. Heerdink [16], Д.Ю. Базаркина, Е.Н. Пашенцев [5], Р.С. Выходец [1], А.В. Манойло [2].

Рост активности Североатлантического альянса в сфере изучения, внедрения и нормирования искусственного интеллекта (ИИ) говорит о заинтересованности в дальнейшем внедрении и модернизации данной технологии, которую возможно активно применять как в рамках активных боевых действий, так и в условиях гибридной войны. О высоком уровне заинтересованности со стороны НАТО говорит принятие Стратегии в области ИИ, а также создание разного рода структур по стимулированию развития технологий ИИ. Помимо этого, начиная с 2010-х гг. в НАТО ведется активная работа по противодействию киберугрозам. Данная активность свидетельствует о понимании со стороны альянса стремительного усиления роли гибридных средств ведения боевых действий, а также о подготовке собственного потенциала для возможного применения подобных средств. В сегодняшней ситуации острой международной напряженности рациональное использование киберсредств и технологий ИИ может сыграть решающую роль в завоевании тактического и стратегического превосходства, поэтому изучение подходов к развитию данных ресурсов одного из крупнейших геополитических соперников нашего государства носит актуальный характер.

Вопрос об обеспечении информационной безопасности, в частности кибербезопасности, в рамках НАТО был впервые поднят в 2002 году на саммите Альянса в Праге и отнесен к числу политических проблем. С этого момента в НАТО начались работы по усовершенствованию системы кибербезопасности. Однако данная система показала свою неготовность и несостоятельность во время серии кибератак на Эстонию в 2007 году. Многочисленные хакерские атаки временно парализовали работу сайтов эстонских госучреждений, банков и крупных коммерческих организаций [12]. Данный инцидент привел к тому, что руководство НАТО всерьез задумалось над эффективностью своей информационной безопасности и попыталось провести «работу над ошибками» [23. С. 52-69]. Уже в октябре 2007 года для министров обороны был подготовлен доклад, содержащий ряд рекомендаций по усовершенствованию системы информационной безопасности,

а в апреле 2008 года была принята и опубликована Официальная политика НАТО в сфере киберзащиты (NATO Cyber Defence Policy), которая продолжает существовать по сегодняшний день в обновленной редакции. Целью данного документа является «обеспечение возможности для оказания поддержки государства-члена по его требованию в противодействии кибератаке» [18]. Помимо этого, в НАТО был создан Центр передового опыта совместной киберзащиты НАТО, специализированная структура по подготовке к кибератакам и планированию их совместного отражения.

Становление системы кибербезопасности НАТО. Прецедент с кибервойной в Эстонии показал, что хакерские атаки имеют весьма ощутимый характер и могут значительно повлиять на функционирование ключевых органов государства, являясь при этом не слишком затратным и скрытым методом воздействия одних акторов на других [10. С. 513-520]. Следующим стимулом к развитию системы информационной безопасности НАТО стал вооруженный конфликт в Южной Осетии в 2008 году, в рамках которого как российская, так и грузинская стороны использовали хакерские атаки в отношении друг друга, блокируя или внося изменения в работу правительственных ресурсов, а также крупных интернет-СМИ [20; 11]. Данный конфликт стал одним из первых столкновений, во время которого наравне с традиционными методами боевых действий активным образом применялись кибератаки. И хотя боевые действия в Южной Осетии не затрагивали деятельность НАТО напрямую, они стали поводом для очередного этапа совершенствования системы информационной безопасности альянса. В 2010 году на Лиссабонском саммите НАТО было принято решение о разработке конкретного плана действий на случай применения противником хакерских атак в дополнение к новой политике безопасности в отношении киберугроз. Данные инициативы включают организацию совместного оборонного планирования и улучшение каналов обмена информацией как внутри НАТО, так и в рамках диалога с ООН [2. С. 160-184].

Важность организации надежной защиты от киберугроз отмечалась и в прошлой Стратегической концепции НАТО от 2010 года. В данном документе указывается, что кибератаки являются одной из основных угроз для безопасности и нормального функционирования НАТО, а организация защиты от данных атак является одним из приоритетов Альянса. Так, в списке угроз, представленных в Концепции, информационные угрозы, находились сразу же после оружия массового поражения и терроризма, что говорит о высоком уровне озабоченности в отношении данных угроз со стороны альянса в начале второго десятилетия XXI века [7]. Анализ документов выявил постепенное осознание в НАТО важности борьбы с киберугрозами, которая стала одним из важнейших пунктов стратегических планов альянса.

Позиция НАТО относительно технологий искусственного интеллекта. В отличие от проблематики общих киберугроз, обсуждение

негативных последствий развития ИИ началось в НАТО только в 2020 г. Эксперты альянса отмечают, что данные технологии имеют инновационный характер и значительно упрощают многие процессы внутри организации, однако НАТО все чаще стала сталкиваться с их злонамеренным применением. Помимо этого, активное внедрение данных технологий в ВПК других государств, являющихся соперниками альянса на международной арене, также вызывает волнение со стороны экспертов организации.

Действительно, за последние два десятилетия технологии ИИ развивались стремительными темпами. Системы, использующие интеллектуальные технологии, затронули различные сферы жизнедеятельности человека. ИИ открывает большие перспективы для развития военной сферы. Растет число роботизированных средств обороны, а также автономного оружия. Интеллектуальные защитные системы обнаруживают, анализируют и реагируют на угрозы быстрее и эффективнее, чем люди-операторы [3. С. 508-513]. Системы анализа данных могут обработать огромные объемы информации, и тем самым помочь лицам, принимающим решения, быстрее выбрать более эффективный план действий.

ИИ на своем нынешнем этапе развития в основном сосредоточен на машинном обучении – автоматизированных алгоритмах статистического обучения, которое базируется на обработке ИИ больших наборов данных для дальнейшего распознавания закономерностей и прогнозирования событий. Рассматриваемые данные могут быть любого типа: числа, текст, аудио, изображения, видео – если их можно оцифровать, их можно использовать. В течение последних нескольких лет алгоритмы машинного обучения показали свою эффективность в выполнении задач по распознаванию образов и прогнозной аналитике [5. С. 277-300].

Пытаясь внедрять и регулировать применение ИИ, эксперты НАТО предложили его классификацию:

- Корпоративный ИИ – автоматизированные системы управления финансами и персоналом, применяемые в строго контролируемой среде, в которой негативные последствия возможных технических сбоев минимальны (с точки зрения возникновения угрозы для жизни и потенциальных жертв).

- Оперативный ИИ – автоматизированные системы, которые могут быть применены в рамках боевых действий, то есть в значительно менее контролируемой среде. То есть последствия технических сбоев и ошибок могут привести к критическим последствиям и жертвам среди личного состава. К таким системам относятся, например, стационарные комплексы вооружения, а также беспилотная техника.

- ИИ обеспечения миссий представляет собой промежуточную категорию. Применяется как в контролируемой, так и в неконтролируемой среде.

К данной категории НАТО относит системы ИИ, применяемые в сфере логистики, технического обслуживания, а также разведки [14].

Однако стремительные темпы развития технологий ИИ значительно опережают развитие правовых мер по контролю их применения на войне и в мирное время. Данная проблема поднимает серьезные вопросы об этических последствиях боевого применения ИИ и о том, в какой степени государство, применяющее данные технологии, должно регулировать их разработку или ограничивать их использование [13]. Здесь же возникает другой вопрос относительно того, будут ли другие акторы готовы ввести сопоставимые правила и ограничения.

Деятельность НАТО по противодействию злонамеренному применению ИИ. Развитие системы информационной безопасности в НАТО не имеет последовательного характера. Как правило, данный процесс происходил всплесками, поводами для которых служили различные события, связанные с утечками данных или кибератаками.

Очередным всплеском активности НАТО в сфере обеспечения информационной безопасности стала пандемия коронавируса и рост количества хакерских атак с использованием технологий ИИ в адрес альянса.

Так, 3 июня 2020 года на официальном сайте альянса было опубликовано заявление Североатлантического совета о кибератаках в период пандемии COVID-19. В данном заявлении альянс осуждает кибернетические действия, направленные на дестабилизацию работы медицинских учреждений и нарушение логистики поставок необходимых лекарств. Помимо этого, совет заявил о готовности оказывать помощь государствам, пострадавшим от данных атак [21].

Затем, в июле 2021 года НАТО обвинила Китай в хакерской атаке с применением ботов на серверы системы обмена сообщениями Microsoft Exchange. Тогда ряд организаций, находящихся на территории стран ЕС, США и Великобритании, пожаловались на атаку ботов на почтовый сервис, организованную неизвестными хакерами. Эта атака также привела к утечке данных в альянсе и нарушила процессы обмена информацией. В ответ НАТО выпустила заявление, осуждающее Китай и выражающее солидарность по отношению к пострадавшим [22]. Тем не менее, каких-либо убедительных доказательств того, что атака произошла именно по инициативе китайских властей, предоставлено не было.

В ответ на стремительное развитие и активное внедрение технологий ИИ, а также в связи с увеличением количества случаев их злонамеренного применения в октябре 2021 года НАТО приняла первую в своей истории Стратегию искусственного интеллекта. В Стратегии изложен общий подход Североатлантического альянса к разработке ИИ для соответствующих военно-политических целей, включая принципы управления, этические и юридические соображения.

Стратегия НАТО в области ИИ объявляет о необходимости сотрудничества между членами альянса в любой сфере, затрагивающей использование искусственного интеллекта.

В Стратегии объявлены 4 основные цели:

- обеспечение условий для того, чтобы НАТО своим примером показывало ответственный подход к разработке и применению ИИ в целях обеспечения обороны и безопасности;
- ускорение и унификация процесса внедрения технологий ИИ во все сферы деятельности НАТО;
- проведение мониторинга технологий ИИ и обеспечение безопасности при внедрении данных технологий в жизнедеятельность альянса;
- превентивное выявление и обеспечение безопасности от злонамеренного использования ИИ со стороны как государственных, так и негосударственных акторов.

В Стратегии также описаны принципы ответственного использования ИИ для НАТО при разработке и дальнейшем принятии технологий в данной сфере:

- 1) правомерность;
- 2) ответственность и подотчетность;
- 3) объяснимость и отслеживаемость;
- 4) надежность;
- 5) управляемость;
- 6) снижение предвзятости [9].

Параллельно с этим в НАТО были разработаны два механизма по контролю развития прорывных технологий: Ускоритель оборонных инноваций (Defense Innovation Accelerator of the North Atlantic, сокр. DIANA) и Инновационный фонд НАТО с бюджетом 1 млрд. евро. DIANA – это инструмент НАТО, в котором задействованы все 30 стран-участниц альянса. При этом, Инновационный фонд НАТО, является «многонациональным» инструментом, в котором страны принимают участие добровольно [9].

Предполагается, что DIANA будет стремиться ускорить внедрение технологических решений двойного назначения, а план ее работы будет строиться на пяти основных пунктах:

- 1) развитие сети национальных организаций в сфере инноваций, в частности испытательных центров;
- 2) отбор новаторов среди коммерческих организаций на конкурсной основе и усиление последующего взаимодействия с ними в сфере технологического развития военных потенциалов;
- 3) ознакомление коммерческих организаций в сфере инноваций с имеющимся потенциалом ВПК НАТО;
- 4) создание базы данных доверенных финансовых инвесторов из стран-союзников и поиск новых потенциальных инвесторов;

5) предоставление экспертных консультаций по инновациям в сфере обороны и безопасности соответствующим заинтересованным сторонам, включая коммерческие компании и научно-исследовательские организации.

Основной целью создания данной структуры является усиление интеграции членов НАТО в сфере развития и внедрения инновационных технологий, которые можно будет использовать при обеспечении коллективной обороны. Помимо этого, альянс стремится привлечь к развитию этого процесса частные компании, представителей научных кругов, а также некоммерческие организации. В качестве приоритетных направлений для развития в рамках данной программы были избраны:

- технологии ИИ;
- обработка больших объемов, данных (big-data);
- квантовые технологии;
- технологии, обеспечивающие автономную работу;
- биотехнологии;
- инновационные материалы;
- развитие космической программы.

Несмотря на амбициозность поставленных задач, на данный момент капитал фонда не выглядит в должной мере достаточным для финансирования серьезных программ по развитию прорывных технологий. В связи с этим, достаточно сложно определить, насколько значительна будет его роль в развитии искусственного интеллекта в НАТО.

Заключение. Комментируя принятие новой стратегии и фонда, генеральный секретарь Североатлантического альянса Йенс Столтенберг отметил, что данные инструменты были сформированы под влиянием «гонки авторитарных режимов в разработке новых технологий» [19]. Как было указано выше, подобная тенденция реагирования на информационные угрозы практикуется в НАТО уже давно. Утечки информации или хакерские атаки становятся поводами для создания новых аналитических центров, принятия новых стратегических документов. НАТО имеет сложную и разветвленную организационную структуру, в рамках которой одни и те же задачи тем или иным образом находятся в компетенции разных органов. Однако подобный экстенсивный путь развития не всегда является эффективным в рамках обеспечения информационной безопасности. Несмотря на формирование новых структур по обеспечению кибербезопасности продолжают появляться новости о различных утечках данных и нарушении логистики в результате кибератак [15; 17].

Принимая во внимание нацеленность на превентивные действия в Стратегии НАТО в области ИИ, стоит обратить внимание, что она была принята лишь в конце 2021 года. В то время как опасения по поводу данной угрозы выражались экспертами аффилированного при НАТО центра «СтратКом», начиная с 2018 года [16].

Стоит отметить, что выпуск новых нормативно-правовых документов альянса, а также создание тех или иных органов зачастую имеет реакционный характер и служит поводом для обозначения своей позиции по тому или иному вопросу, не предлагая каких-либо конкретных действий. Ярким примером тому является новая Стратегическая концепция НАТО, которая не имеет кардинальных отличий от предыдущего документа от 2010 года [20]. Очевидно, что основной ее целью является обозначение позиции альянса в отношении специальной военной операции Российской Федерации на Украине, начатой в феврале 2022 г.

Акцент на превентивность, который делается в различных инициативных документах, на практике далеко не всегда приводит к своевременному предотвращению проявления информационных угроз, о чем говорят различные заявления о кибератаках, в том числе с применением ИИ, на ресурсы НАТО и ее членов. Однако здесь нельзя не отметить, что наличие подготовленной научной базы и структуры по противодействию киберугрозам приносит свои плоды [4. С. 193-205]. Так, с момента проведения масштабной кибератаки на ресурсы государственных структур Эстонии в 2007 году государства-участники альянса не несли такого масштабного ущерба от более поздних атак, что безусловно, можно считать заслугой работы системы противодействия киберугрозам. В данном случае стоит также оговориться, что система обеспечения информационной безопасности представляет собой закрытую структуру и поиск данных относительно принципов и результатов ее работы носит достаточно затруднительный характер.

Безусловно, нельзя не заметить значительный рост внимания внутри НАТО к проблемам обеспечения информационной безопасности, в частности к борьбе со злонамеренными действиями с применением ИИ, особенно в сегодняшней ситуации острой международной напряженности. Внутри альянса и в аффилированных научных центрах ведется активная работа по формированию научно-теоретической базы и практических решений в борьбе с обозначенными угрозами. Данная тенденция, на наш взгляд, повышает научный интерес к продолжению исследований деятельности альянса в этой сфере и может представлять интерес для компетентных внешнеполитических органов РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Выходец Р.С.* Большие ИИ-пространства и стратегия России в условиях санкционной войны // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. № 2.
2. *Манойло А.В.* Современные стратегии кибербезопасности и киберобороны НАТО // АПЕ. 2020. № 3.

3. *Меньшикова Е.О.* Политическое лидерство как система образов в эпоху deep-fake // Вопросы политологии. 2022. Том 12. Выпуск 2 (78).

4. *Михайленко А.Н., Умеров Д.А.* Модель гармонизации стратегии и тактики российской внешней политики // Вопросы политологии. 2021. Том 11. Выпуск 1 (65).

5. *Пашенцев Е.Н.* Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76.

6. Страны НАТО берут на себя инициативу по созданию Фонда инноваций НАТО // NATO. 22.10.2021 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_187607.htm?selectedLocale=ru.

7. Стратегическая концепция НАТО 2010 года // NATO. 19.11.2010 // https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm?selectedLocale=ru.

8. Стратегическая концепция НАТО 2022 года // NATO. 29.06.2022 // https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf.

9. Стратегия НАТО в области искусственного интеллекта // NATO. 25.10.2021 // <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2021/10/25/strategiya-nato-v-oblasti-iskusstvennogo-intellekta/index.html>.

10. *Фалалеев М.А., Ситдикова Н.А., Нечай Е.Е.* Киберпреступления в политике: опыт типологизации субъектов // Вопросы политологии. 2022. Том 12. Выпуск 2 (78).

11. Хакеры предприняли массированную атаку на сайт грузинского президента // Российская Газета. 13.08.2008 // <https://rg.ru/2008/08/13/saakashvili-sait.html>.

12. Эстония призывает НАТО ответить на кибератаки России // Известия. 14.05.2007 // <https://iz.ru/news/399277>.

13. *Brundage M., Avin S., Clark J., Toner H., Eckersley P., Garfinkel B., Dafoe A. et al.* The Malicious Use of Artificial Intelligence: Forecasting, Prevention, and Mitigation // Oxford University. 2018 // <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1802/1802.07228.pdf>.

14. *Christie E.H.* Artificial Intelligence at NATO: dynamic adoption, responsible use // NATO. 24.11.2020 // <https://www.nato.int/docu/review/articles/2020/11/24/artificial-intelligence-at-nato-dynamic-adoption-responsible-use/index.html>.

15. Cyber crime amidst of COVID-19 threat // Shape NATO. 20.03.2020 // <https://shape.nato.int/news-archive/2020/cyber-crime-amidst-of-covid19-threat-countering-malicious-activities>.

16. *Gallacher J., Heerdink M.* Measuring the effect of Russian Internet Research Agency information operations in online conversations // StratCom

NATO. 03.06.2019 // https://stratcomcoe.org/pdfjs/?file=/publications/download/separate_article_gallagher.pdf?zoom=page-fit.

17. NATO Countries Hit With Unprecedented Cyber Attacks // Government technology. 04.09.2022 // <https://www.govtech.com/blogs/lohrmann-on-cybersecurity/nato-countries-hit-with-unprecedented-cyber-attacks>.

18. NATO Cyber Defence Policy // NATO. August 2020 // https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/8/pdf/2008-factsheet-cyber-defence-en.pdf.

19. NATO launches AI strategy and \$1B fund as defense race heats up // Center for security and emerging technology. 22.10.2021 // <https://cset.georgetown.edu/article/nato-launches-ai-strategy-and-1b-fund-as-defense-race-heats-up/>.

20. *Ossetian S. News Sites Hacked* // Civil.ge. 05.08.2008 // <https://old.civil.ge/eng/article.php?id=18896>.

21. Statement by the North Atlantic Council concerning malicious cyber activities // NATO. 03.06.2020 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_176136.htm?selectedLocale=en.

22. Statement by the North Atlantic Council in solidarity with those affected by recent malicious cyber activities including the Microsoft Exchange Server compromise // NATO. 19.07.2021 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185863.htm?selectedLocale=en.

23. 2007 cyber attacks on Estonia // StratCom NATO. 2019 // <https://stratcomcoe.org/publications/hybrid-threats-2007-cyber-attacks-on-estonia/86>.

O.V. FILATOV

*Postgraduate student of the Institute
of Law and National Security, Russian Academy of National
Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

NATO'S APPROACHES TO THE INFORMATION SECURITY: FROM COMMON CYBER THREATS TO MALICIOUS USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

A new Strategic Concept adopted at the NATO Madrid summit on June 28, 2022, is one of the most significant regulatory documents of the organization, which is a general development plan until 2030. Unlike the Concept of 2010, Russia in this document is presented in the form of the most relevant threat to the Alliance at the moment. International terrorism and the spread of nuclear weapons are pushed into the background. Considerable attention is paid to information security, cybersecurity, as well as dangerous consequences of the development of modern technologies. The document notes that malicious subjects seek to damage the alliance using cyberspace, and new and breakthrough technologies, including artificial intelligence, create both opportunities and risks. Similar abstracts were present in the previous concept, but due to the novelty at that time many information threats, they were given less attention. This article analyzes the process of the formation of a modern NATO information security system, as well as the reasons for forcing its development, the effectiveness of its work; The main approaches of the alliance to ensure the protection of information are determined; The development directions of the NATO information security system have been highlighted; Attempts have been made to determine the modern vector of the development of this system.

Key words: *NATO, information security, artificial intelligence, cybersecurity, malicious use of artificial intelligence, NATO AI Strategy, DIANA.*

ЦИНЧАО ЧЖОУ

*аспирант кафедры глобалистики
факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

РОЛЬ ТАЙВАНЬСКОГО ФАКТОРА В КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: СДЕРЖИВАНИЕ КИТАЯ И УКРЕПЛЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА США С ТАЙВАНЕМ

Статья посвящена рассмотрению влияния фактора Тайваня на китайско-американские отношения. Исследуется история и реальность тайваньской проблемы в контексте политики КНР и США. Обозначены существующее сотрудничество и противоречия между КНР и Соединенными штатами в сфере стратегии, а также даны прогнозы относительно перспективы ее развития.

Ключевые слова: *сдерживание Китая, принцип одного Китая, независимость Тайваня.*

Существует много факторов, которые влияют на китайско-американские отношения, включая факторы безопасности, экономические факторы, идеологические факторы, внутренние политические факторы и фактор Тайваня. Факторы безопасности хорошо использовались в истории США во время «холодной войны» против Советского Союза, а в настоящее время США больше защищаются от угрозы Китая. На экономические факторы влияют политические интересы в отношениях между Китаем и США. После распада Советского Союза идеологические факторы были сосредоточены в Китае, а Соединенные Штаты также хотели добиться идеологической победы в Китае. Внутренние политические факторы в Соединенных Штатах более очевидны, что «либеральное и демократическое» мышление Соединенных Штатов делает все возможное, чтобы общественное мнение влияло на политику США. В отношениях между Китаем и США немаловажную роль играет тайваньский фактор, связанный с вопросом суверенитета Китая и непосредственно влияющий на развитие американо-китайских отношений.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и китайских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 4; 5; 7; 8; 9; 10; 12; 13; 14; 15].

Однако проблему влияния тайваньского фактора на суверенитет Китая, а также на дальнейшее развитие отношений между Китаем и США нельзя назвать исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Тайваньская проблема была основным препятствием для отношений между Китаем и США перед публикацией «Совместного коммюнике США и КНР», подписанного 17 августа 1982 года. Затем с середины 80-х годов до наших дней политическая система и идеологическая оппозиция между двумя странами постепенно нарастала, в последствии став основными препятствиями развитию китайско-американских отношений. Тем не менее, проблема Тайваня привлекла больше внимания с 1990-х годов. Очевидным примером является то, что США продали большое количество истребителей на Тайвань и направили торговых представителей США для посещения Тайваня в частном порядке.

Причина, по которой тайваньская проблема вновь становится нерешаемой в китайско-американских отношениях, заключается в следующем: с точки зрения экономического статуса и валютных резервов, Тайвань добился значительного роста и достижений, а объем производства капитала занял важное место в крупнейших экспортных регионах мира; Тайвань является важным торговым партнером и инвестиционным регионом Соединенных Штатов; «Независимость Тайваня» более прочная, чем раньше. Китай не может сидеть, «сложив руки». Вышеуказанные факторы не могут определять отношения между Китаем и США, но они могут усилить конструктивную роль тайваньского вопроса в отношениях между Китаем и США [6].

В октябре 1949 года была основана Китайская Народная Республика. Власти Гоминдана проиграли в гражданской войне в Китае и использовали Тайвань в качестве базы против КНР. Соединенные Штаты признали правительство Тайваня в качестве законного правительства Китая. В феврале 1950 года Китайская Народная Республика и Советский Союз подписали «Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи», в результате которого был сформирован стратегический союз между Китайской Народной Республикой и Советским Союзом, а также стратегический образец противостояния США на Дальнем Востоке. Соединенные Штаты придают большое значение развитию политической ситуации в Китае. Поскольку Коммунистическая партия контролировала Китай, а Китай заключил союз с Советским Союзом, баланс мировых сил нарушался в сторону увеличения давления Советского Союза по сравнению с Соединенными Штатами. С началом Корейской войны Соединенные

Штаты объявили, что будут поддерживать нейтралитет Тайваня, не позволяя ему быть оккупированным Коммунистической партией и не позволяя использовать его в качестве военной базы против материкового Китая. С тех пор Соединенные Штаты долгое время находились на Тайване, объективно избегая возможности объединения Народной освободительной армии Тайваня путем отсталых и слабых военных действий в течение десятилетий после создания Китайской Народной Республики. Лишь в 1979 году Соединенные Штаты и Китайская Республика разорвали дипломатические отношения, и они полностью вывели свои войска из-под дипломатического давления Китайской Народной Республики. Договор о совместной обороне между США и Тайванем был отменен и заменен внутренним законодательством Соединенных Штатов Америки, Законом об отношениях с Тайванем. В законе по-прежнему подчеркивается, что Соединенные Штаты должны предоставить Тайваню оборонительное оружие для поддержания мира и безопасности на Тихом океане. Соединенные Штаты обнаружили, что продажа оружия Тайваню может не только давать прибыль, но и не сильно влиять на нормализацию китайско-американских отношений. Не выступая против правовой связи между Тайванем и материком, но и не поддерживая суверенитет Китайской Народной Республики на Тайване, эта точка зрения очень подходит для продажи оружия Тайваню. В 1979 году, перед установлением дипломатических отношений между Соединенными Штатами и Китайской Народной Республикой, были переговоры между Соединенными Штатами и Китайской Республикой, и были выпущены три китайско-американских совместных коммюнике. Часть «Совместного китайско-американского коммюнике об установлении дипломатических отношений» выразила «признание позиции Китая» об «одном Китае», где Тайвань является частью Китая. Признавая, что Китайская Народная Республика представляет Китай, США не признавали суверенитет Китайской Народной Республики над Тайванем («Политика США-Китай»). Соединенные Штаты не отказались от своих стратегических интересов на Тайване и никогда не отказывались от стратегии цепочки островов по блокированию материковой части Китая, поэтому Китайская Народная Республика всегда рассматривала тайваньский вопрос как «наиболее чувствительный вопрос и самое большое препятствие в развитии китайско-американских отношений».

В ноябре 2009 года президент Обама совершил свой первый государственный визит в Китай. В «Совместном заявлении», опубликованном лидерами двух стран, было сказано, что США «приветствуют мирное развитие отношений через пролив и надеются на укрепление диалога и взаимодействия через пролив в экономической, политической и других областях, чтобы установить более активные и стабильные отношения» [3]. Заявление США идет в ногу со временем, отражая реальность отношений между двумя сторонами пролива, выражая позитивные ожидания в отношении

взаимодействия между двумя сторонами пролива, и в нем далее говорится: «Мы продолжим призывать Китай и Тайвань к снижению напряженности» в 2010 году, и это заявление было включено в «отчет о национальной безопасности США», обнародованный в мае 2010 года [16].

Политика США в отношении Тайваня по-прежнему имеет две стороны: с одной стороны, она в основном следует политике «одного Китая» и условно приветствует мирное развитие отношений через пролив, с другой стороны, она продолжает укреплять отношения между США и Тайванем, включая продажу оружия Тайваню, развивать американо-тайваньские экономические и торговые отношения и поддерживать расширение международного участия Тайваня и другие [1].

20 мая 2016 года Цай Инвэнь принесла присягу. Новые тайваньские власти отказались признать «Консенсус 1992 года», отношения через пролив зашли в период холодного противостояния. 29 сентября, председатель ДПП Цай Инвэнь опубликовала «письмо членам ДПП», и открыто в письме сказала, что будет противодействовать давлению с материкового Китая.

В связи с этим китайская сторона также подвергла его жесткой критике и установила экстренный контакт с США. Представители Белого дома и Госдепартамента США неоднократно повторяли необходимость политики «одного Китая». Официальный представитель Госдепартамента Марк Тонер заявил, что только при условии соблюдения политики «одного Китая» можно достигнуть стабильности в отношениях между двумя сторонами пролива. Представитель Белого дома Дж. Эрнст повторил, что «политика «одного Китая», основанная на трех совместных американо-китайских коммюнике и «Закоме об отношениях с Тайванем», не изменилась и она выгодна всем сторонам». Если эта проблема будет обостряться, это может подорвать достижения, которых уже достигли Соединенные Штаты и Китай, и это не принесет пользы всем заинтересованным сторонам» [17]. Тем не менее, Трамп продолжал подвергать сомнению политику США «одного Китая». 11 декабря он сказал в интервью Fox News: «Я не понимаю, почему мы связаны политикой «одного Китая», если мы не договариваемся о сделках с Китаем по другим вопросам, включая торговлю».

Принцип «Одного Китая» является ключевым во внешней политике Пекина – и никому не позволено его нарушать. Отказ от дипломатического признания Америкой Тайваня (власти которого ведь и считали себя настоящим правительством всего Китая) был важнейшим условием для установления дипломатических отношений между двумя великими державами.

Во время пребывания Трампа на посту президента Соединенных Штатов, он принял стратегию двойственного действия [11]. Правительство США отказалось быть сдержанным в отношении тайваньской проблемы, и значительно укрепило свои отношения с Тайванем через принятие некоторых «Законопроектов об отношениях с Тайванем». В настоящее время

постоянное потепление американо-тайваньских отношений демонстрирует тенденцию к постоянной легализации и институционализации, что создает серьезные проблемы для китайско-американских отношений и отношений между двумя сторонами тайваньского пролива.

В последние годы с развитием торговой войны между Китаем и Соединенными Штатами, американо-тайваньские отношения становятся все более тесными. Соединенные Штаты надеются нарушить статус-кво в Тайваньском проливе, преследуя свои национальные интересы. Соединенные Штаты не хотят терять «тайваньскую карту». Похоже, что Соединенные Штаты не вмешиваются в отношении через пролив в области развития, им нужны только мир и добровольность. А на самом деле они держат зонтик для защиты «независимости» Тайваня. Это сделает будущие отношения через пролив полными неопределенностей и создаст разрыв в китайско-американских отношениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Войтенко Э.М., Лексютина Я.В.* Тайвань между Китаем и Америкой // Россия в глобальной политике. 14 февраля 2011 // <https://globalaffairs.ru/>.

2. *Джагаев О.А.* Проблема Южно-Китайского моря как фронт противостояния КНР и США в АТР // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 2 (83).

3. Китайско-американское совместное заявление о сотрудничестве между двумя странами. М: «New China Daily Telecom», 18 ноября 2009 г. No. 1.

4. *Кожухова К.Е.* Китайская стратегическая культура в белой книге «Тайваньский вопрос и причина воссоединения Китая в новую эпоху» // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 8 (84).

5. *Лю Цзинюань.* Положение Китая в системе глобального управления // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 9 (90).

6. *Ма Чуньсунь.* Анализ факторов, влияющих на отношения между Китаем и США // Мировая экономика и политика. 1993.10.28.

7. *Мусиева Д.М., Мануйлова Ю.В.* Стратегическая конкуренция США против России и Китая на примере украинского и тайваньского вопросов // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 3 (79).

8. *Рубан Л.С., Печерица В.Ф., Бояркина А.В.* Россия в новой геополитической и геоэкономической реальности между Вашингтоном и Пекином // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 8 (77).

9. *Суй Тао.* Индо-Тихоокеанская стратегия Америки и ее влияние на Китай // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 5 (86).

10. Суй Тао, Воронин В.А. Китайско-американские отношения (анализ действий администраций Трампа и Байдена в их стратегическом соперничестве с Китаем) // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 5 (81).

11. США намерены вооружать противников Китая // Рамблер. 26 сентября 2018 // <https://news.rambler.ru/usa>.

12. Сюн Лэпин, Ань Луян. Инициатива по глобальной безопасности в контексте внешней политики Китая // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 10 (91).

13. Тушков А.А., Оселедец А.Г., Тушков А.А. Сценарии развития стратегии внешнеполитического курса Соединенных Штатов в Индо-Тихоокеанском регионе // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 5 (39).

14. Тянь Мяо. Направления международной проектной деятельности Китая при Си Цзиньпине: краткий экскурс по основным вопросам // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 11 (92).

15. Юэ Жуйшуан. Сущность китайско-американской конкуренции и методы управления // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 2 (42).

16. National Security Strategy of the United States of America, May 2010 // <http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf>.

17. The White House, Office of the Press Secretary // “Press Briefing by Press Secretary Josh Earnest”, December 5, 2016 // <https://www.whitehouse.gov/the-pressoffice/2016/12/05/press-briefing-press-secretary-josh-earnest-12516>.

QINGCHAO ZHOU

*Postgraduate student of the Department
of Global Studies Faculty of Global Processes
Moscow State University named
after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

THE ROLE OF THE TAIWAN FACTOR IN SINO-US RELATIONS: CONTAINING CHINA AND STRENGTHENING US COOPERATION WITH TAIWAN

The article is devoted to the consideration of the influence of the Taiwan factor on Sino-American relations. The history and reality of the Taiwan problem is studied in the context of the policy of the PRC and the USA. The existing cooperation and contradictions between the PRC and the United States in the field of strategy are indicated, and forecasts are given regarding the prospects for its development.

Key words: *China containment, one China principle, Taiwan independence.*

Д.С. ГАЛАНИНА

*магистрант факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета,
Россия, г. Санкт-Петербург*

«КРЕПКИЙ ЛИ БРАК» У ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ?

В статье производится анализ современных международных отношений и их взаимосвязь с искусственным интеллектом. Искусственный интеллект – это относительно новая, но при этом стремительно развивающаяся сфера инновационных технологий, которая способна вывести современные методы государственного, муниципального и международного управления на совершенно новый уровень. В статье обобщаются возможности существующих технологий искусственного интеллекта применительно к современным требованиям цифровизации государственного управления, следует отметить, что наиболее актуальным и востребованным направлением задействования искусственного интеллекта выступает решение широкого комплекса административных задач, связанных с практикой оказания государственных услуг гражданам и организациям.

Ключевые слова: *международные отношения, искусственный интеллект, дипломатия, технологии.*

На сегодняшний момент, идет полная перестройка всех геополитических процессов, мир нуждается в изменении всей системы международной дипломатии, которая может быть достигнута за счет широкого использования продуктов научно-технического прогресса. В частности, для решения множества межгосударственных проблем и развития международной дипломатии целесообразно использование искусственного интеллекта. Например, в Китае уже не первый год используется искусственный интеллект, основной целью применения которого является проработка сценариев развития событий на международной арене и составление прогноза выстраивания взаимодействия между различными странами, это хорошо видно в проекте «Сделано в Китае – 2025». Кроме этого, искусственный интеллект используется в рамках построения эффективных переговоров в ходе осуществления торговых сделок и является решающим фактором

усовершенствования международного сотрудничества в вопросах экономического, стратегического и научно-технического развития.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

Однако проблему цифровизации и использования технологий искусственного интеллекта в международных отношениях нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Отношения, которых мы хотим, но боимся. Готовы ли международные отношения принять в свою работу новое? Искусственный интеллект, являясь ключевой технологией XXI века способен повлиять на любые изменения, которые происходят в международной системе. Теория искусственного интеллекта возникла в 1956 году и получила развитие в рамках Дартмутского летнего исследовательского проекта по вопросам искусственного интеллекта. Основное гипотезой данного проекта выступало предположение, что любой аспект интеллектуальной деятельности человека может быть воспроизведен за счет машины [14. Р. 12-14].

Дальнейшее развитие разработок в сфере искусственного интеллекта производилось как в научной среде, так и по линии военно-промышленного комплекса. При этом, данные разработки переживали различные времена, так как правительство США неоднократно размораживало и замораживало данные проекты, не имея возможности в полной мере использовать продукты искусственного интеллекта на практике. Однако уже в 2000 году, искусственный интеллект как технология переходит на новый виток развития и получает толчок к развитию в различных предметных областях [13. Р. 621].

Необходимость использования искусственного интеллекта в международных отношениях обусловлена рядом факторов, среди которых:

1. Прозрачность, объективность, гибкость и высокая вариативность искусственного интеллекта по сравнению с другими механизмами правового регулирования;
2. Огромные технологические возможности;
3. Широкий спектр применения.

Цифровая дипломатия как продукт брака. Данные факторы позволяют государствам с помощью искусственного интеллекта уже на сегодняшнем этапе привносить новое и развивать международное сотрудничество по целому ряду вопросов международного характера, среди которых: международные и региональные конфликты, борьба с преступностью и терроризмом, решения проблем с голодом в бедных странах, решение вопросов, связанных с нехваткой энергоресурсов и др.

Кроме этого, вышеуказанные факторы также выступают ключевым инструментом для повышения уровня доверия между субъектами принятия решений, устраняя человеческий фактор и выводя взаимодействие на абсолютно новый уровень. Необходимость использования искусственного интеллекта при разрешении конфликтов и споров основана, прежде всего, на неэффективности использования старых инструментов дипломатии, их невозможности за счет материальной заинтересованности, объединить в себе интересы всех сторон конфликта. Если рассматривать возможность применения искусственного интеллекта в рамках нынешнего геополитического кризиса, то он позволил бы смягчить претензии обеих сторон, делая процесс дипломатических переговоров более прозрачным и объективным.

Кто глава в семье? Безусловно, можно отметить, что развитие искусственного интеллекта оказало значительное влияние на геополитические и военные доктрины развитых стран. Не исключена возможность развития надолигархической модели при совмещении политических и бизнес интересов в рамках конкретных государственных машин. Собственно говоря, при благоприятном развитии технологий искусственного интеллекта вполне возможен новый виток колониализма, когда более слабые в этом отношении страны попадут в зависимость от более сильных и фактически – будут управляться удаленно при правителях-марионетках. В данном варианте мир ждет глобальная гонка технологий и вооружений искусственного интеллекта, которая не будет регламентироваться никакими международными законами и которая вполне может закончиться Мировой войной искусственного интеллекта вплоть до разрушения собственно цивилизации.

США еще в 2018 году приняли ряд национальных законопроектов, в том числе в военной сфере, которые были направлены на внедрение во многие области управления технологий искусственного интеллекта. Уже в 2020 году в Штатах была разработана и апробирована довольно подробная программа «Artificial Intelligence and National Security», основной целью которой была фактическое использование данных технологий в рамках развития военно-промышленного комплекса [5].

Эффект от разработки и внедрения подобных программ наглядно можно увидеть, как на примере программ искусственного интеллекта, осуществляющих противодействие проведению специальной военной операции в Украине, так в рамках других международных проектов США. При этом особенностью применения данных технологий является полное отсутствие законодательной международной базы, практики и традиций, что позволяет использовать их скрытно, без привлечения общественности, вследствие чего действия технологий искусственного интеллекта принимаются за реальность. Вероятно, не последнюю роль в развитии мировой реакции на СВО сыграл так называемый «заурядный обман», которому подвергается человек

при взаимодействии с коммуникативными технологиями искусственного интеллекта, запрограммированными определенным образом своими создателями или путем создания фейков и дипфейков. Массивная информационная антироссийская интернет-кампания в марте-апреле 2022 года определенно носила характер использования искусственного интеллекта.

Существует также ряд рисков, которые неизбежно сопровождают искусственный интеллект при его внедрении в практику международной дипломатии. Среди них: возможность технологического отставания менее развитых стран от наиболее продвинутых, что может привести к тому, что последние не смогут стать полноценными игроками на глобальном рынке и как следствие будут отстранены от фактического принятия решений. Также стоит отметить, что международные отношения современности и геополитика – это область высокого риска, где за глобальные ошибки придется расплачиваться не только здоровьем и жизнью людей, но и возможно целых народов, стран или континентов. Потенциально – использование искусственного интеллекта в международных делах и дипломатии может нарушить хрупкий баланс миропорядка.

Однако данные проблемы может быть устранены путем их дополнительного финансирования, внедрение искусственного интеллекта за счет гуманитарных миссий и пожертвований стран с более развитой экономикой. Сейчас существует необходимость решения таких глобальных проблем, как изменение климата и нехватка энергоресурсов, что возможно улучшить за счет консолидации всех стран мира, и вклада отдельных государств в повсеместное распространение искусственного интеллекта.

В целом, искусственный интеллект имеет огромный потенциал для развития в рамках международного сотрудничества. Соответственно на сегодняшний момент, решение о внедрении искусственного интеллекта может быть принято, как в глобальном, так и в региональном контексте. В этом отношении, разработка платформ искусственного интеллекта может производиться, как и на уровне международных организации формата ООН, так и при создании региональных узкопрофильных соглашений, формата ШОС и БРИКС. Независимо, на каком уровне будут созданы данные площадки, их основными целями выступает создание эффективных механизмов, направленных на профилактику, предупреждение и урегулирование уже имеющихся конфликтов и споров.

Можно выделить следующие особенности влияния искусственного интеллекта на международные отношения (рисунок 1) [12. Р. 24]:

Рисунок 1. Особенности влияния искусственного интеллекта на международные отношения

Развод или крепкая семья? Рассматривая основные тенденции, можно сделать вывод, что на национальных уровнях великими державами разрабатываются стратегии развития искусственного интеллекта. В 2017 г. Китай выпустил «Программу развития искусственного интеллекта нового поколения до 2030 г.». В китайской стратегии был обозначен курс на глобальное лидерство в области искусственного интеллекта. Первым шагом к технологическому доминированию стала задача выхода до 2020 г. на один конкурентный уровень с США; вторым шагом – необходимость обеспечения до 2025 г. ключевого технологического прорыва в области искусственного интеллекта; наконец, третьим шагом будет преодоление доминирования США и мировое лидерство.

Россия формирует собственную повестку в области использования искусственного интеллекта в обществе, выступив инициатором проведения международной конференции по искусственному интеллекту, круглых столов в сфере профессионального использования искусственного интеллекта. Искусственный интеллект оказывают серьезное влияние на международные отношения в политическом плане. Международно-политический аспект подразумевает влияние ИИ-технологий на стратегическую стабильность, ядерное сдерживание и кибервойны; именно поэтому в долгосрочной перспективе «брак» ИИ и МО возможен и стабилен.

Долго и счастливо. Таким образом, по результатам рассмотрения влияния искусственного интеллекта на международные отношения, можно сделать вывод, что, несомненно, проблема внедрения искусственного интеллекта глобальна и воспринимать ее в рамках отдельной специальности довольно сложно. Она оказывает активное влияние на повседневную жизнь большинства людей. Несмотря на огромные плюсы, в развитии

искусственного интеллекта есть и значительные минусы, которые уже можно наблюдать в режиме реального времени.

В рамках процесса цифровизации международных отношений неизбежно происходит цифровая трансформация дипломатических ведомств и практик. Искусственный интеллект является инструментом дипломатии (в частности, цифровой дипломатии), темой для переговоров, фактором формирования среды для ведения переговоров. Применение искусственного интеллекта в данной сфере поднимает важные вопросы информационной безопасности в дипломатии, защиты личных данных в социальных сетях, смягчения последствий предвзятости алгоритмов. Влияние искусственного интеллекта на международную систему и мировую политику еще предстоит оценить и осмыслить, отделяя утопии и популярные слухи от фактов действительности относительно данной инновации и ее роли в общественном развитии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аршин К.В.* Опыт применения цифровых технологий зарубежными странами для ускорения процесса адаптации иностранных граждан // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 4 (85).
2. *Белюсов П.Н.* Становление модели государства как цифровой платформы на примере Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 5 (86).
3. *Зарбуева А.И., Зарубина И.А., Шитикова Ю.А.* Стратегия Китая в области искусственного интеллекта и национальной безопасности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 5 (86).
4. *Золотарева А.Н., Афонин М.В., Беляева В.П.* Особенности цифрового регулирования в государственной миграционной политике // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 6 (87).
5. *Коробков А.Д.* Влияние технологий искусственного интеллекта на международные отношения // Вестник МГИМО-Университета // <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-olf1>.
6. *Левен Д.С.* Особенности отношений КНР и США в сфере высоких технологий с 2018 по 2021 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 10 (91).
7. *Меньшиков П.В., Дресвянин Д.В.* Информационное сопровождение внешней политики: социальные сетевые коммуникации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 2 (83).
8. *Михалевич Е.А.* Китайская концепция киберсуверенитета как метод нейтрализации угроз злонамеренного использования искусственного интеллекта и обеспечения информационно-психологической безопасности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 10 (91).

9. *Рассадин А.А., Мартышкин С.А., Шигин М.Д.* Влияние процесса цифровизации на создание фейковой информации в системе международных политических отношений: ретроспективный аспект (на примере дешифровки телеграммы Циммермана, 1917 г.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 12 (93).

10. *Слабов Е.А.* Эволюция цифровой дипломатии в современном мире // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 2 (36).

11. *Сурма И.В.* Государственный суверенитет vs политики цифрового и технологического неокOLONиализма // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 11 (87).

12. *Höne K.E.* Mediation and Artificial Intelligence: Notes on the Future of International Conflict Resolution. Geneva: Diplofoundation, 2019.

13. *Kamath U., Liu J., Whitaker J.* Deep Learning for NPL and Speech Recognition. Springer, 2019.

14. *McCarthy J., Minsky M.L., Rochester N., Shannon C.E.* A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence // AI Magazine. 2006. Vol. 27. No. 4.

D.S. GALANINA

Master student of the Faculty of International Relations

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

IS A STRONG MARRIAGE IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND INTERNATIONAL RELATIONS?

Artificial Intelligence – a relatively new, but rapidly growing field of innovative technologies that can bring modern methods of government, municipal and international management to a whole new level. The article summarizes the capabilities of existing artificial intelligence technologies as applied to the modern requirements of digitalization of public administration, it should be noted that the most relevant and popular area of engagement of artificial intelligence is to solve a wide range of administrative tasks related to the practice of providing public services to citizens and organizations.

Key words: *international relations, artificial intelligence, diplomacy, technology.*

А.Н. ИСРАЕЛЯН

*студент направления Международные отношения
Северо-Кавказского Федерального университета,
Россия, г. Ставрополь*

ПОВОРОТ АРМЕНИИ НА ЗАПАД?

В статье анализируется внешняя политика Республики Армения в период с получения независимости после распада СССР в 1991 году до современного состояния. Автор условно делит дипломатию государства на две части: первая, где Россия являлась очевидным региональным лидером, а Армения, примыкающей к ней субъектом; вторая часть – это время сближения Армении с европейскими и западными странами, или попытки лавирования между Россией и западными странами. В начале своего пути РА взяла курс на укрепление двусторонних отношений с Россией и использование всего потенциала этого сотрудничества. Сейчас руководство Армении старается лавировать между РФ и странами западного мира.

Ключевые слова: *Армения, Россия, Южный Кавказ, Азербайджан, США, карабахский конфликт, внешняя политика Республики, обеспечение безопасности, политика балансирования, политика примыкания.*

После распада Советского Союза и провозглашения Содружества Независимых государств произошли изменения в политике бывших советских республик, теперь суверенных государств. Согласно теории неореализма, на мировой арене существуют две стратегии внешней политики: балансирование и примыкание [6. С. 5-19]. Теоретики неореализма К. Уолтц и С. Уолт полагали, что примыкание противоположно политике балансирования. Первая стратегия нацелена на выстраивание союзнических отношений таким образом, чтобы избежать нападения со стороны агрессивного и более мощного государства, приняв положение подчинения в отношении более сильного союзника. Стратегия лавирования характерна для более сильных государств. В условиях крушения биполярности претерпели изменения понятия примыкания и балансирования. Так, Р. Швеллер полагает, что целью примыкания является получение максимальной выгоды от сотрудничества с более сильным актором, а не предотвращение нападения со стороны великой державы. А стратегия балансирования нацелена, в первую очередь, на обеспечение безопасности [19. Р. 72-107]. В основном

политика балансирования использовалась крупными акторами, которые сдерживали друг друга, тем самым, сохраняя баланс в мире. Малые и средние страны в это время придерживались политики примыкания в силу того, что неспособны самостоятельно противостоять внешнему давлению со стороны крупных акторов. Развал СССР ознаменовал под собой распад bipolarной системы, который внес значительные изменения в структуру международной системы. В частности, малые и средние страны вышли на новый уровень, теперь они могут самостоятельно балансировать в рамках региона [16. С. 88-100]. Армения не стала исключением.

Условно, внешнюю политику республики можно разделить на 2 периода: первый, где Россия являлась очевидным региональным лидером, а Армения, примыкающей к ней субъектом; второй период – это время сближения Армении с европейскими и западными странами, или попытки лавирования между Россией и западными странами.

Дипломатические российско-армянские отношения были установлены в апреле 1992 г. РА считается главным союзником Российской Федерации на Южном Кавказе. В XXI веке Россия является основным торгово-экономическим партнером Армении. Товарооборот между странами продолжает расти. Россия поставляет в Армению алмазы, продукцию алюминиевой промышленности, оборудование, автомобили, станки, а также природный газ и ядерное топливо. Алкогольные напитки, автомобили, оборудование и продукты питания ввозятся из Армении.

В 1997 г. была создана межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству. Армения является стратегическим партнером России на Южном Кавказе. Именно Россия сыграла важную роль в урегулировании первой нагорнокарабахской войны между Азербайджаном и Арменией в 1994 г. [17].

Также, следует отметить, что тогда же утвердился и укрепился перспективный и долгосрочный характер сотрудничества двух стран после решения Еревана о вступлении в Таможенный Союз в 2013 г. и ЕАЭС в 2015 г.

Минэкономразвития России говорит о росте инвестиций в Армению. В октябре 2021 г. состоялся межрегиональный форум, в ходе которого было принято решение об инвестировании в экономику Армении более одного миллиарда долларов, также обсуждался вопрос разрешения нагорнокарабахского конфликта между Арменией и Азербайджаном [10].

Тогда Армения придавала большое значение дальнейшему укреплению стратегического партнерства с Россией и использовала весь потенциал этих двусторонних отношений.

Однако, с 2018 г., после «бархатной революции» можно проследить изменения во внешнеполитических ориентирах РА. Происходит резкая смена политической власти, в результате чего правительство бывшего президента Сержа Саргсяна было вынуждено уйти в отставку, а новым

премьер-министром страны был избран лидер протестного движения и оппозиционный депутат Никол Пашинян, что в дальнейшем будет иметь серьезные последствия. Эти события стали точкой начала снижения интенсивности российско-армянских отношений. Именно с этого периода началась тактика лавирования во внешней политике Республики Армения между РФ и западными странами [9].

Российские политики и СМИ сравнивают Пашиняна с украинским лидером Петром Порошенко, который был избран президентом вскоре после прозападной украинской революции 2014 г. [18]. К тому же, напряжение все больше продолжает расти на фоне противоречий между Николом Пашиняном и Владимиром Путиным.

Однако пиком разногласий между странами стало поражение Армении в 44-дневной войне осенью 2020 г. Курс на сближение с НАТО, критика российского оружия, обвинения в неэффективности «Искандеров» не способствовали укреплению отношений с Россией [15].

Так, можно отметить, события в апреле 2021 г., когда Армения провела на своей территории военные учения с НАТО, в которых по плану отрабатывалась переброска войск к российским границам. Это было очевидным жестом охлаждения отношений с Россией [1].

В марте того же вступило в силу «Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве» между Арменией и ЕС (СВРП), что несомненно укрепляет сотрудничество Брюсселя и Еревана в поддержании верховенства закона, демократии и прав человека (включая прав меньшинств), создании большего количества рабочих мест и возможностей для бизнеса, улучшении научного образования и улучшении окружающей среды [7].

Более того, в апреле уже 2022 г. в армянских СМИ опубликованы результаты социологического исследования «Армения на распутье: ориентиры, приоритеты и внешнеполитические ожидания». Опрос был проведен специалистами Экспертного центра SOCIES при поддержке Ереванского государственного университета и финансовой поддержке Фонда Конрада Аденауэра. Респондентам были заданы вопросы, направленные на выяснение общей общественно-политической ориентации граждан Армении. Так, 34,1% респондентов указали, что для обеспечения безопасности Армения должна состоять в военном блоке НАТО. За ОДКБ проголосовало только 29,1%. К тому же, жители Армении считают, что наиболее выгодно членство Армении в Евросоюзе (46,1%), за ЕАЭС отдали голоса всего 28,7% респондентов [4].

Подводя итог всему вышесказанному, можно заключить, что блок НАТО и Евросоюз в Армении сегодня популярнее, чем союзный ОДКБ. Несомненно, что подобное настроение населения Армении связано с тем, что ОДКБ не вмешалась в Карабахскую войну 2020 г. против Азербайджана. Но это не только общественное мнение, но и официальная позиция: спикер

парламента Армении во время встречи с председателем Госдумы заявил, что действия ОДКБ были неэффективны, поэтому не смогли остановить агрессию со стороны Азербайджана [11].

Более того, в период с октября по декабрь 2022 г. прошло несколько официальных встреч Армении со странами ЕС и США. Например, Главы МИД Армении и Азербайджана А. Мирзоян и Д. Байрамов на встрече в США обсудили мирный договор, а также состоялась совместная встреча с госсекретарем Соединенных Штатов Э. Блинкеном. Министры иностранных дел обменялись мнениями по элементам возможного мирного договора и констатировали наличие ряда проблем, которые еще предстоит решить [3].

7 декабря 2022 г. состоялось заседание рабочей группы по вопросам обороны и безопасности между США и Арменией. В ходе встречи стороны обсудили возможность взаимодействия по отраслевым вопросам и реализации совместных проектов, а также обозначили приоритеты и выразили готовность предпринять шаги по их реализации [8].

Также, министр иностранных дел Армении А. Мирзоян 9 декабря 2022 г. провел телефонный разговор с заместителем государственного секретаря США по европейским и евразийским вопросам К. Донфрид. Состоялся обмен мнениями вокруг урегулирования отношений между Республикой Армения и Азербайджанской Республикой, вокруг карабахского конфликта. Была подчеркнута готовность Соединенных Штатов Америки содействовать мирному процессу на Южном Кавказе [2].

Возникает главный вопрос: возможно ли вступление страны в НАТО? На данный момент, это невозможно в силу того, что Армения все еще состоит в ОДКБ, однако уже неоднократно звучали мысли о выходе республики из организации: «Армения может выйти из Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в том случае, если Россия и другие союзники не начнут выполнять свои обязательства» – заявил премьер-министр страны Никол Пашинян [14]. Кроме того, Армения проинформировала Объединенный штаб ОДКБ об отказе проводить учения на территории республики [5]; премьер-министр ее подписал итоговую декларацию саммита ОДКБ и проект решения о помощи Еревану в связи с карабахским конфликтом. Как заявил сам Н. Пашинян «...членство страны в организации не спасло ее от азербайджанской агрессии» [12]. Эти факты помогают прийти к выводу о том, что правительство Армении ведет ясную прозападную политику, при этом отстраняясь от России.

Последним нелестным высказыванием со стороны правительства Армении стало недавнее высказывание Н. Пашиняна, а именно «российские миротворцы не выполняют свои обязательства по контролю и обеспечению беспрепятственного передвижения по Лачинскому коридору» [13].

В заключение, мы можем сделать вывод о том, что руководство Армении взяло курс на лавирование между РФ и странами западного

мира. Высказывания армянского руководства говорят о том, что в 2022 г. страна стремится ориентироваться на мнение западных стран по урегулированию нагорнокарабахского вопроса, при этом, продолжает пользоваться и пока не намеревается отказываться от помощи России. Можно выделить несколько сценариев развития дальнейших действий. Первый, в дальнейшем правительство РА постарается окончательно разорвать отношения с Россией, избавиться от российской военной базы в Гюмри и ввести войска НАТО на Южный Кавказ. Второй, РА будет стремиться лавировать, втягивать в разрешение конфликта ЕС и НАТО, чтобы «уравновесить» присутствие Турции и России в регионе, тем самым получив выгоды от столкновения интересов более крупных игроков. Лавирование будет продолжать до тех пор, пока не произойдет значительных изменений ситуации по украинскому вопросу и по причине внутривосточного расклада сил в самой республике. Этот вариант более вероятен. Третий вариант связан с возвращением РА к политике примыкания к России, но это будет возможно в случае изменения ситуации в СВО в пользу России, заключения перемирия на выгодных условиях для России и в случае проигранных Эрдоганом выборов весной 2023 г. и изменением руководства в Турции.

Произойдет ли «смена союзников» пока непонятно, так как в сложившейся ситуации в Лачинском коридоре ни НАТО, ни ЕС не спешат с помощью. А так ли важна для них Армения?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Армения в 2021 году примет участие в антироссийских военных учениях // Официальный сайт informing // <https://informing.ru/2021/03/17/568521116103.html>.

2. Глава МИД Армении и заместитель госсекретаря США обсудили вопросы региональной безопасности и стабильности // Официальный сайт news.am // <https://news.am/rus/news/734335.html>.

3. Главы МИД Армении и Азербайджана договорились ускорить переговоры на встрече в США // Официальный сайт Рамблер // <https://news.rambler.ru/conflicts/49650860-glavy-mid-armenii-i-azerbaydzhana-dogovorilis-uskorit-peregovoryna-vstreche-v-ssha/>.

4. Граждане Армении мыслями в НАТО и ЕС, а связи с РФ хотят ограничить – шокирующие итоги соцопроса // Вестник Кавказа // <https://vestikavkaza.ru/analytics/armane-myslami-v-nato-i-es-a-otnosenia-s-rf-hotat-ogranicrit-sokiruusie-itogi-socoprosa.html>.

5. Ереван считает нецелесообразным проведение учений ОДКБ в Армении // Официальный сайт Армения Sputnik // <https://ru.armeniasputnik.am/20230110/erevan-schitaet-netselesoobraznym-provedenie-uchenyi-odkb-v-armenii--pashinyan-53634998.html>.

6. *Ефремова К.А.* Сравнительный анализ теоретических подходов к определению регионального комплекса // Сравнительная политика. 2019. № 2.

7. Жест дистанцирования: Армения сблизилась с ЕС в разгар «второй холодной войны» // Официальный сайт Вестник Кавказа // <https://vestikavkaza.ru/news/zest-distancirovania-armenia-sblizilas-s-es-v-razgar-vtoroj-holodnoj-vojny.html>.

8. Замминистра обороны Армении на встрече с американцами отметил важность расширения сотрудничества с США // Официальный сайт news.ru // <https://news.am/rus/news/734088.html>.

9. *Манукян Арам.* Российско-армянские отношения в новых исторических условиях // Международная жизнь. 2019. № 6.

10. От Македонского до плана Маршалла, или Армения как поле для экономической конкуренции // Официальный сайт Армения Sputnik // <https://ru.armeniasputnik.am/20211020/ot-makedonskogo-do-plana-marshalla-ili-armeniya-kak-pole-dlya-ekonomicheskoy-konkurentsii--34498164.html>.

11. Провластный депутат упрекнул ОДКБ в отсутствии реакции на агрессию Азербайджана против Армении // Официальный сайт АМИ «Новости-Армения» // <https://newsarmenia.am/news/armenia/provlastnyy-deputat-upreknul-odkb-v-otsutstviireaktsii-na-agressiyu-azerbaydzhana-protiv-armenii/>.

12. Пашинян раскритиковал работу ОДКБ и отказался подписывать документы // Официальный сайт Газета.ru // <https://www.gazeta.ru/politics/2022/11/23/15831991.shtml?updated>.

13. Пашинян обвинил российских миротворцев в невыполнении обязательств // Официальный сайт новостного агентства Armenia Today // <https://armeniatoday.news/politics-ru/564418/>.

14. Пашинян: Армения может выйти из ОДКБ // Официальный сайт news.ru // <https://news.ru/cis/pashinyan-armeniya-mozhet-vyjti-iz-odkb/#:~:text=Армения%20может%20выйти%20из%20Организации,до%20конца%20февраля%202023%20года>.

15. Раскол в Армении из-за «Искандеров»: что думают в России – видео // Официальный сайт Армения Sputnik // <https://ru.armeniasputnik.am/20210226/Raskol-v-Armenii-iz-za-Iskanderov-chto-dumayut-v-Rossii---video-26608406.html>.

16. *Скриба А.С.* Балансирование малых и средних государств // Международные процессы. 2014. № 4 (39).

17. *Смирнова А.В.* Взаимоотношения России и Армении: исторические реалии и перспективы // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2019. № 4 (6) // <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimootnosheniya-rossii-i-armenii-istoricheskie-realii-i-perspektivy>.

18. Russian press portrays Armenia's Pashinyan as «carbon copy» of Poroshenko // Официальный сайт eurasianet // <https://eurasianet.org/russian-press-portrays-armenias-pashinyan-as-carbon-copy-of-poroshenko>.

19. Schweller R.L. Bandwagoning for profit: Bringing the revisionist state back in // International Security. 1994. Vol. 19. № 1.

A.N. ISRAELIAN

*Student of International Relations
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia*

ARMENIA'S TURN TO THE WEST?

The article analyzes the foreign policy of the Republic of Armenia in the period from independence after the collapse of the USSR in 1991 to the current state. The author conditionally divides the diplomacy of the state into two parts: the first, where Russia was an obvious regional leader, and Armenia was an adjacent subject; the second part is the time of Armenia's rapprochement with European and Western countries, or attempts to maneuver between Russia and Western countries. At the beginning of its journey, Armenia took a course to strengthen bilateral relations with Russia and use the full potential of this cooperation. Now the Armenian leadership is trying to maneuver between the Russian Federation and the countries of the Western world.

Key words: Armenia, Russia, South Caucasus, Azerbaijan, USA, Karabakh conflict, foreign policy of the Republic, ensuring security, balancing policy, alignment policy.

К.С. КОМАРОВ

бакалавр Московского государственного
лингвистического университета,
Россия, г. Москва

ИНДО-ПАЦИФИКА: PAX-AMERICANA ИЛИ PAX-SINACA

Современная мегасистема неустойчивого миропорядка диктует императив учета, политологического анализа и прогнозирования относительно нового и неоднозначного геополитического конструкта «Индо-Пацифика». Сегодня геотория Индийского и западной части Тихого океана с ее многоуровневым геополитическим и геоэкономическим потенциалом – формирующийся новый центр мировой динамики, арена геостратегического противостояния США и Китая. В настоящей статье дана оценка реализуемых на практике в ареале «Индо-Пацифика» двух мегапроектов в рамках дихотомии Восток (Pax-Sinaca) – Запад (Pax-Americana). Представлены контуры стратегий и интересов, моделей и способов их реализации глобальными акторами в борьбе за влияние в Индийском океане. «Индо-Пацифика» как новая реальность глобальной системы международных отношений – эксплицитный материал для дальнейшей разработки российского макрорегионального проекта «Большая Евразия».

Ключевые слова: *Индо-Пацифика, Индийский океан, «стратегическое соперничество» США-Китай, «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» (FOIP), инициатива «Пояс и путь» (BRI), геополитика и геоэкономика.*

Введение. В сегодняшних реалиях «тектонических процессов глобальной трансформации» Индо-Тихоокеанский регион (ИТР, «Индо-Пацифика»), пришедший на замену концепции Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), – относительно новый и неоднозначный геополитический конструкт на оси главного геостратегического противостояния XXI века – противоборства двух мировых «центров силы»: Запада (американского «орла») в рамках реализуемого на практике проамериканского планетарного Pax-Americana, и Востока (китайского «дракона»), с 2012 года взлетевшего в блеске силы «совокупной национальной мощи и международного влияния») – на пути к Pax-Sinaca.

В современном ареале «Индо-Пацифика» (Indo-Pacific region, IPR) Индийский океан приобретает особый статус геополитического и геоэкономического центра притяжения интересов глобальных держав. Новая архитектура безопасности формируется в основном в рамках реализации двух мегапроектов: США – «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (Free and Open Indo-Pacific, FOIP) с американской силовой доминирующей составляющей, и Китая – инициативы «Пояс и Путь» (Belt and Road Initiative, BRI), «направления реформы системы глобального управления» в рамках бесконфликтности «отношений нового типа между большими государствами» и взаимного выигрыша.

Многоуровневый геополитический потенциал макрорегиона «Индо-Пацифика», подразумевающего акваторию Индийского, западной части Тихого океана и включающего в себя все страны на их побережье [8. С. 218], содержит в себе существенные парциальные компоненты:

- геостратегический ресурс: наличие и/или создание «опорных пунктов» в стратегических транспортных узлах в целях геополитического влияния, контроля над Индийским океаном, выхода на Восточную Африку;

- военный: наличие и/или строительство военных баз – «морских узлов» для получения безопасного доступа к портам, контроля импорта нефти (Бабель-Мандебский и Ормузский проливы), обороны стратегических морских коммуникаций, защиты национальных интересов за рубежом;

- геоэкономический: экспансия и «мягкий» контроль над богатым ресурсами геополитическим пространством перспективного развития с огромным потребительским рынком за счет формирования экономических коридоров в рамках многомерной модели регионального сотрудничества.

Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, геостратегической значимостью индо-тихоокеанского пространства как эпицентра одного из процессов, которые будут определять параметры и возможные контуры не только регионального, но и глобального миропорядка; во-вторых, геополитическим императивом глобальной безопасности; в-третьих, прикладным значением комплексного анализа и оценки «геополитических конструкций», инструментария геополитики в целях принятия своевременных и адекватных политических решений.

Научная новизна и значимость исследования, по мнению автора, проявляется как в постановке проблемы, так и в предположительно достигнутых результатах как парциальных компонентов матрицы и алгоритма изучения и прогнозирования процессов и явлений в современной геополитике и геоэкономике.

В качестве рабочей гипотезы автор обосновывает предположение о том, что США стремятся сохранить роль арбитра и доминирующей глобальной державы в новой формирующейся региональной архитектуре безопасности, а Китай на пути постепенного превращения США в *primus inter pares*

(«первой среди равных») не намерен сохранять статус-кво в макрорегионе, простирающемся на два океана.

Теоретические и методологические основы исследования. В основу исследования положены методы анализа геополитического и геостратегического положения через призму принципов всеобщей связи, всесторонности, развития, объективности, с учетом специфики исследуемого геополитического пространства; факторов глобальной и региональной геополитической динамики.

Китай в контексте современной индо-тихоокеанской топологии.

Индийский океан, некогда географическая периферия для Китая, находящегося вне пределов региона, с развитием инициативы «Пояс и путь»: «Экономического пояса Шелкового пути» (Silk Road Economic Belt) и «Морского Шелкового пути XXI века» («21st Century Maritime Silk Road») [2], приобретает все более важное стратегическое значение.

Данный мегапроект «глобальной экспансии и оккупации геоэкономического пространства минимум трех континентов» (по существу заявка на глобальное лидерство) позволяет Китаю, «большому государству с собственной спецификой»:

- формировать дополнительный стимул для масштабирования китайского бизнеса («выход вовне»);

- создавать дополнительные зоны доминирования китайских технических стандартов: в Африке, Латинской Америке, Центральной Азии;

- сократить зависимость от нестабильной обстановки в Малаккском проливе (80% китайского импорта энергоносителей), контролируемым ВМС США; и, в конечном счете,

- в конечном счете, укрепить позиции, стать системообразующей частью в геополитическом пространстве традиционного доминирования Индии, а также утвердить свой статус морской державы на стратегическом пути к Pax-Sinaca.

В рамках «Морского Шелкового пути XXI века» (МШП) предусмотрено создание трех «голубых экономических коридоров»: «Китай – Индийский океан – Африка – Средиземное море»; «Китай – Океания – южная часть Тихого океана»; коридора, проходящего через Северный Ледовитый океан в Европу (в перспективе) [9].

Всестороннее расширение, усиление присутствия, формирования геополитического доминирования Китая в регионе «Индо-Пацифика», выход к Индийскому океану призвана обеспечить комплексная стратегия «нить жемчуга» (String of Pearls), иногда представляемую в виде «жемчужного ожерелья», – стратегия окружения Индии путем преобладающего влияния Пекина на находящиеся в ее ближайшем окружении страны. Прежде всего «на суше»: это Пакистан (Gwadar, 400 км от стратегически важного Ормузского пролива, ведущего в Персидский залив), Мьянма (Куаукруи),

Бангладеш (Chittagong, контейнерный порт), Непал; на «море» – Шри Ланка (Colombo, Hambantota), Мальдивы (архипелаг на краю так называемой «исключительной экономической зоны Индии»), Сейшельские острова.

Одновременно с этим новая военно-морская стратегия КНР [5], содержащаяся в Белой книге по обороне (China Defense White Paper), направлена «на оборону стратегических морских коммуникаций, защиту интересов за рубежом» путем строительства военных портов или портов двойного назначения в качестве опорных пунктов материально-технического обеспечения, логистической поддержки ВМС НОАК).

Важной составной частью Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) является Китайско-пакистанский экономический коридор, КПЭК (China-Pakistan Economic Corridor, СРЕС) – инвестиционный проект стоимостью 62 млрд. долл. США по созданию комплексной транспортной инфраструктуры между Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая и Макранским побережьем Пакистана. Данный коридор существенно расширяет экономическое и политическое влияние Китая не только в Южной, но и в соседних регионах Центральной и Западной Азии. Основные стратегические цели Китая: оказание военно-политического давления на Индию; ограничение влияния Вашингтона в Пакистане и Афганистане; непосредственное наблюдение за деятельностью «уйгурских сепаратистов» в Северо-Западной пограничной провинции Пакистана [1. С. 84-85].

Помимо этого, КПЭК располагается в нескольких сотнях километров от богатой полезными ископаемыми территории Афганистана. Вынужденный вывод войск США и утрата ими непосредственного контроля над ситуацией не только в Центральной Азии, но и в Персидском заливе существенно повышают шансы Китая использовать Афганистан в качестве стратегической базы, идеально расположенной в качестве торгового транспортного центра, соединяющего Ближний Восток, Центральную Азию и Европу, для распространения своего влияния по всему миру.

В итоге стратегическая инициатива «Пояс и путь» по соединению Азии с Африкой и Европой через наземные и морские сети, охватывающие около 60 стран (предположительно оцениваемая в 4 трлн. долларов США) – попытка Китая создать альтернативу существующему миропорядку, его стремление к статусу Великой державы, а в перспективе возвращению к Рах-Sinaca (синоцентричному миру).

Геополитические и геоэкономические интересы и цели США. Угроза существовавшей (status quo) почти 70 лет системе доминирования США (Рах-Americana) в АТР, рост совокупной мощи и международного влияния Китая потребовали пересмотра и корректировки политики и стратегии США, своего рода незаменимой нации («indispensable nation») в регионе. Сегодня ареал «Индо-Пацифика» представлен как геополитическое и геоэкономическое пространство, центральное для интересов США [6. С. 13].

Пришедшая на смену политике «поворота к Азии» (Pivot to Asia) стратегия «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (Free and Open Indo-Pacific, FOIP, 2019) и последующие «Контурь стратегии США для ИТР» (U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific, 2021), «Индо-тихоокеанская стратегия США» (Indo-Pacific Strategy of the United States, 2022) – противовес синоцентричной реорганизации и реструктуризации макрорегиона.

Сдерживание Китая – абсолютный и неоспоримый приоритет внешней политики США для нынешней и, по всей видимости, нескольких последующих администраций [3. С. 1799]. Операционная цель Вашингтона – нейтрализация могущественного стратегического противника и конкурента, предотвращение китайского доминирования в регионе путем перехода от сдержанной, осторожной стратегии баланса сил в Азии [7. С. 8], военно-политической составляющей, к «балансу влияния» в пользу США.

В рамках стратегии поведения США по сдерживанию и предупреждению Китая предусмотрены многосторонние форматы сотрудничества («Индо-тихоокеанского партнерства», ИТП): объединение союзников и партнеров США для противодействия региональному влиянию Китая, укрепление альянсов (QUAD), «паутины коалиций» с «дружественными США демократиями», стратегических партнерств (AUKUS), формирование «сетевой архитектуры безопасности». Примечательно, что среди них отсутствуют, например, Пакистан, Шри-Ланка, Мьянма, поддерживающие тесные отношения с Китаем; страны АСЕАН в списке региональных партнеров упомянуты по отдельности при заявлении о стремлении «работать с АСЕАН с целью повышения ее устойчивости в качестве ведущего регионального института».

Особая роль в уравнивании Китая отведена Индии, в качестве гаранта и проводника сетевой безопасности («net security provider»), в ареале «Индо-Пацифика», традиционной геополитической зоны интересов и влияния последней. В треугольнике Индия-Китай-Пакистан (своего рода южно-азиатском гордиевом узле) США стремятся максимально эффективно использовать индокитайские и индо-пакистанские противоречия в собственных интересах.

Таким образом, в целом «наступательный реализм» геополитики США в противостоянии «жесткому» классическому политическому реализму Китая по защите и продвижению своих национальных интересов направлен на повышение роли США как арбитра и гаранта безопасности, внешнего стабилизатора («offshore balancer») в регионе «Индо-Пацифика» посредством стимулирования укрепления геостратегических альянсов с партнерами и союзниками США.

Заключение. Приведенные в подтверждение рабочей гипотезы аргументы позволяют сделать некоторые общие итоговые выводы.

Относительно новый и неоднозначный геополитический конструкт «Индо-Пацифика» отражает возросшую роль Индийского океана с особым статусом геополитического и геоэкономического центра притяжения интересов глобальных держав, где формируются возможные контуры как регионального, так и глобального миропорядка, новая архитектура безопасности.

Ареал «Индо-Пацифика» превращается в арену глобального противостояния в рамках дихотомии Восток-Запад, а именно современного стратегического соперничества Рах-Sinaca (китайского/ханьского мира), – глобального «мегапроекта» «Пояс и Путь» под руководством Китая, «большой страны с собственной спецификой» и идеей стратегической стабильности и безопасности, и Рах-Americana (американского века), – «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» с американской силовой доминантой.

Рах-Americana или Рах-Sinaca, «большая игра» на «великой шахматной доске» (Евразии), предполагает многовариантный исход, поскольку задействованные «рациональные акторы» предпочитают играть от обстоятельств, выстраивая отношения между собой по объективным векторам и механизмам взаимодействия. Вдобавление весьма динамичная трансформация сложившегося миропорядка с неоднозначными последствиями предполагает глобальное осознание неизбежности иных консолидирующих начал.

«Индо-тихоокеанская» стратегия сдерживания Китая как операционная цель США и их союзников, по мнению автора, сохранится в качестве основной ее составляющей. Наряду с этим формирующийся геополитический сценарий в Азии будет в той или иной степени развиваться вокруг Поднебесной, ее интересов и стратегии, долгосрочной «повестки» отношений с ведущими силами региона «Индо-Пацифика», включая государства, расположенные за пределами Азии [4. С. 146].

Российская Федерация, с ее основными партнерами по альянсу (Китаем, а также Индией) в объективном ценностно-смысловом противостоянии Западу как особым «стран-цивилизаций», имеет возможности и перспективы вести свою игру в ареале «Индо-Пацифика», парциальной компоненты макрорегионального проекта «Большая Евразия» («Greater Eurasia»), совместного цивилизационного «устойчивого развития» с сетью широтных торговых путей и меридиональных торговых маршрутов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Васильев Л.Е. Индо-тихоокеанская стратегия США и некоторые особенности решения проблем ее реализации // Безопасность в Азиатско-тихоокеанском регионе в контексте Индо-тихоокеанской стратегии США. Сборник статей. 2022 // https://www.ifes-ras.ru/files/generic_files/2022_Security_APR_Context_Indo-Pacific_strategy/

VasilievLE_The_Indo_Pacific_strategy_of_the_United_States_and_some_features_of_solving_the_problems_of_its_implementation.pdf.

2. Китайская Инициатива «Пояс и путь»: Подробный анализ // PRC.today 02.10.2021 // <https://prc.today/kitajskaya-inicziativa-royas-i-put-podrobnyj-analiz/>?

3. Комаров К.С. AUKUS: перспективы трехстороннего сотрудничества // Журнал «Вопросы политологии». 2022. Т. 12. Вып. 5 (81).

4. Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко // ИМЭМО РАН. 2020 // <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2020/2020-009.pdf>.

5. China's Military Strategy, Xinhua, May 27, 2015 // https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2015/05/2015/05/27/content_281475115610833.htm.

6. From Asia Pacific to Indo Pacific Significance: Implementation and Challenges // German Institute for International and Security Affairs. SWP Research Paper. July 9, 2020 // https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2020RP09_IndoPacific.pdf.

7. Grieco K.A. The 2018 National Defense Strategy: Continuity and Competition // Strategic Studies Quarterly. 2018. Vol. 12. № 2 // https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/SSQ/documents/Volume-12_Issue-2/Grieco.pdf.

8. Kumar S., Verma S.S., Shah S.H. Indo-US Convergence of Agenda in the New Indo-Pacific Regional Security Architecture // South Asia Research. 2020. Vol. 40 (2) // <https://www.sci-hub.ru/10.1177/0262728020915564?ysclid=ld1e2hy28e467111402>.

9. Vision for Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative // State Council of the People's Republic of China. Jun 20, 2017 // http://english.www.gov.cn/archive/publications/2017/06/20/content_281475691873460.htm.

K.S. KOMAROV

*Student, Moscow State Linguistic University (MSLU),
Moscow, Russia*

INDO PACIFIC: PAX-AMERICANA OR PAX-SINACA

The modern mega-system of unsustainable world order dictates evaluation, political analysis and forecasting of «Indo-Pacific» as a relatively new and ambiguous geopolitical construct. Today, the Indo Pacific region with its multi-level geopolitical and geo-economic potential is an emerging center of New World Dynamics, the arena of US-China «strategic rivalry». The article investigates the performance of two megaprojects, being implemented in the Indo-Pacific within East (Pax-Sinaca) – West (Pax-Americana) dichotomy. Strategy and interests frameworks, models and ways of their implementation by global actors in struggle for power and influence in the Indian Ocean are presented. «Indo-Pacific» as a new reality in the global system of international relations is an explicit material for further development of Russian macro-regional project of Greater Eurasia.

Key words: *Indo-Pacific, Indian Ocean, US-China «strategic rivalry», Free and Open Indo-Pacific (FOIP), Belt and Road Initiative (BRI), geopolitics & geoeconomics.*

ЛИ СЯНЬБО

магистрант Уфимского университета
науки и технологий, Россия, г. Уфа

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В предложенной публикации автор совершает попытку отвлечения от доктринальных и идеологически окрашенных представлений о глобализации и рассматривает предложенное явление в контексте противостояния двух моделей глобализации – «западной» и «восточной», тем самым показывая, что современные взгляды ученых на глобализацию находятся в прямой зависимости от победившей модели глобализации по американскому образцу. Автор формулирует и доказывает следующие утверждения: 1) процесс глобализации, который к настоящему времени столь часто препарировался ее сторонниками и противниками, носил в международных отношениях нелинейный характер; 2) в настоящее время в научном сообществе взяла верх либеральная парадигма глобализации, которая, если смотреть на явление сквозь призму истории международных отношений, не являлась единственно возможной; 3) из нелинейности глобализации вытекает ее взаимное сосуществование с противоположными тенденциями, в частности – с регионализацией. Отмечается, что современная глобализация, призванная, казалось бы, преодолеть неравенство в международных отношениях, фактически усиливает разделение между странами по экономическим и культурным показателям, что влечет соответствующее расслоение по степени влияния на мировые процессы. Признается роль России в качестве ведущего актора и проводника регионализации – процесса, обратного глобализации. В заключении статьи делается вывод о том, что глобализация и регионализация – это две диалектические противоположности одной системы, именуемой мировым порядком.

Ключевые слова: глобализация, регионализация, «Холодная война», экспансионизм.

Общеизвестно, что одним из свойств общества как системы является динамизм. На протяжении всей своей истории общество постоянно развивалось: архаичные способы хозяйственной деятельности давали дорогу более совершенным способам производства, прогрессивные институты

приходили на смену старым социальным образованиям, устаревшие правила общежития уступали место новым регуляторам и т.д. Общество движется по пути прогресса, так как темпы развития с каждым годом все больше и больше ускоряются. Это выражается в том, что на развертывание последующего этапа (более сложного) уходит меньше времени, чем жизненный цикл этапа предыдущего. Наиболее ярко динамичность общества и поступательно-прогрессивный характер его движения иллюстрирует явление глобализации. Появление международных рынков, возникновение транснациональных корпораций, широкомасштабные трансформации политических систем ряда крупнейших держав, культурная и религиозная интеграции, бурный обмен технологиями – все это свидетельствует о том, что мы имеем дело с новым этапом истории, качественно отличным от других. Люди, сообщества и страны еще никогда не были так взаимосвязаны и взаимозависимы, как сегодня.

Глобализация – явление не только всеобщее, но и всеохватывающее. Ее влияние ощутили на себе все компоненты социума, в том числе и сфера международных отношений. Если раньше, в условиях большей автономии и разобщенности, межгосударственные связи носили во многом выборочный и спорадический характер, то теперь международные отношения в силу объективных причин являются всеобъемлющими и разветвленными. Страны, желающие сохранить свои геополитические позиции, упрочить их или занять новое место в мире, становятся вынуждены как можно более полно интегрироваться в международное сообщество. Сегодня вряд ли кто-либо станет спорить с тем, что демократическое правовое государство, претендующее на статус уважаемого игрока на международной арене, способно сосуществовать в условиях изоляции, ведь давно установлено и принято, что автаркия – атрибут авторитарных и тоталитарных государств, калькирующих ошибки прошлого.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 6; 7; 8; 9; 12; 13; 14; 16].

Однако проблему влияния глобализации и регионализации на международные отношения и мировой порядок нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Ни для кого не секрет, что тема глобализации в научном сообществе сейчас настолько распространена, что по популярности может соревноваться, разве что, с цифровизацией, криптовалютами и проблемами окружающей среды. Это означает, что рассматриваемая тема рано или поздно догматизируется, возникнет набор красивых и аксиоматических утверждений религиозного свойства, которые окажутся весьма яркими, но чрезвычайно далекими от реальности. Чтобы избавить столь важную тему

в обществоведческой науке от косности и доктринерства, мы постараемся выдвинуть и доказать следующие утверждения: 1) процесс глобализации, который в настоящее время столь часто препарируется ее сторонниками и противниками, носил в международных отношениях нелинейный характер; 2) в настоящее время в научном сообществе взяла верх либеральная парадигма глобализации, которая, если смотреть на явление сквозь призму истории международных отношений, не являлась единственно возможной; 3) из нелинейности глобализации вытекает ее взаимное сосуществование с противоположными тенденциями, в частности – с регионализацией.

Доказывая первый тезис, отметим, что в истории международных отношений существовали две модели глобализации – «западная» и «восточная» и, поскольку в конечном счете победу одержала «западная» модель глобализации, то ее стандарты были признаны в качестве эталона глобалистской политики. Провайдерами антагонистических моделей глобализации выступали Соединенные Штаты Америки и Советский Союз соответственно, а противостояние различных моделей глобализации («капиталистической» и «социалистической») вошло в историю XX столетия под названием «Холодная война».

В политической истории старт «Холодной войны» связывается с Фултонской речью бывшего премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, которую тот произнес в одноименном городе штата Миссури присутствии американского президента Гарри Трумэна в марте 1946 года. В этой речи Черчилль выдвинул идею создания военного союза англосаксонских стран с целью борьбы с мировым коммунизмом. И.В. Сталин расценил речь У. Черчилля как опасный акт, целью которого является сраживание союзников между собой. Советское правительство предупредило Штаты о серьезных последствиях подобных заявлений.

12 марта 1947 года американский президент Трумэн в выступлении перед конгрессом провозглашает «доктрину сдерживания коммунизма» («Доктрину Трумэна»), суть которой сводилась к необходимости противодействия экспансии тоталитарных режимов и, в первую очередь, Советского Союза. В дополнение к озвученному ранее 20 января 1949 г. Трумэн изложил программу деятельности своего правительства. Американский президент выделил четыре основные цели американской внешней политики: 1) поддержка Организации Объединенных Наций; 2) претворение в жизнь «плана Маршалла»; 3) формирование Североатлантического альянса; 4) осуществление технической помощи зарубежным странам посредством мер экономического воздействия. В апреле 1949 года в Вашингтоне был подписан Североатлантический договор, который оформил западный военно-политический союз (НАТО).

В ответ на эти действия советский режим воссоздает Информационное бюро коммунистических партий (Коминформ), а в 1949 году для координации

экономического сотрудничества со странами, которые получили наименования народных демократий, создается Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Впоследствии в ответ на принятие Западной Германией в НАТО СССР, ГДР, Польша, Чехословакия, Болгария, Венгрия, Румыния и Албания подписывают 14 мая 1955 года Варшавский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, по которому Советский Союз приобретал обязанность по оказанию помощи своим союзникам любыми средствами, в том числе с применением военной силы. На территории Восточной Европы возник новый блок – Организация Варшавского договора (ОВД).

К началу 70-х годов прошлого столетия СССР и США осознали, что дальнейшая гонка вооружений, ставшая к тому моменту одним из направлений «холодной войны», является бессмысленной. Девять дней пребывания Никсона в СССР в мае 1972 года практически полностью были посвящены переговорам по важнейшим аспектам советско-американских отношений и завершились подписанием ряда международных соглашений, которые охватывали военно-дипломатические аспекты сотрудничества сверхдержав. Речь идет о двусторонних соглашениях об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и о договоре об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1). В частности, согласно последнему договору, устанавливались количественные ограничения межконтинентальных ракет наземного базирования, а также ракет, запускаемых с использованием подводных лодок. Тем не менее ОСВ-1 не останавливал гонки вооружений, поскольку разрешал сторонам совершенствовать ядерное оружие.

Политика разрядки международной напряженности оказалась недолгой. В декабре 1979 года советские войска вошли в Афганистан с целью упрочения в государстве политических сил марксистской ориентации. Ввод «ограниченного контингента» советских вооруженных сил не только прервал процесс американо-советских переговоров по ограничению ядерных вооружений, но и заметно отразился на других аспектах взаимоотношений между СССР и США. Белый дом назвал ввод советских войск в Афганистан самой большой угрозой миру после окончания Второй мировой войны и предостерег советское руководство от вмешательства в дела стран Персидского залива.

С приходом к власти Р. Рейгана со стороны Америки началось усиление негативной риторики в адрес Советского Союза. Президент США назвал конкурирующую сверхдержаву «империей зла», что и без того осложняло непростые советско-американские отношения в первой половине 80-х гг.

Тем не менее в декабре 1987 г. в ходе встречи на высшем уровне в Вашингтоне США и СССР договорились о ликвидации ракет наземного базирования средней и ближней дальности. Достигнутое соглашение ознаменовало возрождение процесса разрядки международной напряженности. Тогда же была достигнута договоренность об обмене официальными

визитами между советским и американским лидерами. В мае-июне 1988 г. Рейган нанес визит в СССР, а в декабре того же года США посетил с ответным визитом Горбачев.

В феврале 1990 г. Коммунистическая партия Советского Союза утратила контроль над страной. 1 июля 1991 г. прекратила свое существование Организация Варшавского договора, и противостоявший НАТО военный блок СССР и стран Восточной Европы был распущен. В июле 1991 г. между СССР и США был подписан Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), однако «Холодная война» подходила к своему концу вследствие распада СССР, что означало логическую победу Штатов в данном геополитическом противостоянии.

Тем не менее Соединенным Штатам Америки не удалось закрепиться в роли сверхдержавы. Крушение Советского Союза обозначило новую тенденцию в мировой политике – глобализацию на основе «западной» модели, которая означала фактическое стирание границ и функционирование мирового сообщества по единым стандартам. В качестве таких стандартов виделась либеральная демократия. Неслучайно американский футуролог Ф. Фукуяма в книге «Конец истории и последний человек» обозначает вышеназванную политическую систему в качестве наивысшей точки общественного развития [15. С. 592]. Однако США, которые, очевидно, хотели выступить в роли проводника либерально-демократических ценностей и воплотить, таким образом, доктрину Джона О’Салливана об американской политической экспансии [11. С. 253], столкнулись на пути глобализации с некоторыми сложностями. Во-первых, речь идет о проблемах в сфере безопасности, примером чего служит серия терактов 11 сентября 2001 года, организованная членами террористической организации «Аль-Каида». Во-вторых, вмешательство Штатов во внутреннюю политику иных государств (вторжение в Ирак 2003-2011 гг., вмешательство в свержение режима М. Каддафи в Ливии) актуализирует сомнения в возможности Америки выступать в роли носителя и проповедника ценностей свободы, демократии и прогресса. В-третьих, США на пути «демократизации» других государств прибегают к тактике «цветных революций», что говорит о насильственном насаждении тех норм и принципов, которые чужды иным правовым порядкам.

В целом, глобализация, если исходить из устоявшихся (а точнее – победивших) подходов в современном дискурсе, охватывает практически все сферы общественной жизни:

- в экономике – возникновение транснациональных корпораций, развитие мирового рынка, свободная миграция капиталов и рабочей силы;
- в политике и праве – унификация законодательства по либерально-демократическим лекалам на базе идеи правового государства и концепции прав человека, утрата государственного суверенитета за счет существенного

влияния международных институций, признание примата наднационального права над национальным законодательством;

- в социуме и духовной жизни – религиозная и культурная унификация, распространение толерантности и развитие диалога культур и этносов;
- в международных отношениях – возникновение влиятельных международных организаций, консолидирующих усилия государств по обеспечению мира, безопасности и устойчивого развития.

Представленная выше теоретическая характеристика глобализации, очевидно, призвана раскрывать рассматриваемое явление преимущественно с позитивных сторон. Тем не менее в научной литературе обозначаются практические проблемы имплементации либеральной модели глобализации, раскрывающие ее негативное влияние на международные отношения. Так, А. Г. Гаппасова, Т.М. Садыкова и Р.Д. Стамова выделяют следующие проблемы глобализации: «Постоянно усиливающийся разрыв между экономически развитыми и неразвитыми странами в их уровне социально-экономического развития, что усиливает экономическую, политическую и культурную зависимость вторых от первых... крайне отрицательное воздействие экономической глобализации на природную среду, когда транснациональные корпорации, перенося свое производство в неразвитые государства, превращают таким образом экологическую проблему в глобальную... масштабные миграционные процессы, вызывающие множество социальных и демографических проблем, связанных главным образом с перемещением рабочей силы из небогатых стран в более развитые... постоянно усиливающаяся дифференциация, расслоение населения внутри государств по социально-имущественному признаку, что усиливает социально-политическую напряженность в этих странах, а также рост расслоения между различными сегментами национальной экономики, часть из которых адаптировалась к процессу глобализации, а другая часть – нет... недостаточная готовность большого количества народов и государств адаптироваться к политическим, идеологическим и культурным аспектам и требованиям экономической глобализации, касающихся таких сфер, как образование, политический и идеологический плюрализм, гражданского общества» [4. С. 20].

Выходит, что современная глобализация, призванная, казалось бы, преодолеть неравенство в международных отношениях, фактически усиливает разделение между странами по экономическим и культурным показателям, что влечет соответствующее расслоение по степени влияния на мировые процессы. На практике под предлогом глобализации развитые государства усиливают свою экспансию, внося, тем самым, дисбаланс в систему международных отношений. Получается так, что богатые страны становятся богаче и влиятельнее, а менее развитые – беднее и слабее в политическом отношении.

Однако надо понимать, что в последнее время тенденция глобализации вынуждена сосуществовать с тенденцией регионализации – формированием интеграционных блоков на основе единства экономических интересов. В частности, речь идет о Евразийском экономическом союзе (Россия, Казахстан, Армения, Белоруссия и Киргизия) и БРИКС (Россия, Индия, Китай, ЮАР). В условиях экономического роста развивающихся государств тенденция регионализации будет нарастать. На наш взгляд, ведущим провайдером регионализации в международных отношениях в последние годы выступает Российская Федерация.

В 2007 году президент России В. Путин провозгласил так называемую «Мюнхенскую речь», в которой выступил с критикой притязаний США на установление однополярного мира и констатировал курс на проведение Россией независимой внешней политики. Принятие в состав Российской Федерации Республики Крым и соответствующее образование новых субъектов Российской Федерации – Республики Крым и города федерального значения Севастополя, произошедшее в марте 2014 года [5], повлекло за собой негативную реакцию ряда иностранных государств. С момента вхождения территории Республики Крым в состав Российской Федерации Соединенные Штаты Америки, страны Европейского союза, а также иные государства вводили индивидуальные экономические и визовые санкции в отношении должностных лиц России и крупных предпринимателей – граждан Российской Федерации. Организация Объединенных Наций 27 марта 2014 года в ходе шестьдесят восьмой сессии Генеральной Ассамблеи ООН приняла Резолюцию A/RES/68/262 о территориальной целостности Украины [10]. Ответом Российской Федерации на санкции стало проведение политики импортозамещения, послужившей началом так называемой «торговой войны» между Российской Федерацией и вводившими в ее отношении санкции странами.

24 февраля 2022 года Российская Федерация начала специальную военную операцию по защите жителей Донбасса. Страны Запада ввели беспрецедентные экономические санкции в отношении России в надежде дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию и привести к краху национальную экономическую систему, что не увенчалось успехом. Курсы ведущих мировых валют после стремительного роста также стремительно упали, а экономике удалось приспособиться к новым реалиям. Кроме того, США и ряд европейских государств открыто выступили в поддержку Украины и предоставляют ей вооружение для ведения боевых действий. Данные шаги стали новым этапом в геополитическом конфликте России и так называемого «развитого мира», а в отечественном политическом дискурсе и в нормативной правовой базе нашли отражение такие термины, как «дружественные» и «недружественные» государства. Впрочем, несмотря на откровенно враждебную позицию стран-доноров Украины по отношению к России,

национальная политическая элита по-прежнему выступает за диалог с противостоящим режимом на условиях полного обеспечения национальных интересов Российской Федерации в актуализированных присоединением четырех новых субъектов границах.

В заключение статьи заметим, что тенденция глобализации в ближайшем будущем, несмотря на нарастание регионалистских тенденций, продолжит распространяться в международных отношениях. Глобализация и регионализация – это две диалектические противоположности одной системы, именуемой мировым порядком. Конечно, концептуально, методологически и практически они противостоят друг другу, но такое противостояние не способно в конечном счете привести к полной победе одного тренда над другим.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Отношение российской власти к евразийству: эволюция подходов, итоги и перспективы // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. № 3.

2. *Абрамова М.А.* «Евразия» и «евразийское пространство» в контексте интерпретаций // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. № 5.

3. *Внук В.К.* БРИКС как институт формирующейся многополярной системы мира // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 10 (91).

4. *Гаппасова А.Г., Садыкова Т.М., Стамова Р.Д.* Взаимосвязь и противоречия процессов глобализации и культурной глобализации // «CHRONOS»: мультидисциплинарные науки. 2021. Том 6. № 7 (57).

5. «Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» (Подписан в г. Москве 18.03.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.04.2014. № 14. Ст. 1570.

6. *Киянская А.С.* Глобализация и миграция: плюсы и минусы для Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 11 (80).

7. *Любина Д.Е.* Концепция большой Евразии в условиях глобализации: геополитическое измерение // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. № 2.

8. *Лю Цзинюань.* Положение Китая в системе глобального управления // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 9 (90).

9. *Пряхин В.Ф.* Государства постсоветского пространства как объект противоборства великих держав // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. № 1.

10. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/68/262 о территориальной целостности Украины // https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/262&Lang=R.

11. *Римини Р.* Краткая история США. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2019.

12. *Рубан Л.С., Печерица В.Ф., Бояркина А.В.* Россия в новой геополитической и геоэкономической реальности между Вашингтоном и Пекином // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 8 (77).

13. *Солодова Г.С.* География как фактор геополитики (на примере Евразии) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 11 (92).

14. *Тушков А.А., Фоменко Д.А.* Дипломатия современного Китая в системе формирования транслатерального миропорядка // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. № 4.

15. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2011.

16. *Цзюньтао В.* Перспективы углубления экономического и торгового сотрудничества между Китаем и Евразийским экономическим союзом в контексте инициативы «Пояс и путь» // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. № 1.

LI XUANBO

*Master's student at the Ufa University
of Science and Technology,
Ufa, Russia*

INTERNATIONAL RELATIONS IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

In the proposed publication, the author makes an attempt to abstract from the doctrinal and ideologically colored ideas about globalization and considers the proposed phenomenon in the context of the confrontation between two models of globalization – Western and Eastern, thereby showing that the modern views of scientists on globalization are directly dependent from the victorious model of American-style globalization. The author formulates and proves the following assertions: 1) the process of globalization, which at present has been so often dissected by its supporters and opponents, was non-linear in international relations; 2) at present, the liberal paradigm of globalization has taken over in the scientific community, which, if you look at the phenomenon through the prism of the history of international relations, was not the only possible one; 3) from the non-linearity of globalization follows its mutual coexistence with opposite tendencies, in particular, with regionalization. It is noted that modern globalization, designed, it would seem, to overcome inequality in international relations, actually strengthens the division between countries in terms of economic and cultural indicators, which leads to a corresponding stratification in terms of the degree of influence on world processes. The role of Russia is recognized as a leading actor and conductor of regionalization – a process opposite to globalization. In conclusion, the article concludes that globalization and regionalization are two dialectical opposites of one system called the world order.

Key words: *globalization, regionalization, Cold War, expansionism.*

ЛИ ЧЭНЬЧЭНЬ

постдок Института иностранных языков
Столичного педагогического университета,
Китай г. Пекин

К ПРОБЛЕМЕ О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ В КОНСТИТУЦИЮ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

За последние несколько лет международная политическая ситуация сильно изменилась, и после вспышки эпидемии коронавируса нового типа мировая экономика с трудом восстанавливается. На этом фоне страны Центральной Азии провели ряд реформ в соответствии с потребностями своего развития в самых разных сферах. Тот факт, заслуживающий нашего особого внимания, заключается в том, что эти страны решили внести поправки в свои Конституции. Центральная Азия является важным соседним регионом для Китая и России, которые поддерживают тесную связь и сотрудничество со странами этого региона. Именно поэтому важно уделить внимание изучению и анализу конституционных поправок стран Центральной Азии, что имеет большое значение для корректировки внешней политики Китая и России в отношении этих стран. Все это определяет актуальность нашей работы. На чем страны Центральной Азии сосредоточили внимание при внесении поправок в конституцию? Почему они внесли такие конституционные изменения? Решение поставленных вопросов является целью нашей работы. Чтобы достичь этой цели, мы провели исследование на материале выборки из старой и новой Конституций стран Центральной Азии. Используя аналитический и сравнительный методы, мы исследовали конкретные конституционные поправки, внесенные странами Центральной Азии; рассмотрели общие особенности содержания конституционных поправок в этих странах и проанализировали причины внесения соответствующих конституционных поправок. В результате чего мы изложили свои взгляды на внешнюю политику Китая и России в отношении Центральной Азии.

Ключевые слова: страны Центральной Азии, конституционные поправки, реформа.

Введение. В 2021 году исполняется 30 лет независимости стран Центральной Азии. С момента обретения независимости различные страны Центральной Азии преодолели многочисленные внутренние и внешние трудности, решили множество исторических проблем. Они воспользовались преимуществами своего географического положения в центре Евразийского континента и использовали свои соответствующие ресурсные преимущества с целью интегрироваться в мировое хозяйство, стремиться к миру и развитию и искали путь развития, соответствующий их собственным национальным особенностям.

В Китае есть старая поговорка «В тридцать лет – стать взрослым и обрести самостоятельность (三十而立)», которая означает, что люди должны жить зрелой и независимой жизнью, когда они достигают тридцатилетнего возраста, и стремиться к достижению определенных достижений. Страны Центральной Азии также достигли возраста самостоятельности. Находясь в начальной точке 30-летней истории независимости, эти страны сталкиваются со значительными изменениями в мировом политическом и экономическом ландшафте: Во-первых, международная политическая ситуация стала более сложной в условиях украинского кризиса и структурных противоречий в китайско-американских отношениях, а также увеличились неопределенные и нестабильные события и факторы; во-вторых, мировая экономика переживает тенденцию антиглобализации, санкции и декаплинг часто вводятся, а также восстановление мировой экономики после коронавируса нового типа остается неустойчивым и ненадежным. На этом фоне Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и другие страны Центральной Азии перед лицом различных внутренних и внешних вызовов, принимая во внимание соответствующие потребности в последующем развитии и национальные условия, решили внести изменения в свои Конституции, скорректировать национальные политические системы и структуры власти и провести реформы с целью стремиться к национальной стабильности и устойчивому развитию.

В таком случае мы попробуем обобщить конкретные меры, принятые каждой страной Центральной Азии для внесения изменений в Конституции, и проанализировать причины для внесения соответствующих конституционных поправок. Это имеет определенное значение для внешней политики Китая и России в отношении Центральной Азии.

1. Особенности конституционных изменений в странах Центральной Азии с 2021 года.

(1) Изменение срока полномочий президента.

В Казахстане срок исполнения полномочий президента увеличен до 7 лет (ранее было 5 лет), и одно и то же лицо не может быть избрано Президентом Республики более одного раза (Статья 41 пункт 1, Статья 42 пункт 5). Проектом поправок в Конституцию Узбекистана предлагается изменить

срок полномочий президента с пяти до семи лет (Статья 90), но в пункт о праве переизбрания на очередной срок никакие изменения не внесены. При этом на момент вступления в силу поправки к Конституции срок полномочий действующего президента обнуляется, и он сможет избираться еще два раза. Согласно новой Конституции Киргизии срок президентства с шести до пяти лет сокращены, но при этом дано право одному человеку занимать пост два срока подряд (Статья 67).

(2) Изменение политической системы страны.

Казахстан окончательно переходит от суперпрезидентской формы правления к президентской республике с сильным парламентом. Учрежден конституционный суд, который состоит из одиннадцати судей, включая председателя и десять судей. Председатель Конституционного Суда назначается Президентом Республики с согласия Сената Парламента; четверо судей назначаются Президентом Республики, по трое судей назначаются соответственно Сенатом и Мажилисом (Статья 71 пункт 1, 2, 3). С созданием Конституционного суда происходит модернизация конституционного контроля в казахской системе права, что является основным и ключевым шагом для продвижения Казахстана к демократическому государству [4. С. 7-8].

В рамках конституционной реформы законодательная власть Казахстана претерпит значительные изменения, роль и статус Парламента и его депутатов существенно усилены. Общее количество депутатов Сената сокращено с 15 до 10, пять из них назначаются по предложению Ассамблеи народа Казахстана; число депутатов Мажилиса сокращено со 107 до 98 человек (Статья 50 пункт 2, 3). Согласно новой Конституции к исключительному ведению Сената добавлена дача согласия на назначение Президентом Республики Председателя Конституционного Суда и Председателя Высшего Судебного Совета, а также лишение неприкосновенности Уполномоченного по правам человека (Статья 55); Мажилис будет отвечать за заслушивание два раза в год отчета Председателя Высшей аудиторской палаты (Статья 56 пункт 1).

Киргизия после референдума возвращается к президентской форме правления. Новая Конституция дает главе государства еще больше власти, одновременно, ограничивает полномочия парламента. В новом составе Жогорку Кенеша депутатов стало на четверть меньше – 90 вместо 120 (Статья 76 пункт 2).

Парламент Туркмении реорганизован из двухпалатного в однопалатный. В результате чего Халк Маслахаты получает широкие полномочия: он рассматривает и одобряет предложения по вопросам принятия Конституции и Конституционных законов Туркменистана, внесения в них изменений и дополнений, а также основные направления внутренней и внешней политики государства, программы и законы политического, экономического,

социального и культурного развития страны (Конституционный закон Туркменистана о Халк Маслахаты Туркменистана. Статья 10) [3. С. 33].

(3) Укрепление демократии и защита прав человека.

Согласно новой Конституции Казахстана земля и ее недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы принадлежат народу. От имени народа право собственности осуществляет государство (Статья 6 пункт 3). Кроме того, она расширяет право граждан участвовать в управлении делами государства. Депутаты Мажилиса избираются по смешанной избирательной системе: по системе пропорционального представительства по территории единого общенационального избирательного округа, а также по одномандатным территориальным избирательным округам (Статья 50 пункт 3); избиратели имеют право отозвать депутата, избранного по одномандатному территориальному избирательному округу (Статья 52 пункт 5). Таким образом, демократическая традиция значительно укреплена, и новая политическая культура будет основана на правах и обязанностях между депутатами и избирателями и их взаимном доверии.

Между тем, конституционные поправки в Казахстане направлены на укрепление механизма защиты прав граждан. Например, Конституционный Суд по обращениям граждан рассматривает на соответствие Конституции Республики нормативные правовые акты Республики Казахстан, непосредственно затрагивающие их права и свободы, закрепленные Конституцией (Статья 72 пункт 3); смертная казнь запрещается (Статья 15 пункт 2). Кроме того, Конституция дополнена статьей об Уполномоченном по правам человека: он содействует восстановлению нарушенных прав и свобод человека и гражданина, способствует продвижению прав и свобод человека и гражданина; он независим и неподотчетен государственным органам и должностным лицам при осуществлении своих полномочий (Статья 83-1 пункт 1,2).

В качестве одного из ключевых направлений конституционных изменений в Узбекистане указаны человек, его жизнь, свобода и достоинство, неприкосновенные права и интересы. Например, в Узбекистане смертная казнь запрещена (Статья 24), судимость лица и вытекающие из этого правовые последствия не должны быть основанием для ограничения прав его родственников (Статья 26).

2. Причины внесения соответствующих конституционных поправок. В последние годы страны Центральной Азии часто вносили изменения в свои Конституции. И такая ситуация происходит не случайно. На наш взгляд, это реалистичный выбор для властей каждой страны, чтобы сосредоточиться на поддержании внутренней стабильности, укреплении политического режима и достижении долгосрочной национальной безопасности. Тщательно анализируя содержание поправок к Конституции в данных странах, можно отметить, что причины внесения изменения в Конституцию в основном заключаются в следующих четырех моментах [2. С. 16].

(1) Укрепление лидерства правящей партии в системе государственной власти. После Январских событий в Казахстане президент Токаев постепенно обеспечивал себе реальную полноту власти, но перед ним по-прежнему стояла сложная задача реорганизации системы власти и балансирования сил различных фракций. Внеся изменения в конституцию и проведя досрочные президентские выборы, Токаев быстро укрепил свои позиции в госуправлении и остается безусловным субъектом, обладающим наибольшими полномочиями и влиянием на выстраивание политической конфигурации в стране. Можно сказать, что Конституционные поправки заложили правовые основы для начала «эры Токаева» [8. С. 31-32].

Новая Конституция возвращает в Киргизии от парламентско-президентской к президентской форме правления, и устанавливает жесткую вертикаль власти и расширяет возможности президента. Теперь президент Жапаров не только контролирует работу правительства, но и возглавляет кабинет президента администрации.

(2) Обеспечение передачи верховной государственной власти.

В 2020 году в Туркменистане была проведена конституционная реформа, основным следствием которой стало создание двухпалатного парламента. Одной из палат считается Халк Маслахаты – верхняя палата (Народный совет), а второй – нижняя, законодательная палата Меджлиса (парламент), который раньше являлся собственно парламентом. Согласно новой Конституции, в случае недееспособности президента переходят к председателю Халк Маслахаты его полномочия. Экс-президент Гурбангулы Бердымухамедов оставил президентский пост и перешел на место председателя Халк Маслахаты, а на досрочных президентских выборах победил его сын Сердар Бердымухамедов. В общем был организован, можно сказать, идеальный транзит власти. Гурбангулы проложил своему сыну дорогу моделью «совместное управление государством отца и сына». В январе текущего года Парламент Туркменистана во второй раз в новой истории страны стал однопалатным. Одновременно был образован высший представительный орган власти Халк Маслахаты, который возглавил Гурбангулы Бердымухамедов. Кроме того, экс-президент был объявлен национальным лидером страны. Изменения властной структуры таким образом призваны укрепить вышеуказанную модель, чтобы двое Бердымухамедовых могли управлять страной совместно, и установить двойное страхование для того, чтобы верховная власть не обрушилась на других лицах.

(3) Устранение возможных «подводных камней» в будущем развитии страны. Внесение в Конституцию Казахстана таких изменений, как запрет родственникам президента занимать высокие посты на госслужбе и в компаниях, запрет чрезмерного вмешательства в местное самоуправление и др., целенаправленно на проблему коррупции семьи Назарбаева, которая вызвала давнее недовольство среди народа Казахстана. Конституционные

поправки, такие как создание трех новых областей: Области Абай, Жетысу и Улытау, перераспределение функций государственных учреждений, учреждение Конституционного суда, модернизирование и совершенствование административной и законодательной системы, способствуют строительству «Нового Казахстана» [5. С. 110].

Проектом поправок в Конституцию Узбекистана предлагается изменить статус Каракалпакстана (как суверенная республика с правом выхода из состава Узбекистана на основании референдума) с целью устранить ген сепаратизма раз и навсегда и предотвратить повторение украинского кризиса в своей стране. Несмотря на то, что данная попытка не увенчалась успехом из-за массовых протестов среди жителей Каракалпакстана, показана решимость страны уничтожить на корню скрытые угрозы национального единства.

(4) Улучшение внешнего имиджа страны.

США и Запад внимательно следят за реформаторское движение в странах Центральной Азии, часто используют демократию и права человека в качестве предлога для ожидания возможностей содействовать «демократическим преобразованиям» [7. С. 266]. Чтобы ослабить внешнее давление, Казахстан, Узбекистан и другие страны включили в свою Конституцию положения о защите прав человека, отмене смертной казни, назначении на должность Уполномоченного по правам человека и др. Такие конституционные реформы способствуют формированию имиджа демократической, прогрессивной и просвещенной страны и завоеванию поддержки международного сообщества [6. С. 24].

Выводы. Страны Центральной Азии являются важным соседним регионом как для Китая, так и для России. Обе страны имеют протяженные границы и богатую историю сотрудничества со этими странами. Именно поэтому центрально-азиатский регион занимает приоритетное положение во внешней политике Китая и России, которые должны серьезно изучить их конституционные поправки и меры по реформированию, и активно отреагировать.

1. Китай и Россия должны поддерживать страны Центральной Азии соответствующими способами и в рамках двустороннего и многостороннего сотрудничества, чтобы они придерживались независимой и автономной внешней политики, следовали пути развития, соответствующему их национальным условиям и этническим особенностям, и провели реформы [1. С. 5-6]. Обе страны должны совместно с ними стремиться к миру и развитию.

2. Китай и Россия должны в полной мере укрепить связь и координацию политики в отношении Центральной Азии. А дипломатические, торгово-экономические, транспортные и энергетические ведомства двух стран должны создать соответствующие механизмы для своевременного обмена информацией по вопросам Центральной Азии. Обе страны должны сделать

все возможное, чтобы оказать помощь странам Центральной Азии в развитии вышеупомянутых областей.

3. Китай и Россия должны поддерживать тенденцию интеграции стран Центральной Азии. Используя такие платформы, как ШОС, обе страны должны активно вести страны Центральной Азии к внутренней координации своей политики, чтобы они предприняли существенные шаги в направлении интеграции.

4. Что касается исторических или горячих проблем, таких как пограничные проблемы между странами Центральной Азии (например, пограничная проблема между Таджикистаном и Кыргызстаном), афганская проблема, Китай и Россия должны играть конструктивную роль в оказании помощи странам Центральной Азии в решении их проблем на основе принципа консультаций и переговоров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аничкин Е.С., Ряховская Т.И.* Конституционное право Российской Федерации и стран Центральной Азии: уникальное и универсальное // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440.

2. *Васильев А.А., Зеленин Ю.А., Печатнова Ю.В.* Преемственность и сохранение традиционных политических и правовых институтов народов тюрко-монгольского мира в современных условиях // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2021. № 3.

3. *Габузарова Е.* Роль конституционных реформ в развитии государств Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2021. № 3.

4. *Гуляков А.Д.* Конституционный федеративный процесс: сущностные характеристики и национально-государственные особенности (сравнительное исследование) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 2.

5. *Дмитриевская Д.С.* Цивилизационный подход к правам человека и конституционно-правовое отражение их основных моделей // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17.

6. *Притчин С.А.* В зеркале транзитологии: особенности процессов смены власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2021. № 4.

7. *Тлизамова А.Ю.* Зарубежный опыт регулирования конституционно-правовых гарантий средств массовой информации // Научные известия. 2022. № 29.

8. Чимаров Н.С. Правовое содержание преамбулы конституций в государствах Центральной Азии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11-5.

LI CHENCHEN

*Post-doctor, College of Foreign Languages
Capital Normal University,
Beijing, China*

TOWARDS A CONSTITUTIONAL AMENDMENT IN CENTRAL ASIA

In recent years, the international political situation has changed a lot, and after the outbreak of COVID-19, the world economy is hardly recovering. Against this background, the Central Asian countries have carried out a number of reforms in accordance with the needs of their development in various fields. The fact that deserves our special attention is that these countries have decided to amend their Constitutions. Central Asia is an important neighboring region for China and Russia, which maintain close ties and cooperation with the countries of this region. That is why it is important to pay attention to the study and analysis of the constitutional amendments of the Central Asian countries, which is of great importance for adjusting the foreign policy of China and Russia in relation to these countries. All this determines the relevance of our work. What did the Central Asian countries focus on when amending the constitution? Why did they make such constitutional changes? Addressing these questions is the goal of our work. In order to achieve this goal, we conducted a study on the old and new constitutions of the Central Asian countries. Using analytical and comparative methods, we analyze the specific constitutional amendments introduced by the countries of Central Asia and presents the general features of the content of constitutional amendments in these countries. The special attention is given to the reasons for the relevant constitutional amendments. At the end of the article, we put forward our views on the foreign policy of China and Russia towards Central Asian countries.

Key words: *Central Asian countries, constitutional amendments, reform.*

В.А. САНЖАРОВ*студент Санкт-Петербургского государственного
университета, Россия, г. Санкт-Петербург*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СПОРТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Данная статья посвящена основным направлениям спортивной психологии в российском обществе. В настоящее время спортивная психология в России и за рубежом находится на новом этапе развития, что связано с принятием представления о влиянии психологических особенностей на спортивные результаты. Российская спортивная психология в своей основе направлена на разработку оптимальных методов и приемов, способствующих повышению спортивных результатов и выявлению у спортсменов неблагоприятных тенденций. В статье описаны несколько основных теоретических подходов и психологических направлений, определивших исторический ход отечественной спортивной психологии.

Ключевые слова: спортивная психология, спорт в России, зрительное внимание, антиципация.

Введение. Хотя основы спортивной психологии в России были заложены столетие назад, в настоящее время происходит новый этап ее развития [12]. Практически все спортсмены во всем мире признают, что на их результаты влияют различные психологические факторы [6]. С момента зарождения спортивной психологии в России продолжают разрабатываться различные методы и приемы повышения спортивных результатов. Выдающийся вклад в развитие отечественной спортивной психологии как области науки внесли П. Рудик, Т. Никитин, А. Нечаев, А. Пуни, А. Родионов, А. Алексеев, Б. Блюменштейн, Н. Худадов, Г. Горбунов, Н. Стамбулова, Р. Загайнов, Б. Малкин и др. [12]. Основное внимание в их исследованиях уделялось двигательному поведению и психологической готовности к спортивным соревнованиям. Важно отметить, что результаты и направления большинства исследований этих авторов не утратили своей актуальности до настоящего времени.

В настоящее время исследования в области спортивной психологии в России, как правило, направлены как на психологическую диагностику,

так и на обучение с особым акцентом на области перцептивно-когнитивной экспертизы и умственных способностей [12]. Основной целью исследования является выявление существенных психологических особенностей (способствующих достижению оптимальных результатов) с целью учета направленности на их развитие в подходе к работе как в общих рамках определенного вида спорта, так и на индивидуальный уровень каждого спортсмена. Последующие практические вопросы связаны с созданием надежных методов для оценки этих характеристик. Еще одна актуальная проблема для тренеров и специалистов-практиков спортивной психологии – максимизировать потенциальные достижения своих подопечных, используя возможность начала занятий спортом как можно раньше в период профессионального становления. Для этого необходимы специально разработанные психологические приемы и подходы. При этом одна из последних тенденций заключается во внедрении в спортивную практику инновационных технологий и подходов, таких как виртуальная реальность, система айтрекинга, ментальная тренировка [12; 5].

Результат в спортивных соревнованиях зависит от сочетания различных факторов, при этом перцептивно-когнитивные навыки (внимание и память, восприятие времени, предвидение и принятие решений, сенсомоторная координация и т.д.) являются одними из наиболее актуальных для психологических исследований. Хорошо развитые перцептивно-когнитивные навыки имеют решающее значение для различных видов спорта, чтобы перехитрить противников, предугадывая их действия и принимая более взвешенные решения.

В диагностике перцептивно-когнитивных способностей у спортсменов применялись следующие инструментальные методы: айтрекинг, биологическая обратная связь, интегрированные системы оценки психомоторных и когнитивных переменных. Внедрение инструментальных методов дает ряд преимуществ процессу психологического сопровождения спортсменов. Используя эти методы, спортивные психологи могут получить объективные измерения различных переменных, которые имеют решающее значение в различных видах спорта, а также могут получить немедленную обратную связь о взлетах и падениях в результатах спортсменов. В данной статье будут определены и проанализированы современные тенденции развития спортивной психологии в российском обществе, поскольку в настоящее время это направление является крайне актуальным.

Внимание в спорте. Развитие внимания в отдельных видах спорта с учетом задач, решаемых спортсменом на соревнованиях, является важным аспектом психологической подготовки спортсменов в России [17; 11; 2; 16]. Марков в исследовании с командой волейболистов высокого уровня указывал на важность динамических свойств внимания, а также его объема и интенсивности [11]. Это исследование показало, что выполнение

определенных упражнений в течение 3 месяцев может улучшить характеристики внимания. Таким образом, автор подтвердил возможность тренировки и развития свойств внимания у спортсменов. Ильин в исследовании с ватерполистами отметил их большую способность к переключению внимания, что можно объяснить спецификой этого вида спорта [7]. Антипова установила, что спортсмены циклических видов спорта демонстрируют высокий уровень устойчивости внимания, тогда как для ациклических видов спорта характерны высокие показатели концентрации внимания и кратковременной зрительной памяти [2].

Группа исследователей Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова исследовала динамические свойства внимания у спортсменов, занимающихся стрельбой из лука [10]. В исследовании приняли участие 65 российских спортсменов. Целью исследования явилось выявление специфических закономерностей внимания у стрелков из лука на разных этапах их профессионального становления. В ходе исследования выявлены достоверные различия между группами испытуемых по возрасту, профессиональному уровню и полу. Выявлено, что женщины, в частности взрослые спортсмены, выполняют тесты на внимание с более низкими баллами. При этом скорость выполнения заданий не влияет на точность.

Зрительное внимание. В настоящее время технологии айтрекинга активно внедряются в процесс психологической подготовки и тестирования спортсменов в различных видах спорта, в том числе в России. Недавние достижения в области мобильного оборудования для отслеживания взгляда открыли новые возможности для изучения того, как спортсмены обнаруживают визуальную информацию для планирования или регулирования своих текущих действий [15]. В спортивном контексте исследования по отслеживанию движения глаз в России основаны на «парадигме видения в действии» [18] и проводятся в естественных условиях: в скалодроме [6], футбольном поле [6], поле для гольфа [16] и др. По мнению Тихомирова, движения глаз могут представлять собой экстернализированные элементы мыслительного процесса [14]. Грушко и Леонов исследовали визуальные стратегии, которые спортсмены используют для предварительного просмотра маршрутов скалолазания [6]. Предварительный просмотр маршрута — это мысленное планирование возможных моделей движения при лазании, что имеет решающее значение для выступлений в соревнованиях по скалолазанию. В зависимости от ситуации и контекста шаблоны визуального поиска, используемые во время предварительного просмотра маршрута, могут влиять на форму лазания и, потенциально, на сам успех лазания [15].

Антиципация в спорте. Антиципация как психологический феномен играет значительную роль во всех аспектах спортивной психологии. Это важнейший элемент любого мыслительного процесса [3]. Антиципация — это способность человека в той или иной мере предвидеть развитие событий,

явлений, результатов действий. Предпосылки феномена антиципации были разработаны в теориях функциональных систем, разработанных Анохиным [1], а также в принципах биологической активности и управления движениями, сформулированных Бернштейном [4], и в концепции «нервной модели стимула», предложенной Соколовым [13]. Павлов также придерживался мнения, что идея будущих действий важна. В его основе лежат двусторонние взаимоотношения кинестетических и двигательных клеток корковых отделов головного мозга. Он писал о том, что, визуализируя движение, его кинестетическую репрезентацию, мы бессознательно его совершаем [4].

В настоящее время к спортивным психологам предъявляются высокие требования по совершенствованию практического применения антиципации у спортсменов [9]. Вероятностное прогнозирование спортсменов строится в процессе их профессионального развития. При этом учитывается не только частота событий, но и уровень сформированности функциональных систем, которые находят отражение в конкретном спортивном опыте. Уровень их сформированности и работоспособности для конкретных задач влияет на профессиональную деятельность спортсменов: дает значительное преимущество перед другими, менее подготовленными спортсменами, облегчает принятие правильного решения. Исаев провел исследование, направленное на выявление психофизиологических характеристик, позволяющих количественно и качественно оценить уровень антиципации у борцов вольного стиля [8].

Эффективность методов обучения совершенствования мастерства борцов вольного стиля основывалась на закреплении правильных вариантов поведения в моделируемой ситуации принятия решения в условиях множественного выбора. Стимулом служили видеозаписи ситуаций в вольной борьбе. Параллельно психологи регистрировали глазодвигательную активность глаза (время задержки взглядов, количество фиксаций и количество повторных возвратов в зону интереса и регистрацию многоканальной электроэнцефалограммы (ЭЭГ) [8]. Эффективность Тренировки по этой методике подтвердились качественными и количественными изменениями в развитии способности упрещать ходы противника.

Заключение. Таким образом, мы видим, что в российской психологической науке поле исследований спортивной психологии разнообразно. В данной статье представлены лишь некоторые разделы спортивной психологии, такие как психологическая диагностика и обучение, включая перцептивно-когнитивные навыки и умственные способности спортсменов.

Соответствующие методы исследования спортивной деятельности должны учитывать не только вид спорта, но и особые профессиональные характеристики спортсменов, такие как положение в команде, уровень мастерства, статус и т.д. Быстрое развитие инновационных подходов и методов в спортивной психологии (биологическая обратная связь

и нейробиоуправление, например) сочетается с субъективными методами, такими как ментальная тренировка.

Одной из первостепенных задач спортивной психологии в России является эффективный перевод практики и развития профессионально важных спортивных качеств из лаборатории в их практическое применение на практике. Это позволяет наблюдать развитие комплексного подхода в спортивной психологии, в основе которого лежит использование объективных и субъективных методов в зависимости от профессионально значимых спортивных качеств того или иного вида спорта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Анохин П.К.* Биология и нейрофизиология условного рефлекса. Москва: «МЕДИЦИНА», 1968.
2. *Антипова О.С.* Особенности психофизиологического состояния спортсменов 9-16 лет в процессе адаптации организма к специфике избранного вида спорта // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22797608>.
3. *Ахметзянова А.И.* Теоретический анализ представлений о развитии антиципирующей функции психического отражения // Гуманитарные и социальные науки. Северо-Кавказский научный центр высшей школы федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования Южный федеральный университет. 2015. № 3.
4. *Бернштейн Н.А.* Биомеханика и физиология движений: избр. психол. тр. / под ред. В.П. Зинченко; сост. А.И. Назаров; Акад. пед. и соц. наук, Моск. психол.-соц. ин-т. М.: Изд-во «Ин-т практ. психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997.
5. *Величковский Б.М.* Когнитивная наука. Основы психологии познания. В 2-х т.: учебник для бакалавриата и магистратуры / 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018. Том 1. (Серия: Авторский учебник).
6. *Грушко А.И., Леонов С.В.* Применение систем регистрации движений глаз в психологической подготовке футболистов // Национальный психологический журнал. 2015. № 2 (18).
7. *Ильин А.Б.* Оценка и коррекция внимания ватерполистов в условиях сборов // <http://sportfiction.ru/articles/otsenka-i-korreksiya-vnimaniya-vaterpolistov-v-usloviyakh-sborov/>.
8. *Исаев А.В., Исайчев С.А.* Количественные и качественные индикаторы формирования антиципации у спортсменов-борцов // Национальный психологический журнал. 2015. № 2 (18).
9. *Карандашев В.Н.* Психология: Введение в профессию. М.: Смысл, 2000.

10. Коробейникова Е.Ю., Леонов С.В., Поликанова И.С. Психологические особенности внимания у стрелков из лука // Национальный психологический журнал. 2017. № 2 (26).

11. Марков К.К., Николаева О.О. Совершенствование качеств внимания игроков в современном волейболе // Фундаментальные исследования. 2013. № 6-1 // <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31436>.

12. Психология спорта / Б.И. Беспалов, А.Н. Веракса, А.И. Грушко и др.; под редакцией Ю.П. Зинченко; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва: Изд-во Московского ун-та, 2019. (Научные школы Московского университета). ISBN 978-5-19-011408-9.

13. Соколов Е.Н. Нейронные механизмы памяти и обучения. М.: Наука, 1981.

14. Тихомиров О.К. Психология мышления: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

15. Button C., Orth D., Davids K. & Seifert L. Visuomotor skill in climbing. In L. Seifert, P. Wolf, A. Schweizer (Eds.), *The science of climbing and mountaineering*. Hove, UK: Routledge, 2017.

16. Grushko A., Kasatkin V. The development and initial validation of the Russian version of mental toughness questionnaire // Proceedings book of the International scientific and professional conference on wrestling "Applicable research in wrestling". Novi Sad, Zagreb, 2017.

17. Strydom B. The role of vision and visual skills in archery // https://www.researchgate.net/publication/238709646_The_role_of_vision_and_visual_skills_in_archery.

18. Vickers J.N. Perception, cognition and decision training: The quiet eye in action. Champaign, IL.: Human Kinetics, 2007.

V.A. SANZHAROV

*Student of St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

MODERN TRENDS IN SPORTS PSYCHOLOGY IN THE RUSSIAN SOCIETY

This article is devoted to the main areas of sports psychology in Russian society. Currently, sports psychology in Russia and abroad is at a new stage of development, which is associated with the acceptance of the idea of the influence of psychological characteristics on sports results. Russian sports psychology is basically aimed at developing optimal methods and techniques that help improve sports results and identify unfavorable trends in athletes. The article describes several basic theoretical approaches and psychological trends that determined the historical course of Russian sports psychology.

Key words: *sports psychology, sports in Russia, visual attention, anticipation.*

НАШИ АВТОРЫ

Абдулазизов Камиль Магомедович – аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (kamilakm94@mail.ru).

Авазов Комил Холлиевич – доктор философии (PhD) по политическим наукам, Республика Узбекистан, г. Ташкент (avazov.75@bk.ru).

Афонин Михаил Викторович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой прав человека Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва (KrivovaAL@rgsu.net).

Бодров Андрей Кириллович – аспирант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; менеджер направления по работе с регионами АНО «Большая Перемена», Россия, г. Москва (bodrovak@my.msu.ru).

Булавина Мария Александровна – кандидат юридических наук, доцент, проректор по научной работе АНО ВО «Университет Мировых Цивилизаций им. В.В. Жириновского», Россия, г. Москва (m.a.bulavina@yandex.ru).

Вильнер Ирина Александровна – руководитель аппарата Муниципального Совета внутригородского Муниципального образования города федерального значения Санкт-Петербурга Муниципального округа УРИЦК; магистрант Северо-Западного института управления РАНХиГС, Россия, г. Санкт-Петербург (i.vilner@yandex.ru).

Галанина Дарья Сергеевна – магистрант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (voprospolitolog@yandex.ru).

Глебздин Арсентий Владимирович – аспирант Дипломатической академии МИД РФ, Россия, г. Москва (senagleb@gmail.com).

Гочмурадова Гулнар – аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (g_gochmyradova@mail.ru).

Григорьев Максим Сергеевич – кандидат политических наук, профессор РГГУ, Россия, г. Москва (79646486701@yandex.ru).

Григорян Давид Кромвелович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики РАНХиГС при Президенте РФ; доцент кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, Россия, г. Ростов-на-Дону (davo-davo23@mail.ru).

Громов Вадим Владимирович – аспирант кафедры политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Москва (grom-vadim@mail.ru).

Давыдов Стефан Дмитриевич – аспирант кафедры американских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (fstef@yandex.ru).

Жирнов П.Л. – аспирант кафедры политологии и этнополитики РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Москва (davo-davo23@mail.ru).

Залысин Игорь Юрьевич – доктор политических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (izal@rambler.ru).

Иванова Лилия Александровна – ассистент кафедры социологии Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева, Россия, г. Астрахань (lili_iva@mail.ru).

Израелян Алина Норайровна – студент направления Международные отношения Северо-Кавказского Федерального университета, Россия, г. Ставрополь (israelyan.alya@mail.ru).

Карнаухова Елена Андреевна – аспирант факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (karnaukhova@pircenter.org).

Комаров Константин Сергеевич – бакалавр Московского государственного лингвистического университета, Россия, г. Москва (senatko@yandex.ru).

Кравченко Владимир Иосифович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Россия, г. Москва (Harisma52@mail.ru).

Кривова Анна Леонидовна – преподаватель кафедры прав человека Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва (KrivovaAL@rgsu.net).

Кудрявцев Сергей Алексеевич – аспирант кафедры политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва (KrivovaAL@rgsu.net).

Лагузова Мария Андреевна – аспирант факультета политологии МГУ им. Ломоносова, Россия, г. Москва (laguzova@bk.ru).

Ли Сяньбо – магистрант Уфимского университета науки и технологий, Россия, г. Уфа (vorprospolitolog@yandex.ru).

Ли Чэньчэнь – постдок Института иностранных языков Столичного педагогического университета, Китай, г. Пекин (ccinrus@163.com).

Максимова Софья Александровна – аспирант кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (motsuo@inbox.ru).

Максимова Татьяна Дмитриевна – аспирант кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета, Россия, г. Владивосток (maksimova.tanya@list.ru).

Медведев Николай Павлович – доктор политических наук, профессор, главный редактор издательства «Наука сегодня», Россия, г. Москва (medvedevnp1952@yandex.ru).

Нифтили Эмира – старший преподаватель Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, Азербайджан, г. Баку (esmira.niftili@dia.edu.az).

Новосельский Святослав Олегович – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научного центра по исследованию истории и развития мировых цивилизаций АНО ВО «Университет Мировых Цивилизаций им. В.В. Жириновского», Россия, г. Москва (nsvyatoslav@yandex.ru).

Палуаниязов Б. – начальник Тахиаташского районного отдела Республиканского духовно-просветительского центра, Республика Узбекистан, г. Тахиаташ (avazov.75@bk.ru).

Перлик Максим Игоревич – соискатель Краснодарского университета МВД России, Россия, г. Краснодар (vorgropolitolog@yandex.ru).

Потапов Денис Викторович – аспирант Института социально-политических исследований РАН, Россия, г. Москва (dvpw@yandex.ru).

Прохватилов Григорий Владимирович – аспирант кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений, Россия, г. Москва (gregonepro@gmail.com).

Рахимов Комрон Хакимджонович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; руководитель Сектора Центральной Азии Центра исследований постсоветских стран, Россия, г. Москва (muhsin.19.05.93@mail.ru).

Савельева Анастасия Дмитриевна – аспирант кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (nastya1108vags@gmail.com).

Савлан Ронни Асоевич – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (sawlan98@mail.ru).

Санжаров Василий Андреевич – студент Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (tiger_346@mail.ru).

Талиб Мохаммед Нассер Мохаммед – аспирант кафедры политологии Казанского (Приволжского) университета, Россия, г. Казань (mohd102018@mail.ru).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета, Россия, г. Владивосток (aa_tushkov@mail.ru).

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор Краснодарского университета МВД России, Россия, г. Краснодар (voprosopolitolog@yandex.ru).

Федотова Лидия Андреевна – аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (md.fedotova@gmail.com).

Фельдман Павел Яковлевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений, Россия, г. Москва (pavelfeld@mail.ru).

Филатов Олег Владимирович – аспирант Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Москва (olegfilatov71@yandex.ru).

Фомин Д.А. – аспирант кафедры политологии и этнополитики РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Москва (davo-davo23@mail.ru).

Цю Шуаншуан – магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (muhsin.19.05.93@mail.ru).

Чемшит Александр Александрович – доктор политических наук, профессор Севастопольского государственного университета, Россия, г. Севастополь (chemshit952@gmail.com).

Чжоу Цинчао – аспирант кафедры глобалистики факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (632299824a@gmail.com).

Шовин Никита Сергеевич – аспирант кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Ростов-на-Дону (nikita.shovin@mail.ru).

OUR AUTHORS

ABDULAZIZOV K.M. – Graduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

AFONIN M.V. – PhD in Law, Associate professor, Head of Department of Human rights Russian State Social University, Moscow, Russia.

AVAZOV K.H. – Doctor of Philosophy (PhD) in Political Science, Tashkent, Uzbekistan.

BODROV A.K. – Graduate student of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, manager of the direction for working with regions of ANO «Bolshaya Peremena», Moscow, Russia.

BULAVINA M.A. – PhD in Law, Associate Professor, Vice-Rector for Research, ANO VO «University of World Civilizations named after A.I. V.V. Zhirinovskiy», Moscow, Russia.

CHEMSHIT A.A. – D.Sc. in Political Science, Professor, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

DAVYDOV S.D. – Postgraduate student, Faculty of International Relations, Department of American Studies St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

FEDOTOV L.A. – Postgraduate Student, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

FELDMAN P.J. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology of the Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia.

FILATOV O.V. – Postgraduate student of the Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

FOMIN D.A. – Postgraduate student of the department, Political Science and Ethnopolitics Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

GALANINA D.S. – Master student of the Faculty of International Relations St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

GLEBEZDIN A.V. – Postgraduate student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

GOCHMYRADOVA G. – Postgraduate student, department of the history of socio political doctrines, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

GRIGORIAN D.K. – Candidate of political sciences, Associate Professor of the Chair of D. in Political Science and Ethnopolitics at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor of Chair of Criminalistics and Investigative Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia.

GRIGORIEV M.S. – Candidate of political sciences, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

GROMOV V.V. – Postgraduate student of the Department of Political Science and Political Management, RANEPa under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ISRAELIAN A.N. – Student of International Relations, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

IVANOVA L.A. – Assistant of the Department of Sociology, Astrakhan State University them. V.N. Tatishcheva, Astrakhan, Russia.

KARNAUKHOVA E.A. – Postgraduate Student of the 3rd Year of the School of World Politics of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

KOMAROV K.S. – Student, Moscow State Linguistic University (MSLU), Moscow, Russia.

KRAVCHENKO V.I. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of the History of Philosophy, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia.

KRIVOVA A.L. – Lecturer of Department of Human rights, Russian State Social University, Moscow, Russia.

KUDRYAVTSEV S.A. – Postgraduate student of Department of Political science and applied political work Russian State Social University, Moscow, Russia.

LAGUZOVA M.A. – PhD student, of the Faculty of political sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

LI CHENCHEN – Post-doctor, College of Foreign Languages Capital Normal University, Beijing, China.

LI XUANBO – Master's student at the Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

MAKSIMOVA T.D. – Postgraduate student of the Department of International Relations and Law, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia.

MAXIMOVA S.A. – Postgraduate student Faculty of Public and Municipal Administration Department of State and Municipal Administration Northwest Institute of Management Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russia.

MEDVEDEV N.P. – Doctor of political sciences, professor, editor-in-chief of the publishing house "Nauka Segodnya", Moscow, Russia.

NIFTILI E. – Senior lecturer, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan.

NOVOSELSKY S.O. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Research Center for the Study of the History and Development of World Civilizations of the ANO VO «University of World Civilizations named after I.I. V.V. Zhirinovskiy», Moscow, Russia.

PALUANIAZOV B. – Head of Takhiatash district department, Republican Spiritual and Educational Center, Takhiatash, Republic of Uzbekistan.

PERLIK M.I. – Applicant, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia.

POTAPOV D.V. – Postgraduate student of the Institute of Socio-Political Research RAS, Moscow, Russia.

PROKHAVILOV G.V. – Postgraduate student of the Department of Philosophy and Sociology of the Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia.

QINGCHAO ZHOU – Postgraduate student of the Department of Global Studies Faculty of Global Processes, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

QIU SHUANGSHUANG – Master student of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

RAKHIMOV K.KH. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia; Head of the Central Asia Sector of the Center for Studies of Post-Soviet Countries, Moscow, Russia.

SANZHAROV V.A. – Student of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

SAVELYEVA A.D. – Postgraduate student of the Department of Russian Politics Faculty of Political Science, Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

SAVLAN R.A. – PhD Student, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

SHOVIN N.S. – Postgraduate student of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia.

TALIB MOHAMMED NASSER MOHAMMED – Postgraduate student of the Department of Political Science, Kazan (Volga) University, Kazan, Russia.

TUSHKOVA A.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations and Law, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia.

UPOROV I.V. – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law Sciences, Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia.

VILNER I.A. – Head of the Staff of the Municipal Council of the Inner-City Municipality of the Federal City of St. Petersburg URITSK Municipal District; Master's student of the Northwestern Institute of Management of the RANEPА, St. Petersburg, St. Petersburg, Russia.

ZALYSIN I.YU. – Doctor of political sciences, professor of Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Moscow, Russia.

ZHIRNOV P.L. – Postgraduate student of the department of the Department of Political Science and Ethnopolitics of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 13 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 15 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, **выводы**. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

ПЛАТОНОВ Владимир Михайлович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Председатель Московской городской думы (1994-2014 гг.) (Россия, г. Москва)

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

АВАЗОВ Камилль Халлиевич – доктор философии (PhD) по политическим наукам, преподаватель регионального центра переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)

АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна – д.п.н., профессор, директор Центра этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, координатор Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в СКФО (Россия, г. Пятигорск)

БЛОХИН Владимир Владимирович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

БОЖАНОВ Владимир Александрович – д.и.н., профессор, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального Технического университета (Белоруссия, г. Минск)

ВАНКОВСКА Биляна – профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)

ВЕЛИКАЯ Наталия Михайловна – д.п.н., заместитель директора Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН), декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ГОНЧАРОВ Пётр Константинович – д.с.н., профессор Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)

ГРАЧЁВ Михаил Николаевич – д.п.н., профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ДЭМБЭРЭЛ К. – доктор (PhD), старший научный сотрудник Института международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич – д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ (Россия, г. Москва)

КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна – д.ф.н., заведующая кафедрой политологии Московского педагогического государственного университета (Россия, г. Москва)

КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ – д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

КОВАЛЕНКО Валерий Иванович – д.ф.н., зав. кафедрой российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – д.с.н., зав. кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

КРИВОКАПИЧ Борис – д.ю.н., профессор факультета бизнеса и права Унион – Никола Тесла университета (Сербия, г. Белград)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович – д.п.н., главный редактор журнала (Россия, г. Москва)

МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович – д.и.н., зав. кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного Хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВ Александр Данилович – д.и.н., профессор, зам. руководителя кафедры по научной работе Московского авиационного института (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВА Елена Александровна – д.с.н., профессор МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)

НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна – д.п.н., профессор, зав. кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич – д.п.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ОРЛОВ Игорь Борисович – д.и.н., профессор, заведующий Научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций, заместитель руководителя Департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович – д.п.н., профессор, заведующий кафедрой основы духовности Института переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)

ПЛЯЙС Яков Андреевич – д.и.н., д.п.н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)

ПРЯХИН Владимир Федорович – д.п.н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ПУСЬКО Виталий Станиславович – д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)

РУБАН Лариса Семёновна – д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)

СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна – д.п.н., профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета, (Киргизия, г. Бишкек)

ШАРКОВ Феликс Изосимович – д.с.н., зав. кафедрой общественных связей и медиаполитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

ЯН ФУЛИНЬ – проректор Хэйлуунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 13. Issue 2 (90), 2023

Established by LLC “Publishing House “Science Today”

The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.

Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Zagumenov A.P.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:

10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598

Tel: (910) 463-53-42

www.voprospolitolog.ru

E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 24.02.2023

Format 60x84/8. Offset paper.

Offset print. Number of printed sheets

Circulation 500 copies. Order ____.

Printed at the LLC “Bely Veter”

Str. Shchipok, 28, Moscow, Russia, 115054

Tel.: (495) 651-84-56

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал
«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»													
			АБОНЕМЕНТ на журнал									70035				
			Вопросы политологии													
			Количество комплектов													
			на 2023 год по месяцам													
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
			Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)													
			Кому _____													
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА													
			ПВ	место	литер	на журнал									70035	
			Вопросы политологии													
			Стоимость		Каталожная								Количество комплектов			
					услуги почты											
					полная											
			на 2023 год по месяцам													
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
			Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)													
			Кому _____													

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт развития регионального и муниципального управления. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Журнал включен в базу РИНЦ

Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru

